

Б-13321

/2

А. М. Анфилов

РОССИЙСКАЯ
ДЕРЕВНЯ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

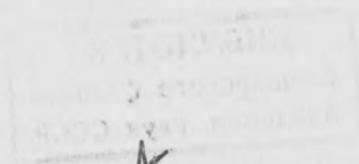
А. М. АНФИМОВ

Б-13321/2

РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ

В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(1914 — февраль 1917 г.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1962

9 (9) 174

Б-26160
~~124465~~

БИБЛИОТЕКА
Башкирского Флиала
Академии наук СССР

ОТ АВТОРА

Период первой мировой войны в истории нашей Родины занимает особо важное место. По прошествии менее чем трех лет войны рабочие и крестьяне России, руководимые Коммунистической партией, свергли тысячелетнее господство крепостников-помещиков и царизма, а через несколько месяцев пробил час господства империалистической буржуазии, чем было положено начало эпохе полного освобождения трудящегося человечества от власти капитала.

Особенно большое значение имеет тот факт, что эти всемирно-исторические события произошли в стране с преобладающим большинством крестьянского населения, в массе своей закабаленного, нещадно обираемого и почти сплошь неграмотного. В связи с этим представляет большой научный интерес исследование тех историко-экономических факторов, которые явились основой роста революционной самостоятельности трудящегося крестьянства и сплочения его вокруг рабочего класса и его партии. Не лишено интереса и уяснение причин той сравнительной легкости, с какой было свергнуто господство крепостников-аграриев.

Условия для такого развития событий складывались, конечно, задолго до мировой войны. Однако именно в период войны произошли такие важные и глубокие изменения в народнохозяйственном организме страны, результатом которых был быстрый рост нужды и бедствий трудящихся масс, обострение классово-борьбы в стране,

доведение этой борьбы до массовых вооруженных столкновений.

В числе указанных социально-экономических изменений важное место занимают изменения, происшедшие во время войны в сельском хозяйстве России. Особый интерес представляет вопрос о том, насколько повинно было сельскохозяйственное производство в возникновении и обострении продовольственного кризиса. Правящие круги и буржуазные ученые России не могли понять, почему в стране, производившей ежегодно свыше 5 млрд. пудов хлеба и до 700 млн. пудов вывозившей за границу, очень скоро начались продовольственные затруднения, переросшие к 1917 г. в настоящую продовольственную катастрофу, несмотря на почти полное прекращение экспорта хлеба.

В предлагаемой работе автор имеет целью, опираясь на методологические указания В.И. Ленина и используя имеющуюся литературу, печатные источники и архивные фонды Москвы и Ленинграда, вскрыть ведущие тенденции в эволюции крестьянского и помещичьего хозяйства в годы первой мировой войны, определить глубину кризиса, в который война ввергла сельское хозяйство России, и ту роль, которую он сыграл в возникновении в стране продовольственного кризиса.

Результат исследования автор представляет себе в виде выявления важнейших экономических основ происходившей в то время классовой борьбы в деревне, а также определения масштабов и направлений этой борьбы.

КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Изменения, происшедшие в российской деревне в годы первой мировой войны, имели огромное значение для победы сначала Февральской, а затем Великой Октябрьской социалистической революции. Естественно, что эти изменения не могли не привлечь внимания советских историков. Еще в 1925 г. Г. С. Гордеевым была издана работа о сельском хозяйстве России в период мировой войны и в первые годы Советской власти¹. Много сделал в этой области один из крупнейших знатоков экономики России П. И. Лященко в своих работах по истории народного хозяйства². К тем же 20-м годам относится работа А. В. Шестакова³.

Несомненной заслугой названных авторов является то, что ими были введены в научный оборот все основные статистические источники, появившиеся к тому времени в печати, а П. И. Лященко и А. В. Шестаков использовали некоторую часть архивных материалов. Правильно были выявлены важнейшие тенденции развития

¹ Г. С. Гордеев, *Сельское хозяйство в войне и революции*, М.—Л., 1925.

² П. И. Лященко, *Экономические предпосылки 1917 года*, сб. «Аграрная революция», т. II, М., 1928; *его же*, *Зерновое хозяйство России в системе мирового хозяйства*, М., 1927; *его же*, *История народного хозяйства СССР*, т. II, изд. 4-е, М., 1956.

³ А. В. Шестаков, *Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы мировой войны и перед Октябрем 1917 г.*, Л., 1927 (далее — «Очерки...»).

помещичьего и крестьянского хозяйства, определены основные причины и глубина продовольственного кризиса. Особо следует отметить работы П. И. Лященко, исследовавшего изменения в сельском хозяйстве в тесной связи с изменениями в других отраслях хозяйства и во всей экономике страны.

Нашему поколению историков приходится особенно бережно и осторожно подходить к критике работ указанных авторов, поскольку они, являясь современниками исследуемых событий, могли в какой-то мере проверять и корректировать свои выводы не потерявшими еще свежести личными впечатлениями и наблюдениями. И тем не менее мы не можем сказать, что созданные ими работы целиком отвечают современному уровню требований, предъявляемых к историко-экономическим исследованиям. Это особенно относится к работам Г. С. Гордеева и А. В. Шестакова, которые нанесенный войной урон рисуют в значительно преувеличенном виде.

Явным преувеличением являются данные Г. С. Гордеева, будто наличное количество лошадей в России с 17,9 млн. голов в 1914 г. сократилось до 12,8 млн. голов в 1917 г. ¹

В связи с мобилизацией мужчин Г. С. Гордеев совсем не допускал возможности для крестьян нанимать батраков в деревне. «Получение работников со стороны, — писал он, — для крестьянского хозяйства, особенно мелкого, было исключено»². Между тем, как увидим ниже, наем рабочих хотя и сократился, но далеко не прекратился и в годы войны.

Недооценивал Г. С. Гордеев и процесс расслоения деревни в годы войны, подчеркивая лишь сдвиг «крестьянского хозяйства в сторону понижения общего уровня»³.

Совершенно правильно подметил Г. С. Гордеев, что помещичьи хозяйства капиталистического типа легче справлялись с затруднениями военных лет, чем отработочные хозяйства⁴. Однако за отсутствием массовых дан-

¹ Г. С. Гордеев, указ. соч., стр. 65.

² Там же, стр. 61.

³ Там же, стр. 62.

⁴ Там же, стр. 63.

ных это положение осталось недоказанным. То же можно сказать и о некоторых других выводах автора. Впрочем, это можно объяснить отчасти тем, что главное внимание в работе Г. С. Гордеева было направлено на исследование изменений в сельском хозяйстве в первые годы Советской власти.

Сгущение красок вокруг кризисных явлений еще более характерно для указанной работы А. В. Шестакова. Так, без достаточных оснований автор утверждал, что рабочие руки в деревне «были до последней степени исчерпаны мобилизациями», что сначала сократился, а «затем совсем прекратился» отход крестьян на сельскохозяйственные работы¹, что потеря поголовья скота уже к 1 апреля 1916 г. якобы «достигла не менее 1/3 всего числа животных»² и т. д.

А. В. Шестаковым впервые были привлечены архивные данные о крестьянском движении в годы мировой войны и сделан первый популярный очерк этого движения. Заключая в себе наиболее яркие и выразительные факты, сделанный им очерк является, однако, лишь одним из наиболее типичных образчиков иллюстративно-схематического метода исторического описания.

Более осторожно и объективно подходил к решению проблемы П. И. Лященко, и лишь явный недостаток отправных данных приводил его иногда к некоторым неточным выводам. Так, исследователь находил, что в основе падения производства как в помещичьем, так и в крестьянском хозяйстве лежали одни и те же принципиально не различающиеся причины. «Судьбы помещичьего хозяйства, — писал он, — целиком вмещаются в изложенные выше тенденции (имеется в виду эволюция крестьянского хозяйства. — А. А.), причем падение производительности этих хозяйств сказалось в еще более сильной степени. Отсутствие рабочих рук, истощение инвентаря и средств производства, прекращение экспорта, разрыв рыночных связей — все это по понятным причинам должно было особенно чувствительно ударить по помещичьему хозяйству»³.

¹ А. В. Шестаков, Очерки..., стр. 62, 67.

² Там же, стр. 32.

³ Сб. «Аграрная революция», т. II, стр. 49.

Известно, однако, что помещичье хозяйство в целом стояло выше крестьянского по производственно-техническому уровню и находилось во всех отношениях в привилегированном положении, поэтому влияние условий, общих с крестьянским хозяйством, не могло вызвать в помещичьих хозяйствах большего падения производства, чем в крестьянских. Объяснение тому, что это падение было все же больше в помещичьем хозяйстве, нужно, следовательно, искать в каких-то особых признаках, отличавших помещичье хозяйство от крестьянского, и прежде всего, как это будет подробнее показано ниже, в крепостнически-кабальных чертах организации значительной части помещичьих хозяйств.

С конца 20-х гг. и до окончания Великой Отечественной войны в нашей печати не появилось ни одной работы на данную тему, если не считать единичных журнальных статей, не вносящих ничего нового в решение ранее поставленных проблем¹. Зато большой интерес к вопросам экономики России в годы первой мировой войны проявила буржуазная историография, наибольшая активность которой в этом отношении приходится на конец 20-х — начало 30-х гг. Еще задолго до этого в США было задумано издание многотомного собрания по экономической и социальной истории стран, принимавших участие в первой мировой войне — «Economic and Social History of the World War», под общей редакцией Games'a T. Schotwell'a. Главным редактором русской серии являлся проживавший в Лондоне русский историк П. Г. Виноградов, а его помощником — экономист-белоэмигрант М. Т. Флоринский. Из белоэмигрантов же был составлен и коллектив редакторов и авторов русской серии — П. Б. Струве, А. Н. Анциферов, А. Д. Билимович и др.

В конце 20-х — начале 30-х гг. в указанной серии вышел ряд книг по различным отраслям истории России в годы первой мировой войны. Листажом эта группа работ намного превышает все то, что до сего времени издано у нас по этим вопросам. В числе белоэмигрантских «трудов», имеющих отношение к нашей теме, можно назвать

¹ *Петров*, Сельскохозяйственное производство России в мировую войну, «Война и революция», кн. 6, 1927 г., стр. 83, 85.

(переводя названия на русский язык) следующие книги:
«Русское сельское хозяйство в период войны»¹. Большую часть этой книги составляет работа «Сельское хозяйство», написанная А. Н. Анциферовым в соавторстве (in collaboration) с А. Д. Билимовичем, М. О. Батшевым и Д. Н. Иванцовым. Здесь же помещен очерк А. Д. Билимовича «Землеустройство».

«Продовольственное снабжение в России в период мировой войны», под общим руководством П. Б. Струве². Авторами книги выступали К. И. Зайцев, Н. В. Долинский и С. С. Демосфенов.

Б. Э. Нольде, «Россия в экономической войне»³.

«Кооперативное движение в России в период войны». Авторами двух частей этой книги были Е. М. Кейден и А. Н. Анциферов⁴.

«Земства и Всероссийский земский союз в период войны». Книга написана Т. Г. Полнером в сотрудничестве с В. А. Оболенским и С. П. Тюриным⁵.

Нет нужды говорить, что в этих «трудах» изменения, происшедшие в экономике и социальной жизни России в годы первой мировой войны, рассматриваются с глубоко враждебных нам антимарксистских позиций, хотя эту враждебность авторы безуспешно пытаются покрыть флером наукообразной «объективности». Какие цели преследовали авторы и редакторы этих «трудов», можно судить, например, по первой из названных работ — «Сельское хозяйство» А. Н. Анциферова и др. Авторы, оперируя заведомо несравнимыми величинами, какими, например, являются, с одной стороны, текущие учетные довоенные данные Центрального статистического комитета и Ветеринарного управления Министерства внутренних дел, а с другой стороны — итоги переписей 1916 и 1917 гг., находят не существовавшие в действительности

¹ «Russian Agriculture during the War», USA, 1930.

² «Food Supply in Russia during the World War». Under general direction P. B. Struve, USA, 1930.

³ B. Nolde, Russia in the economic War, USA, 1928.

⁴ «The cooperative Movement in Russia during the War», USA, 1929.

⁵ Tikhon G. Polner, Vladimir A. Obolensky and Sergius P. Turin, The Zemstvos and the All-Russian Union of Zemstvos during the War. Introduction by Prince George E. Lvov, USA, 1930.

рост поголовья скота и стабильность посевных площадей. Включая в число доходов крестьян такие явно убыточные вещи, как вознаграждения за реквизируемый скот и предметы ободно-вещевого снабжения и прочие «доходы», авторы приводят цифры, имеющие целью показать несуществовавший рост реальных доходов крестьян в годы войны, считая, конечно, вместе и кулаков, и бедноту, и сельских пролетариев. При этом авторы, рассчитывая на невнимательность читателя, вынуждены побить свои ультраоптимистические выкладки признанием того факта, что в российской деревне в годы войны резко упало потребление продуктов, которые она сама производила, не говоря уже о промышленных товарах. Считая подобные вещи не стоящими внимания, авторы недвусмысленно заключают, что в России до самой Октябрьской революции в сельском хозяйстве не наблюдалось никакого кризиса («position was far from critical»).

Наличие подобного рода книжной продукции, в течение трех десятилетий обращающейся на мировом книжном рынке, усиливает необходимость более глубокого исследования советскими историками аграрной истории России в годы первой мировой войны.

Между тем и в послевоенное время советские историки и экономисты не издали ни одной книги по истории сельского хозяйства и крестьянства рассматриваемого периода. Что же касается журнальных статей, то как положительное явление можно назвать лишь статью А. П. Погребинского, опубликованную в 1950 г.¹ Статья посвящена, главным образом, продовольственному кризису, и изменения в сельском хозяйстве, естественно, рассматриваются в ней преимущественно под этим углом зрения, но в то же время автором сделан, безусловно, шаг вперед в решении проблемы. Особенно плодотворны соображения автора о том, что нельзя переоценивать устойчивость довоенной экономики России, а следовательно, и успехи капиталистической перестройки деревни в годы столыпинской реформы (а такая переоценка до сих

¹ А. П. Погребинский, Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны, «Исторические записки», т. 31, 1950 г.

пор бытует еще в работах некоторых советских историков)¹. В статье хорошо показана пагубная роль продовольственной политики царизма. Недостатком статьи следует признать то, что автор недооценил различия, существовавшие между помещичьими хозяйствами, в результате у читателя создается впечатление, что в годы войны урон несли в равной мере как капиталистические, так и крепостнически-отрабочные хозяйства.

Над разрешением той же задачи работал Н. В. Симонов. Однако опубликованная Н. В. Симоновым статья², так же как и защищенная им диссертация³, показывают, что автор не только не приблизился к решению поставленной задачи, но в ряде важных вопросов даже пошел назад от того, что уже было достигнуто в этой области. Повторив, в основном, выводы своих предшественников, автор вместе с тем внес немало путаницы в ту сумму аргументов, которыми подкреплялись раньше эти выводы и уже более или менее прочно вошли в научный оборот. Особенно следует отметить привлечение автором неправильных данных об изменении количества машин, скота и посевных площадей. Так, приведя несколько корреспондентских сообщений с наибольшими показателями⁴, автор оставляет у читателя преувеличенное представление о сокращении посевов в годы войны. При этом автор безосновательно утверждает, что «наибольшее сокращение посевных площадей происходило в крупных хозяйствах»⁵. Не было оснований у автора и для вывода о том, что «количество лошадей в 1917 г. составило 68% от 1914 года»⁶. Нельзя также не признать явным преуве-

¹ См. А. М. Анфимов. К вопросу о характере аграрного строя Европейской России в начале XX века, «Исторические записки» т. 65, 1959 г.

² Н. В. Симонов, Сельское хозяйство России в годы первой мировой войны, «Вопросы истории» № 3, 1955 г.

³ *Его же*, О некоторых особенностях развития сельского хозяйства России перед первой мировой империалистической войной 1914—1917 гг. и влияние ее на сельское хозяйство и на обострение классово-борьбы в деревне. Диссерт., М., 1951—1954.

⁴ «Вопросы истории» № 3, 1955 г., стр. 64.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 65.

личением утверждение автора о том, что число наличных уборочных машин за 2 года войны уменьшилось в 2—3 раза¹.

Приведенный краткий обзор имеющейся литературы показывает, что исследование истории сельского хозяйства в период первой мировой войны, начатое в работах названных советских историков, требует продолжения. Попыткой такого продолжения является предлагаемая работа. Предпринимая эту работу и сознавая сложность поставленной задачи, мы ограничиваем исследование периодом от начала войны до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г.

Методологическую основу для решения поставленных задач составили труды основоположников марксизма-ленинизма, а также решения съездов и других руководящих органов Коммунистической партии Советского Союза. Особенно большое значение для настоящей работы имеют произведения В.И. Ленина по аграрному вопросу, которые, заключая в себе глубочайшие теоретические обобщения и практические выводы, являются в то же время ценным историческим источником по аграрной истории России.

Решая сложные вопросы разработки стратегии и тактики пролетарской партии в условиях мелкокрестьянской страны, идущей к революции, В. И. Ленин глубоко изучил аграрные отношения в России. В целом ряде капитальных трудов по аграрному вопросу Ленин вскрыл действительный характер этих отношений. Ленинский анализ предвоенной экономики российской деревни дает исследователю надежную опору для того, чтобы разобраться в сложном взаимодействии разнообразных сил, влиявших на экономику российской деревни и на сознание разных групп населявших ее людей в годы войны. В своих работах периода войны и революции Ленин с поражающей точностью определил равнодействующую этих бесчисленных сил и в хаосе огня и разрушения увидел созидательную работу истории. Он показал, что мировая война ускорила поляризацию деревни; укрепились позиции буржуазии, в том числе и деревенской,

¹ См. «Вопросы истории» № 3, 1955 г., стр. 70.

но еще больше увеличилось в деревне число союзников рабочего класса, укрепился союз рабочих и крестьян, стали реальными возможности для успешного штурма царизма, а затем и капитализма в России.

В целях более тесной связи этих наблюдений и выводов В. И. Ленина, представленных нами пока в столь краткой, суммарной форме, с исследуемыми историческими явлениями, мы относим более детальный анализ ленинских трудов и высказываний к соответствующим главам настоящей работы. Такой подход, как нам представляется, поможет убедительнее показать исключительную обоснованность и глубину ленинских положений, относящихся к истории российской деревни накануне и в период первой мировой войны.

Первая мировая война с полной очевидностью вскрыла гнилость царизма, обнажила страшные язвы государственного организма России, коренные пороки его руководящих и всех прочих учреждений. В частности, явное банкротство потерпела царская официальная статистика и руководившие ею органы.

Уже в ходе самой войны, т. е. с большим опозданием, оказавшись перед угрозой продовольственной катастрофы, царское правительство осознало необходимость всестороннего учета и регулирования продовольственных и сырьевых ресурсов. Но, встав перед этой необходимостью, руководящие круги столкнулись с фактом полной непригодности тех статистических данных по сельскому хозяйству, которыми располагали Центральный статистический комитет и Ветеринарное управление Министерства внутренних дел, Отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики ведомства земледелия и другие учреждения. Имевшиеся данные о посевных площадях, урожайности, поголовье рабочего и продуктивного скота, инвентаре и т. п. оказывались сплошь и рядом настолько не отвечающими действительному положению дел, что о какой-либо опоре на них не могло быть и речи.

Серьезной попыткой восполнить этот пробел явилась организация летом 1916 г. Всероссийской сельскохозяйственной переписи, которой должны были подвергнуться все крестьянские и частновладельческие хозяйства на

незанятых противником территориях. Однако программа переписи была очень ограниченной, так как включала лишь данные о населении, о скоте и посевах. У 5% крестьянских хозяйств учитывался скот и посевы не только за 1916, но и за предыдущий 1915 г., что давало возможность приблизительно оценить изменение посевной площади в течение года. У 2% дворов учитывался оборот главнейших продуктов за 1915—1916 гг. и запасы их к моменту переписи. Намного подробнее, по отдельным учетным бланкам, описывались частновладельческие хозяйства.

В 1916—1917 гг. тремя выпусками были изданы предварительные поездные и погубернские итоги указанной переписи¹ по 77 губерниям и областям. Опубликованные материалы показывают, что перепись 1916 г. по охвату учитывавшихся объектов была сравнительно полной, хотя впоследствии были выявлены неточности в учете по некоторым губерниям.

Крупным недостатком указанных изданий является то, что частновладельческое хозяйство показано в них по тому же числу граф, как и крестьянское. Все дополнительные данные, которые содержались в бланке для частновладельческого хозяйства, остались неопубликованными. По такому же числу показателей вошли в итоги и те 5% крестьянских хозяйств, в бланках которых были дополнительные сведения о посевах за предшествующий переписи 1915 год, и те 2% дворов, по которым учитывался оборот сельскохозяйственных продуктов. Таким образом, эти ценные дополнительные итоги не увидели света. Только данные о населении, посевах и скоте за один 1916 г. явились предметом публикации.

Обострение продовольственного кризиса, рост борьбы крестьянских масс за землю, особенно после Февральской революции, поставили на очередь массу новых вопросов, ответы на которые бесполезно искать на основе

¹ «Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями)», вып. I, «Европейская Россия», Пг., 1916; вып. II, «Кавказ», Пг., 1917; вып. III, «Степной край, Сибирь и Дальний Восток», Пг., 1917 (далее: «Предварительные итоги...», вып. ...).

переписи 1916 г. Встал вопрос об организации в 1917 г. новой сельскохозяйственной переписи, проведение которой возглавили земские статистики.

Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. проводилась по значительно более широкой программе, чем перепись 1916 г. Кроме данных о населении, скоте и посевах, собирались сведения о землевладении по видам угодий, о найме рабочей силы, «промыслах» крестьян и сельскохозяйственном инвентаре. Однако по числу учтенных крестьянских и особенно частновладельческих хозяйств перепись 1917 г. значительно уступает переписи 1916 г. Основной причиной этого было развернувшееся летом 1917 г. во многих районах страны широкое аграрное движение. Как указывается в предисловии к первому сборнику итогов, «в некоторых местах не удалось совсем получить никаких сведений; но такого рода пропуски имели место в большинстве случаев по отношению к отдельным селениям и дворам и очень редко к целым волостям»¹. По приблизительным подсчетам, не охваченными переписью оказались: в Пермской губ. — 4 уезда, в Вятской — 11 900 хозяйств, в Симбирской — 4367, в Ярославской — 2107, в Самарской — 9221, в Астраханской — 46 000 хозяйств и т. д.²

В 1921 г. Центральным статистическим управлением были изданы итоги переписи 1917 г. по 52 губерниям и областям, в том числе по 39 губерниям Европейской России, по 9 Сибирским и 4 областям Степного края³. По каждой губернии даны итоги по крестьянским хозяйствам, частновладельческим и так называемым «прочим хозяйствам некрестьянского типа». По каждому виду хозяйств приведены данные о населении, найме рабочей силы, «промыслах», скоте, посевах по культурам, землевладении по угодьям. Ясно, что столь общие погубернские итоги, давая представление о масштабах сельскохозяйственного производства в целом, слишком мало

¹ «Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 52 губерниям и областям, «Труды ЦСУ», т. V, вып. 1, М., 1921, стр. III (далее: «Погубернские итоги...»).

² Там же, стр. IV.

³ Там же.

говорят об условиях этого производства. Зато очень важными являются данные о количестве хозяйств без земли, без посева, без скота, без наличных работников, с наймом рабочей силы, что до известной степени характеризует степень классового расслоения крестьянства к 1917 г.

Другим источником, по переписи 1917 г., являются изданные в 1923 г. поуездные итоги по 57 губерниям и областям¹ (дополнительно включены Минская, Кутаисская, Тифлисская губернии, Терская область и Сухумский округ. Не поступили сведения от Псковской, Херсонской, Таврической и Ставропольской губерний). В этом издании, по сравнению с предыдущим, исключены данные о числе отсутствующих хозяйств, о числе хозяйств без наличных работников, наемные рабочие не подразделены по рабочему возрасту, «промышленники» — по полу, менее подробные данные приведены о возрастном составе скота, показаны посевы только важнейших культур. Все это значительно ухудшает источник. Но он имеет и преимущество перед первым: наличие поуездных итогов дает возможность проводить сравнения с довоенными земскими переписями в тех случаях, когда они проводились не по всей губернии в целом.

Вообще же следует сказать, что местные статистические органы представляли в отдел переписи ЦСУ значительно более подробные итоги переписи 1917 г., чем те, которые вошли в описываемые издания. Бланки, по которым запрашивались сведения от губерний, содержали 194 графы, тогда как погубернские итоги опубликованы по 106, а поуездные всего лишь по 62 графам. Неопубликованными остались данные об использовании труда военнопленных и беженцев, о числе работников, участвовавших в различных видах полевых работ (пахоте, косьбе, уборке), о делении земли на хуторскую, отрубную и череполосную, на общинную и укрепленную, данные о купчей земле по категориям владельцев и т. д. Вследствие уничтожения в центральных архивохранилищах всех архивных дел с этими сведениями, за исключением дела

¹ «Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям», «Труды ЦСУ», т. V, вып. 2, М., 1923 («Поуездные итоги...»).

по Рязанской губ.¹, перечисленные ценные сведения в массе своей погибли для историко-экономической науки.

Крупнейшим недостатком перечисленных изданий итогов переписей 1916 и 1917 гг. является то, что по принятому в них делению хозяйств на крестьянские и частновладельческие невозможно выделить типы хозяйств по их хозяйственной состоятельности и социальной роли. Этот пробел в очень слабой степени восполняется тем, что по некоторым губерниям местными статистическими учреждениями была произведена дополнительная разработка итогов переписей².

Использование итогов переписей 1916 и 1917 гг. для наших целей затрудняется еще тем обстоятельством, что подобных всеобщих переписей до мировой войны не производилось и, следовательно, сравнивать эти итоги в целом не с чем. Лишь по отдельным губерниям, где в предвоенные годы проводились земские подворные переписи крестьянских хозяйств, можно провести сравнение очень ограниченного круга показателей. При этом такое сравнение будет тем точнее и ценнее, чем ближе год земской переписи к кануну мировой войны. Важнейшие итоги этих переписей помещены в сборнике, составленном Н. А. Свавицким и З. М. Твердовой-Свавицкой³.

Сопоставимыми с переписями 1916 и 1917 гг. можно с различной степенью точности, в зависимости от года

¹ Архив ЦСУ, Отдел сельского хозяйства (далее: Отд. с. х.), 1916 г., оп. 1, д. 85.

² «Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 года. Костромская губерния», вып. III, «Итоги комбинационного подсчета», Кострома, 1918; «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Новгородской губернии», Новгород, 1920; «Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления», ч. 1, Пенза, 1922; «Поездные итоги трех подворных переписей крестьянских хозяйств Симбирской губернии (1911, 1916 и 1917 гг.)», Симбирск, 1918; «Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской ССР», Уфа, 1923; «Посевы и скот в Херсонской губернии в 1915 и 1916 гг.», Херсон, 1916; М. Гуревич, Историко-статистический справочник по Ярославскому краю, Ярославль, 1922; Підсумки вибіркового підрахунку сільсько-господарського перепису 1917 року (Комбінаційні та групові підсумки), Харків, 1931 и некоторые другие издания.

³ «Земские подворные переписи 1880—1913. Поездные итоги», сост. З. М. и Н. А. Свавицкие, М., 1926.

земской переписи, признать помещенные в указанном сборнике итоги по следующим губерниям и уездам: Пензенская губ. (1910—1912 гг.), Полтавская губ. (1910 г.), Симбирская губ. (1910—1912 гг.), Тульская губ. (1910—1912 гг.), Уфимская губ. (1912—1913 гг.), Харьковская губ. (10 уездов, без Старобельского, 1913 г.); Самарский (1911 г.) и Ставропольский (1913 г.) уезды Самарской губ., Кадниковский уезд Вологодской губ. (1908—1910), Велико-Устюжский уезд той же губ. (1911 г.), Жиздринский уезд Калужской губ. (1910—1911 гг.).

Кроме того, из числа не вошедших в указанный сборник могут быть использованы итоги земских переписей крестьянских хозяйств по 7 уездам Волынской губ. (перепись 1910 г.)¹, которые не были заняты противником и подверглись переписи в 1917 г., а также по Вятской (1909—1912 гг.)², Новгородской (1913 г.)³ и Тамбовской (1912 г.)⁴ губерниям.

Далеко не все перечисленные довоенные переписи были выполнены с достаточной точностью. К тому же переписи в некоторых принятых для сравнения губерниях и уездах проводились за два—три, а то и за четыре года до начала войны. Все это, в сочетании с несовершенством переписей 1916 и 1917 гг., заставляет относиться к сравнению итогов переписей с особой осмотрительностью и в ряде случаев искать поправок или подтверждений напрашивающимся из такого сравнения выводам. И тем не менее нельзя не признать, что итоги предвоенных земских переписей дают более прочную статистическую основу для сравнения с переписями военного времени, чем данные казенной царской статистики, и, следовательно, для более правильных выводов. И остается лишь пожалеть, что в указанных выше работах историков⁵ о

¹ «Материалы подворной переписи Волынской губернии 1910 года», Житомир, 1914.

² «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Вятской губернии. Население. Скот. Посевы», Вятка, 1916.

³ «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Новгородской губернии».

⁴ «Материалы по подворному обследованию животноводства в Тамбовской губернии в 1912 году», Тамбов, 1913.

⁵ Г. С. Гордеев, А. В. Шестаков, П. И. Лященко, А. П. Погребинский, Н. В. Симонов.

сельском хозяйстве периода мировой войны земские переписи в качестве источников совершенно не использовались, вследствие чего многие выводы в этих работах либо недостаточно аргументированы, либо просто неверны. В предлагаемой работе в числе подвергнутых исследованию источников земские переписи занимают одно из важнейших мест при характеристике изменений в крестьянском хозяйстве.

Конечно, материалы переписей не могут дать ответов на все вопросы, решение которых неизбежно в плане настоящей работы. Поэтому нельзя обойтись и без целого ряда других печатных источников, особенно тех, которые содержат общие данные по сельскому хозяйству и другим отраслям народного хозяйства страны. Таковы, например, сборники официальной статистики посевных площадей и урожаев хлебов¹. При всей общепризнанной неточности эти сборники вместе с тем являются единственным источником, включающим данные по посевам и урожаям по всей России. Для изучения движения цен на хлеб и прочие продукты сельскохозяйственного производства, цен на рабочие руки, арендных цен на землю и ряда других явлений имеют значение данные текущей статистики Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия, получавшиеся им от своих многочисленных добровольных корреспондентов и издававшиеся в сборниках под названием «... год в сельскохозяйственном отношении», по шесть выпусков в год, включая 1916 год². Особенность этого источника состоит в освещении явлений хозяйственной жизни преимущественно с точки зрения помещиков и «крепких хозяев», составлявших большинство корреспондентов, с чем следует считаться при пользовании сборниками. Особо следует отметить два ценных издания того же Отдела сельской экономики, содержащие

¹ «Урожай 1913 года в Европейской и Азиатской России», вып. I—II, Спб., 1913—1914; то же 1914 г., вып. I—II, Пг., 1915; то же 1915 г., вып. I—II, Пг., 1916; «Урожай хлебов в России в 1916 году», Пг., 1916; «Урожай хлебов в России в 1917 году», сост. А. Е. Лосицкий, М., 1918.

² Напр.: «1916 год в сельскохозяйственном отношении», вып. I—VI, Пг., 1916—1917.

по губерньские сведения о стоимости производства хлебов в 1912—1914 гг.¹ и в 1916 г.² и дающие возможность для сравнения издержек производства, арендных цен, ренты и прибыли в земледелии за указанные годы. Правда, вследствие несопоставимости отдельных показателей данные названных источников приходится в необходимых случаях пополнять данными текущей статистики по указанным выше изданиям.

Значительное количество необходимых данных содержится в ежегодных сборниках упомянутого Отдела сельской экономики, содержащих статистические сведения по сельскому хозяйству России и иностранных государств, причем для наших целей наибольшее значение имеет последний из этих сборников, содержащий сведения за ряд лет, включая 1915 год³. Из других источников такого же общего типа имеют значение некоторые из трудов Центрального статистического управления РСФСР, особенно том VII⁴. Последний особенно ценен тем, что включает в себя целый ряд данных за весь исследуемый здесь период, например о вывозе и ввозе хлебов и прочих продуктов, сельскохозяйственных машин и металлических изделий, внутренних перевозках хлебов, сахароварении, винокурении и пр.

Очень трудоемкую, но совершенно необходимую работу представляет использование хотя и значительно сократившихся количественно, но все же весьма многочисленных статистико-экономических и обзорно-описательных изданий губернских земств, без чего трудно выяснить особенности эволюции сельского хозяйства в разных районах страны. Тем не менее приходится признать, что районные различия в этой эволюции поддаются исследу-

¹ «Стоимость производства главнейших хлебов. Статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», вып. I, Пг., 1915.

² «Стоимость производства главнейших хлебов в 1916 году», Пг., 1917.

³ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый», Пг., 1917.

⁴ «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. I—II, «Труды ЦСУ», т. VII, вып. 1—2, М., 1921—1922.

дованию далеко не по всем показателям даже по крестьянскому хозяйству. Что же касается помещичьего хозяйства, то исследование порайонных его изменений при нынешнем состоянии источников остается пока делом будущего.

Печатные источники практически не позволяют представить даже общую картину изменений в помещичьем хозяйстве России.

Как уже указывалось, до войны переписей помещичьих имений не производилось, а итоги переписей 1916 и 1917 гг. опубликованы по очень ограниченному числу показателей. Поэтому центр тяжести исследования неизбежно переносится на архивные материалы.

В числе этих материалов особого упоминания заслуживает очень важный документ, без которого постаренная здесь задача в отношении частновладельческого хозяйства едва ли была бы разрешимой. Имеется в виду обнаруженная в архиве Центрального статистического управления при Совете Министров СССР сводка относительных цифр, названная в деле «Сводной по России» и представляющая собой разработку итогов переписи 1916 г. по частновладельческим хозяйствам¹.

«Свод по России», как мы намерены именовать этот источник в дальнейшем, занимает 9 развернутых рукописных листов с 175 графами показателей по горизонтали и 28 группами частновладельческих хозяйств по размерам посева, начиная с группы беспосевных хозяйств и кончая крупнейшими единицами с посевом свыше 5000 дес. Всего в документе, следовательно, свыше 5000 цифр, считая и немногочисленные нулевые значения. Главное достоинство документа состоит в том, что он выделяет в каждом хозяйстве собственную запашку и таким образом впервые дает возможность определить действительные размеры собственного частновладельческого хозяйства, его удельный вес в сельскохозяйственном производстве. В «Своде» содержатся данные о населении, о найме годовых и срочных рабочих, в том числе военнопленных и беженцев, об обеспеченности рабочим ско-

¹ Архив ЦСУ, Отд. с. х., оп. 1, 1916 г., д. 62, л. 2—3, «Сводная по России» (Далее именуется «Сводом по России»).

том, поголовье продуктивного скота, а также о размерах посевов в целом и в отдельности по культурам. Данные о рабочем скоте, коровах и посевных площадях приведены по большинству хозяйств не только за 1916, но и за 1915 г., что дает возможность проследить изменения за год по разным группам.

Сводка абсолютных данных, послужившая основой для вычисления относительных цифр «Свода по России», не сохранилась, поэтому потребовался пересчет документа снова в абсолютные цифры. Пересчет показал, что «Свод по России» включает в себе сведения по 84 143 хозяйствам, что составляет 70,8% всех частновладельческих хозяйств, зарегистрированных переписью 1916 г. У этих хозяйств значится 7 194 тыс. дес. посева, т. е. 89,2% всей частновладельческой посевной площади, учтенной переписью 1916 г. Таким образом, полнота источника вполне достаточна для того, чтобы судить обо всем частновладельческом хозяйстве России периода первой мировой войны.

Для облегчения работы с источником посевные группы были укрупнены и число их при пересчете с 28 было сокращено до 9 при сохранении всей суммы показателей. В этой группировке и приводятся данные «Свода» в настоящей работе¹.

В числе архивных источников, содержащих данные по сельскому хозяйству, значительное место занимают документы центральных учреждений государства, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде. Среди них важнейшие документы по общей политике правительства в отношении сельского хозяйства и продовольственного дела, а также по конкретным вопросам руководства содержатся в архивных фондах Канцелярии Совета министров (ф. 1276), Государственной думы (ф. 1278), Канцелярии министра земледелия (ф. 381), Департамента земледелия (ф. 398), Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу (ф. 457), Канце-

¹ Подробнее источниковедческая характеристика «Свода по России» дана нами в особой статье (см. «Проблемы источниковедения», т. VIII, 1959 г., стр. 31—49).

лярии главноуполномоченного Министерства земледелия по закупке хлеба для армии (ф. 456). Ценные сведения содержатся в делах Государственного банка (ф. 587), Крестьянского поземельного банка (ф. 592) и Государственного дворянского земельного банка (ф. 593). Любопытно отметить, что только в ЦГИАЛ, в библиотеке Министерства финансов, обнаружен отсутствующий в центральных библиотеках Москвы и Ленинграда печатный отчет Дворянского банка за 1916 г.¹ Отчет Крестьянского банка за 1916 г. не издавался, и о его операциях за этот год можно судить в основном лишь на основании архивных материалов банка.

При исследовании вопросов о мобилизации людей, реквизициях лошадей, использовании военнопленных нельзя обойтись без документальных собраний Государственного военно-исторического архива: фондов Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (ф. 369), Главного управления генерального штаба (ф. 2000), а также отдельных военных округов.

Немало необходимых документов хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства, особенно в фондах Временного правительства и его министерств, а также отчасти в фонде Центрального статистического управления при Совете министров СССР (ф. 1562).

Материалы о настроении крестьян в годы войны и о крестьянском движении сосредоточены в основном в делах Департамента полиции, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве СССР в Москве (ф. 102). Минимум дел, который необходимо было просмотреть в этом фонде для того, чтобы картина развернувшейся крестьянской борьбы была представлена достаточно полно, составляет не менее 630. Из них, конечно, далеко не все содержат данные о революционных выступлениях крестьян, зато многие дела очень отчетливо характеризуют рост возмущения трудящегося крестьянства в ходе мировой войны.

¹ «Отчет Государственного дворянского земельного банка за 1916 г.», Пг., 1918.

Оценивая состояние источников в целом, следует сказать, что тенденциозность и противоречивость многих из них сильно затрудняют исследование. К тому же их оказывается не всегда достаточно для того, чтобы были решены даже некоторые важные вопросы истории и экономики сельского хозяйства России периода первой мировой войны. Поэтому в работе остаются нерешенными такие, например, вопросы, как указанные выше различия в эволюции помещичьего хозяйства по отдельным местностям страны, изменения производительности труда в сельском хозяйстве и т. д. Некоторые вопросы даже первостепенной важности, такие, например, как усиление классового расслоения крестьянства, могли получить лишь частичное разрешение.

Новой ступенью в научной разработке поставленной проблемы могло бы явиться использование современной счетно-вычислительной техники для повторной разработки первичных материалов подворных переписей, сохранившихся в ряде местных архивов, так как почти все, что оставалось от них в архиве Центрального статистического управления, было в 1941 г. уничтожено. Опыт такой разработки, проделанный А. Г. Мелешко по 30 000 подворным карточкам переписи 1917 г. в Дагестане, даже без использования механизации для группировки и вычисления данных, оказался весьма удачным и дал очень выразительные сведения о степени классового расслоения дагестанского крестьянства и положении его накануне Октября¹. Разработка карточек с применением более совершенных методов обещает еще более интересные и ценные для науки результаты.

Большое значение могла бы иметь разработка личных фондов помещиков в центральных и местных архивах с целью написания экономографических работ по отдельным частновладельческим хозяйствам.

¹ А. Г. Мелешко, Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX — начале XX веков. Диссерт., М., 1957.

Глава I

АГРАРНЫЙ СТРОЙ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

К вопросу о характере аграрного строя России в период империализма

Глубину и характер перемен, происшедших в сельском хозяйстве России в годы первой мировой войны, и тесно связанных с ними изменений в классовом самоопределении и росте революционной самостоятельности крестьянства невозможно понять без уяснения того, что представлял собой аграрный строй России в начале XX в.

Прочность и устойчивость экономики и государственно-политической организации страны в тяжелых испытаниях, какими являются войны XX в., определяются прежде всего господствующей в стране системой общественных отношений. Чем больше отстала страна в своем общественном развитии, тем большим потрясениям подвергается ее экономика и тем вероятнее возникновение острых социально-политических кризисов.

Историческая практика подтвердила гениальное ленинское предвидение того, что в эпоху империализма такие кризисы могут вылиться в социалистическую революцию. Пролетарская революция может победить и в сравнительно отсталой стране, если в ней сложились уже необходимые для этого экономические предпосылки и если она в силу исторических условий становится тем эпицентром, где сталкиваются и больше всего обостряются основные противоречия империализма. В случае такой победы отсталая страна оказывается по своему общест-

венно-политическому строю намного впереди ранее передовых стран. В этом находит свое самое яркое проявление неравномерность общественного развития человеческого общества в период империализма.

Великий исторический опыт России представляет собой в этом отношении классический образец. Страна с более отсталым по сравнению со странами Запада общественным строем, в условиях господства своей и международной империалистической буржуазии, с сильнейшими пережитками крепостничества в экономике и в общественной жизни, с феодальной монархией «наверху», в ходе войны оказалась перед неизбежностью буржуазно-демократической революции, быстро переросшей в социалистическую, и оставила далеко позади себя все страны мира по своему общественному строю. России легче было *начать* революцию в силу остроты сложившихся в ней классовых противоречий и труднее было *продолжать* революцию, строить социализм в силу ее экономической и культурной отсталости, чем это могло быть в ряде стран Запада.

Экономическая отсталость России, обнаруживавшаяся в ходе мирового прогресса, и острота классовых противоречий в стране находили свое объяснение в характере господствовавших в ней общественных отношений. Характер этих отношений был таков, что в России назревала буржуазно-демократическая революция, неизбежность которой вытекала, по словам В. И. Ленина, «из того противоречия, которое глубже всего объясняет русскую революцию: самое отсталое землевладение, самая дикая деревня — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»¹

Это ленинское положение дает ключ к пониманию того, что представляли собой производственные отношения в деревне по сравнению с производственными отношениями в городе, каков был характер аграрного строя России на высшей стадии развития капитализма.

Вопрос о характере аграрного строя России конца XIX — начала XX в. был важнейшим вопросом назревавшей буржуазно-демократической революции и поэ-

¹ В. И. Ленин, Политические заметки. Соч., т. 13, стр. 406.

тому, естественно, являлся предметом острой борьбы в экономической и публицистической литературе своего времени.

Наиболее искаженные представления о характере российского аграрного строя культивировались идейными вождями народничества, а позднее, после поражения революции 1905—1907 гг., — вожаками ликвидаторства. Народники, пытаясь доказать бесперспективность капитализма в России, мешали росту классового самосознания и политической организации пролетариата. Ликвидаторы, уверяя, наоборот, что капитализм уже всецело победил в экономике России, в том числе и в сельском хозяйстве, и что вслед за этим и «власть уже переродилась в буржуазную», отвлекали рабочих от насущных задач борьбы за демократическую революцию.

Вопрос о сущности и характере аграрного строя России в период империализма не потерял своего значения и для советской исторической науки, так как от правильности оценки историками сущности господствовавших в России аграрных отношений зависит решение целого ряда важных вопросов истории России в указанный период.

Так, например, с позиций преувеличенного представления о степени развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве невозможно объяснить преобладание первой социальной войны в российской деревне. С другой стороны, при недооценке уровня капиталистического развития нельзя понять причин успешного складывания союза рабочего класса и беднейшего крестьянства России в борьбе за социалистическую революцию.

Часть советских историков не избежала переоценки степени капиталистического развития сельскохозяйственной России. Наиболее ярко эта переоценка выглядела в работах А. В. Шестакова. Последний, например, писал: «В центральной и западной частях России он (капитализм. — А. А.) с корнем вырывал отработочную систему и вводил «американский» тип развития. «Прусские» хозяйства — дворянские латифундии — большую часть «катились под гору», и их место занимала капиталистическая буржуазия города и деревни. Мобилизация 140 млн. десятин на рынке показывает огромный

размер денежных капиталов, вращавшихся в сфере «барышей» от земли, и гарантировала, что прусского юнкерства в России не создается»¹.

Преувеличения подобного рода являются следствием того, что авторы часто при решении важнейших вопросов истории опираются не на всю систему взглядов основоположников марксизма-ленинизма в их развитии, а на отдельные произведения. В частности, из работ В. И. Ленина некоторые историки берут выводы труда «Развитие капитализма в России» и не принимают во внимание труды, написанные с учетом опыта революции 1905—1907 гг. Такое одностороннее использование ленинского наследия особенно характерно для тех работ, где авторы касаются истории сельского хозяйства и крестьянства лишь попутно, в частности для работ по истории формирования пролетариата в России.

Так, М. С. Балабанов считал, что уже к 90-м гг. XIX в. разложение крестьянского хозяйства достигло крайнего предела, что еще «к концу 80-х годов старая крепостническая деревня сменилась деревней, распавшейся, как и все капиталистическое общество, на два класса»².

Для решения вопроса о характере аграрного строя России первостепенное значение имеют работы В. И. Ленина, которые нанесли сокрушительный удар как вредным теориям народников, так и фальсификаторам из лагеря меньшевиков-ликвидаторов.

В ряде трудов, основанных на глубоком анализе экономики России, В. И. Ленин наголову разбил народнические представления об экономическом развитии России, неопровержимо доказав капиталистический характер этого развития.

Понятно, что в конце XIX в. это могло быть сделано только при помощи такого методологического приема, который приоткрывал густую пелену крепостнического старья и показывал неодолимый рост капитализма. Этот прием состоял в известном абстрагировании остатков

¹ А. В. Шестаков, Капитализация сельского хозяйства России (от реформы 1861 г. до войны 1914 г.), М., 1924, стр. 86—87.

² М. Балабанов, Очерки по истории рабочего класса в России, ч. III, М., 1926, стр. 63.

крепостничества, позволявшем более четко показать тенденции действительного развития. Примером может служить доказательство В. И. Лениным того положения, что развивавшаяся сельская буржуазия все более становилась «господином современной деревни». Доказывая это, В. И. Ленин тут же замечал, что разложение крестьянства на буржуазию и пролетариат задерживают многочисленные остатки крепостничества и что, говоря об этом новом «господине деревни», «мы абстрагировали эти задерживающие разложение факторы: кабалу, ростовщичество, отработки и прочее. В действительности настоящими господами современной деревни являются зачастую не представители крестьянской буржуазии, а сельские ростовщики и соседние землевладельцы»¹.

В. И. Ленин впоследствии указывал, что в конце XIX в., когда крестьянское движение не проявляло себя в сколько-нибудь значительных размерах, было трудно судить о действительной степени разложения крестьянства.

«Никто не мог с уверенностью сказать наперед, — писал В. И. Ленин в конце 1907 г., — насколько расслоилось крестьянство под влиянием частичного перехода помещиков от отработков к наемному труду. Никто не мог учесть, как велик слой сельскохозяйственных рабочих, создавшийся после реформы 1861-го года, насколько обособились их интересы от интересов разоренной крестьянской массы»².

Начало XX в. ознаменовалось бурным ростом крестьянского движения, направленного на ликвидацию помещичьего землевладения, отработков и кабалы и вылившегося в грандиозную крестьянскую войну в 1905—1907 гг. Революция 1905—1907 гг. заставила руководящие круги партии большевиков по-новому взглянуть на значение пережитков крепостничества в деревне, на помещичье землевладение и хозяйство и на роль крестьянства в освободительном движении.

¹ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 153.

² В. И. Ленин, Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Соч., т. 13, стр. 232 (далее: Аграрная программа...).

По поводу известной переоценки капиталистического развития деревни В. И. Ленин в 1907 г. писал:

«Революция разоблачила эту ошибку. Направление развития, определенное нами, она подтвердила... Но остатки крепостничества в деревне оказались гораздо сильнее, чем мы думали, они вызвали общенациональное движение крестьянства, они сделали из *этого* движения оселок всей буржуазной революции... Исправление ошибки состояло в том, что вместо частной задачи борьбы с *остатками старого* в земледельческом строе мы должны были поставить задачи борьбы *со всем старым земледельческим строем*. Вместо очистки помещичьего хозяйства поставили *уничтожение* его»¹.

Как на первоочередную, важнейшую задачу В. И. Ленин указал на установление «новых отношений землевладения», причем «зачатки капитализма в помещичьем хозяйстве могут и должны быть принесены в жертву широкому и свободному развитию капитализма на почве обновленного мелкого хозяйства»².

Уже из того, что В. И. Ленин писал в 1908 г. о необходимости слома всего земледельческого строя России, следует, что этот строй, будучи капиталистическим в смысле явно определившегося *направления* развития, не стал еще таковым по типу господствующих производственных отношений. В. И. Ленин писал, возражая Н. А. Рожкову: «Но в России далеко, далеко еще не сложились капиталистические аграрные порядки»³. Следовательно, В. И. Ленин считал, что аграрный строй России после революции 1905—1907 гг. еще не стал в целом капиталистическим. В деревне еще сильны были «полукрепостнические связи и отношения» (Ленин). При этом под полукрепостническими отношениями нельзя, на наш взгляд, понимать отношения, равнозначные «полубуржуазным». Ленин понимал их в более сложной связи: полукрепостнические отношения — это те же крепостнические отношения, модифицированные капитализмом, но сохранившие свое значение в такой степени, что тор-

¹ В. И. Ленин, Аграрная программа... Соч., т. 13, стр. 264—265.

² Там же, стр. 265.

³ В. И. Ленин, По торной дорожке! Соч., т. 15, стр. 31.

мозили, сковывали развитие аграрного капитализма. Это, в частности, следует из ленинского указания о том, что «чисто капиталистические отношения придавлены еще у нас в *громадных* размерах отношениями *крепостническими*»¹.

В оболочке этих отношений, наряду со сравнительно высоко развитыми капиталистическими формами ведения сельского хозяйства, все еще значительное распространение имели производство простых товаропроизводителей, ведущих торговое земледелие без найма рабочей силы, потребительское полунатуральное хозяйство бедноты и части середняков, а также мельчайшее, парцеллярное хозяйство пролетаризированного слоя крестьян — «рабочих с наделом».

Считаясь с фактом преобладания в целом ряде районов перечисленных последних трех типов хозяйства над капиталистическим, а также с общими условиями сохранения многочисленных пережитков крепостничества в деревне, В. И. Ленин писал: «Буржуазный переворот в русском сельском хозяйстве абсолютно неизбежен»².

Характерно, что тот уровень развития капиталистических форм, который был достигнут в помещичьем хозяйстве, В. И. Ленин расценивал лишь как «зачатки капитализма» и поставил задачу уничтожения этого хозяйства. Между тем известно, что в области капиталистического прогресса помещичье хозяйство шло впереди крестьянского. Это означает, что, во-первых, тем более не мог быть в целом капиталистическим весь аграрный строй, если в помещичьем хозяйстве были лишь зачатки капитализма, и что, во-вторых, помещичьему хозяйству при рассмотрении аграрного строя нужно уделить возможно больше внимания.

Под аграрным строем вообще марксистско-ленинская экономическая наука понимает господствующую в данный исторический момент в сельском хозяйстве совокупность экономических отношений и характер складывав-

¹ В. И. Ленин, Сущность «аграрного вопроса в России». Соч., т. 18, стр. 57.

² В. И. Ленин, Тактическая платформа меньшевиков. Соч., т. 12, стр. 223.

шихся на ее основе отношений классов (классовой борьбы в антагонистических формациях). Важнейшими из экономических отношений являются при этом отношения землевладения.

Землевладение в России

Основу производственных отношений, как учит марксизм, составляют отношения собственности. В сельском хозяйстве это прежде всего отношения собственности на землю, формы землевладения, характер отношений непосредственных производителей к основному средству производства — земле и ее собственнику. Отсюда ясно, почему В. И. Ленин землевладение считал главным объектом, который должен был подвергнуться революционному преобразованию в деревне.

Данные статистики землевладения 1905 г., детально разработанные В. И. Лениным, хорошо известны. Напомним лишь основные.

В 50 губерниях Европейской России земель частных владельцев (если исключить крестьянскую купчую до 50 дес.) насчитывалось 86,1 млн. дес., крестьянской земли (с купчей до 50 дес., а также крестьянских обществ и товариществ) 154,4 млн. дес., казенной и учреждений — 39,5 млн. дес., а всего — 280,0 млн. дес. Из этих данных видно, что частновладельческие земли составляли в общей массе земель 30,8%, т. е. почти треть, а с землей казны и учреждений — 44,9%, т. е. почти половину.

Но дело не только и не столько в этих численных соотношениях. Дело в том, что среди частновладельческих имений насчитывалось 27 833 латифундии размером свыше 600 дес., в которых было учтено 62,0 млн. дес. земли. Таким образом, латифундии составляли 72% всего частного землевладения. При этом в 699 владениях размером свыше 10 000 дес. насчитывалось 20,8 млн. дес.

Ради точности укажем, что статистика 1905 г. фактически сильно затушевывает картину огромной концентрации земельной собственности в руках крупнейших землевладельцев. Это занижение выражается в следующем:

1) В высшей по статистике группе наряду с именьями размером в 10 000 дес. числились именья колоссальных размеров: гр. С. А. Строганова в 1,5 млн. дес., кн. С.М. Голицына в 1 млн. дес., Витгенштейна в 800 тыс. дес. и многие другие.

2) Именья одного владельца учитывались каждое по рознь. Так, 25 имений гр. А. В. Орлова-Давыдова общей площадью в 313 тыс. дес., разбросанные в 8 губерниях, числились по разным группам, причем 15 из них — в группах менее 10 000 дес.

3) В разных группах оказывались именья, представлявшие по существу единый хозяйственный комплекс. Например, владение М.В. Родзянко в 252 дес. числилось в одной группе, а именье его жены в 1071 дес. — в другой.

В связи с этим представляется любопытным сравнить в указанном отношении Россию с Германией, классической страной «прусского» пути развития аграрного капитализма. При этом возьмем для Германии время, приблизительно на столько же отстоящее от революции 1848 г., сколько в России протекло от реформы 1861 г. Сравнение дается в табл. 1.

Таблица 1

Частное землевладение в Германии и России

	Германия 80-е годы ¹ XIX в.	Россия 1905 г. ²
Всего владений свыше 50 га (дес.)	52 251	133 898
У них земли млн. га (дес.)	11,3	79,3
На одно владение га (дес.)	217	592
Владений свыше 500 га (дес.)	3 621	27 833
в % к общему числу владений	6,9	27,0
У них земли млн. га (дес.)	3,8	62,0
в % к общему количеству земли	33,2	80
На одно владение га (дес.)	1 040	2 227

¹ К. Головин, Крупное землевладение в Западной Европе и в России, М., 1887, стр. 65, 66.

² «Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России», Сиб., 1907.

Как показывают данные, в Германии менее чем за 40 лет, прошедших с революции 1848 г., в результате капиталистического развития крупное землевладение было в общем измельчено намного больше, чем в России к 1905 г. Если в Германии 80-х гг. латифундии свыше 500 га занимали 25% частновладельческой земли и составляли в среднем каждая 1040 га, то в России на долю латифундий свыше 500 дес. приходилось 80% земли, а на каждое в среднем — 2227 дес., т. е. в два с лишним раза больше, чем на германскую латифундию.

С развивавшимися капиталистическими отношениями в России до самой Октябрьской революции уживалась даже такая откровенно средневековая форма землевладения, как собственность частных лиц на целые города. Так, гр. Е.В. Шуваловой принадлежал уездный гор. Дубно Подольской губ. Помещица О.Н. Катарджи владела уездным городом Бельцы Бессарабской губ. По свидетельству министра внутренних дел (1911 г.), «в одинаковом положении с гор. Бельцы находится целый ряд других частновладельческих городов юго-западного края...»¹ Кн. К. Э. Белосельский-Белозерский и герцоги Г. Г. и М. Г. Мекленбург-Стрелицкие являлись владельцами Крестовского острова в Петербурге, почти со всеми его строениями.

Пережитки средневековья в землевладении с ростом купли-продажи земли постепенно изживались, но были и такие пережитки, которые, наоборот, еще более укоренялись. Мы имеем в виду прежде всего остаток старинного ленного права — майораты. В то время как в Западной Европе эта форма землевладения в виде фидеикомиссов уже практически утратила свое значение², в России она, наоборот, возродилась в XIX в. в еще более архаической форме — в виде майоратов. Если владелец немецкого фидеикомисса мог по своей воле изменить

¹ Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1902 (Шуваловых), оп. 1, д. 1277, л. 1.

² Законом 1 октября 1930 г. в Германии предусматривался перевод всех фидеикомиссов в свободные владения до 1 октября 1938 г. На деле в Западной Германии часть фидеикомиссов сохраняется до сих пор.

порядок наследования или заложить имение, то владелец русского майората лишен был этих прав.

Первый в России майорат (после отмены указа 1714 г. о единонаследии) был учрежден по ходатайству гр. Захара Чернышева еще в 1774 г., но наибольшее число учреждений майоратов падает на вторую половину XIX в. и на XX в. Заповедными стали владения крупнейших собственников: гр. С. А. Строганова, кн. С. М. Голицына, гр. М. С. Воронцова, В. А. Орлова-Давыдова, О. Нарышкиной, кн. А. Барятинского, св. кн. А. Меншикова, гр. С. Д. Шереметева, гр. И. и С. Потоцких, Ф. А. и Н. А. Терещенко, гр. И. И. Воронцова-Дашкова, кн. С. Гагарина, П. А. Шувалова (кроме уральских), гр. А. А. Суворова-Рымникова, св. кн. А. А. Имеретинской и многих других. Можно приблизительно считать, что майоратным законодательством было ограждено от мобилизации и раздробления около 4 млн. дес. земли крупнейших аграриев.

В 1899 г. был принят закон о так называемых временно-заповедных имениях, направленный на ограничение мобилизации имений среднего размера и допускавший несколько большую свободу действий владельца, чем майоратное право. Но так как капиталистическое развитие требовало свободы мобилизации земли, этот закон получил очень ограниченное применение. Так, из 28 000 имений, заложенных в Дворянском банке, до 1914 г. было превращено во временно-заповедные только 9 имений¹.

Период сельскохозяйственного кризиса 80—90-х гг. ознаменовался значительной убылью помещичьего землевладения. Революция 1905—1907 гг. явилась новым этапом в усилении мобилизации земли в России. Главным побудительным мотивом к продаже земель помещиками была боязнь крестьянских выступлений.

Зависимость размеров мобилизации помещичьей земли от размаха крестьянского движения довольно выразительно иллюстрируется данными о предложении частновладельческой земли к продаже крестьянскому бан-

¹ «Отчет Государственного дворянского земельного банка за 1915 год», обзор деятельности банка, стр. 31.

ку, извлеченными из его отчетов за 1906 и 1907 гг.¹ и сгруппированными по двум районам с большим и меньшим размахом крестьянских волнений (см. табл. 2).

Таблица 2

Предложение земли помещиками
к продаже Крестьянскому поземельному банку в 1906—1907 гг.

	Площадь частновладельческой земли по статистике 1905 г. (в тыс. дес.)	Предложено к продаже банку в 1906—1907 гг. (тыс. дес.)	%
24 губернии, в которых аграрным движением было охвачено менее половины уездов	56 605	4 370	7,7
24 губернии, в которых движением было охвачено более половины уездов	44 348	5 634	12,7
Итого по 48 губерниям . . .	100 953	10 004	9,9

В полосе наибольшего развития аграрных волнений помещики предложили к продаже банку значительно больше земли (12,7%), чем в более «спокойных» районах (7,7%).

Столыпинская буржуазная перестройка деревни² также способствовала развитию мобилизации земли. В результате в 1906—1914 гг. сделан был значительный шаг в движении землевладения от сословности к бессословности, к уменьшению удельного веса дворянского землевладения в общей массе земель и увеличению доли других сословий. Ход этой передвижки можно видеть в табл. 3.

¹ См. «Отчет Крестьянского поземельного банка за 1906 год», Спб., 1908, таблицы, стр. 316—319; то же за 1907 г., Спб., 1909, таблицы, стр. 432—434.

² О столыпинской земельной реформе в целом и о ее влиянии на сельское хозяйство см. соответствующий раздел данной главы.

Землевладение частных владельцев по 47 губерниям Европейской России
(без Прибалтики) в тыс. дес.

Годы	Дворяне, чиновники, офицеры и духовенство	Купцы, почетные граждане, торговпромышленные предприятия и юридические лица	Мещане, цеховые и городские рабочие, мещанские товарищества.	Профессиональные звания, иностранные подданные и проч.	Крестьяне, казаки, колонисты	Всего по 47 губерниям
1887 ¹	61 808,4	12 804,8	2 657,1	2 166,6	12 560,7	91 997,6
1905 ²	50 102,2	16 904,4	3 792,5	2 062,3	24 818,4	97 679,8
1911 ²	43 524,1	17 947,8	3 787,0	1 986,0	30 435,4	97 680,3

в процентах

1887	100	100	100	100	100	100
1905	81,1	132,0	142,7	95,2	197,6	106,2
1911	70,4	140,2	142,5	91,7	242,3	106,2

¹ «Статистический справочник», сост. А. Дядиченко и Л. Чермак, СПб., 1906, стр. 36—37.

² «Статистический справочник по аграрному вопросу», сост. Экономическим отделом Всероссийского земского союза под ред. Н. П. Огановского и А. В. Чайнова, вып. 1, М., 1917, стр. 22—23.

Таблица показывает, что дворяне, чиновники и духовенство за 1887—1905 гг., т. е. за 18 лет, утратили 11,7 млн. дес. земли, а за последующие шесть лет — 6,6 млн. дес. Следовательно, темп сокращения дворянского землевладения в результате революции 1905—1907 гг. и столыпинской реформы¹ заметно усилился. В то же время увеличились покупки земли крестьянами. Возросло землевладение купцов и торгово-промышленных предприятий.

А главное, повышение мировых хлебных цен способствовало укреплению в начале XX в. экономики капиталистических хозяйств и концентрации в их руках земельной собственности.

Но было бы заблуждением считать, что дворяне только продавали землю. Столыпинская реформа вселяла в среду помещиков веру в то, что крестьяне-собственники станут надежной опорой их собственных владений, и явилась известным стимулом для покупки земель частью дворян и организации на ней хозяйства.

К тому же надо иметь в виду, что за годы столыпинской реформы дворянство утратило не более 20% своей земли, тогда как цены на оставшуюся в их руках землю повысились за те же годы примерно в 2 раза. Следовательно, по абсолютному своему богатству дворянство не только не ослабело, но значительно усилилось и продолжало оставаться, по словам В. И. Ленина, «страшно могущественным классом».

Значительные сокращения претерпело крупное землевладение. Так, в Самарской, Казанской и Воронежской губерниях площадь частного землевладения с 1905 по 1913 г. сократилась с 5164 тыс. дес. до 4200 тыс. дес., т. е. на 18,7%; увеличилось число владений до 200 дес. и площадь земли у них; в высших группах произошло уменьшение землевладения: в группе от 5000 до 10 000 дес. на 31,1%, в группе свыше 10 000 дес. — на 36,6%¹. Однако это уменьшение не дает никакого права говорить об утрате значения крупнейших латифундий: владения свыше 500 дес. и в 1913 г. составляли 2/3 всего частного землевладения названных губерний. Крупное частное

¹ ЦГИАЛ, ф. 395, оп. 2, д. 3577-ж, л. 20, 29; д. 3577-з, л. 1.

землевладение было и продолжало оставаться оплотом крепостнической эксплуатации крестьянства.

Крестьянское землевладение в 1905 г. выглядело следующим образом. У 12 млн. дворов (без казаков) имелось 124,1 млн. дес. наделной земли. Кроме того, в 446,3 тыс. хозяйств (размером участков до 50 дес.) имелось купчей земли 4,3 млн. дес. Купленной сельскими обществами было 3,7 млн. дес. и крестьянскими товариществами — 7,7 млн. дес. Всего, следовательно, купчей земли было 15,7 млн. дес., а вместе с наделной — 139,8 млн. дес. Земля распределялась весьма неравномерно: 10,5 млн. бедняцких хозяйств имели 75 млн. дес. наделной земли, т. е. почти столько же, сколько имели 133,9 тыс. частных собственников (размером участков свыше 50 дес.). Немногочисленный слой середняков (1 млн. хозяйств) имел 15 млн. дес., и кулаки (1,5 млн. хозяйств) владели 70 млн. дес. земли¹.

Но и эти соотношения сильно сглаживают различия в землевладении, так как крестьянская земля невыгодно отличалась от частновладельческой как по качеству, так и по составу и по расположению угодий.

Столыпинская аграрная реформа внесла значительные изменения и в крестьянское землевладение. За 1907—1915 гг. из общины выделилось 2008 тыс. хозяйств с площадью 14 123 тыс. дес., и в «беспередельных» общинах получили «удостоверительные акты» на закрепление земли в собственность 470 тыс. домохозяев с площадью 2 796 тыс. дес. Однако большинство земли продолжало оставаться в общинной собственности.

Столыпинская реформа укрепила землевладение небольшого слоя кулачества, скупавшего земли через Крестьянский банк и непосредственно у крестьян, продававших свои наделы. С 1908 г., когда практически началась массовая продажа наделной земли, и по 1915 г. включительно до 1,2 млн. дворов продали свою землю в количестве 3,9 млн. дес. Усилилась неравномерность распределения земли в деревне. Но столыпинская реформа не достигла своей главной цели — создать прочную основу для монархии в деревне в лице «крепких хозяев». Кулац-

¹ См. «Статистика землевладения 1905 года».

кое землевладение, хотя и значительное по размерам, было еще недостаточно, чтобы крупное капиталистическое производство стало доминирующим в сельском хозяйстве России, что наложило серьезный отпечаток на характер изменений, происшедших в сельском хозяйстве в годы мировой войны.

Крестьянское землевладение, как и помещичье, продолжало носить заметно выраженные полусредневековые черты: резкие различия в обеспеченности землей по рядам крестьян, районам и обществам, неравномерность распределения угодий, малоземелье крестьян как оборотная сторона многоземелья помещиков, общее с последними пользование некоторыми угодьями, чересполосность и т. д.

Для характеристики того, насколько столыпинская реформа смогла преобразовать землевладение в соответствии с требованиями капиталистического развития, остановимся на мерах по ликвидации чересполосности.

Чересполосность земельных владений досталась российскому земледелию от дореформенных межеваний и особенно от реформы 1861 г. Чересполосность предоставляла одним помещикам неоценимые выгоды для ведения отработочного хозяйства, а другим — огромные неудобства для организации капиталистических экономий. Особенно развита была чересполосность на Правобережной Украине. Волынский помещик А. Дейнека жаловался: «Я не могу устроить правильно ни полевого, ни лесного хозяйства, потому что все мои 9000 десятин испещрены мелкими клочками крестьянского владения (в 60-х гг. — 688 клочков, в 900-х — вдвое больше. — А. А.); крестьяне также не могут с своей стороны пользоваться клочками надельной земли, не могут ни прогнать туда для пастбы свой скот, ни удобрить землю, ни даже добраться до своих участков для обработки их без потери времени и труда, так как они находятся... на пространстве 100 квадр. верст и участки некоторых крестьян находятся в 12 верстах от села по прямой линии»¹.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1233 Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, оп. 1, д. 35, л. 208—210.

В с. Уланке Суджанского уезда Курской губ., по признанию земства, даже «при подворном владении встречаются случаи дробления полей у отдельных домохозяев в 45, 51, 120 и 171 кусках, причем полосы достигают иногда 10—15 кв. сажен»¹.

Развитие капитализма вело к тому, что даже в районе отработок чересполосность стала все больше стеснять даже помещиков, не говоря уже о крестьянах. Так, в материалах Курского земства указывалось: «Для *большинства* частных землевладельцев чересполосность владений, не представляя *уже* никакой выгоды, тяжела и стеснительна в смысле обязательного трехполья, препятствия какому бы то ни было культурному прогрессу и никогда не прекращающихся худых отношений с соседями»².

Колоссальные неудобства и вечные трения были связаны с широко распространенными формами общего владения крестьян и помещиков различными угодьями. В Юго-Западном крае и в Белоруссии такой формой были так называемые сервитуты. Т. И. Осадчий, хороший знаток Правобережья Украины, писал: «Своих (выгонов. — А. А.) нет и нанять негде — это общий возглас. Вот почему крестьяне цепко держатся за те ничтожные выгоды, которые вытекают из сервитутных прав»³.

Однако помещики всеми мерами старались лишить крестьян и этих ничтожных выгод. Из 3313 имений края, обремененных пастбищными сервитутами, к 1910 г. в 743 имениях земля фактически не предоставлялась крестьянам под выпас скота, так как помещики завели многопольное хозяйство. Там же, где пар еще оставался, он оказывался со всех сторон окруженным посевами помещика⁴.

Чересполосность, оставшиеся неразмежеванными общие владения, сервитутные отношения, наличие большого числа спорных участков — все это требовало

¹ «Журналы заседаний XXXVIII очередного Курского губернского земского собрания 1902 года», Курск, 1903, стр. 708.

² Там же, стр. 706 (курсив наш. — А. А.).

³ Т. И. Осадчий, Земля и земледельцы в Юго-Западном крае (на Украине, Подолии и Волини), Киев, 1899, стб. 61.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 6, д. 354, л. 13 об.

незамедлительного размежевания земель как между помещиками и крестьянами, так и между крестьянскими обществами. Однако размежевание можно было произвести лишь в том случае, если между сторонами состоялось соглашение. Но так как многим помещикам чересполосность была выгодна, такие полюбовные соглашения достигались с большим трудом.

В результате столыпинского землеустройства часть земель была размежевана. О том, что было сделано в этом отношении, можно отчасти судить по данным об итогах работы землеустроительных комиссий. Так, за 1907—1915 гг. по 451 уезду Европейской России об уничтожении чересполосности в комиссии поступило 9941 ходатайство, подготовкой закончено 4541 дело на площади 822,7 тыс. дес., землеустроительных проектов утверждено 2715 на 339,9 тыс. дес. Таким образом, фактически было удовлетворено всего лишь 27,3% ходатайств. К тому же мы совершенно ничего не знаем, о скольких чересполосных владениях не поступило ходатайств вследствие недостижения соглашений.

О разделе угодий общего пользования крестьян и частных владельцев поступило за те же годы 1670 ходатайств, закончено подготовкой 593 дела на площади 91,8 тыс. дес., утверждено землеустроительных проектов 291 (с площадью 52,0 тыс. дес.), что составляет всего лишь 17,4% общего числа поступивших ходатайств¹.

Приведенные данные показывают, что в результате столыпинского землеустройства чересполосность была уничтожена на весьма незначительной части земель. В Гродненской губ. из 130 ходатайств об уничтожении чересполосности было удовлетворено всего лишь 28, в Минской из 116 — 7, в Киевской из 104 — 7, в Курской из 398 — только 10 и т. д.²

Один из самых вопиющих пережитков крепостничества — чересполосность — продолжал существовать как в помещичьем, так и в крестьянском землевладении, тормозя и часто совсем исключая возможность капиталистически передовой организации земледелия.

¹ «Итоговые сведения о деятельности землеустроительных комиссий на 1 января 1916 г.», Пг., 1916, стр. 4—5.

² Там же, стр. 34—35.

Землепользование и система хозяйства

Перейдем к другому, не менее важному комплексу поземельных отношений — к вопросу о характере землепользования.

Главнейшие помехи развитию капитализма в земледелии заключались не только и не столько в формах землевладения, сколько в складывающихся на их основе в конкретных исторических условиях формах землепользования.

О характере крестьянского землепользования в России В. И. Ленин писал: «Земля, на которой хозяйничает современный русский сколько-нибудь состоятельный крестьянин, т. е. такой, который действительно способен превратиться при благоприятном исходе революции в свободного фермера, — эта земля состоит частью из его собственного надела, частью из арендованного надела соседа-общинника, частью, может быть, из долгосрочной аренды у казны, из погодной аренды у помещика, из земли, купленной у банка, и т. д. Капитализм требует того, чтобы *все* эти различия разрядов отпали, чтобы всякое хозяйство на земле построено было исключительно соответственно новым условиям и требованиям рынка, требованиям агрикультуры»¹.

Столыпинская реформа, несколько упорядочив землевладение крестьян, была бессильна внести сколько-нибудь заметные изменения в крестьянское землепользование. Главнейшей причиной этого было сохранение помещичьих латифундий и связанное с этим крестьянское малоземелье.

«Нелегко найти в Европе и даже во всем мире страну, — писал В. И. Ленин, — где сохранилось в таких чудовищных размерах крупное крепостническое землевладение.

И самое важное, это—то, что на этих землях ведется только частью капиталистическое хозяйство, т. е. обработка земли наемными рабочими и инвентарем владельца. Большей же частью хозяйство ведется *крепостническое*, т. е. помещики кабелят крестьян, как было

¹ В. И. Ленин, Аграрная программа... Соч., т. 13, стр. 254.

и сто и триста и пятьсот лет тому назад, заставляя их *крестьянской* лошадей, *крестьянскими орудиями* обрабатывать помещичью землю.

Это не капитализм. Это не европейский способ хозяйства... Нет, это совсем не по-европейски. Это по-старо-китайски. Это по-турецки. Это по-крепостнически.

Это не усовершенствованное хозяйство, а земельное ростовщичество. Это — старая престарая кабала»¹.

В нашем распоряжении не имеется сколько-нибудь точных данных о соотношении тех частей помещичьего землевладения, на которых велось собственное хозяйство того или иного типа, и сдававшихся в аренду. Единственным источником массовых сведений о составе угодий и их использовании в XIX в. являются итоги переписи 1917 г., но она проводилась в условиях ожесточенной борьбы крестьян за помещичью землю, и помещики всячески старались преуменьшить сведения о площади, которая сдавалась ими в аренду. Кроме того, многие имения, где больше всего была развита крепостническая эксплуатация, не подверглись описанию вследствие широкого развития крестьянского движения.

По этим данным, которыми мы будем пользоваться с учетом сделанного замечания о степени их достоверности, получается следующее.

По 32 губерниям Европейской России, по которым имеются данные о землевладении и землепользовании, у помещиков числилось 9 504 тыс. дес. пашни, из которых в их собственном пользовании находилось 5 191 тыс. дес., или 54,6%. Остальные 45,4% пашни сдавались, очевидно, в аренду крестьянам (посевы крупных арендаторов учтены как частновладельческие площади). При этом под посевами находилось 3 785 тыс. дес., или 39,8% всей пашни и 72,9% пашни в собственном пользовании. Остальная площадь — пар (голока) и залежи — как правило, в значительной части сдавались крестьянам под пастбу скота. Крестьяне также арендовали после уборки урожая большую часть частновладельческих пашен, а также сенокосов, пастбищ, выгонов, кустарников, лес-

¹ В. И. Ленин, К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства. Соч., т. 19, стр. 168.

ных площадей и неудобных земель. Следовательно, большинство помещичьих земель или круглый год, или до посева и после снятия урожая хлебов и трав находилось в пользовании крестьян.

Аренда земли имела большое значение как для крестьянского, так и для помещичьего хозяйства. В помещичьих хозяйствах, как правило, сдавалась большая или меньшая часть земли. При этом ряд наблюдений с очевидностью показывает, что чем мельче имение, тем меньше в нем сдавалось земли и больше обрабатывалось за счет владельца, и, наоборот, чем крупнее имение, тем большая доля земли сдавалась в аренду. Таким образом, крупные имения являлись главным центром полуфеодальной эксплуатации крестьян через аренду, главным носителем крепостничества.

Вместе с тем в крупных имениях была, как правило, наибольшей по абсолютным размерам собственная запашка, в них больше применялись усовершенствованные машины, искусственные удобрения, правила агротехники и т. д. Следовательно, те же крупные имения были в то же время и очагами наибольшей концентрации капитала в земледелии, носителями более передовых приемов в земледелии. В этом сочетании передовых капиталистических черт в собственном хозяйстве с самой отсталой формой хозяйства на сдаваемых в аренду землях и беспощадной полукрепостнической эксплуатацией состояла отличительная черта прусского пути развития капитализма в сельском хозяйстве, особенно в России.

По срокам аренда частновладельческих земель представляла весьма пеструю картину. Однако общим явлением в XIX в. было то, что долгосрочная аренда все более вытеснялась менее выгодной для крестьян хищнической краткосрочной арендой на один посев. Так, в Рязанской губ. в 1896—1900 гг. в долгосрочную аренду помещиками сдавалось 58% незасевавшейся ими пашни, и в краткосрочную — 42%. Но уже к 1908 г. соотношение этих видов аренды стало совершенно иным: в долгосрочную аренду стало сдаваться всего лишь 22,5%, а в краткосрочную — 77,5% пашни. При этом в «Обзоре» указывается, что количество земли, сдаваемой в аренду поме-

щиками, «осталось без изменения»¹. В Самарской губ. в 1911 г. об одногодичной аренде сообщали 74,6% корреспондентов, а в 1913 г. таких сообщений было уже 82,6%².

Произошли заметные изменения и в формах аренды. Отработочная и исполная форма арендной платы все более заменялась денежной платой. Даже в отработочном Черноземном центре денежная расценка аренды получила преобладание. Так, в Тамбовской губ. в 1912 г. было зарегистрировано переписью аренды исполу только 3,7% площади³. Но наблюдались и обратные явления. В Казанской губ., например, доля сообщений о денежной аренде с 70,8% в 1898 г. упала до 67,2% в 1913 г. и соответственно возросло число сообщений об исполно-отработочной аренде⁴. Но Казанская губерния представляется исключением: общим явлением был рост денежной формы аренды.

Означал ли этот рост денежной аренды вытеснение крепостнической эксплуатации крестьян и рост капиталистического предпринимательства крестьян? Этот вопрос представляет собой один из важнейших вопросов экономики столыпинской деревни. В ответе на него находится ключ к пониманию характера арендных отношений большинства крестьян с помещиками, характера эксплуатации этого большинства помещичьими латифундиями. Задача состоит в том, чтобы решить, была ли денежная арендная плата в России при господствующей одногодичной аренде капиталистической земельной рентой или она являлась еще, полностью или частично, докапиталистической денежной рентой.

Многочисленные статистические данные о преобладании и повсеместном росте денежной аренды служат, между прочим, доказательством того, насколько недоста-

¹ «Сельскохозяйственный обзор Рязанской губернии за 1908 год», вып. 1, Владимир, 1908, стр. 47—49.

² «Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1911—1913 гг.», Самара, 1915, стр. 67, 164.

³ «Материалы по подворному обследованию животноводства в Тамбовской губернии 1912 года», прил. 1.

⁴ «Казанская губерния в сельскохозяйственном отношении за 1898 год», Казань, 1899, стр. 38, 39, 44; «Сельскохозяйственный обзор Казанской губернии за 1913 год», Казань, 1914, стр. 74, 81.

точно данных статистики для суждения о действительном положении дел. Имеется много свидетельств того, что под арендой, показывавшейся в статистике в виде денежной, скрывалась та же отработочная аренда, только по форме выраженная в виде денежной.

Ценное свидетельство этому для Тамбовской губ. приводит Г.М. Птушкиным. В Тамбовской губ. в 90-х гг. XIX в. на долю денежной аренды частновладельческих земель приходилось около 60%. В то же время обследователи Кирсановского уезда прямо указывали, что «фактически сдача земли за деньги почти всегда бывает сдачею за отработки». По свидетельству обследователей Тамбовского уезда, помещики этого уезда «раздают землю подесятинно по определенной денежной цене, но цена эта в действительности обрабатывается»¹.

Любопытен договор, заключенный 86 крестьянами дер. Бегичево с администрацией по делам гр. Бобринских (Тульская губ.) об аренде 119 дес. земли. Цена устанавливалась по 14 р. 50 к. за десятину, срок аренды — с 1907 по 1911 г. Интересен п. 4 указанного договора: «Платеж денег мы, вышепоименованные крестьяне, обязуемся производить следующим образом: обрабатывать вязкой ярового и озимого хлебов по цене 1 р. 50 к. за десятину на Соколовском хуторе или где нам будет указано, остальное отработать при доставке свеклы на Богородицкий сахарный завод из Кобловского и Соколовского хуторов по соответствующей цене за пуд доставленной свеклы». Кроме того, крестьяне обязывались содержать за свой счет сторожа для охраны господского леса².

П. К. Редькин, изучавший крестьянское движение в Московской губ., указывает, что в более или менее крупных имениях при сдаче земли «обыкновенно назначалась определенная цена за десятину разных угодий.., причем съемщикам предоставлялось право уплатить

¹ «Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии», т. XVI, Тамбов, 1891, отд. 1, стр. 32; то же, т. XIX, Тамбов, 1894, отд. 1, стр. 30. Цит. по диссерт.: Г. М. Птушкин, Развитие капиталистических отношений в деревне Тамбовской губернии в конце XIX — начале XX веков, Воронеж, 1953, стр. 276.

² «Тульский край» № 1 (16), 1930 г., стр. 25.

аренду деньгами или работой в имении со своим инвентарем по заранее определенным ценам. Ясно, что это были кабальные обработки», однако в статистических источниках этот вид аренды «фигурирует как вольный наем... В действительности же в Московской губернии в конце XIX в. обрабатывалось только вольнонаемным трудом совершенно незначительное количество помещичьих имений»¹.

Совершенно аналогичные показания о характере денежной аренды имеются в нашем распоряжении по Самарской² и Пензенской³ губерниям.

Как видно из приведенных примеров расчетов по денежной аренде, последняя скрывала за собой очень часто все ту же отработочную систему ведения помещичьего хозяйства.

Конечно, далеко не все договоры или соглашения о денежной аренде включали в себя отработки. Но были ли это соглашения на чисто капиталистической основе? Отсутствовали ли в них элементы полукрепостнической эксплуатации? Для ответа на этот вопрос приведем следующие предварительные соображения.

В условиях свободной мобилизации земли лицо, обладающее капиталом, вольно вложить его или в организацию сельскохозяйственного предприятия на арендованной земле или в покупку земли; в обоих случаях помещения капитала он вправе рассчитывать на равный процент с капитала. Если один из видов вложения даст больше, капитал должен переливаться из одного вида в другой (монополия частной собственности на землю задерживает это переливание, но устранить не может). Отсюда следует, что рента в условиях развитого капитализма и свободной купли-продажи земли должна быть приблизительно равна предпринимательской прибыли.

¹ П. К. Редькин, Крестьянское движение в Московской губернии в годы первой русской революции (1905—1907 гг.), диссерт., М., 1954, стр. 53. По данным обследования 1898—1900 гг., денежная аренда внеадельных земель составляла здесь 55,9% (там же, стр. 65).

² Центральный государственный исторический архив СССР в Москве (ЦГИАМ), ф. 102 (Департамента полиции), д-во 4, 1914 г., д. 60, ч. I, л. 15.

³ ЦГИАМ, ф. 1282, оп. 1, д. 1159, л. 8-8об.

Рост ренты в основе своей имеет рост прибавочной стоимости в процессе обращения вложенного в сельскохозяйственное производство капитала и следует за ростом или падением прибыли.

Посмотрим, каково было соотношение ренты и прибыли в российском земледелии. По материалам Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики С. Г. Струмилиным произведено сравнение основных показателей стоимости производства хлебов за 1887/88 г. и за 1912—1914 гг. Приведенное к ценам 1913 г., это сравнение выглядит следующим образом¹:

Таблица 4

Стоимость производства хлебов в Европейской России
в 1887/88 г. и в 1912—1914 гг. в исчислении на 1 дес.
(в руб., в ценах 1913 г.)

	1887/88 г.	1912—1914 гг.	Разница в %
Издержки производства	36,40	38,71	+6,2
Рента	9,09	13,86	+52,7
Прибыль	12,83	9,85	-23,2
Хлебные цены за 1 пуд (в коп.)	73,2	80,6	+10,0
Поденная плата (в коп.)	57,6	71,8	+25,0

Цифры показывают, что издержки производства на десятину посева хлебов возросли крайне незначительно: ни помещики, ни тем более крестьяне и в 1912—1914 гг. не производили каких-либо заметных дополнительных вложений капитала на единицу площади пашни. Масса прибавочной стоимости увеличилась также незначительно — всего на 10%. Однако в распределении ее произошли знаменательные перемены: если в 80-х гг., когда арендные цены резко упали вследствие падения мировых хлебных цен, прибыль превышала ренту, то в 1912—1914 гг. эти составные части прибавочной стоимости поменялись местами: рента против 80-х гг. XIX в. повысилась на 52,7%, а прибыль снизилась на 23,2% и

¹ С. Г. Струмин, Условия производства хлебов в СССР, — «Плановое хозяйство» № 2, 1926 г., стр. 351.

установилась на уровне, далеко не достигающем размеров ренты.

Получение ренты с земли представляло теперь для землевладельца больше выгоды, чем организация на этой земле хозяйства. Уровень прибыли, таким образом, к 1914 г. не составлял того основания, на котором возростала земельная рента. Что же представляла собой так называемая земельная рента в России?

Под рентой в приведенном нами расчете имелась в виду арендная плата, получаемая землевладельцем при сдаче земли на 1 год — наиболее распространенном виде сдачи. Принимая ее и дальше в том же значении, приведем следующий расчет стоимости производства хлебов в трех губерниях, составленный, в основном, по тем же источникам, что и расчет С. Г. Струмилина¹. (табл. 5.)

Данные этой таблицы показывают, что производство хлебов крестьянами только на собственной земле и только в черноземных губерниях представляло некоторую выгоду. Однако получаемый в этом случае доход в 1912—1914 гг. был вдвое ниже существовавших арендных цен. Но крестьянин, не имевший возможности использовать труд своей семьи на своем клочке и тем более получить с него достаточное для хозяйства количество продуктов, вынужден был арендовать землю. В этом случае он не только не получал никакой прибыли, но и терпел явный убыток. Другими словами, крестьянин, бравший землю в одногодичную аренду, не только не получал за свой труд минимальной заработной платы, но отдавал в виде арендной платы землевладельцу немалую часть необходимого продукта. Один взгляд на последнюю графу таблицы убеждает в этом: если перевести арендную плату в пуды хлеба и сопоставить получаемые цифры с урожайностью крестьянских полей, окажется, что в 1912—1914 гг. крестьяне-арендаторы отдавали землевладельцам в Тверской губ. — 20,2% урожая, в Курской — 56,3 и в Екатеринославской — 50,7% урожая. Иначе говоря, денежная аренда, по

¹ «Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», вып. III; «Стоимость производства главнейших хлебов в Европейской России», Спб., 1890; «Стоимость производства главнейших хлебов», вып. I.

Стоимость производства крестьянами главных хлебов по различным районам Европейской России

Губернии	Наименов. хлеба	Годы	Продукт с 1 десятины (в пуд.)	Средняя рыночн. цена на 1 пуда (в коп.)	Выручка со вкл. стоим. соломы (в руб.)	Затрата капитала (в руб.)	Издержки пр-ва на 1 пуд (без соломы) в коп.	Прибыли (+) или убытки (-)		Рента с 1 дес. на 1 посеv (в руб.)	Рента с 1 дес.	
								на собствен. земле	на арендов. земле		пудов	% к урожайности
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Тверская	Озим. рожь	1887—1888	45	71	38,4	38,9	86	-0,5	-8,0	7,5	10,6	23,6
		1912—1914	52	96	59,9	63,8	123	-3,9	-14,0	10,1	10,5	20,2
Курская	Озим. рожь	1887—1888	48	51	28,7	24,2	50	+4,5	-10,3	14,8	29,0	60,4
		1912—1914	65	76	57,8	44,2	68	+13,6	-14,2	27,8	36,6	56,3
Екатеринославская	Яров. пшеница	1887—1888	30	73	25,2	24,5	71	+0,7	-5,3	6,0	8,2	27,2
		1912—1914	41	92	43,4	35,3	86	+8,1	-11,0	19,1	20,8	50,7

крайней мере в черноземных губерниях, была не чем иным, как особым видом испольщины под внешней оболочкой буржуазных денежных отношений. Нет ни малейшего сомнения в том, что арендная плата за землю была в России по преимуществу не капиталистической земельной рентой, а в подавляющей части докапиталистической денежной рентой, и поэтому мы сделали бы крупную ошибку, если бы о капиталистическом характере арендных отношений стали бы судить по преобладанию в том или ином районе денежной аренды. Тяжелая зависимость малоземельного крестьянина от соседнего землевладельца выступает здесь во всем своем ужасающем виде. «Одним словом, — говорилось в одном обзоре земельных отношений, — в области крестьянской аренды земель мы напрасно искали бы признаков свободы договора между сторонами. Размер арендной платы зависит не от ценности и доходности земли, а от степени нужды в ней крестьян-съемщиков»¹.

На это обстоятельство еще в 1907 г. указывал В. И. Ленин. «Несомненно, — писал он, — что крепостнически-кабальная аренда чрезвычайно широко распространена у нас и что, по теории Маркса, плата крестьян при такой аренде является в значительной своей части денежной рентой. Какая сила дает возможность выжимать из крестьян *такую* ренту? Сила ли буржуазии и развивающегося капитализма? Совсем нет. Сила крепостнических латифундий»².

Посмотрим теперь, как изменялись арендные цены в рассматриваемое нами время по разным районам Европейской России. Для этого мы располагаем данными за 1887/88 г.³, за 1901 г.⁴ и за 1912—1914 гг.⁵ Вычисленные нами арендные цены переведены в пуды ржи по местным осенним ценам, взятым из соответствующих

¹ И. Л. Сегаль, Крестьянское землевладение в Закавказье, Тифлис, 1912, стр. 125.

² В. И. Ленин, Аграрная программа... Соч., т. 13, стр. 289.

³ «Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев», вып. III, «Стоимость производства главнейших хлебов в Европейской России».

⁴ Г. Логанов, Статистика землевладения Европейской России по уездам, Спб., 1906, стр. 119—128.

⁵ «Стоимость производства главнейших хлебов», вып. I.

выпусков изданий, упомянутых выше: «...год в сельскохозяйственном отношении» за 1887 г., 1901 г. и 1913 г. Из тех же изданий взяты данные об урожайности ржи на крестьянских полях; по отношению к этим данным вычислена та доля урожая, которую должен был отдавать крестьянин в виде арендной платы.

Таблица 6 показывает, что арендные цены за десятину пашни, снятой на один посев, если их выразить в пудах ржи по местным осенним ценам, составляли в 1887/88 г. в среднем по Европейской России 12,8 пуд., причем наивысшей она была в Северочерноземном районе, достигая 23,9 пуд., или 52% от средней урожайности ржи на крестьянских полях. Очень высокой она была также в Южночерноземном районе (19,9 пуд., или 42% урожая), Юго-Западном, Прибалтийском и в большинстве других районов. В среднем крестьяне-арендаторы в 1887/88 г. отдавали землевладельцам в виде арендной платы 29% урожая.

Под влиянием сельскохозяйственного кризиса 80—90-х гг. арендные цены к 1901 г. снизились, в пудах ржи, до 11,7 пуд. с десятины, или до 23% урожая. Однако в последующие годы арендные цены снова пошли вверх и к 1913 г. достигли 17,7 пуд. с десятины вместо 12,8 пуд. в 80-х гг. XIX в. Правда, за это время урожайность хлебов тоже несколько возросла, но дополнительные расчеты показывают, что весь этот прирост пошел на увеличение ренты. Накануне мировой войны крестьяне-арендаторы уплачивали помещикам в среднем 31% от урожая. К началу мировой войны наибольшую долю урожая отдавала беднота и середняки Южного степного района — 52%, за которым следовали Южночерноземный район — 42%, Северочерноземный — 41%, Нижневолжский — 36%.

Понятно, что при такой высоте арендной платы помещикам очень часто не было смысла затрачивать капитал на организацию собственного крупного хозяйства и они предпочитали сдавать землю в мелкую погодную или краткосрочную аренду.

В качестве подтверждения того, что сделанное заключение имело опору в действительной жизни, можно сослаться на целый ряд хозяйств. Возьмем для примера

Таблица 6

Изменение денежной арендной платы в Европейской России в абсолютных и относительных числах

Районы	Число губерний, вошедших в под- отчет	Арендная плата за 1 дес. пашни								
		в рублях			в пудах ржи			в % к урожайности ржи у крестьян		
		1887/88 г.	1901 г.	1912—1914 гг.	1887/88 г.	1901 г.	1912—1914 гг.	1887/88 г.	1901 г.	1912—1914 гг.
		Северный	2	4,63	1,79	5,82	6,3	2,3	5,7	13
Северо-Западный	3	7,15	2,66	13,52	9,7	3,4	12,6	22	7	23
Прибалтийский	2	11,47	7,24	17,48	16,6	9,9	19,2	27	14	25
Западный	6	5,94	6,27	9,82	10,4	10,0	11,8	28	20	21
Промышленный	6	7,03	3,01	11,05	11,5	4,8	12,4	25	9	25
Средневолжский	4	4,41	2,59	5,34	7,7	4,9	7,5	17	9	13
Северочерноземный	7	10,77	11,22	16,07	23,9	22,0	21,7	52	42	41
Южночерноземный	3	7,94	9,49	19,94	19,9	19,4	31,1	42	37	42
Юго-Западный	3	8,64	10,27	16,52	17,3	18,7	22,3	39	30	26
Южный степной	5	5,44	7,77	17,31	11,1	13,6	25,8	34	30	52
Нижневолжский	5	6,45	6,64	11,38	14,7	15,1	20,0	36	30	36
По Европейской России	46	6,92	6,77	13,72	12,8	11,7	17,7	29	23	31
В ценах 1913 г.		9,05	8,24	13,72	100					
В % к 1887/88 г.		100	91	152		92	138			

комплекс имений гр. А. А. и В. А. Орловых-Давыдовых. Землепользование у этих владельцев в 1900¹ и в 1910² гг. выглядело следующим образом.

Таблица 7

Использование удобной площади
в имениях гр. Орловых-Давыдовых в 1900 и 1910 гг.
(в дес.)

	1900 г.	1910 г.	% к 1900 г.
Сдано по долгосрочным контрактам	17 128	15 029	87,3
" на 1 год	50 029	74 437	148,8
" исполу	7 112	657	9,2
" бесплатно служащим	1 212	1 545	127,5
" под рыбные ловли	2 213	2 213	100,0
Итого сдано	77 694	93 881	121,0
Занято своим хозяйством	37 871	23 051	60,9
" в лесном хозяйстве	54 202	52 937	97,7
Осталось не розданным и без упо- требления	2 031	1 715	84,4
Всего удобных земель и рыбных ловель	171 798	171 584	99,9

Как видно из этой таблицы, владения Орловых-Давыдовых, будучи заповедными, сохранились в своих прежних размерах. Было вполне удовлетворительным и состояние бюджета владельцев. Поэтому правомерно было бы ожидать расширения собственной запашки и сохранения сдачи земли в аренду. Вместо этого неопровержимые цифры таблицы раскрывают совершенно противоположную картину. Сдача земли в аренду не только не сократилась, но выросла за 10 лет на 21%, при этом наибольший рост обнаруживается по сдаче в хищническую одногодичную аренду — на 48,8%. Менее выгодная владельцам долгосрочная аренда сократилась на 12,7%. На 27,5 % увеличилась площадь, предоставляемая вза-

¹ Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 1273 (Орловых-Давыдовых), оп. I, д. 2592.

² ЦГАДА, ф. 1273, оп. I, д. 2605, 2606.

мен зарплаты «служащим» имения — лесникам, сторожам и т. п. Как единственное явление прогрессивного характера, следует отметить резкое сокращение сдачи земли в ипольную аренду — на 90,8%.

Особенно бросается в глаза резкое изменение размеров площади, эксплуатируемой за счет владельцев, которая сократилась с 37,9 тыс. дес. в 1900 г. до 23,1 тыс. дес. в 1913 г. и составила всего лишь 60,9% к уровню 1900 г. Это сокращение коснулось почти всех крупнейших вотчин. Все приволжские вотчины, кроме Натальинской, значительно сократили собственную запашку земли, а в воронежских — Икорецкой и Каменной степях собственное хозяйство было заброшено еще раньше. Почему это произошло, становится ясным из любопытного пояснения главноуправляющего Орловых-Давыдовых Л. Р. Гавемана к ведомостям использования земель за 1899 г. Отмечая рост денежной аренды и сокращение ипольных посевов, Гавеман объяснял это явление «усилившимся спросом на землю со стороны крестьян вследствие повысившихся цен на хлеба, благодаря чему улучшилось и благосостояние их (надо понимать — благосостояние зажиточных арендаторов. — А. А.). Особенно ярко обстоятельство это выразилось в Воронежской губернии, где в имениях Орловых-Давыдовых «удалось совершенно прекратить экономические посевы, приносившие нам убытки, и отчасти повысить арендные цены на земли»¹.

Знаменательно то, что такие явления наблюдались в хозяйстве, которое, как увидим ниже, небезуспешно шло по пути перестройки на капиталистический лад. Здесь мы имеем наглядный пример того, как развивавшийся в сельском хозяйстве России капитализм сохранял полукрепостнические формы эксплуатации крестьянства, видоизменяя их и воспроизводя в новой форме, более отвечающей целям повышения дохода от земли в новых условиях.

По четырем вотчинам гр. С. Д. Шереметева, по которым имеются сопоставимые данные (Амировская и Мещериновская, Алексеевская, Баландинская, Красносло-

¹ ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, д. 2592, л. 27—27 об.

бодская), количество сдаваемой пашни и сенокосов с 11 119 дес. в 1900 г. возросло до 12 366 дес. в 1910 г. Весь же доход от сдачи земель и прочих «арендных статей» по всем вотчинам возрос за эти годы с 258 тыс. руб.¹ до 308 тыс. руб.²

Собственное хозяйство в Баландинской вотчине Шереметева, насчитывавшей 38 тыс. дес., не давало дохода. Соседний помещик Ф. П. Бартенев, «сам хозяйничавший 20 лет», решил объяснить графу причины этого явления (письмо от 14 октября 1904 г.). Он писал: «Свой посев и связанная с ним администрация, инвентарь, ремонт построек — это такая бочка Данаид, которую не заполнит никакой доход от арендных статей»³. «Сосед по имению» советовал графу: «Прежде всего надо отрешиться от несчастной идеи, выгодной только управляющим, будто раз имеешь землю, то необходимо на ней хозяйничать. Зачем? Разве мы ведем хозяйство ради удовольствия? Нет, — несомненно, только для извлечения дохода. Но если хозяйство дохода не дает., то ясно, что его не надо и вести». Наконец, «если Вам угодно получать с Баланды солидный доход, — надо перейти на арендную систему, т. е. начать то, чем кончили все крупные землевладельцы Запада, особенно английские»⁴.

Между тем по владениям С. Д. Шереметева в целом собственное хозяйство после революции 1905—1907 гг. не только не сокращалось, но все более интенсифицировалось. В одном из распоряжений владелец писал: «За последнее десятилетие хозяйственная деятельность в моих владениях достигла значительного расширения и многостороннего развития и усовершенствования. Взамен системы аренды в большинстве сельскохозяйственных имений заведено собственное экономическое хозяйство, созданы технические производства, введено более интенсивное использование лесных имений, а также возведены доходные дома на городских моих владениях»⁵.

¹ ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 4, д. 35, бюджет 1900 г., л. 34—172 об.

² Там же, д. 46, бюджет 1910 г., л. 47—181 об.

³ ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 11, д. 344, л. 65 об.

⁴ Там же, л. 67—67 об.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 3, д. 373, л. I.

У Орловых-Давыдовых, несмотря на резкое снижение количества земли, занятой в собственном хозяйстве (с 37 315 дес. в 1900 г. до 22 218 дес. в 1911 г.), стоимость построек в имениях возросла с 527 тыс. руб. до 896 тыс. руб., рабочего скота — в 1,8 раза, рогатого скота — в 3,5 раза, свиней — в 6 раз, и лишь овцеводство сократилось в 7 раз. В два раза возросла стоимость мертвого движимого инвентаря¹.

Не подлежит, конечно, сомнению тот факт, что помещичье хозяйство в XX в. сделало некоторые шаги по пути капиталистической перестройки. Но эта перестройка происходила в таких формах, что ей сопутствовало не уменьшение полукрепостнической эксплуатации латифундиями большинства крестьянства, а, наоборот, усиление этой эксплуатации, столь же крепостнического характера, только облеченного в новую, денежную форму², причем эта денежная форма служила лишь более удобным и гибким средством расчета стоимости аренды и отработок.

К тому же не следует преуменьшать и размеров распространения отработок и испольщины. Напомним в связи с этим данные, приводившиеся В. И. Лениным в 1914 г.

Испольные посеы крестьян в 1913 г., по сравнению с посевами на собственной земле, в центральных губерниях составляли 21%, в приозерных — 42%, в северо-западных — 68%. Испольные покосы к собственным составляли в центральных губерниях 50%, в приозерных, заволжских и северо-западных — от 110 до 185%. «Значит, — заключал В. И. Ленин, — *испольные сенокосы преобладают над собственными в трех громадных районах России!*»³

¹ ЦГАДА, ф. 1273, оп. 1, д. 2592, 2605, 2606.

² В имениях Орловых-Давыдовых доход в виде ренты с земли под экономическим посевом и арендной платы за сдаваемую крестьянам землю с 1900 по 1910 г. возрос с 378,4 тыс. руб. до 653,5 тыс. руб. Такой рост явно не соответствовал росту доходности земли и знаменовал собой дальнейшее ухудшение положения крестьян-арендаторов, так как собственное хозяйство владельцев сокращалось, а доходы резко возрастали (см. там же).

³ В. И. Ленин, К вопросу о смете министерства земледелия. Соч., т. 20, стр. 293.

В Новгородской губ. в 1913 г. на аренду из доли указывали 56 корреспондентов, а на аренду за деньги — только 13. В 1914 г. о первой форме аренды было 71 сообщение, а о второй — 27¹. Не меньшее распространение имела испольтщина и в соседней с ней Псковской губ., а также и в ряде других губерний.

При этом важно установить, как изменялись во времени условия испольтщины.

В Полтавской губ. в 1900 г. 86% испольтщиков отдавали землевладельцам половину урожая, а 14% — меньше половины². В 1912 г. уже никто не платил меньше половины урожая, 97% отдавали половину, а 3% — две трети урожая³. Вместе с ростом денежных арендных плат в губернии выросла и доля урожая, отдаваемая испольтщиками за землю.

В Казанской губ. вместе с отмеченным выше расширением обработок и испольтщины условия последней тоже ухудшились. Если в 1898 г. дополнительные обработки требовались от испольтщиков в 5,9% случаев, то в 1913 г. — уже в 8,2% случаев аренды.

В результате анализа данных об испольтщине и обработках В. И. Ленин в самый канун первой мировой войны пришел к следующему выводу: «Россия стала капиталистической, буржуазной страной. А землевладение у нас осталось еще в очень большой степени крепостническим: как помещичье, так и надельное, крестьянское. Система хозяйства в очень большом числе случаев осталась крепостническая: отработки, барщина, когда мелкие хозяйчики, полуразоренные, нищие, голодные, берут землю, покосы, выгоны, деньги займы у помещиков, обязуясь за это «отработать» на «барской» земле.

Чем больше отстала в своем крепостничестве деревенская Русь от промышленной, торговой, капиталистической, тем круче должна была быть неизбежная ломка старого, крепостнического, и помещичьего, и надельного землевладения»⁴.

¹ «Сельскохозяйственный обзор Новгородской губернии за 1914 год», Новгород, 1915, стр. 69.

² «Обзор сельского хозяйства в Полтавской губернии за 1900 год», Полтава, 1901, таблицы, стр. 116.

³ То же за 1912 г., Полтава, 1913, таблицы, стр. 134.

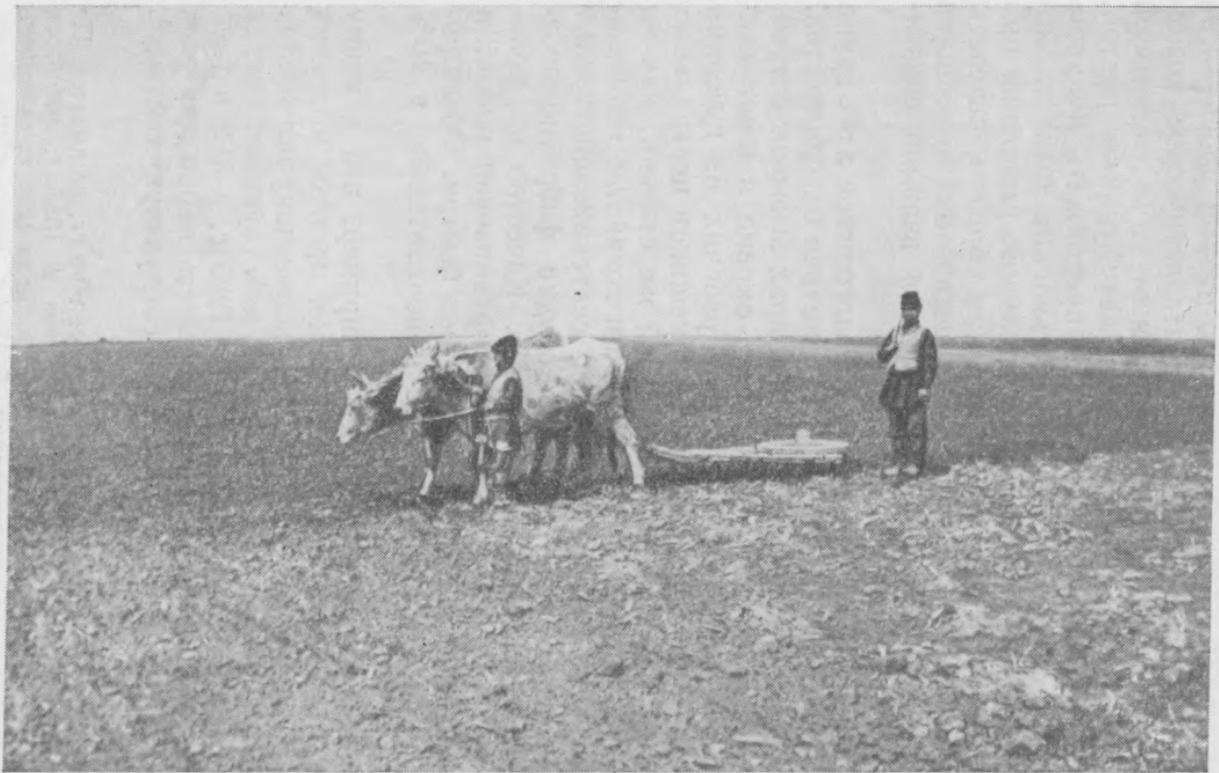
⁴ В. И. Ленин, Земельный вопрос в России. Соч., т. 20, стр. 349—350.

Материально-производственная база сельского хозяйства

Отличительной особенностью сельскохозяйственного производства России была слабость его материально-технической базы, вследствие чего даже в земледелии, не говоря уже о животноводстве и других отраслях, безраздельно господствовал ручной человеческий труд и живая тягловая сила. В связи с этим первостепенное значение имело обеспечение хозяйства прежде всего достаточным количеством рабочих рук.

Проблема рабочей силы, однако, имела сколько-нибудь серьезное значение лишь в немногих малонаселенных районах с развитым зерновым производством, таких, как Южный степной район, Северный Кавказ, степное Заволжье и Западная Сибирь. В других районах наблюдалось возрастающее с каждым годом значительное аграрное перенаселение. Крестьянское население этих районов (особенно центрально-черноземных, средневожских и северных украинских губерний), не находя приложения рабочих рук в своих карликовых хозяйствах, массами направлялось отсюда на заработки в соседние помещичьи имения, в города, на сельскохозяйственные работы в упомянутые малонаселенные районы или за границу, главным образом в Германию. Крестьянский отход имел прогрессивное значение, ломал патриархальные основы крестьянского быта, содействовал падению отработочной системы в местах отхода, расширял кругозор отходников, сближал крестьян с рабочими и вовлекал их в политическую борьбу под руководством рабочего класса. Однако широкое развитие отхода свидетельствовало о том, что основная масса сельскохозяйственных рабочих еще довольно крепко связана была с землей, а недостаточное развитие капитализма в стране, и особенно в земледелии, не позволяло им окончательно порвать с землей и стать пролетариями.

Наличие карликового хозяйства у сельскохозяйственных полупролетариев и значительное аграрное перенаселение в центральных губерниях служило причиной того, что помещичье и кулацкое хозяйство южных и юго-восточных районов зернового торгового производства

На пашне в Бессарабской губернии. Фото. (Гос. исторический музей.)

имело возможность обходиться пришлой рабочей силой. Дешевизна рабочих рук в центре России способствовала удержанию ее на сравнительно низком уровне и на земледельческих окраинах. Капиталистическое хозяйство окраин оказывалось обязанным этой дешевизной рабочей силы крепостническим латифундиям центра. В свою очередь последние могли продолжать полукрепостническую эксплуатацию крестьянских хозяйств, которые удерживались от окончательного разорения при помощи отхода на заработки. Таким образом, интересы крепостников Центра и капиталистических помещиков Юга оказывались в этом отношении взаимно связанными.

Но не только связь, и различие интересов этих групп землевладельцев связывалось с наличием отходничества. Недостаток рабочих рук на окраинах вызывал потребность у помещиков и кулачества окраин в механизации сельского хозяйства. Отход рабочих из губерний Центра побуждал к тому же и помещиков центральных губерний, хотя далеко не в такой же степени, как на окраинах. В результате в сельском хозяйстве все большее распространение получали сельскохозяйственные машины, усовершенствованные орудия фабрично-заводского и кустарного производства. Качество их, правда, было еще невысоко, ремонт организован плохо, и поэтому износ машин и орудий шел быстро. Общепринятой нормой считался износ приблизительно в 10% в год.

Беря эту норму, замечаем, например, что к концу 1901 г. должны были выйти из строя машины и орудия покупки 1892 года. От стоимости машин покупки 1893 г. должно было остаться в составе действующего парка 0,1, от покупок 1894 г. — 0,2, от 1895 г. — 0,3 и т. д. Рассчитывая таким способом стоимость парка для всех интересующих нас лет, получаем следующую таблицу¹.

¹ Данных о потреблении машин за все 90-е гг. не имеется. По различным источникам установлено: ввоз в 1887 г. равнялся 1700 тыс. руб.; в 1893 г. — 3613,4 тыс. руб.; за 1892 г. стоимость ввоза определена по интерполяции. В 1894 г. ввоз — 5284,3 тыс. руб. С 1895 г. имеются систематические данные (см. «Сельскохозяйственный промысел России», Пг., 1914, стр. 12—13). Собственное

Таблица 8

Потребление, износ и неамортизированные остатки сельскохозяйственных машин и орудий в России
в 1901—1914 гг. (в тыс. руб.)

Годы	Поступило в течение года		Износ наличного парка за год		Наличие неамортизированных остатков к концу года	
	тыс. руб.	в % к 1901 г.	тыс. руб.	в % к годовому поступл.	тыс. руб.	в % к 1901 г.
1901	30 319	100,0	19 257	63,5	103 773	100,0
1902	33 867	111,7	21 738	64,2	115 902	111,7
1903	42 939	141,6	24 864	57,9	133 977	129,1
1904	37 490	123,6	27 129	72,4	144 338	139,1
1905	38 762	127,8	29 053	74,9	154 047	148,4
1906	39 650	130,8	31 120	78,5	162 577	156,7
1907	46 296	152,7	34 078	73,6	174 795	168,4
1908	61 340	202,3	38 106	62,1	198 029	190,8
1909	78 276	258,2	43 524	55,6	232 781	224,3
1910	86 075	283,9	49 501	57,5	269 355	259,6
1911	108 187	356,8	57 288	52,9	320 254	308,6
1912	116 173	383,2	65 519	56,4	370 908	357,4
1913	109 186	360,1	72 144	66,1	407 950	393,1
1914	94 926	313,1	77 887	82,0	424 989	409,5
Итого	923 486	—	591 208	—	—	—
В среднем за год . . .	66 678	—	42 229	—	—	—

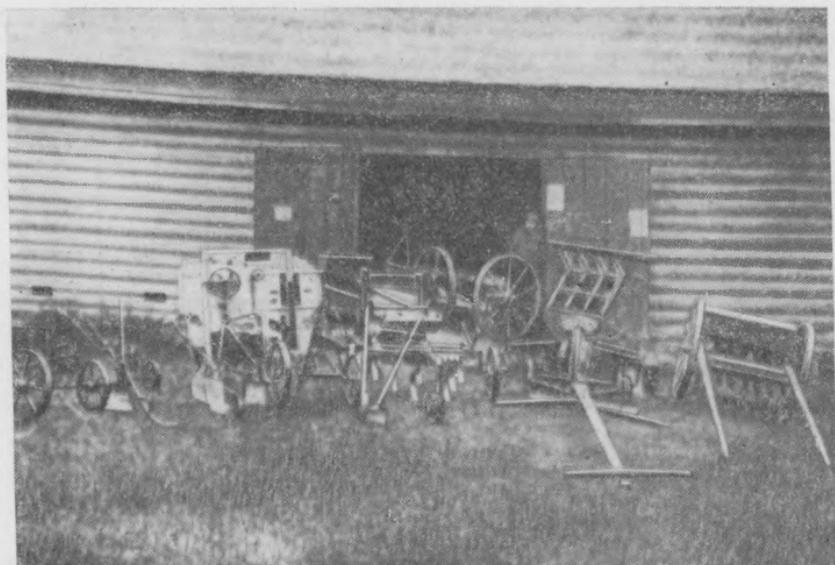
Как показывает таблица, потребление машин в стране с 30,3 млн. руб. в 1901 г. возросло до 116,2 млн. в 1912 г., снизившись несколько в 1913 и 1914 гг. Поступление новых машин значительно перекрывало износ, чем обеспечивалось систематическое наращивание неамортизированных остатков наличного парка машин и орудий. Стоимость действующего парка, таким образом, возросла со 104 млн. руб. в 1901 г. до 425 млн. руб. в 1914 г., т. е. в четыре раза.

Но этот сравнительно высокий темп технического оснащения сельского хозяйства объясняется в значительной мере ничтожностью исходных данных. Абсолютный же уровень механизации и к началу мировой войны продолжал оставаться на весьма низком уровне. Достаточно указать, например, что в США еще к началу XX в. стоимость сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий оценивалась «почти в 3 миллиарда долларов»¹, или 5,8 млрд. руб. (по курсу 1,94 руб. за доллар), т. е. в 14 раз больше, чем в России в 1914 г.

Особо следует обратить внимание на то обстоятельство, что в области снабжения сельскохозяйственными машинами Россия находилась в сильнейшей зависимости от промышленно развитых стран, и прежде всего от Германии. В 1913 г. в России было произведено сельскохозяйственных машин и орудий на 60 508 тыс. руб., а ввезено — на 48 678 тыс. руб. Таким образом, внутреннее производство покрывало лишь немногим более половины спроса. Оно неуклонно развивалось и увеличило продукцию за семь лет (с 1906 по 1913 г.) в три раза (с 20,0 до 60,5 млн. руб.), но этот рост не приводил к вытеснению импорта, который продолжал увеличиваться

производство в 1892 г. — 5762 тыс. руб., в 1893 г. — 8067 тыс. руб., в 1894 г. — 9560 тыс. руб., в 1897 г. — 9158 тыс. руб., в 1900 г. — 10 445 тыс. руб., в 1905 г. — 18 509 тыс. руб. Рост за промежуточные годы рассчитан по интерполяции крайних данных. С 1906 г. имеются данные об общем потреблении машин (см. *Е. И. Измайловская*, Русское сельскохозяйственное машиностроение, М., 1920, стр. 13).

¹ Энциклопедический словарь «Брокгауз и Ефрон», т. XXXII, Спб., 1901, стр. 277.

Прокатная станция земледельческих машин
в с. Серета Волоколамского уезда
Фото. (Гос. музей революции СССР)

в абсолютных цифрах (с 19,7 млн. руб. в 1906 г. до 48,7 млн. руб. в 1913 г.)¹.

Особенно слабо было отечественное машиностроение в области производства уборочных машин. Таблица 9 показывает количество уборочных машин, поступивших на русский рынок в 1912—1914 гг. (в штуках)².

Как видно из таблицы, отечественное производство сложных уборочных машин было в зачаточном состоянии. Только производство жнеек-лобогреек — полностью, жнеек-самосбросок — наполовину покрывало спрос на эти машины. Сенокосилок производилось в стране 25% годовой потребности, а сноповязалки почти не изготовлялись. В 1914 г. их было изготовлено 2805 штук.

Даже то явно недостаточное количество машин, какое имелось в деревне к началу мировой войны, распре-

¹ Е. И. Измайловская, Указ. соч., стр. 13.

² ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 75, д. 179, л. 15.

Таблица 9

**Производство и ввоз сельскохозяйственных машин
в 1912—1914 гг.**

Виды машин	1912 г.		1913 г.		1914 г.	
	ввоз	отечественное производство	ввоз	отечественное производство	ввоз	отечественное производство
Самосброски	31 150	6 661	13 000	14 981	18 720	25 700
Сноповязалки	42 250	—	10 000	15	15 550	2 805
Лобогрейки . .	—	95 319	—	83 901	—	58 860
Сенокосилки	43 298	10 294	50 990	12 200	4 920	7 226
Конные грабли	57 547	731	45 854	588	39 320	52

делялось очень неравномерно — как по районам, так и особенно между различными категориями товаропроизводителей. Помещичье хозяйство в целом было оснащено машинами значительно лучше крестьянского и довольно равномерно по отношению к размерам собственных запашек. В крестьянском же хозяйстве машины наибольшее распространение получили в черноземной полосе, особенно на юге Украины и в Степном Заволжье, а также в Западной Сибири и наименьшее — в нечерноземной полосе. Однако надо сказать, что по темпам оснащения новой техникой крестьянское хозяйство значительно обгоняло помещичье, конечно, за счет зажиточных слоев крестьянства. Более того, помещики все больше предпочитали переходить к использованию крестьянских машин на своих полях, подобно тому как они использовали рабочую силу и рабочий скот крестьян. Известно, что уже к концу XIX в. многие крестьяне южных губерний сделали для себя промысел из обработки помещичьих полей своими машинами и орудиями, которые в противном случае простаивали бы после обработки и уборки своих участков земли. Это явление в XX в. стало распространяться и на другие районы. Так, тульский губернский агроном С. Ю. Соттири в докладе земскому собранию еще в 1900 г. отмечал, что южные украинские (Таврическая, Херсонская и др.) губер-

нии в указанном отношении уже не представляют исключения. В докладе говорится, что «в губерниях Тамбовской, Воронежской многие помещики в последнее время предпочитают обрабатывать свои поля плугами крестьян. Недолго придется ждать подобного и в Тульской губернии»¹.

Одним из видов интенсификации земледелия является применение искусственных удобрений. Однако этот вид интенсификации к началу первой мировой войны не получил сколько-нибудь значительного распространения. Особенно это видно из следующего сравнения России с другими странами²:

Страны	Удобрения на десятину посева (в пуд.)
Бельгия	21,39
Германия	8,75
США	5,22
Англия	4,53
Россия	0,39

Минеральных удобрений на десятину посева употреблялось в Англии в 12 раз, в США — в 13 раз, в Германии — в 22, в Бельгии — в 54 раза больше, чем в России.

Применение искусственных удобрений было распространено на весьма ограниченной территории земледельческой России: в Польше — 30% всего количества их, в Прибалтике — 25%, в белорусских губерниях — 12%, в свеклосахарном районе — 17%. Главными потребителями были помещичьи хозяйства, особенно Киевской, Подольской, Харьковской, Псковской и других губерний.

В годы столыпинской реформы усилился спрос на искусственные удобрения со стороны кулацких и помещичьих хозяйств. Так, потребление суперфосфата с

¹ «Экономическая программа Тульского земства. Доклад губернского земского агронома С. Ю. Соттири», Тула, 1900, стр. 35.

² «Труды совещания по организации посевной площади в 1917 г.», М., 1917, стр. 187 (далее: «Труды совещания...»).

8 млн. пуд. в 1908 г. увеличилось до 20 млн. пуд. в 1913 г. Однако внутреннее производство удобрений развивалось медленно, и спрос на них удовлетворялся, главным образом, за счет заграничного ввоза. Так, за те же 5 лет производство суперфосфата в стране увеличилось с 5,5 млн. пуд. до 8 млн. пуд., т. е. на 45,4%, а ввоз — с 2,5 до 12 млн. пуд., т. е. почти в 5 раз¹.

В целом из 37 млн. пуд. фосфорнокислых удобрений, потребленных в 1913 г., только 12 млн. пуд., т. е. 32%, произведено внутри страны. Из 3 млн. пуд. азотистых удобрений внутреннее производство давало лишь 1 млн. пуд. Калийные удобрения, которых было употреблено в 1913 г. 5 млн. пуд., целиком привозились из-за границы². 80% всех ввозных удобрений покупались в Германии.

Россия располагала сырьевыми ресурсами, достаточными для организации собственного производства минеральных удобрений в нужных количествах. Между тем прекрасные подольские фосфориты и сырая кость продавались по низким ценам за границу, откуда ввозился приготовленный из этого сырья суперфосфат.

Таможенно-тарифная политика царского правительства не способствовала развитию отечественного производства удобрений. На перевозку землеудобрительных туков был установлен высокий железнодорожный тариф. На ввозной колчедан и серную кислоту для производства суперфосфата существовали высокие ввозные пошлины. Все это удорожало производство удобрений и повышало цены на них, что было на руку заграничным поставщикам. Цены на удобрения в России были весьма высоки по сравнению с ценой хлеба, что являлось одной из главнейших причин их слабого распространения.

Все или почти все суперфосфатные заводы были сосредоточены по западной границе и балтийскому побережью и базировались преимущественно на переработке привозимых из-за границы фосфоритов и колчеданов.

¹ ЦГИАЛ, ф. 398 (Департамента земледелия), оп. 75, д. 377, л. 1.

² Там же, л. 5—6.

Все они были в руках заграничных компаний, которые определяли для каждого завода размеры производства, рынки сбыта и цены на суперфосфат.

Департаментом земледелия делались некоторые попытки, направленные к созданию отечественной промышленности фосфоритных удобрений ближе к потребителю и источникам сырья. В частности, были разведаны значительные залежи фосфоритов и колчеданов и определена их полная пригодность для производства удобрительных туков. В 1910 г. в г. Кишиневе был основан первый частный суперфосфатный завод с производством около 300 тыс. пуд. В 1911 г. возникли два акционерных завода в Подольской губ., каждый с годовым производством не менее 1 млн. пуд. На 1912 г. пермским и вятским земствами было запроектировано строительство завода в г. Перми с такой же производительностью. Но технология производства на этих заводах была весьма несовершенной, так как заграничные и русские заводы, устроенные на заграничные капиталы, совершенно не допускали русских специалистов к осмотру и ознакомлению с производством.

До 1914 г. совершенно не использовались кислотные отбросы заводов, производивших взрывчатые вещества. В 1914 г. на Охтенском пороховом заводе было организовано суперфосфатное отделение с производительностью до 300 тыс. пуд. в год.

Производство томасшлака целиком находилось в руках акционерного общества русских томасшлаковых заводов, акции которого находились у немцев. Исключительное право торговли томасшлаками принадлежало обществу Густав Сиверс, являвшемуся также акционером общества томасшлаковых заводов. Производство томасшлака было сосредоточено при Таганрогском, Мариупольском и Керченском металлургических заводах.

Производство костяной муки было целиком монополизировано Обществом костеобрабатывающих заводов, скупавшим около 8 млн. пуд. сырой кости и производившим до 4 млн. пуд. костяной муки в год.

Все эти особенности организации производства минеральных туков и торговли ими, как увидим ниже, сыграли свою роль в годы первой мировой войны.

Столыпинская земельная реформа и сельское хозяйство

К началу первой мировой войны в сельском хозяйстве России сложились все основные зачатки того кризиса, который ему пришлось пережить в годы войны. Особенно неприглядную картину представляло к этому времени крестьянское хозяйство.

Главное, чем характеризовалось положение крестьянского хозяйства, состояло в его придавленности пережитками старой крепостнической системы. Наличие в стране огромных помещичьих латифундий, малоземелье и нищета миллионов крестьян были причинами важнейшего экономического явления, которое В. И. Ленин характеризовал как «существование мелкой культуры, мелкого хозяйства на крупных латифундиях, обработка помещичьей земли инвентарем мелкого крестьянина»¹.

Крепостнические латифундии и беспощадный деспотизм самодержавного государства были той силой, которая держала крестьянство в состоянии крайней нищеты, задавленности, бесправия и бескультурья. Но эта сила не могла долго противодействовать осуществлению основной тенденции, четко обозначившейся в российском сельском хозяйстве. Эта тенденция, как указывал В.И. Ленин, вытекала из факта господства мелкой культуры на крупных латифундиях и состояла в переходе земли из рук владельцев этих латифундий в руки мелких хозяев-производителей. Ее осуществление, за которое боролось крестьянство, означало бы победу «американского» пути развития капитализма в сельском хозяйстве.

Революция 1905—1907 гг. не привела к крестьянскому разрешению аграрного вопроса, ее поражение означало продолжение борьбы двух путей развития земледельческого капитализма — прусского (помещичьего) и американского (крестьянского).

На новом этапе противники получили новые средства для этой борьбы: помещики — столыпинскую аграрную политику, крестьяне — рожденный в боях 1905—1907 гг. союз с рабочим классом под руководством этого класса.

¹ В. И. Ленин. Сущность «аграрного вопроса в России». Соч., т. 18, стр. 58.

Новая аграрная политика проводилась по трем основным направлениям: разрушение крестьянской общины, переселение крестьян внутренних губерний на новые земли и насаждение хуторов и отрубов через Крестьянский поземельный банк.

Проведение столыпинской реформы встречало упорное сопротивление бедняцко-средняцких масс крестьянства.

Крестьяне поднимались на борьбу против столыпинского землеустройства не потому, что они были против разрушения общины, а потому, что это разрушение проводилось в интересах зажиточной верхушки деревни с целью укрепления господствующих позиций помещиков.

«Столыпин, — писал В. И. Ленин, — уничтожает эту общину насильственно в пользу кучки богатеев. Крестьянство хочет уничтожить ее, заменив свободными *товариществами* и землепользованием «отдельных лиц» на *национализированной* надельной земле»¹.

Борьба крестьянских масс явилась сильнейшей помехой на пути осуществления столыпинского законодательства. С момента издания указа 9 ноября 1906 г., положившего начало насаждению частной собственности на надельные земли, до 1 января 1914 г., т. е. за 7 лет, в Европейской России заявили требование о закреплении земли в собственность всего лишь 2 599 тыс. домохозяев, из них окончательно вышло из общины только 1 871 тыс. домохозяев.

В. И. Ленин указывал, что столыпинская реформа не может окончиться ни чем иным, кроме позорного провала. Фактическое положение массы мелких и мельчайших крестьян не могло улучшить никакое «землеустройство», если остаются неприкосновенными крепостнические латифундии. Ленин писал, что это положение «неизбежно ставит их в кабальное отношение к наследственному владельцу латифундии, старому «барину»»².

Признаки краха столыпинской политики проявились уже на четвертом году ее проведения. Число вышедших

¹ В. И. Ленин, Аграрная программа... Соч., т. 13, стр. 260.

² В. И. Ленин, Сущность «аграрного вопроса в России». Соч., т. 18, стр. 59.

из общины по сравнению с 1909 г. упало в 1910 г. до 59,1%, в 1911 г. оно составляло уже 25,1%, в 1912—1913 г. — 22,2%.

Образование кулацких хуторов и отрубных хозяйств шло также далеко не с таким размахом, как хотелось бы правительству. Это особенно наглядно представляется по результатам деятельности Крестьянского поземельного банка.

Как показывают годовые отчеты этого банка, за 7 лет, с 1907 по 1913 г., крестьяне России (без Царства Польского) купили у помещиков с содействием банка (с его ссудами) 4 516 тыс. дес. земли и из принадлежавших банку имений — 3 255 тыс. дес., а всего, следовательно, 7 771 тыс. дес. При этом землю купили в составе обществ и товариществ 899 тыс. домохозяев и в единоличную собственность — 263 тыс. домохозяев, т. е. всего лишь 22,6% общего числа покупателей земли.

Высокие цены на землю, вздутые помещиками при помощи того же банка, свирепые меры по выколачиванию очередных платежей и недоимок по ссудам не позволяли большинству хуторян и отрубников укрепиться на земле, и они сгонялись с нее банком, а земля переходила к кулакам, которые скупали по нескольку участков. Обогащение небольшого слоя кулаков сопровождалось разорением большинства «новых собственников». Число публикаций о продаже участков с торгов с 7,7 тыс. в 1911 г. увеличилось до 50,4 тыс. в 1914 г.

Признание царизмом краха своей политики выразилось, в частности, в том, что если до 1911 г. в числе публиковавшихся к продаже земель преобладали земли сельских обществ и товариществ, то с 1912 г. уже преобладали публикации о продаже хуторских и отрубных участков. В результате крестьяне начали избегать «услуг» Крестьянского банка. Число новых заемщиков, составлявшее в 1910 г. 133,9 тыс., упало в 1912 г. до 83,4 тыс., а в 1913 г. — до 75,2 тыс. Из общего земельного фонда банка за 1906—1914 гг. в 6,4 млн. дес. к началу мировой войны оставались непроданными 2,8 млн. дес. земли.

К началу первой мировой войны явно обнаружился крах и третьего направления столыпинской политики —

переселения. При помощи переселения помещики пытались не столько сгладить остроту малоземелья в центральных губерниях, сколько усилить землевладение кулаков за счет наделов переселенцев и «постараться «разредить» атмосферу в России, постараться *сбыть* побольше *беспокойных* крестьян в Сибирь»¹.

Агитационная шумиха вокруг переселения, рассказы о сказочных урожаях и привольном житье на новых землях, посулы материальной поддержки за счет казны подняли огромные массы людей на переселение.

В 1906—1910 гг. насчитывалось 2396,2 тыс. переселенцев, т. е. в среднем по 599 тыс. человек в год². Но переселение не только не было надлежащим образом организовано царскими властями, а рассматривалось местными чиновниками как исключительно удобный случай нажиться за счет переселенцев при их передвижении, отводе им земель и т. д. Денег, вырученных от продажи имущества на родине, большинству переселенцев едва хватало, чтобы добраться до места вселения, так как переселялись, главным образом, малоимущие слои деревни. Так, из обследованных в 1912 г. 5973 новоселов Приморской области не имели на родине посева 1291 переселенец, имели до 1 дес. — 1525, и от 1 до 2 дес. — 1219 переселенцев. Из 5643 новоселов не имели до переселения лошадей 2357, имели по одной лошади 1324 переселенца. Из 6042 новоселов совсем без денег приехали 1346 домохозяев, привезли до 25 руб. — 770 и от 25 до 100 руб. — 1359 переселенцев³. Таким образом, более половины переселенцев не имели возможности завести собственное хозяйство.

Сама казна подавала примеры ограбления переселенцев. Так, сельскохозяйственные склады Переселенческого управления в 1898—1908 гг. получили от продажи переселенцам сельскохозяйственных машин и

¹ В. И. Ленин, К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства. Соч., т. 19, стр. 159.

² См. «Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 году», Пг., 1914, стр. 1.

³ «Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской обл.», т. V, Владивосток, 1914, стр. 37, 38, 43.

инвентаря 14,8% прибыли¹. Если учесть, что само Переселенческое управление приобретало машины и орудия по ценам, вздутым поставщиками и торговыми посредниками, можно представить себе, во что обходилась переселенцам «помощь» Переселенческого управления. Мало этого, на сумму предоставленного при продаже машин кредита начисляется особый процент не ниже банковского процента².

В ограблении переселенцев с казной успешно конкурировали многочисленные любители наживы — кулаки-старожилы, купцы, полицейская стража, железнодорожные служащие, чиновники всех степеней и рангов.

В результате большая часть переселенцев бросала отведенные участки, разбредалась по Сибири в поисках заработка или, поклонившись крестам на свежих могилах, уходила обратно за Урал, неся с собой неистребимую ненависть к царизму. Процент зарегистрированных возвращенцев с 13 в 1909 г. поднялся до 36 в 1910 и до 60 в 1911 гг. Эти цифры свидетельствовали о явном провале переселенческой политики царского правительства.

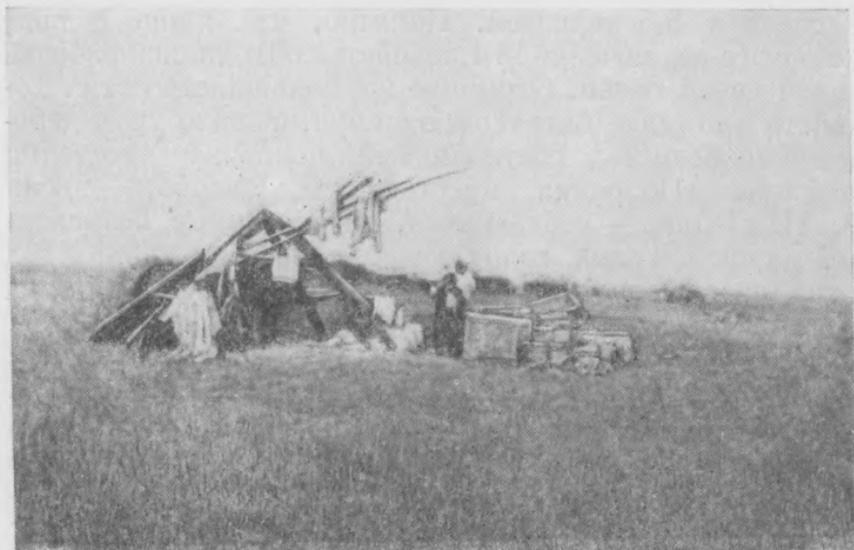
Характерной особенностью развития крестьянского хозяйства России в годы столыпинской реформы являлся сравнительно быстрый рост кооперации. Объективной основой этого роста являлось усилившееся развитие капитализма в сельском хозяйстве.

Рост кооперации, являясь отражением процесса усиления конкурентной борьбы, сам представлял из себя новую ступень развития этой борьбы. Кооперация была одной из форм концентрации капитала в земледелии и, объединяя капиталы зажиточных верхов деревни, служила этим верхам в борьбе с ростовщичеством, перекупкой продукции при сбыте и т. д.

Кооперация, поскольку она укрепляла положение кулачества, отвечала столыпинской ставке на «крепкого мужика», и развитие ее стало получать поддержку правящих кругов. С 1908 г. замечается быстрый рост

¹ Укажем попутно, что по закону 1893 г. рост свыше 12% годовых считался чрезмерным и признавался ростовщичеством, которое должно было бы караться в уголовном порядке.

² «Сельскохозяйственный кредит в России», сост. В. В. Морачевский, Спб., 1910, стр. 127—128.

Землянка переселенца. Тургайская область. 1908 г.
Фото. (Гос. музей революции СССР)

кооперации. Наибольшее развитие получили кредитные кооперативы.

Столыпинская аграрная реформа не привела к созданию значительного слоя «крепких мужиков», «новых помещиков», который мог бы явиться надежной опорой помещиков и царизма в деревне. Но небольшой слой кулачества нажился в эти годы за счет разорения бедноты и обеднения середняков, усилилось расслоение крестьянства. Представление о степени расслоения крестьянства к началу первой мировой войны дают итоги последней военно-конской переписи, проведенной в 1912 г.

Деревня к началу войны представляла собой далеко не однородную массу населения. С одной стороны, 8,5 млн. хозяйств безлошадных и однолошадных. Очевидно, что эти крестьяне в большинстве не могли обходиться доходами от собственного земледельческого хозяйства, пополняя бюджет полностью или частично продажей рабочей силы. С другой стороны, насчитывалось 1,9 млн. дворов с 3 и более лошадьми. На каждое хозяйство последней группы (892,6 тыс. дворов) приходилось

в среднем 5,5 лошадей. Понятно, что лишь в виде немногих исключений эти хозяйства обходились рабочей силой своей семьи. Огромное же большинство этих хозяйств нанимало батраков, эксплуатировало труд деревенской бедноты, составлявшей половину населения деревни. «Половина крестьянских дворов, — писал В. И. Ленин, — «обязанные», закабаленные безысходной нуждой. Голод, голод даже в самый урожайный год заставляет их зимой втрое дешевле кабалить свой труд помещику»¹.

Важным условием развития крестьянского хозяйства была непомерная тяжесть налогов, прямых и косвенных, платежи которых были приурочены, как правило, к осени. Поэтому крестьянин вынужден был продавать свой урожай сразу после уборки, по низким ценам. Таким образом, тяжелые условия производства продукции дополнялись для них крайне неблагоприятными условиями ее реализации. Особенно ухудшилось положение мелких крестьян с переходом капитализма в его монополистическую стадию — империализм.

Высокая прибыль промышленных и банковых монополий при сохраняющем свое значение законе равенства суммы цен реализуемых на рынке товаров сумме их стоимостей получается за счет разницы в ценах монополизированных предприятий в промышленности и особенно за счет понижения цен на продукты сельскохозяйственного производства, чем обуславливается усиление эксплуатации деревни городом в период империализма. Перераспределение произведенной прибавочной стоимости в пользу промышленных концернов обеспечивает для промышленности более быстрое развитие и сдерживает, а иногда и прямо тормозит развитие сельского хозяйства, углубляя противоположность между городом и деревней и усиливая отсталость последней.

Между тем и в сельскохозяйственном производстве более высокая прибыль достается крупнейшим передовым в организационно-техническом отношении хозяйствам. При этом все невзгоды перераспределения прибавочной стоимости как в пользу промышленно-финансо-

¹ В. И. Ленин, К вопросу о смете министерства земледелия. Соч., т. 20, стр. 291.

вых монополий, так и в пользу крупнейших сельскохозяйственных предприятий ложатся на плечи мелких и мельчайших производителей деревни, не получающих даже средней прибыли, а часто не получающих не только прибавочного, но даже и необходимого продукта.

Ограбление мелкого производителя деревни принимает особенно большие размеры в условиях сохранения элементов докапиталистической эксплуатации, когда модифицированная империализмом свобода конкуренции в области реализации продуктов сочетается с отсутствием свободы выбора условий для производства, когда производитель вынужден довольствоваться условиями, диктуемыми земельным собственником.

Особенно важно учесть, что монополия частной собственности на землю дает земельным собственникам возможность присваивать значительную часть прибавочной стоимости в виде абсолютной земельной ренты, почему цены сельскохозяйственных товаров стоят выше цен производства промышленных товаров на сумму этой абсолютной ренты. И если они фактически снижаются ниже этого уровня, причем, абсолютная рента от этого несколько не страдает, а, наоборот, возрастает, то ясно, что результат этих ножниц бьет опять-таки по мелким производителям или по сельскохозяйственным рабочим.

Конкретное выражение этот вид эксплуатации получал в реализации сельскохозяйственных продуктов.

Как происходила реализация хлеба крестьянами, выразительно показано в материалах обследования хлебной торговли, произведенного киевским губернским земством накануне мировой войны.

Главными покупателями крестьянского хлеба были мелкие скупщики, хлебные «зайцы», являвшиеся обыкновенно агентами крупных хлеботорговых фирм или частных банков. Скупщики давали крестьянам авансы за 2—3 месяца до уборки урожая, со скидкой от 3 до 10 коп. с пуда с будущей осенней цены. «Следовательно, — говорится в материалах обследования, — скупщический кредит обходится иногда крестьянину процентов в 120 годовых»¹.

¹«Хлебная торговля в Киевской губернии», Киев, 1914, стр. 12.

Царское правительство, к полному удовольствию помещиков и воротил хлебной торговли, делало все для того, чтобы заставить крестьян продать свой хлеб осенью, обязательно раньше помещиков. Это достигалось, в частности, приурочением к осени налоговых платежей, для взыскания которых с окончанием уборки хлебов власти средств не жалели. При этом для помещиков официально устанавливались более поздние сроки платежей, чем для крестьян. Например, заемщики Крестьянского банка должны были вносить очередные платежи к 1 октября, а Дворянского — к 1 ноября. Этот факт нельзя недооценивать, поскольку плательщиками взносов Крестьянскому банку к началу войны являлись 1,5 млн. крестьянских хозяйств.

Обычной мерой «понуждения» заемщиков к платежу взносов являлось в имениях банка задержание хлеба на полях или на гумнах, куда хлеб свозился за счет заемщика. Отпуск хлеба его владельцами производился частями, по мере уплаты взносов, чем заемщики вынуждались к немедленной продаже хлеба.

Даже Совет объединенного дворянства, признавая положение ненормальным и опасным для спокойствия помещиков, указывал в одном из своих докладов на исключительное падение цен на хлеб осенью. Так, в Балашовском уезде Саратовской губ. крестьяне в августе 1909 г. «заваливали станции железной дороги своим хлебом, который они везли на продажу для расчета с Банком по аренде. Массовое предложение хлеба на рынке сразу понизило цену до 20 коп. в среднем за пуд, так как местные торговцы и агенты больших фирм хорошо знали, в какие условия поставлены Банком продавцы-крестьяне»¹.

Осенние цены, являвшиеся по преимуществу ценами крестьянского хлеба (бедноты и середняков), были значительно ниже весенних цен. Так, по данным текущей статистики, в Европейской России в 1913 г. осенние цены на рожь равнялись в среднем 77 коп. за пуд, а ве-

¹ «Доклад Совета VI съезда уполномоченных дворянских обществ о деятельности Крестьянского поземельного банка», б/г, стр. 19.

сенние — 85 коп., т. е. осенние были на 11 с лишним процентов ниже весенних. Если же учесть кабальные авансы и займы, то разница эта будет еще значительней.

Как распределялись в течение года на рынке роли различных продавцов хлеба, показывают данные киевского земства. Кульминационным пунктом продажи крестьянского хлеба в Киевской губ. являлся июль. К октябрю торговля замирала и несколько оживлялась к «рождеству». «И наконец весной — с одной стороны происходит реализация частновладельческого урожая и (урожая. — А. А.) среднезажиточного крестьянства, выжидающего к весне крепких цен, с другой — рядовое крестьянство появляется на рынке уже в качестве покупателя как хлеба для личного потребления, так и посевного материала и кормов»¹.

Количество продаваемого бедняками и середняками хлеба было относительно невелико по сравнению с валовым сбором. По вычислениям акад. В. С. Немчинова, товарная часть (внедеревенский оборот) хлебов у них равнялась лишь 14,8% их доли валового сбора и 7,4% всего сбора хлебов по стране². Но и эта сравнительно небольшая часть урожая появлялась на рынке в значительной мере в ущерб собственному потреблению. Низкую товарность бедняцко-средняцкого хозяйства относительно валового сбора следует признать ненормально высокой относительно размеров нормального человеческого потребления. Принудительная, вынужденная реализация хлебов подрывала продовольственную и кормовую базу крестьянского хозяйства, а низкие цены, уплачиваемые скупщиками хлеба, исключали возможность приобретения хотя бы минимума предметов первой необходимости. В результате обычным явлением были голодовки людей и бескормица скота.

Бюджетные исследования крестьянских хозяйств, относящиеся к довоенным годам, зафиксировали очень низкий уровень потребления российского крестьянства.

¹ «Хлебная торговля в Киевской губернии», стр. 18.

² В. С. Немчинов, Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории, М., 1945, стр. 34.

Потребление сахара, например, составляло менее фунта в месяц, а растительного масла — полфунта¹.

По вычислениям специалистов, калорийность суточного набора продуктов русского крестьянина равнялась 2617 кал., финского — 3674 кал., итальянского — 3565 кал., крестьянина штата Нью-Йорк — 3785 кал.²

Российское крестьянство не оставалось безропотной и покорной массой перед лицом все усиливавшегося ограбления его помещиками, кулаками, капиталистами и даже в условиях свирепого столыпинского режима поднималось на борьбу против помещиков и царизма. Столыпин считал, что для буржуазно-помещичьей перестройки аграрных отношений в России необходимо 20 лет «покоя», в течение которых в деревне должны остаться только разжиревшие кулаки и помещики да забитые и ограбленные батраки. Однако эти расчеты строились на ошибочном представлении о косности и консервативности крестьянства. Между тем опыт революции 1905—1907 гг., а также последующий думский период показали, что для подобных представлений нет никаких оснований. Благодаря самоотверженной борьбе большевиков годы столыпинской реакции явились годами дальнейшего укрепления союза рабочего класса и крестьянства. Ведущая роль рабочего класса выразилась прежде всего в том, что он первый поднял новую волну революционных схваток с царизмом. Сила и жизнённость налаживавшегося союза с крестьянством проявила себя в том, что крестьянство, вслед за рабочим классом, все решительнее становилось на путь открытой борьбы с царизмом и помещиками.

Крестьянское движение в годы столыпинской реформы неуклонно нарастало. С 1906 по 1910 г. было 6275 выступлений. С 1911 г. наступил некоторый спад (4567 выступлений), продолжавшийся до начала мировой

¹ «Нормы потребления сельского населения по данным бюджетных обследований. (Предварительный подсчет)», Спб., 1915, стр. 2—3.

² В. И. Биншток и Л. С. Каминский, Народное питание и народное здоровье в войну 1914—1918 гг., М.—Л., 1929, стр. 14.

Борьба крестьян против выхода на отруба и хутора. С. Волотово, Лебедянского уезда, Тамбовской губ. (С карт. худ. Дрюгина Н. И.)

войны (число выступлений в 1912 г. — 1810, в 1913 г. — 647 и в 1914 г. — 6)¹.

Несмотря на этот факт падения числа открытых народных выступлений, анализ причин которого не ставится задачей настоящей работы, нам представляется, что говорить о каком-либо уменьшении недовольства крестьян существовавшим порядком вещей, о каком-либо примирении их с царским режимом было бы ошибочным. Более того, необходимо отметить определенный рост недовольства и возмущения крестьян.

Характерным показателем этого могут служить данные о взысканиях, наложенных на крестьян волостными старшинами 42 губерний и сельскими старостами 35 губерний в порядке статей 79 и 104 Общего положения о крестьянах.

Этими статьями названным должностным лицам крестьянского «самоуправления» предоставлялось право подвергать крестьян «за маловажные проступки» денежному штрафу до 1 руб. или аресту до 2 дней. Их юрисдикции подлежали проступки: 1) против церковного благочиния; 2) против правительственного и общественного порядка; 3) заключающие в себе соблазн; 4) против законов о личной безопасности; 5) против законов о праве на имущество и 6) по нарушению законов о лесах.

Проступками против правительственного и общественного порядка признавались: шум и брань на улице; неисполнение требований начальства; «утруждение начальства несправедливыми просьбами»; самовольная отлучка свыше 50 верст или за пределы уезда; непочитание, грубость и дерзость младших против старших, «а тем более против лиц, облеченных от правительства властью»; грубость и неповиновение работников хозяевам и др.

Проступками, заключающими в себе соблазн и дурное поведение, считались: непристойные слова и песни;

¹ С. М. Дубровский, Крестьянское движение в годы столыпинщины, «На аграрном фронте» № 1, 1925 г., стр. 101. Данные С. М. Дубровского, по крайней мере за 1914 г. (6 выступлений), неполны: по тем же источникам (материалы департамента полиции) нами зарегистрировано в 1914 г. 104 выступления, не считая поджогов и отдельных террористических актов.

пьянство во время обедни; «если найден на улице пьяным до беспамятства»; нищенство, прошение милостыни и т. д.¹

Сведения о взысканиях за проступки крестьян были собраны земским отделом министерства внутренних дел за 1910—1915 гг. Сведенные в таблицу, они выглядят в следующем виде²:

Таблица 10

Взыскания, наложенные на крестьян
за проступки в 1910—1915 гг.

Годы	Всего арестов и штрафов	% к 1910 г.	Из них за проступки против правительства и общественно-го порядка	% к 1910 г.	% к общему числу взысканий
1910	89 709	100	64 963	100	72,4
1911	99 823	111	72 368	111	72,5
1912	117 313	131	85 482	132	72,9
1913	132 376	148	97 189	150	73,4
1914	113 070	126	82 841	128	73,3
1915	85 292	95	63 952	98	75,0

Цифры наглядно показывают быстрое нарастание недовольства крестьян, находившее свое проявление как в общем росте проступков, так и особенно в росте проступков против правительственного и общественного порядка. Если число всех проступков в 1913 г. увеличилось на 48%, то противоправительственных — на 50%. Доля их в общем числе проступков с 72,4% в 1910 г. выросла до 73,4% в 1913 г. (в данном случае мы не рассматриваем данных за 1914 и 1915 гг., когда уже сказалось влияние военного времени).

¹ «Свод законов Российской империи. Продолжение. 1912 г.», ч. 5, статьи к т. IX, стр. 49—52.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 54, д. 19. Подсчитано по губернским сводкам.

Одновременно с борьбой крестьян против царских властей и помещиков в деревне развертывалась борьба беднейших слоев крестьянства против кулачества, особенно острые формы принявшая накануне первой мировой войны.

Вступление России в войну ослабило революционную борьбу рабочих и крестьян, но не надолго. Мировая война несла собой коренные сдвиги как в экономике крестьянского хозяйства и положении крестьянства, так и в революционной борьбе крестьян.

Глава II

ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Определение помещичьего хозяйства

Реформа 1861 г. определила капиталистический путь развития как крестьянского, так и помещичьего хозяйства России. «Помещичье хозяйство, — писал В. И. Ленин, — эволюционирует капиталистически, заменяя постепенно отработки «вольнорабочим трудом», трехполье — интенсивной культурой и крестьянский стародедовский инвентарь усовершенствованными орудиями владельческой экономии»¹.

Однако этот процесс капиталистической перестройки помещичьих полукрепостнических имений шел очень неравномерно как по разным районам страны, так и по отдельным имениям данного района. Первая мировая война застала помещичье хозяйство на самых различных ступенях капиталистической эволюции: от самых откровенно крепостнических форм кабально-отработочного хозяйства до крупных капиталистических зерновых фабрик и животноводческих ферм. В один ряд с хозяйствами бывших крепостников — дворян — становились крупные хозяйства купцов, мещан, разбогатевших крестьян, вливавших новую струю в процесс капиталистической трансформации, но в силу господствовавших условий также не отказывавшихся от выгод кабально-отработочной эксплуатации мелких крестьян, иногда

¹ В. И. Ленин, Аграрная программа... Соч., т. 13, стр. 218.

даже с большим «искусством» усиливая эту эксплуатацию. Таким образом частновладельческое хозяйство становилось все более всесловным. К тому же размеры этих хозяйств были самыми различными. И в числе дворянских «имений» можно было нередко встретить такие хозяйства, которые в основных чертах были ближе к крестьянским хозяйствам. Все это делает грань между так называемым частновладельческим хозяйством и крупным крестьянским весьма подвижной и трудно уловимой, и определение такого хозяйства представляет значительные трудности.

Тем не менее имеются некоторые важные признаки, которые не позволяют смешивать один тип хозяйства с другим и дают право на самостоятельное определение частновладельческого или (что не совсем то же самое) помещичьего хозяйства.

Этими отличительными признаками, с учетом сделанных выше оговорок, можно приблизительно считать следующее.

1. Достаточно крупные размеры землевладения или землепользования на собственной или арендованной земле приблизительно не менее 50 дес. или, при меньшей площади, достаточно крупные размеры капитала, вложенного в те или иные отрасли сельскохозяйственного производства.

2. Принадлежность хозяйства одному частному владельцу или нескольким совладельцам, связанным родственными узами.

3. Централизованное в одном лице или конторе управление хозяйством, снабжение его и распределение доходов.

4. Привлечение рабочей силы со стороны; неучастие семьи владельца в основных сельскохозяйственных работах.

5. Организация большей части хозяйства не на наделной земле.

6. Отсутствие совместных с сельским обществом мирских обязательств и повинностей, вообще отсутствие признаков крестьянского уклада жизни.

Разновидностью помещичьего хозяйства можно признать земельное владение ненадельного типа достаточно

крупных размеров, сдаваемое полностью или частично в аренду с незначительными размерами собственного хозяйства. В России же были и такие владения, в которых помещик совсем не вел хозяйства, сдавая всю землю в аренду. Не являясь собственно «хозяйствами», эти владения, однако, имели много общего с хозяйствами рассматриваемого нами типа, прежде всего по характеру извлечения доходов, почему отбрасывание их было бы неправомерным.

Российские частновладельческие хозяйства, в общем независимо от сословия владельцев, основывались и к началу мировой войны не только и не столько на капиталистической эксплуатации наемных рабочих, сколько на полукрепостнической эксплуатации малоземельного закабаленного крестьянства, что дает основание в целом не проводить грани между понятиями «частновладельческое хозяйство» и «помещичье хозяйство», кроме некоторых оттенков этих понятий.

Правда, среди помещичьих хозяйств, как уже указывалось, можно было встретить и такие, которые полностью перешли на производство собственным инвентарем и наемным трудом. Но и эти хозяйства нельзя исключить из числа помещичьих по следующим причинам: они вели производство в условиях господства крепостнического помещичьего землевладения над крестьянством страны в целом в условиях гнета помещичьего государства, вследствие чего наемный сельскохозяйственный рабочий — это сплошь и рядом тот же крестьянин, задавленный кабалой и нуждой, рабочая сила, следовательно, баснословно дешева. В низком уровне заработной платы находит свое выражение та же полукрепостническая эксплуатация.

Между тем следует сразу же сказать, что источники, которыми приходится пользоваться для исследования помещичьих хозяйств, сплошь и рядом не позволяют произвести отбор их в соответствии с теми определениями, которые даны выше. Царская статистика в понятие помещичьего хозяйства вкладывала далеко не тот смысл, как определяем его мы с позиций социально-экономической роли этого хозяйства, что, как увидим ниже, весьма затрудняет исследование. Это обстоятельство

заставляет особенно внимательно относиться к другим источникам, проливающим свет на действительную природу преобразованного капитализмом помещичьего хозяйства. При этом наиболее важным признаком, объединяющим в одно целое все разновидности помещичьих хозяйств, является характер землевладения, составляющего основу господствующих производственных отношений.

Помещичье землевладение и землепользование

Отличительной чертой помещичьего землевладения в России, как уже указывалось, являлось резкое несоответствие размеров землевладения размерам ведущегося на этой земле хозяйства. «На громаднейших участках земли, свыше 500 дес., — писал В. И. Ленин в 1912 г., — почти невозможно или, по крайней мере, крайне трудно в большинстве местностей России ведение *крупного хозяйства*, обработка всей земли инвентарем владельца и вольнонаемным трудом»¹.

Массовых данных о соотношении между размерами землевладения и размерами хозяйства дореволюционная статистическая литература не оставила. Некоторое представление об этом для небольшого числа помещичьих хозяйств может дать таблица 11, составленная по первичным материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. для Тульской губ.² (См. табл. 11 на стр. 89).

Материалы таблицы показывают, что собственные запашки помещиков едва превышали половину имевшейся у них пашни. Другая половина сдавалась крестьянам в аренду за деньги, за отработки, испольно и т. д. Число хозяйств, совсем не сдававших пашни, не достигало и трети. Наибольшую долю своей земли сдавали крупнейшие имения, бывшие основным носителем пережитков крепостничества. Обычно помещики сдавали землю в аренду, так как это было средством обеспечения имения

¹ В. И. Ленин, Сущность «аграрного вопроса в России». Соч., т. 18., стр. 59.

² Архив ЦСУ, Отд. с. х., 1917 г., д. 97—99.

Размеры землевладения и собственного хозяйства у помещиков Тульской губ.
в 1917 г.

Группы имений по количеству земли (в дес.)	Количество		Сдано в аренду пахотной земли		Приходится на 1 имение (дес.)		Хозяйства, сдававшие землю в аренду	
	имений	пахотной земли (в дес.)	в дес.	в %	пашни	собственного посева с паром	количество	%
100— 250	12	1 313	65	5,0	109	104	3	25,0
250— 500	42	11 119	3 313	33,4	265	176	28	66,7
500—1 000	93	41 427	14 510	35,0	445	282	68	74,2
1 000—5 000	41	41 117	18 023	43,8	1 003	563	33	80,5
Свыше 5 000	4	23 682	13 552	57,3	5 920	2 532	4	100,0
Итого	192	118 658	49 463	41,7	618	355	136	70,8

рабочими руками: помещик привязывал арендатора и его семью к арендуемому клочку земли, рядом кабальных условий заставляя его работать на себя. Если у помещика не было излишков земли для сдачи в аренду, он старался их создать. Так, известный помещик и предприниматель П. И. Харитоненко, имевший десятки тысяч десятин земли, сам арендовал в Курской губ. у А. Д. Шереметева и других помещиков 4612 дес. и в то же время сдавал окрестным крестьянам в погодную аренду 1606 дес. пашни и сенокоса¹. Вследствие такой организации иногда очень трудно определить тип того или иного хозяйства. Одно несомненно: преобладающим среди крупных помещичьих хозяйств был смешанный тип, в котором капиталистическая организация собственного хозяйства сочеталась с крепостнической эксплуатацией крестьян. По отдельным районам и хозяйствам преобладала то одна, то другая сторона.

Это важно подчеркнуть сейчас, чтобы иметь в виду в дальнейшем известную условность терминов «капиталистическое» и «крепостническое» хозяйство, которыми часто приходится пользоваться без особых оговорок. Несоответствие размеров помещичьего хозяйства размерам землевладения выражалось, по определению В. И. Ленина, в господстве мелкой культуры на крупных латифундиях, что приводило к переходу земли этих латифундий в руки мелких крестьян, стимулировало борьбу крестьян с помещиками за эту землю.

Помещичье хозяйство шло впереди крестьянского как по агротехническому уровню², так и по результатам. Но передовые агротехнические приемы касались лишь площади, которая обрабатывалась средствами самих помещиков, а эта площадь составляла незначительную часть их земли. Перепись 1916 г. показала, что удельный вес помещичьего хозяйства в сумме посевных площадей весьма незначителен. Это удобнее показать в сравнении с данными о землевладении, хотя они и относятся к 1905 г.

¹ Архив ЦСУ, Отд. с. х., 1917 г., д. 20, л. 142.

² По сообщениям сельских хозяйств, например, в 1912—1914 гг. четырехпольные и многопольные севообороты были в 64,1% помещичьих и только в 19,2% крестьянских хозяйств («Стоимость производства главнейших хлебов», вып. I, стр. 446—449).

**Землевладение и собственные посеы помещиков
Европейской России**

	Землевладение в 1905 г. ¹		Посевы 1916 г. ²	
	млн. дес.	%	млн. дес.	%
Всего по Европейской России	240,5	100,0	71,7	100,0
В том числе:				
у крестьян	154,4	64,2	64,0	89,2
у частных владельцев	86,1	35,8	7,7	10,8

Цифры показывают, что в то время как доля помещиков в общей сумме земель составляла свыше 40%, удельный вес помещичьих посевов в 1916 г. едва превышал десятую часть, а до войны, с поправкой на сокращение посевов, составлял не более 12%. На помещичьих так называемых «экономических» посевах урожаи были выше, чем на крестьянских надельных землях. Но зато основная часть помещичьих земель, сдававшихся в годичную аренду, особенно в испольную, или обрабатывавшихся крестьянами в виде отработок, давала чрезвычайно низкие урожаи. Такая обработка не только исключала земельные улучшения, но лишала землю даже навозного удобрения, что приводило к истощению почвы.

Таким образом, помещичье хозяйство стояло выше крестьянского лишь постольку, поскольку способ ведения его был капиталистическим.

Но в том-то и дело, что капиталистическое хозяйство велось на незначительной части помещичьих земель. В целом же помещичье землевладение представляло собой громадный тормоз на пути развития капитализма в земледелии и на пути всего общественного прогресса в стране. Однако нельзя не учитывать важной особен-

¹ См. «Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России».

² «Предварительные итоги...», вып. I, стр. 632.

ности помещичьего хозяйства во всей системе народного хозяйства страны. Этой особенностью была высокая товарность помещичьего хозяйства, чем определялась его видная роль на хлебном рынке.

Обеспечение помещичьего хозяйства рабочей силой в годы войны

Одной из важных проблем, остро вставших перед помещичьим хозяйством в годы первой мировой войны, была проблема обеспечения рабочей силой. В разных районах и даже в отдельных хозяйствах она решалась по-разному, в зависимости от ряда специфических условий.

Война лишила сельское хозяйство России огромных контингентов рабочей силы. С июля 1914 г. по 1916 г. включительно в армию было призвано 13 млн. человек¹, из них свыше 10 млн. человек — из деревни. По данным Всероссийской переписи 1917 г., в двух губерниях Европейской России было мобилизовано меньше 40% мужчин в рабочем возрасте, в пяти — от 40 до 45%, в 25 губерниях — от 45 до 50% и в семи — от 50 до 53%, в девяти губерниях и областях Сибири — 49%, в Степном крае — 55%².

Изъятие половины лучших работников явилось одной из наиболее важных причин, вызвавших глубокое расстройство сельского хозяйства. Затронув прежде всего крестьян, это изъятие оказало серьезное влияние и на помещичье хозяйство. Предложение на рынке рабочей силы заметно сократилось еще в первый год войны, а на втором и особенно на третьем году понятие о таком рынке становится все более условным. Обычный добровольный наем уступил место различным способам вербовки или разным формам принудительного труда. Вместе с сокращением наличной рабочей силы в крестьянском хозяйстве, обгоняя по темпам это сокращение, шло падение количества рабочей силы, направлявшейся

¹ «Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах)», М., 1925, стр. 17.

² «Поездные итоги...», стр. 2—207.

Мобилизация в деревне. 1914 г.
(Рис. худ. Гапоненко Т. Г.)

на отхожие заработки. При этом отход на сельскохозяйственные работы уменьшался в более сильной степени, чем отход в промышленность, особенно работавшую «на оборону», куда привлекали не только более высокие заработки, но и отсрочка призыва в действующую армию. По тем же мотивам наблюдался приток рабочих на окопные работы в тылу армий. Насколько изменилось значение крестьянского хозяйства как резерва рабочей силы для сельскохозяйственных работ в частновладельческом хозяйстве, можно судить по данным следующей таблицы, составленной для пяти волостей Ефремовского уезда Тульской губ.¹

Таблица 13

Отход крестьян пяти волостей Тульской губ.
на заработки в 1910 и 1917 гг.

	1910 г.		1917 г.		1917 г. в % к 1910 г.
	колич.	%	колич.	%	
Всего учетных хозяйств	4 596	100	5 045	100	110
В том числе хозяйств с отходниками . . .	1 985	43	394	8	20
Всего отходников	2 991	100	477	100	16
В том числе на сель- скохозяйственные работы	1 542	52	94	20	6

Таким образом, общее число хозяйств в указанных пяти волостях с 1910 по 1917 г. увеличилось на 10%, а число хозяйств с отходниками уменьшилось в 5 раз. Если в 1910 г. отходников отпускал почти каждый второй крестьянский двор, то в 1917 г. — один двор из 13. До войны на сельскохозяйственные работы направлялось больше половины отходников, а в 1917 г. — только пятая часть. Наконец, число всех отходников сократилось в 6 раз, число же отходников на сельскохозяйственные работы уменьшилось в 17 раз, составив лишь 6% к числу всех отходников 1910 г.

¹ См. «Материалы по истории аграрной революции в России», т. I, М., 1928, таблицы, стр. 540—783.

Убыль рабочих рук помещики старались покрыть рабочей силой военнопленных. Они использовали свое господствующее положение в стране для того, чтобы обеспечить направление большей части военнопленных на сельскохозяйственные работы. В официальной справке Особого совещания по обороне приводятся данные по вопросу об использовании труда военнопленных, которые удобнее представить в виде следующей таблицы¹.

Таблица 14

Распределение военнопленных по ведомствам

Министерства, распорядившиеся трудом военнопленных	Число военнопленных			
	с начала войны до 1 мая 1916 г.	с 1 мая по 1 сентября 1916 г.	всего	%
Земледелия	460 935	178 306	639 241	57,4
Торговли и промышленности	167 399	32 000	199 399	17,9
Путей сообщения	97 680	43 000	140 680	12,6
Внутренних дел	25 802	—	25 802	2,3
Военное	66 324	42 964	109 288	9,8
Итого	818 140	296 270	1 114 410	100,0

Как видим, Министерство земледелия оказалось в самом выгодном положении, получив 57,4% всех военнопленных, тогда как промышленность и железнодорожный транспорт получили вместе только 30,5%.

В какие хозяйства прежде всего направлялись военнопленные, показывают следующие примеры.

В штаб Киевского военного округа пишет прошение об отпуске военнопленных крестьянин Иван Оснач из с. Требухова Черниговской губ. Прошение без гербовой марки. Резолюция: «Не пишет сколько, не оплачивает.

¹ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 369 (Особого совещания по обороне государства), оп. 9, д. 9, л. 10—11.

К делу. 26.X.1917»¹. Крестьянин Е. Е. Трухин из с. Вигурощина в прошении, оплаченном гербовым сбором, пишет: «Урошай озимой позабрали на войну, а остался сам старый, некому работать». Резолюция: «Отказать»². На совместном прошении от священника с. Княжичи, псаломщика и нескольких крестьян (по-видимому, кулаков) об отпуске 20 военнопленных наложена резолюция: «Если имеются — назначить»³. Только этими тремя документами представлены крестьянские интересы в обширном деле об отпуске военнопленных по Киевскому военному округу. Далее идут прошения помещиков, земств, промышленников, купцов и т. д. На прошении купца А. И. Берштейна от 24 ноября 1915 г. об отпуске 20 военнопленных наложена резолюция «Отказать за неимением»⁴. А на прошении землевладельца Л. Я. Шишковского от того же числа резолюция того же начальника: «Назначить»⁵.

Но вот получена заявка от светлейшего князя А. Н. Лопухина-Демидова на 300 военнопленных для работы в его экономиях. Немедленно последовала резолюция: «Назначить». Достаточно было Дарницкому лагерю несколько замешкаться с отправкой пленных, а князю — выразить легкое неудовольствие по этому поводу, как из штаба Округа прибыло срочное и грозное предписание: «Главный начальник округа приказал наряд 300 человек военнопленных... выполнить немедленно вне очереди...»⁶

Помещики, особенно крупные, получали огромное количество военнопленных. Так, кн. Кочубей получил по нарядам Киевского военного округа 1000 военнопленных⁷. Кн. И. П. Долгоруковой было предоставлено по трем прошением в 1915 г. 320 человек и по двум в 1916 г. 460 человек, а всего 780 военнопленных⁸. Сотня-

¹ ЦГВИА, ф. 1759 (Штаба Киевского военного округа), оп. 3, д. 446, л. 48.

² Там же, л. 65.

³ Там же, л. 619.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 610.

⁶ Там же, л. 611, 615.

⁷ ЦГВИА, ф. 1759, оп. 3, д. 458, л. 109.

⁸ ЦГВИА, ф. 1759, оп. 3, д. 460, л. 5, 8-в; д. 458, л. 105 об.

ми рассылались военнопленные из Дарницкого лагеря в имения крупнейших помещиков — П. И. Харитоненко, гр. В. А. Браницкого, гр. Е. М. Толстой, кн. Т. Г. Куракиной, В. А. Бродского, гр. Потоцкого, князя П. Л. Урусова, С. Н. Гербеля, Терещенко и др. Так выглядела одна из форм распределения военнопленных — по заявкам отдельных землевладельцев. Другой формой являлось распределение их через губернские и уездные земства, получавшие военнопленных из лагерей большими партиями по несколько тысяч человек. Эти военнопленные также распределялись главным образом по частновладельческим имениям и частично — по хозяйствам зажиточных крестьян. Известное значение для помещичьего хозяйства имело привлечение труда беженцев, которых в 1916 г. было занято на сельскохозяйственных работах до 240 тыс. человек. Правда, помещики с меньшей охотой брали беженцев, предпочитая им военнопленных.

Как сложилось к 1916 г. положение с рабочей силой в частновладельческом хозяйстве, показывает таблица, составленная по данным указанного выше «Свода по России».

Таблица 15 показывает, что в 1916 г. у 84 183 помещиков было в общей сложности 1 456,7 тыс. рабочих и служащих, не считая домашней прислуги. Из них военнопленных насчитывалось 293,6 тыс. человек, или 20,2%, а беженцев — 98,7 тыс. человек, или 6,8%.

Нетрудно заметить, что с возрастанием размеров хозяйства растет и доля военнопленных в общем числе наемных годовых и срочных рабочих у помещиков. В низших группах хозяйств (с посевом от 0 до 50 дес.) пленные составляли от 12,3 до 18,7% всей наемной рабочей силы, в высших группах (с посевом от 500 дес. и более) их было около трети и только у наиболее крупных посевищиков эта доля несколько менее (27,4%).

Процент беженцев, наоборот, снижается от низших к высшим группам, но если сложить проценты последующих двух граф таблицы, то преимущество в использовании принудительного труда все же остается за крупными посевищиками. Это становится особенно очевидным, если рассмотреть по группам долю хозяйств, использо-

Таблица 15

Численность и состав наемной рабочей силы
у частных владельцев в 1916 г.

Группы хозяйств по посеву	Число хозяйств	Всего наемных рабочих и служащих (в тыс. чел.)	В том числе (в тыс. чел.)		% к числу наемных рабочих и служащих	
			военнопленных	беженцев	военнопленных	беженцев
Без посева в 1916 г.	7 970	59,1	6,2	3,5	17,3	5,9
С посевом:						
до 10 дес.	16 463	60,8	4,7	4,3	12,3	7,1
10—50 »	28 275	173,9	23,7	15,1	18,7	8,7
50—100 »	14 065	167,4	29,0	14,9	17,4	8,9
100—150 »	10 286	313,4	55,8	26,0	17,8	8,3
250—500 »	4 411	263,7	60,2	15,4	30,8	5,9
500—1000 »	2 020	210,0	55,9	11,6	33,2	5,5
1000—5000 »	682	197,1	55,1	7,6	36,5	3,9
свыше 5000 »	11	11,3	3,0	0,3	27,4	2,9
Итого	84 183	1 456,7	293,6	98,7	20,2	6,8

вавших труд военнопленных и беженцев, по данным того же «Свода по России». (См. табл. 16 на стр. 99).

Как видно из приведенных цифр, доля хозяйств, пользовавшихся принудительным трудом военнопленных и беженцев, возрастает с увеличением размеров хозяйств. С повышением размеров хозяйства растет и удельный вес принудительного труда. Нельзя не обратить внимания на то, что всего только четвертая часть (25,6%) частновладельческих хозяйств, притом крупнейших, сумела воспользоваться трудом пленных и беженцев. Остальные три четверти, преимущественно мелкие хозяйства, имели все основания считать себя обделенными, что не могло не вносить раздоров в среду помещиков.

Спрашивается, не потому ли велика доля пленных и беженцев у крупных хозяйств, что у них мало наемных рабочих? Здесь мы подходим к одному из важнейших воп-

Доля хозяйств, пользовавшихся трудом
военнопленных и беженцев

Группы хозяйств по посеву	Число хозяйств, пользовавшихся трудом пленных и беженцев	% к общему числу хозяйств	Число пленных и беженцев (тыс. чел.)	% к числу рабочих и служащих
Без посева	822	10,3	9,7	23,2
С посевом:				
до 10 дес.	1 499	9,1	9,0	19,4
10—50 »	5 605	19,8	38,7	27,4
50—100 »	4 949	35,2	43,9	26,2
100—250 »	4 688	45,6	81,7	26,1
250—500 »	2 275	51,6	75,6	36,7
500—1 000 »	1 188	58,8	67,5	38,7
1 000—5 000 »	475	69,6	62,8	40,4
свыше 5 000 »	9	81,8	3,3	30,3
Итого	21 510	25,6	392,2	27,0

росов экономики помещичьего хозяйства: какие группы хозяйств претерпели во время войны наибольшие трудности в деле обеспечения рабочей силой? Решению этого вопроса могут помочь следующие цифры, вычисленные из относительных цифр «Свода по России». (См. табл. 17 на стр. 100).

Чтобы определить действительные размеры применения наемного труда, как указывал В. И. Ленин, «необходимо учитывать все годовое количество наемного труда, а не наличное в день переписи...»¹ Точно не известно, какие категории рабочих учитывались при переписи. Понятно, что в счет не могли идти поденщики. Маловероятно, чтобы учитывались и месячные работники, хотя в отдельных случаях не исключалось и это наруше-

¹ В. И. Ленин, Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Соч., т. 22, стр. 53.

Таблица 17

Обеспеченность частновладельческих хозяйств
рабочей силой в 1916 г.

Группы хозяйств по посеву	Число хозяйств	Число рабочих и служащих		
		всего	на 1 хо- зяйство	на 100 дес. посе- ва
Без посева	7 970	59 135	7,4	—
С посевом:				
до 10 дес.	16 463	60 823	3,7	92,4
10—50 »	28 275	173 938	6,2	24,4
50—100 »	14 065	167 379	11,9	18,1
100—250 »	10 286	313 414	30,5	20,9
250—500 »	4 411	263 646	69,8	17,1
500—1 000 »	2 020	210 019	104,0	15,9
1 000—5 000 »	682	197 098	289,0	18,7
Свыше 5 000 »	11	11 250	1022,7	16,0
Итого	84 183	1 456 702	17,3	20,2

ние инструкции. Но если даже учитывались только годовые и сроковые, то простое сложение их, как это сделано в переписи, искажает действительную картину обеспеченности хозяйств рабочей силой.

Самое же важное, что приходится иметь в виду, состоит в научно-статистической неполноценности самой группировки по размерам посева. Группировка по посеву для частновладельческих хозяйств хотя и выделяет в каждом хозяйстве собственную запашку, но не может отражать действительные размеры хозяйства, поскольку объединяет в одной группе по одному только показателю — размеру посева — хозяйства с различной концентрацией производства, с разной величиной вложенных капиталов, с животноводческими фермами, с торгово-промышленными заведениями и без таковых. Тем не менее, как говорит В. И. Ленин о группировке по земле, даже «эту группировку нельзя считать совершенно непригодной. Не надо лишь никогда забывать, что она преумень-

Мобилизация в пос. Иман. Дальний Восток, 1915 г.
Фото. (Гос. музей революции СССР)

шает вытеснение мелкого производства крупным и преуменьшает тем сильнее, чем шире и быстрее развивается интенсификация земледелия, чем значительнее различия между хозяйствами по величине вкладываемого в одну и ту же единицу земельной площади капитала»¹.

Приведенные в таблице 17 данные переписи преуменьшают вытеснение мелкого производства еще и потому, что переписью сплошь и рядом регистрировались в качестве самостоятельных хозяйств все отдельные имения, даже если они принадлежали одному владельцу. Между тем в России нередко встречались владения, состоявшие из 10 и более «экономий». Преувеличение числа мелких хозяйств в результате группировки по посеву бросается в глаза с первого взгляда на таблицу. Как показывает таблица, хозяйства первой группы — без посевов — в 1916 г. далеко не все были мелкими. Эти беспосевные

¹ В. И. Ленин, Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Соч., т. 22., стр. 71.

хозяйства имели 59 135 наемных рабочих и служащих, в среднем по 7,4 человека на каждое хозяйство. Забегая несколько вперед, укажем, что и из них только 3551 хозяйство, т. е. менее половины, не имело рабочего скота, а из остальных 4419 хозяйств 3072 имели от 1 до 3 голов рабочего скота, 875 — от 4 до 10 голов, остальные — свыше 10 голов. В числе этих беспосевных было 43 хозяйства со 100 и более головами рабочего скота. В основном это скотоводческие хозяйства, частью с экстенсивным нагульным, частью с интенсивным мясомолочным животноводством.

Вторая группа — с посевом до 10 дес. — также отличается высокой степенью применения наемного труда (92,4 человека на каждые 100 дес. посева). Размеры посевной площади далеко не отражают размеров производства этих хозяйств. Из 16 463 хозяйств этой группы 88 хозяйств имели каждое свыше 20 голов рабочего скота и 98 хозяйств — свыше 20 коров.

Третья группа — с посевом от 10 до 50 дес. — наряду с признаками первых двух групп обнаруживает уже больший вес земледелия, хотя и здесь степень применения наемного труда выше потребностей полеводства (24,4 человека на 100 дес. посева). Таким образом, в трех группах мелких хозяйств объединены как действительно мелкое частновладельческое производство, приближающееся по условиям к крестьянскому, так и крупное производство на малых участках земли; объединены как вытесняемые, так и вытесняющие хозяйства. Для высших групп тоже не исключено, что хозяйства с равными размерами производства учтены в разных группах и наоборот. Это делает более или менее условными грани между группами. Но все же значение земледелия в этих группах повышается, и данные становятся более однородными. Больше того, с какой-то трудно определяемой границы начинается преобладание экстенсивного хозяйства крупных посевициков черноземной полосы, и группировка по посеву становится наиболее верным способом исследования.

В высших группах количество наемного труда на единицу посевной площади распределяется более или менее равномерно, что не означает, однако, равенства

в обеспечении хозяйств рабочей силой. Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить некоторые цифры расхода на наемный труд в американских фермах из приведенных В. И. Лениным в работе «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии»: в фермах от 3 до 10 акров — 2,95 долл. на акр, в фермах от 50 до 100 акров — 0,46 долл., в фермах в 1000 и более акров — 0,25 долл. на акр¹. Вследствие организационно-технических преимуществ крупных хозяйств расходы на наем рабочей силы у них в несколько раз ниже, чем в мелких хозяйствах. Следовательно, рассматривая данные последней графы таблицы, нельзя не признать, что крупные помещичьи хозяйства России в годы первой мировой войны были обеспечены рабочей силой лучше, чем мелкие хозяйства.

Рассмотрение вопроса о рабочей силе с количественной стороны позволяет сделать вывод, что в целом рабочей силы в помещичьих хозяйствах было недостаточно, поскольку трудом военнопленных и беженцев могла пользоваться только четвертая часть хозяйств. В трех четвертях хозяйств, с половиной посевной площади, военнопленные и беженцы не работали. Сильно упало количество пришлых рабочих в губерниях Юга и Юго-Востока Европейской России, но наличие пленных и беженцев создало для помещиков возможность маневрировать, тормозить рост заработной платы пришлых и местных рабочих сильнее, чем в других районах страны, так как иногда более выгодно было сократить площадь посева на менее удобных землях, чем повышать оплату труда.

Использование труда военнопленных влияло на состояние рынка рабочей силы в годы войны не только в форме механической замены выбывших рабочих. Это влияние принимало более сложные и противоречивые формы, по-разному отражавшиеся на процессе перераспределения рабочей силы в годы войны.

Оплата труда военнопленных была намного ниже, чем оплата местных сельскохозяйственных рабочих. Так, в Таврической губ. в 1916 г. военнопленные получали

¹ В. И. Ленин, Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Соч., т. 22, стр. 51.

в месяц по 9—15 руб., в Херсонской — 8—12 руб.¹, т. е. в три-четыре раза меньше, чем местные рабочие. В имени главы Временного правительства кн. Г. Е. Львова (Одоевский уезд Тульской губ.) в 1917 г. наемные рабочие получали в среднем 20 руб. в месяц, а военнопленные — 8 руб.². Таких примеров можно привести много.

Низкая оплата труда военнопленных оказывала влияние на уровень заработной платы сельскохозяйственных рабочих, которая была ниже, чем заработная плата в промышленности, и не поспевала за ростом товарных цен. «Некоторые управы, — сообщал журнал «Самарский земледелец», — отмечают, что труд военнопленных влиял на понижение заработной платы на 25—30%»³.

По данным двух специальных анкет Экономического отдела и медико-статистического бюро Всероссийского земского союза, собранным относительно 153 963 военнопленных, в нечерноземной полосе Европейской России работало в 1916 г. 17 883 человека, или 11,6%; остальные 136 080 человек, или 88,6%, приходились на черноземную полосу. Напротив, заработная плата пешего рабочего по сравнению с довоенным пятилетием выросла к этому времени в нечерноземной полосе на 38%, а в черноземной — только на 16%⁴. Этот факт указывает на то, что действительная нужда в рабочих руках в частновладельческих хозяйствах Юга была далеко не такой, какой ее рисовали помещики и их органы печати в годы войны. Противоречивость влияния принудительного труда военнопленных на положение сельского хозяйства состояла в том, что, с одной стороны, рабочая сила пленных заменяла убывших в армию мужчин, с другой — давление на уровень заработной платы вызывало отлив рабочей силы из сельского хозяйства, усиливая и без того острую нехватку рабочих рук.

Принудительный, подневольный характер имел труд не только военнопленных, но и беженцев, и гражданских пленных. Эвакуация населения из прифронтовых районов

¹ «Труды совещания...», стр. 139.

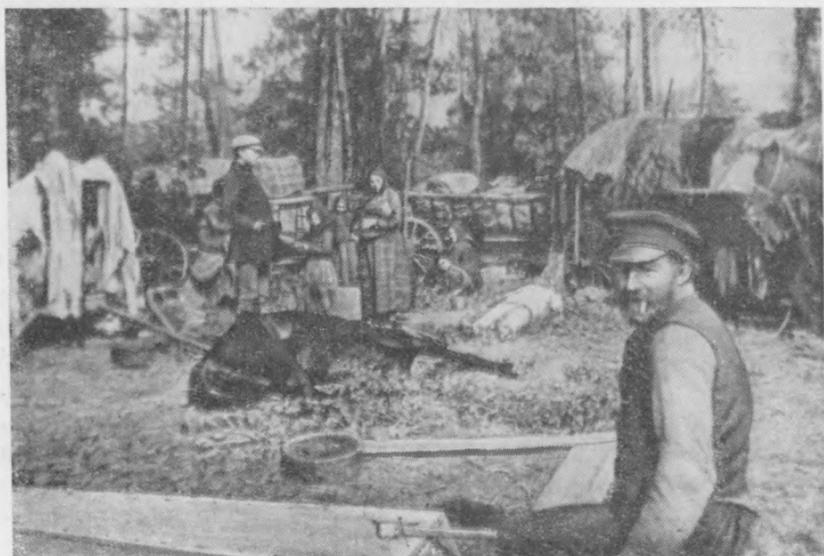
² Архив ЦСУ, Отд. с. х., 1917 г., д. 97, л. 427 об.

³ «Самарский земледелец» № 9, 1916 г., стр. 272.

⁴ «Труды совещания...», стр. 134—135.

Беженцы. 1915 г. Фото. (Гос. исторический музей)

Беженцы. 1915 г. Фото. (Гос. исторический музей)

представляет собой одну из самых мрачных страниц в истории первой мировой войны. Это была, собственно, не эвакуация, а стихийное, хаотическое движение больших масс людей, главным образом женщин, стариков и детей, гонимых, часто без надобности, военными и гражданскими властями от родных очагов и обираемых по пути многочисленными любителями наживаться на народных бедствиях. Наглядное представление о положении этих людей дает перлюстрированное письмо из м. Житковичей Минской губ. от 29 сентября 1915 г., адресованное в Петроград П. П. Кацебу: «У нас тут беженцы продают корову за 7 руб., хорошая лошадь — 15 руб. Масса скота дохнет. Масса детей у беженцев умирает»¹.

Тяжелым было положение беженцев и в местах их временного поселения. Прожившие и растерявшие в дороге свое имущество беженцы не могли существовать на скудные пайки, выдаваемые властями, и искали по-сильного заработка. Власти, ставя беженцам в счет указанные пайки, принуждали их работать у помещиков и кулаков за мизерную плату. Так, Лебедянский комитет по устройству беженцев 13 февраля 1916 г. установил плату за работу беженцев: женщинам за поденную работу — 30 коп. в день, помесечно — 4 руб. в месяц, мужчинам поденно — 60 коп. в день, при помесечной оплате — 8 руб. в месяц, т. е. ниже обычной платы военнопленных. Между тем, в 1915 г. в Лебедянском уезде поденная плата наемных рабочих равнялась 96 коп. в день женщинам и 1 р. 78 к. мужчинам на хозяйских харчах. Малоархангельский комитет установил предельную плату для беженцев в 35 коп. в день женщинам и 60 коп. мужчинам². Ясно, что беженцы старались уклоняться от работы на таких условиях. Но в этом случае они лишались казенного пайка и, чтобы избежать этого, вынуждены были становиться на сельскохозяйственные работы. Об участии беженцев в сельскохозяйственных работах дают представление следующие цифры, относящиеся к июлю 1916 г.³

¹ ЦГИАМ, Перлюстрации, 1915 г., л. 1568.

² «Труды совещания...», стр. 123.

³ Там же, стр. 122.

**Участие беженцев
в сельскохозяйственных работах**

Районы	Число беженцев (в тыс. чел.)	
	стали на сельскохозяйственные работы	Уклонились и лишились пайков
Черноземная полоса	186,7	18,6
Нечерноземная полоса	39,1	3,9
Итого	226,8	22,5

-Цифры показывают, что уклониться от работы на помещиков смогло только около 10% беженцев. Принудительные формы принимал во время войны не только труд военнопленных и беженцев, но и крестьян соседних с помещичьими имениями деревень, особенно в губерниях, объявленных театром военных действий¹. Так, в губерниях, подчиненных военным властям Западного фронта, в 1916 г. крестьяне массами мобилизовывались на уборку помещичьих полей, причем размеры заработной платы устанавливали местные земства, т. е. фактически помещики².

В результате применения принудительного труда и все более обострявшейся нужды крестьянской бедноты в годы войны началось быстрое снижение реальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих.

Ввиду того что по вопросу об уровне заработной платы в сельском хозяйстве за годы первой мировой войны в нашей историко-экономической литературе имеются противоположные мнения³, на нем придется остановиться подробнее.

¹ Театром военных действий были объявлены целиком или частично 38 губерний.

² ЦГИАЛ, ф. 456 (Канцелярия главноуполномоченного по закупке хлеба для армии), оп. 1, д. 157, л. 72.

³ См. И. Г. Дроздов, Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября, М., 1930, стр. 17. По данным

Для решения этого вопроса необходимо прежде всего знать, труд каких категорий рабочих имел наибольший удельный вес в производстве: годовых, сроковых, месячных или поденных. Примерное представление об этом для периода войны можно получить из следующих данных по 11 крупным имениям Ефремовского уезда Тульской губ., которые зарегистрированы переписью 1917 г.¹

Таблица 19

Состав рабочей силы по срокам найма
в Тульской губ.

Группы рабочих	Число рабочих дней	%
Годовые	20 400	27,3
Сроковые	44 250	59,2
Месячные	1 225	1,6
Поденные	8 926	11,9
Итого	74 801	100,0

Таким образом, наибольшее количество рабочего времени (59,2%) давали сроковые рабочие, нанимавшиеся обычно на пять-шесть летних месяцев. Значительна

И. Г. Дроздова, в 1916 г. заработная плата, исчисленная в пудах ржи, на 7,3% превысила уровень 1913 г. И. Г. Дроздов принимал в расчет лишь одну группу рабочих, а именно поденщиков-мужчин, ошибочно считая, что поденная «форма заработной платы была самой распространенной и преобладающей в сельском хозяйстве в довоенной России» (там же, стр. 10). На самом деле, как справедливо указывал Н. Ф. Анненский, «поденные рабочие нанимаются везде, хотя ни в одной местности этот способ найма не может считаться преобладающим. Из всех сельских работ молотба и полка производятся по преимуществу поденными рабочими, при других же работах поденщики пополняют недостающее число годовых, сроковых и издельных рабочих» (Н. Ф. Анненский, Стоимость производства хлеба в частновладельческих хозяйствах, «Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства», т. I, Спб., 1897, стр. 161).

¹ Сведения взяты из бланков переписи частновладельческих хозяйств (Архив ЦСУ, Отд. с. х., 1917 г., д. 97—99).

также роль годовых рабочих (27,3%), тогда как на долю поденных падало немногим более десятой части, а на долю месячных — всего 1,6% времени.

Было бы правильнее оценивать рост заработной платы по всем видам найма, но систематизированные данные имеются лишь по поденным рабочим¹. Для других категорий сведения о зареботке доведены земской статистикой до 1916 г. лишь по трем губерниям: Полтавской, Харьковской и Тверской (по последней — при незначительном числе сообщений). Ниже приводятся данные о движении цен на рабочие руки по Полтавской губ.², причем реальная заработная плата упрощенно определяется переводом ежедневного заработка в пуды главного местного хлеба — пшеницы — по местным осенним ценам³. Из условий найма принято наиболее распространенное во время войны — «на харчах хозяина». Средняя заработная плата выведена из цен во время весенней пахоты и во время уборки. Число рабочих дней в месяце принято равным 25.

Как показывают данные таблицы 20, реальная заработная плата в 1916 г. по сравнению с 1913 г. незначительно (на 9,8%) повысилась лишь у поденщиков-мужчин, число которых во время войны подверглось наибольшему сокращению⁴. Мужчины — сроковые работники — потеряли почти четверть прежнего заработка (23,5%), а годовые — почти треть (30%).

¹ Это и определило, между прочим, направление работы И. Г. Дроздова и его мнение о наибольшей распространенности поденного найма.

² «Обзор сельского хозяйства Полтавской губ. за 1913 г.», Полтава, 1914, стр. 102—110; то же за 1916 г., Полтава, 1919, стр. 87—90.

³ «1913 год в сельскохозяйственном отношении», вып. VI, Спб., 1914; «1916 г. в сельскохозяйственном отношении», вып. II, ч. 2, Пг., 1917. Следует заметить, что этот метод расчета приводит к некоторому повышению реальной заработной платы в годы войны, поскольку цены на промышленные товары возросли быстрее, чем цены на хлеб.

⁴ Если же учесть, что рост цен на хлеб значительно отставал от роста цен на промышленные товары, то о действительном повышении заработной платы даже у поденщиков-мужчин говорить не приходится.

**Заработная плата сельскохозяйственных рабочих
в Полтавской губ. в 1913 и 1916 гг.**

Категории рабочих	Мужчины			Женщины		
	1913 г.	1916 г.	1916 г. в % к 1913 г.	1913 г.	1916 г.	1916 г. в % к 1913 г.
	Заработок в день (в руб.)					
Поденные	0,83	2,18	262,6	0,58	1,27	219,0
Срочовые	0,41	0,77	187,8	0,31	0,50	161,3
Годовые	0,32	0,55	171,9	0,21	0,38	180,9
	Заработок в день (в пудах пшеницы)					
Поденные	1,02	1,12	109,8	0,72	0,65	90,3
Срочовые	0,51	0,39	76,5	0,38	0,26	68,4
Годовые	0,40	0,28	70,0	0,26	0,19	73,1

Заработок поденщиц в 1916 г. упал по сравнению с довоенным уровнем на 9,7%, женщин срочовых — на 31,6% и годовых — на 26,9%.

Таким образом, основные категории рабочих — срочовые и годовые — понесли наибольший урон, что означало резкое уменьшение массы заработной платы.

При этом усилилась дискриминация в оплате труда женщин и подростков: до войны срочовые работницы получали плату на 25,5% ниже платы мужчины, а в 1916 г. — на 33,3%. Аналогичные соотношения зафиксированы статистикой и по Харьковской губ.¹ Приведенные данные показывают, что о каком-либо вздорожании рабочей силы в помещичьих и кулацких хозяйствах не может быть и речи, наоборот, надо констатировать прямое и резкое снижение реальной заработной платы сельскохозяйственных рабочих.

Снижение уровня оплаты труда сопровождалось ухудшением питания рабочих в помещичьих экономиях как за общим столом для одиноких и поденщиков, так и в виде уменьшения месячного «пайка» постоянным

¹ «Харьковская губернская земская управа. Статистический ежегодник 1915 г.», Харьков, 1916, стр. 36—71; то же за 1917 г., Харьков, 1918, стр. 36—71.

Обед сельскохозяйственных рабочих в имении Грушевка Херсонской губ. Фото. (Гос. исторический музей)

рабочим¹. И несмотря на это, наем «на харчах хозяина» получил во время войны еще большее распространение, чем до войны, особенно с усилением продовольственного кризиса.

Понижение уровня заработной платы достигалось в частновладельческих хозяйствах также включением в условия найма различных натуральных выдач. Чаще всего это была выдача одежды, ситца, платков и т. д. Интересные сведения об этой форме оплаты труда сравнительно с денежной содержатся в статистических материалах Харьковского губернского земства за 1916 г. Эти сведения можно представить в виде таблицы.

¹ Гр. Ю. А. Олсуфьев отобрал шесть коров, бывших до войны в пользовании у постоянных рабочих и служащих имения Буйцы (Архив ЦСУ, Отд. с. х., 1917 г., д. 98, л. 426); в имении кн. В. Ф. Гагариной в «пайке» вместо общепринятых 2 пуд. муки выдавалось лишь 1,25 пуд. в месяц и вместо 20 ф. крупы — 3 ф. (там же, л. 472 об.); в имении кн. Г. Е. Львова муки выдавалось 1 пуд, крупы — 15 ф., а картофеля вместо 2—3 пуд. — 0,5 пуд. (там же, д. 97, л. 497 об.).

**Формы оплаты труда сельскохозяйственных рабочих
в Харьковской губ. в 1916 г.¹**

Рабочие	Формы оплаты труда (в руб.)				Разница	
	смешанная			только деньгами	руб.	% к сумме денежной оплаты
	деньгами	товарами	Итого			
Мужчины .	132,50	22,38	154,88	202,66	47,78	23,6
Женщины .	81,50	13,94	95,44	124,85	29,41	23,6

Приведенные данные показывают кабальный характер найма, при котором часть заработка выдается товарами. В 1916 г. рабочий или работница, согласившиеся на такие условия, получали на 23,6% меньше, чем нанявшиеся за деньги. Любопытнее всего то, что и при наличии этого явного надувательства рабочих помещиками смешанная форма оплаты труда не только не вытеснялась денежной, но, наоборот, получила во время войны еще большее распространение. Так, если в 1914 г. в земскую управу поступило корреспондентских сообщений о смешанной оплате 48%, а о денежной — 52%², то в 1916 г. первых поступило 68%, а вторых — 32%³. Другими словами, до войны меньше половины рабочих нанималось на условиях смешанной оплаты, а во время войны — две трети. Указанное явление, как и рост найма «на хозяйских харчах», показывает, что товарный голод в стране и продовольственные затруднения бедноты помещики использовали для усиления эксплуатации сельскохозяйственных рабочих. Ухудшение положения последних во время войны характеризуется приведенными фактами очень отчетливо. Немало выгод приносила помещикам широко развивавшаяся в годы войны эксплуатация труда женщин, подростков и детей.

При всем этом нельзя не отметить, что убыль мужской рабочей силы сильно затрудняла помещикам ведение хозяйства. Мобилизации особенно ударили по именным,

¹ «Статистический ежегодник 1917 г.», стр. 69—70.

² «Статистический ежегодник 1915 г.», стр. 71.

³ «Статистический ежегодник 1917 г.», стр. 70.

практиковавшим преимущественно отработочную систему. Возможности для обработок, испольщины и т. п. значительно сократились, а перестройка хозяйства на новый лад была невозможна.

Проблема обеспечения хозяйств рабочим скотом

В годы войны перед помещичьим хозяйством очень остро встал вопрос о тягловой силе. Единственной тягловой силой в дореволюционной России были лошади и волы. Тракторы едва только начинали проникать в земледелие¹. В. И. Ленин указывал, что «в России число лошадей в сельском хозяйстве ненормально высоко по отношению к культурной площади. В мелкокрестьянской стране это и не могло быть иначе»².

Излишек рабочего скота, о котором писал В.И. Ленин, наблюдался лишь в крестьянских хозяйствах. Этот излишек представлял невыгодную сторону производства мелких хозяйств, но зато имел исключительно важное значение для помещичьих хозяйств. Помещики благодаря этому могли ограничиваться таким минимумом рабочего скота, содержание которого окупалось бы длительностью его использования в течение хозяйственного года. Для кратковременных срочных работ использовались крестьянские лошади. «Возка хлебов, — докладывал на VI съезде объединенного дворянства в 1910 г. член постоянного Совета Павлов, — это период работы, в который землевладельцы будут еще долго находиться в полной зависимости от местного населения»³. Даже развивавшаяся механизация помещичьего земледелия не освобождала его от этой зависимости. «Без машин, —

¹ В 1913 г. в России было 152 трактора и 14 моторных плугов — всего 166 машин, из них в Херсонской губ. — 28, в Таврической — 25, в Екатеринославской — 13, в остальных губерниях — единицы («Известия бюро по сельскохозяйственной механике», вып. 5, 1913 г., стр. 1509—1513).

² В. И. Ленин, Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 118.

³ «Доклад члена Совета Н. А. Павлова об объединении дворянства на почве экономической», Спб., 1910, стр. 17.

продолжал тот же докладчик, — хозяин в полной зависимости от цен на полевые работы при плохом качестве работы; с машинами зависимость эта ограничивается лишь двумя периодами: возки снопов и перевозки зерна до железной дороги и частью в уборке корнеплодов»¹.

Разницу в обеспеченности рабочим скотом крестьянского и помещичьего хозяйств по Европейской России показывают следующие данные за 1916 г.²

Таблица 22

Обеспеченность лошадьми крестьянского и частновладельческого хозяйства в 1916 г.

	Хозяйства		Итого
	крестьянские	частновладельческие	
Лошадей в рабочем возрасте (в тыс. голов)	17 332,4	1 080,8	18 413,2
Посевная площадь (в тыс. дес.)	63 743,9	7 686,9	71 430,8
Лошадей на 100 дес. посева	27,2	14,1	25,8

Из таблицы 22 видно, что крестьяне имели относительно посевной площади примерно вдвое больше лошадей, чем помещики. Фактически разница в обеспеченности рабочим скотом была не так велика. Во-первых, качество лошадей у помещиков было значительно выше, чем у крестьян³, во-вторых, в помещичьих хозяйствах было больше распространено применение волов⁴.

Война потребовала мобилизации огромного количества лошадей. При первой мобилизации было взято для

¹ «Доклад члена Совета Н. А. Павлова об объединении дворянства на почве экономической», Спб., 1910, стр. 18.

² Вычислено по губернским данным переписи 1916 г. («Предварительные итоги...», вып. I, стр. 632, 634.)

³ В 1912 г. лошадей ростом 2 арш. и выше у помещиков было 67,8%, а у крестьян и казаков — лишь 43,7% («Военно-конская перепись 1912 г.», Пг., 1914, стр. 16, 35).

⁴ В 1917 г., по данным переписи, в составе рабочего скота у помещиков было 16,6% волов, а у крестьян только 4% («Поуездные итоги...», стр. 3—143).

армии около 1 млн. лошадей, а до марта 1916 г. реквизицией и поставками по военно-конской повинности — еще 850 тыс. лошадей и 150 тыс. закуплено управлением по ремонту армии. Таким образом, уже к весне 1916 г. было взято у населения около 2 млн. лошадей, что составляло 8—9% всего конского поголовья на не занятой противником территории¹.

В марте—ноябре 1916 г. было мобилизовано еще 323 207 лошадей, закуплено управлением по ремонту 53 142 лошади, земствами — 7786, государственным коннозаводом — 1500², Всероссийским земским союзом — 15 057³ и румынскими ремонтерами — не менее 8 тыс. лошадей⁴. Кроме того, Военным министерством было разрешено двум фронтам реквизировать на подвластной им территории 73 500 лошадей⁵. На первую половину 1917 г. было запланировано изъятие еще 421 тыс. лошадей, из которых к началу Февральской революции было реквизировано 87 780 голов, после чего реквизиции были прекращены⁶. Таким образом, к весне 1917 г. для нужд войны у населения было изъято около 2,6 млн. лошадей⁷.

Уменьшение рабочих рук в крестьянском хозяйстве и мобилизации крестьянских лошадей повлекли за собой сокращение найма в помещичьих хозяйствах как пеших рабочих, так и рабочих с подводами, что поставило помещиков в затруднительное положение. Недостаток пеших рабочих помещики имели возможность в известной мере восполнить трудом военнопленных и беженцев, для пополнения же тягловой силы подобных резервов не было.

¹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2539, л. 40.

² ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 998, л. 68—68 об.

³ ЦГВИА, ф. 12564, оп. 23, д. 30, л. 18—20.

⁴ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2508, л. 208.

⁵ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2539, л. 40 об.

⁶ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 998, л. 72.

⁷ В связи с этим нелишне указать, что обычно принимаемая в литературе цифра в 2,1 млн. голов ко второй половине 1917 г. явно занижена. Этой заниженной цифрой пользовался П. И. Лященко (см. его «Историю народного хозяйства СССР», т. II, М., 1952, стр. 638). См. также «Очерки истории СССР. 1907 — март 1917 гг.», под ред. проф. А. Л. Сидорова, М., 1954, стр. 297.

Первое, что могли и не без успеха делали помещики, — это перекладывание тяжести военно-конской повинности на крестьян.

Как это проводилось на практике, показывает прошение трех солдаток Павловской вол. Александровского уезда Екатеринославской губ., поданное 25 июня 1916 г. командующему Одесским военным округом.

«На 22 июня сего года, — писали солдатки, — по Александровскому уезду в с. Новониколаевке была назначена реквизиция лошадей, куда должна доставить лошадей в рабочем возрасте и Павловская волость, что и было сделано. Все крестьяне Павловской волости доставили лошадей, в том числе и мы, жалобщицы-солдатки, явились со своими, имеющими по две лошади (так в тексте. — А. А.). Первая по уезду комиссия приступила к приему лошадей и приняла у Улиты Зинченко единственную лошадь, у Екатерины Щербины одну из двух и у Котелевской одну из двух. Когда же дошла очередь до лошадей экономии помещицы В. А. Павловой, которая имеет до 200 лошадей, то тут принимались лошади не так, как у нас, бедных солдаток, а совершенно иначе. Лошади были доставлены лишь негодные, всего около 40 штук.

Управляющий имением госпожи Павловой заранее приготовил обед для комиссии, разъезжал с комиссией в экономическом фаэтоне, и результат тот, что принята была для отвода глаз одна лошадь. Где же здесь справедливость? Когда же переведутся в России «Мясоедовы» и «Сухомлиновы»? Наши мужья кровь проливают на войне за Россию, а [тут] берут у нас последнюю лошадь, а помещичьи экономии неприкосновенны. Около 200 лошадей — и взята только одна лошадь! Как же может быть иначе. Пристав в компании с управляющим, урядник кормится экономией, а заведывающий военно-комиссионным участком и волостной старшина в кабале в экономии. Справедливости как здесь искать?»¹

Не больше порядка было и при административном разбирательстве по поданным жалобам. По данной

¹ ЦГВИА, ф. 1837 (Штаба Одесского военного округа), оп. 1, д. 181, л. 231—232.

жалобе в волость был командирован офицер управления конского состава действующей армии капитан Соколов, который нашел в экономии 254 лошади, из них до трех лет — 94 и свыше трех лет — 160. За вычетом двух жеребцов-производителей и 68 маток предъявлению к сдаче подлежало 90 лошадей. 22 июня представлялась из годных одна лошадь, но принята не была. «Остальные лошади, — заключает капитан свое донесение, — как изнуренные, слабосильные и разбитые, к принятию на службу в войска непригодны»¹.

Члены уездной комиссии по приему лошадей и сам председатель ее были допрошены в качестве свидетелей и по протоколам выглядели совершенно непричастными к делу. Единственной мерой, которая была принята по данному делу, было то, «что на признанную годной к службе в войсках одну лошадь наложен арест через пристава 2-го стана Александровского уезда и лошадь сдана на хранение экономии»².

Насколько реквизиции вообще, в том числе и реквизиции лошадей, мало касались помещичьего хозяйства, показывает, например, следующий факт. У гр. Ан., Ал. и Г. Бобринских в имении Михайловское Тульской губ. в течение 1916—1917 гг. было «реквизировано» 54 овцы и оставлены нетронутыми огромные стада крупного скота, среди которого, кроме молодняка, было 579 рабочих лошадей и 191 корова³. Хороших лошадей помещики скрывали от сдачи, пользуясь при этом почти полной безнаказанностью. Сами военные власти способствовали этому, назначая мобилизации лошадей не одновременно во всей губернии, а чередуя по уездам. При этом помещикам предоставлялась возможность перегонять лошадей в другие уезды⁴.

¹ ЦГВИА, ф. 1837, оп. I, д. 181, л. 239 об.

² Там же, л. 238.

³ Архив ЦСУ, Отд. с. х., 1917 г., д. 97, л. 44.

⁴ В телеграмме главного начальника Кавказского военного округа в Главное управление Генерального штаба от 20 января 1916 г. указывалось, что «при подъеме только некоторых уездов губернии наблюдались случаи перегона богатыми собственниками лучших лошадей из уездов в уезды с целью их скртия» (ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2507, л. 23).

Изучение изменений поголовья рабочего скота в частновладельческих хозяйствах представляет большие трудности, поскольку опубликованные материалы переписей 1916 и 1917 гг. не сравнимы с довоенными, крайне заниженными данными Центрального статистического комитета МВД и военно-конской переписи 1912 г. и не дают никаких группировок, кроме деления на хозяйства с рабочим скотом и без такового. Относительные цифры изменения поголовья рабочего скота имеются в упоминавшемся «Своде по России». Они дают возможность сделать некоторые вычисления с различной степенью точности.

В «Своде» есть данные о том, какой процент хозяйств совсем не имел рабочего скота, какую долю составляли хозяйства с 1 головой рабочего скота, далее идут группы хозяйств, имевших от 1 до 3 голов, от 4 до 10, от 11 до 20, от 21 до 50, от 51 до 100 и, наконец, группа хозяйств, имевших более 100 голов рабочего скота. В таблице 23 по указанной группировке подсчитано поголовье скота в 1916 г. Понятно, что полученные цифры носят в значительной мере условный характер, особенно для двух высших групп, и больше служат средством дальнейших исчислений относительного изменения поголовья.

Увеличение численности поголовья в 1915 г. происходило, по-видимому, больше в силу отдельных случайных обстоятельств вроде незаконных сделок с гуртовщиками казенного скота, скупки скота у беженцев и т. п. Гораздо характернее для помещичьего хозяйства в годы войны сокращение поголовья рабочего скота. Таблица 23 показывает значительную убыль рабочего скота, составившую в целом за год 10,8%.

Среди причин убыли лошадей у помещиков следует назвать: а) сокращение хозяйства; б) реквизиции; в) продажа хороших лошадей управлению по ремонту армии, платившему дорого; г) незаконная поставка в армию негодных лошадей¹ и др.

Наименьшему сокращению подверглось поголовье крайних групп, причем группа с посевом свыше 5 тыс.

¹ Из жалоб крестьян военному министру известно, например, что дмитровский уездный исправник (Курская губ.) Бабанин сам
(продолжение сноски см. на стр. 120)

Таблица 23

Поголовье рабочего скота у частных владельцев в 1915 и 1916 гг.

Группы хозяйств по посеву	Количество рабоче- го скота (в тыс. го- лов)		Увеличение		Уменьшение		Общее уменьшение	
	1915 г.	1916 г.	тыс. го- лов	%	тыс. го- лов	%	тыс. го- лов	%
Без посева	32,9	30,4	0,8	0,6	3,3	10,3	2,5	7,7
С посевом:								
до 10 дес.	42,9	41,2	2,8	6,6	4,5	10,5	1,7	3,9
10 — 50 »	214,3	187,5	5,2	2,4	32,0	14,9	26,8	12,5
50 — 100 »	220,6	194,0	10,5	4,7	37,0	16,7	26,5	12,0
100 — 250 »	362,2	316,7	16,1	4,5	61,6	17,1	45,5	12,6
250 — 500 »	312,3	275,7	12,2	3,9	48,9	15,6	36,7	11,7
500 — 1 000 »	220,6	200,6	9,9	4,5	29,9	13,6	20 0	9,1
1 000 — 5 000 »	134,7	126,5	5,5	4,1	13,6	10,2	8,1	6,1
свыше 5 000 »	6,9	7,0	0,7	10,8	0,6	8,6	+0,1	+2,2
Итого	1 547,4	1 379,6	63,7	4,1	231,4	14,9	167,9	10,8

дес. дала даже некоторое увеличение. Однако изменения по группам удобнее рассматривать не по всем хозяйствам, а лишь по тем, у которых имели место эти изменения.

Таблица 24

Доля хозяйств, увеличивших и уменьшивших поголовье рабочего скота

Группы хозяйств по посеву	Увеличение рабочего скота		Уменьшение рабочего скота	
	% хозяйств	% увеличения	% хозяйств	% уменьшения
Без посева	7,95	34,71	21,36	51,78
С посевом:				
до 10 дес.	9,40	72,95	22,90	47,46
10— 50 »	17,15	38,43	45,40	37,67
50— 100 »	18,20	29,61	60,17	31,69
100— 250 »	19,94	24,47	65,04	29,87
250— 500 »	21,87	20,27	67,11	26,43
500—1 000 »	26,43	18,55	67,03	22,21
1 000—5 000 »	33,11	13,06	61,81	17,44
свыше 5 000 »	50,00	21,14	50,00	16,13
Итого	16,01	22,74	45,82	27,89

Из таблицы 24 видно, что доля хозяйств, уменьшивших поголовье скота, так же как и увеличивших, нарастает от низших групп к высшим, из чего на первый взгляд

и через подставных лиц сдал своих негодных лошадей и скупал для сдачи лошадей, не принятых комиссией у крестьян (ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2429, л. 211—211 об.). В Старицком уезде Тверской губ. у стражника Бухоленкова «взята лошадь 23 лет, куплена им за 75 руб., в казну же взята за 250 руб.; эта лошадь пала в г. Ржеве». «Старых кляч» сдали стражники Тяпкин, Плотников и др. Старицкий исправник Федоров хороших лошадей скрыл, а негодных сдал, а также помог сдать «худых лошадей» помещикам К. И. Хохлову и А. Н. Корсакову, купцу Веревкину и другим лицам. Об одной из сданных лошадей говорится, что она «даже не шла ни под верхом, ни в упряжке» (ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2433, л. 6).

можно заключить о более благополучном положении мелких хозяйств. Однако при ближайшем рассмотрении это оказывается не так. Во-первых, средний процент уменьшения поголовья скота в мелких хозяйствах намного выше, чем в крупных. Для мелких хозяйств, особенно там, где этот процент был выше среднего, сокращение поголовья скота означало по существу или резкое сокращение, или даже прекращение производства. В крупных же хозяйствах сокращение в процентном отношении было значительно меньше и могло вести лишь к частичному сокращению производства. Во-вторых, процент хозяйств, увеличивших поголовье рабочего скота, правильно и неуклонно повышается от низших к высшим группам. Это значит, что убыль скота, имевшую место, конечно, по всем группам, мелкие хозяйства могли покрывать приростом и покупкой в меньшей мере, чем крупные. Если, например, в группе с посевом от 10 до 50 дес. только 17,15% хозяйств сумели покрыть убыль и увеличить поголовье скота, то в группе с посевом от 1 тыс. до 5 тыс. дес. покрыли убыль и увеличили поголовье 33,11% хозяйств, т. е. вдвое больше, а в самой высшей группе — даже втрое больше, чем в первой.

При этом не должно смущать то обстоятельство, что процент увеличения уменьшается от низших к высшим группам. Надо учесть, что в низших группах было немало хозяйств совсем без скота или с одной-двумя лошадьми. Так, в группе с посевом до 10 дес. из 16 463 хозяйств было 3230 хозяйств без рабочего скота и 5018 хозяйств с одной лошадей. Понятно, что даже небольшое число купленных лошадей должно было составлять высокий процент к числу скота у этих хозяйств, тем более что доля этих хозяйств весьма невелика по сравнению с высшими группами.

Чтобы покончить с вопросом об уменьшении поголовья рабочего скота по группам, приведем еще одну таблицу по Херсонской губ.¹

¹ «Посевы и скот в Херсонской губернии в 1915 и 1916 годах (по материалам Всероссийской с. х. переписи 1916 г.)», Херсон, 1916, стр. 18.

Таблица 25

Сокращение поголовья рабочего скота по группам хозяйств
Херсонской губ.

Группы хозяйств по посеву	Число хозяйств	Число рабочих ло- шадей		% умень- шения
		1915 г.	1916 г.	
До 75 дес.	1 848	19 167	15 145	29,1
75— 100 »	868	12 764	10 675	16,4
100— 250 »	1 274	30 991	25 157	18,8
250— 500 »	438	19 937	16 999	14,7
500—1 000 »	164	11 478	10 947	4,6
Свыше 1 000»	47	5 794	5 554	4,1
Итого	4 639	100 131	84 477	14,6

Таблица 25 показывает, что наибольшее сокращение поголовья рабочего скота имело место в группах мелких хозяйств. Этими цифрами опубликовавшие их херсонские земцы сами разоблачили свои домыслы о якобы тяжелом положении крупных частновладельческих хозяйств степного Юга сравнительно с мелкими и особенно крестьянскими хозяйствами.

В этой связи нелишне вернуться к вопросу о рабочей силе и отметить, что херсонские земцы предпочли не публиковать данных переписи о наемных рабочих, ограничившись опубликованием данных о скоте и посевах. Такое умолчание в период бешеной агитации за преимущественное снабжение военнопленными весьма знаменательно.

Значительный интерес представляет вопрос о том, что же представляло собой помещичье хозяйство России в смысле обеспеченности рабочим скотом в результате происшедших изменений. Много любопытного дает тот же «Свод по России». Помещаемая ниже таблица 26, составленная по данным «Свода», характеризует помещичье хозяйство в этом отношении очень отчетливо.

Распределение хозяйств частных владельцев
по обеспеченности упряжью и рабочим скотом в 1916 г.

Группы хозяйств по посеву	С упряжью		Без упряжи		Без рабочего скота		С рабочим скотом			
							1 голова		2—3 головы	
	х-в	%	х-в	%	х-в	%	х-в	%	х-в	%
Без посева	4 402	55,23	3 568	44,77	3 551	44,56	1 675	21,02	1 397	17,53
С посевом:										
до 10 дес.	13 212	80,25	3 251	19,75	3 230	19,62	5 018	30,48	5 971	36,27
10— 50 »	27 265	96,43	1 010	3,57	968	3,42	1 046	3,70	6 719	23,76
50— 100 »	13 916	98,94	149	1,06	150	1,07	90	0,64	333	2,37
100— 250 »	10 150	98,68	136	1,32	79	0,77	33	0,32	128	1,24
250— 500 »	4 391	99,54	20	0,46	32	0,72	8	0,18	26	0,59
500—1 000 »	2 011	99,56	9	0,44	9	0,45	1	0,05	12	0,59
1 000—5 000 »	677	99,27	5	0,73	5	0,74	—	—	2	0,29
свыше 5 000 »	11	100,00	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	76 035	90,35	8 148	9,65	8 024	9,55	7 871	9,36	14 588	17,33

Продолжение

Группы хозяйств по посеву	С рабочим скотом									
	4—10 голов		11—20 голов		21—50 голов		51—100 голов		101 и более голов	
	х-в	%	х-в	%	х-в	%	х-в	%	х-в	%
Без посева	875	10,98	209	2,62	147	1,84	73	0,91	43	0,54
С посевом:										
до 10 дес.	1 968	11,95	187	1,14	62	0,38	14	0,09	12	0,07
10— 50 »	16 761	59,28	2 374	8,40	347	1,23	31	0,11	18	0,06
50— 100 »	5 797	41,22	6 119	43,51	1 474	10,48	68	0,48	33	0,23
100— 250 »	752	7,31	3 046	29,61	5 224	50,79	909	8,84	115	1,12
250— 500 »	89	2,02	159	3,60	1 483	33,63	2 119	48,05	494	11,21
500—1 000 »	20	0,99	22	1,09	141	6,98	634	31,39	1 181	58,46
1 000—5 000 »	4	0,59	7	1,03	20	2,95	36	5,31	608	89,09
свыше 5 000 »	—	—	—	—	—	—	—	—	11	100,00
Итого	26 266	31,19	12 123	14,40	8 898	10,57	3 884	4,61	2 515	2,98

Данные граф, открывающих таблицу 26, показывают, что упряжь имелась, как и следовало ожидать, в подавляющем большинстве хозяйств и, конечно, во всех крупных экономиях. Не было упряжи почти у половины (44,8%) беспосевных хозяйств. Но весьма знаменательно то, что даже в группе с 1000—5000 дес. посева имелось 5 хозяйств без упряжи и 5 хозяйств без рабочего скота (совпадение цифр здесь, по-видимому, свидетельствует о добротности собранных переписью данных и результатов ее разработки). В группе 500—1000 дес. имелось 9 хозяйств без упряжи и столько же без рабочего скота, в группе 250—500 дес. — 20 хозяйств без упряжи и 39 хозяйств без рабочего скота.

Следующие графы нашей таблицы также открывают много неожиданностей такого же рода. Выясняется, например, что среди 2020 хозяйств группы с 500—1000 дес. посева имелось 1 хозяйство с одной головой рабочего скота, 12 хозяйств с двумя-тремя головами, 20 хозяйств с 4—10 головами рабочего скота. Даже в группе 1000—5000 дес., насчитывавшей 682 хозяйства, имелось два хозяйства с двумя-тремя головами рабочего скота, четыре экономики с 4—10 головами и семь с 11—20 головами рабочего скота. Нечего говорить, что таким количеством тягла можно было обработать очень незначительную часть земли, засевавшейся в этих экономиях. Это прямо указывает на живучесть отработочной системы, обработки полей крестьянским инвентарем даже при наличии весьма крупного производства. Из этого факта, между прочим, с очевидностью вытекает то, что далеко не всю хлебную продукцию частновладельческих хозяйств нужно считать результатом капиталистического производства, т. е. что и очень ограниченное по размерам собственное хозяйство помещиков велось в известной части некапиталистическими способами, не говоря уже о полукрепостнической аренде остальных помещичьих земель.

С другой стороны, имелись хозяйства, содержавшие рабочий скот в размерах, намного превышавших потребности земледельческого хозяйства. Так, в группе беспосевных, состоящей из 7970 хозяйств, наряду с 5226 безлошадными и однолошадными хозяйствами имелось

147 хозяйств с 21—50 головами, 73 — с 51—100 головами и даже 43 хозяйства с 101 и более головами рабочего скота.

Были крупные хозяйства и в числе малопосевных групп. Например, в группе с посевом до 10 дес. насчитывалось 14 хозяйств с 51—100 головами и 12 хозяйств — с 101 и более головами рабочего скота. Это, по-видимому, преимущественно хозяйства с собственными лесными разработками и промышленными предприятиями. Примером такого хозяйства может служить хозяйство известного кадетского лидера кн. П. Д. Долгорукова, поставлявшего во время мировой войны с принадлежавшего ему подмосковного Мантуровского завода пиломатериалы предприятиям Земского союза (только за январь—май 1917 г. князем было поставлено лесоматериалов на 241,4 тыс. руб.). Кроме того, пользуясь затруднениями в снабжении Москвы топливом, Долгоруков скупил у Земгора и у местных крестьян свыше 100 лошадей и организовал транспортный обоз, с помощью которого доставлял в столицу дрова из своего лесного имения в Рузском уезде¹. Учитывая безудержный рост цен на топливо в Москве в годы войны, можно представить себе, какая золотая река текла в карманы князя и чем в действительности подогревалось у него и ему подобных стремление довести войну «до победного конца».

Необходимо вместе с тем отметить, что и в области земледелия концентрация производства и капиталистическая организация его сделала известные успехи. Более 100 голов рабочего скота имели все 11 хозяйств с посевом свыше 5000 дес., 608 хозяйств (89,1%) с посевом от 1000 до 5000 дес. и более половины хозяйств (58,5%) с посевом от 500 до 1000 дес.

В целом помещичье хозяйство испытывало недостаток в рабочем скоте, причем обычная нехватка рабочего скота для кратковременных трудоемких работ немного усилилась сокращением крестьянского поголовья рабочего скота, служившего обычно обеспеченным резервом недорогой тягловой силы.

¹ ЦГВИА, ф. 12564, оп. 78, д. 33, л. 7.

Сельскохозяйственные машины и искусственные удобрения

В еще большей мере, чем в отношении обеспеченности рабочим скотом, обострилось во время войны положение со снабжением сельского хозяйства машинами и орудиями. Это было прямым следствием промышленной отсталости страны, и особенно отсталости сельскохозяйственного машиностроения, которое, как указывалось в гл. I, до войны покрывало лишь половину спроса на машины.

В целом сельское хозяйство России к началу мировой войны было снабжено сельскохозяйственными машинами крайне недостаточно. Но при этом во всех районах в помещичьем хозяйстве машины применялись значительно шире, чем в крестьянском. Представление об этом дает перепись 1917 г.¹ (См. табл. 27 на стр. 128).

Данные переписи свидетельствуют о сравнительно равномерной оснащенности помещичьего хозяйства земледельческими машинами, за исключением Западного района (Витебской губ.), где число машин относительно площади посевов было наименьшим, и Южного степного района, где их число превышало среднее по России. Много машин было в степном Заволжье. Отличие крестьянского земледелия состояло в крайне слабой механизации, особенно в нечерноземной полосе. Лишь в южных и юго-восточных губерниях зажиточное крестьянство имело машин больше, чем помещики.

С началом войны практически прекратился импорт сельскохозяйственных машин, что способствовало увеличению их отечественного производства. Цены на сельскохозяйственные машины стали быстро расти. Но даже и при этих условиях производство на нужды фронта было выгоднее для владельцев предприятий. Поэтому с первых же месяцев войны предприятия сельскохозяйственного машиностроения стали переключаться на производство военных материалов. Управляющий

¹ «Поуездные итоги...», стр. 13—141. Районы — по принятой В. И. Лениным группировке губерний, приведенной в «Историко-статистическом обзоре промышленности России», т. I, Спб., 1883, стр. 2—3 (см. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 218, прим. 2).

**Обеспеченность помещичьих и крестьянских хозяйств
сельскохозяйственными машинами в 1917 г.**

Районы	Число гу- берний	Приходилось посева (в дес.)			
		на одну сеялку		на одну жнейку	
		у поме- щиков	у кре- стьян	у поме- щиков	у кре- стьян
Северный	2	90	13 140	86	3 137
Северо-Западный	2	61	2 291	80	1 990
Западный	1	420	3 685	254	2 892
Промышленный	4	52	3 287	68	3 016
Средневолжский и Заволжский . .	3	55	2 000	63	839
Северочернозем- ный	6	84	811	103	403
Южночерноземный	2	57	51	70	113
Юго-Западный . .	1	67	262	188	350
Южный степной	2	59	54	49	26
Нижеволжский и Заволжский . .	6	50	165	81	158
Итого . . .	29	61	155	81	109
Нечерноземная по- лоса	12	85	2 512	99	1 281
Черноземная поло- са	17	60	114	80	81

Екатеринославским отделением Государственного банка в своей отчетной записке от 7 июля 1915 г. писал: «В настоящее время многие заводы сельскохозяйственных машин работают для нужд государственной обороны, так как заказы военного ведомства более выгодны, чем производство земледельческих орудий, и только лишь работа на оборону обеспечивает правильное и достаточное снабжение топливом и сырьем»¹.

В сентябре 1915 г. Московское общество сельского хозяйства разослало владельцам заводов и мастерских по изготовлению сельскохозяйственных машин краткую

¹ ЦГИАЛ, ф. 587 (Государственного банка), оп. 33, д. 1386, л. 139об.—140.

Паровая молотилка с локомотивом. Фото. (Гос. исторический музей)

анкету о состоянии производства. Ответов на анкету поступило немного: от 24 заводов и от нескольких мелких кустарных мастерских. Из 24 заводов и фабрик только в анкете бр. Теверовских (г. Александровск Екатеринославской губ.) не указано на сокращение производства¹. 13 предприятий сильно сократили производство. Так, фабрика Я. Ф. Пшеничного изготовлением орудий «занимается, но производство сокращено приблизительно на 70% против довоенного»², акционерное общество «И. И. Ген» в Одессе «занимается, но в весьма ограниченном размере»³, акционерное общество «Джон Гривез и К^о» в г. Бердянске производит машины «в ограниченном количестве»⁴ и т. п. 10 предприятий из указанных 24 совсем прекратили производство сельскохозяйственных машин и орудий.

В числе причин сокращения или полного прекращения производства все владельцы указывают на недостаток материалов, топлива и рабочих рук и на транспортные затруднения (только администрация завода И. И. Ген сообщила, что рабочей силы у них «достаточно»⁵).

Характерно при этом, что ни одно предприятие не было остановлено и подавляющее большинство переключено на изготовление предметов военного снабжения: корпусов для снарядов, двуколок и т. д.

Учитывая спрос на машины для сельского хозяйства и рост цен на них, некоторые предприниматели пробовали вернуться к производству этих машин. Так, акционерное общество «И. И. Ген» в Одессе, заводы которого были переключены на изготовление топоров и киркомотыг для армии, в апреле 1916 г. обратилось к одесскому уполномоченному Особого совещания по обороне с ходатайством освободить четвертую часть производственной мощности заводов для изготовления сельско-

¹ Государственный исторический архив Московской области (ГИАМО), ф. 419 (Московского общества сельского хозяйства), оп. 1, св. 153, д. 2777, л. 25.

² Там же, л. 4.

³ Там же, л. 8.

⁴ Там же, л. 5.

⁵ Там же, л. 8.

хозяйственных машин. Уполномоченный ответил фирме, что «в настоящее время является невозможным освобождение части производительности заводов для изготовления земледельческих орудий ввиду того, что заводы перегружены военными заказами»¹.

Острая нехватка металла и топлива в стране и присвоение их крупнейшими компаниями под видом распределения тяжело отразились на сельскохозяйственном машиностроении. Уже в 1915 г. заводы испытывали большой недостаток проката. В начале 1916 г. Комитетом по делам металлургической промышленности было решено отпустить заводам сельскохозяйственного машиностроения 560 тыс. пуд. проката, из которых на 20 июля 1916 г. заводы получили только 26 тыс. пудов². Учитывая необходимость срочной поставки сельскому хозяйству молотилок для обмолота нового урожая, комитет решил прокатать в июле 1916 г. 139 тыс. пуд. металла, но это решение имело силы не больше, чем ранее принятое, а дальнейшее обострение металлического голода вызвало еще более быстрое сокращение производства сельскохозяйственных машин.

Затруднения предприятий сельскохозяйственного машиностроения не ограничивались нехваткой металла. Не хватало топлива, рабочей силы, оборотных средств. Общее расстройство экономической жизни страны приводило к тому, что даже изготовленная продукция заводов не могла быть своевременно реализована.

Министерство земледелия, пытаясь что-то сделать для снабжения деревни машинами и металлом для их ремонта, установило весьма любопытную систему этого снабжения. Министерство имело один-единственный склад металлов и запасных частей, находившийся в Петрограде в ведении созданной министерством так называемой Ремонтной организации. Земства толком не знали об этой организации и свои заявки на металлы часто посылали заведующему продовольственным делом в империи В. Ковалевскому. В ответ на одно из писем последнего Департамент земледелия излагал принятый

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 8, л. 105.

² Там же, л. 135.

им порядок снабжения: «Если в указанном складе необходимых земствам сортаментов не окажется, недостающий металл может быть назначен лишь за счет свободной наличности железа на складах металлургических заводов. В этом случае заинтересованным земствам надлежит выяснить непосредственно, на каких заводах и в каком количестве имеется свободная наличность нужных сортаментов, и сообщить затем таковые сведения Департаменту земледелия для возбуждения департаментом ходатайства перед местным Заводским совещанием об отпуске упомянутого металла»¹.

Конечно, снабжать земства бумажками было значительно легче, чем металлом, тем более что заголовки и адреса этих бумажек должны были доставлять «заинтересованные земства», а на долю департамента оставалось лишь подписание их и рассылка. Этот порядок настолько «оправдал» себя, что он был продолжен и в ведомстве земледелия Временного правительства как единственно возможный, ни к чему не обязывающий и ничего не дающий.

Прекратилась всякая работа по усовершенствованию существующих и созданию и испытанию новых марок сельскохозяйственных машин. Существовавшая при Министерстве земледелия так называемая Техническая организация занималась изготовлением колевок и брусков для палаток по заказам Всероссийского земского союза².

Результатом расстройства сельскохозяйственного машиностроения и прекращения импорта было резкое сокращение потребления новых машин и орудий в стране, что видно из таблицы³.

¹ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 3891 (Управления сельско-продовольственной части МВД), оп. 1, д. 27, отношение от 21 февраля 1917 г.

² ЦГВИД, ф. 12564 (Всероссийского земского союза), оп. 78, д. 346, л. 99.

³ *Е. И. Измайловская*, указ. соч., стр. 13 (данные за 1904—1914 гг.); *Селезнев*, Машина в русском сельском хозяйстве, «Сельское и лесное хозяйство», кн. 8, 1923 г., стр. 219 (данные за 1914—1916 гг.).

Таблица 28

**Сокращение потребления
сельскохозяйственных машин в годы войны**

Г о д ы	Годовое потребление	
	тыс. руб.	%
1911—1913	111 192	100,0
1914	94 926	85,4
1915	30 374	27,3
1916	12 582	11,3
1914—1916	45 961	32,3

Приведенные цифры весьма показательны для оценки изменений в обеспеченности сельского хозяйства усовершенствованными орудиями и машинами. Уже в 1915 г. потребление машин сократилось в четыре раза, а в 1916 г. — в девять раз по сравнению с довоенным временем.

Но эти цифры освещают только одну сторону дела, а именно потребление новых машин и орудий. Важнее иметь сведения об изменении всего наличного производственного фонда усовершенствованных орудий.

Принимая, как мы делали это в главе I, норму износа машин 10% в год и учитывая годовое поступление машин, изменение неамортизированного остатка машин и орудий за годы войны можно представить в следующем виде.

Таблица 29

**Изменение стоимости наличного парка машин в годы войны
(в тыс. руб.)**

Годы	Годовой износ	Годовое поступление	% к износу	Неаморти- зированный остаток	% к 1914 г.
1914	77 887	94 926	121,9	424 989	100,0
1915	77 048	30 374	39,4	378 315	89,0
1916	74 272	12 582	16,9	316 625	74,5

До войны, как показано в гл. I, поступление новых орудий производства в земледелие, хотя и наполовину при помощи экспорта, не только покрывало стоимость износа наличных машин, но и обеспечивало наращивание неамортизированных остатков в среднем больше, чем на 30 млн. руб. ежегодно. С началом войны, как показывает таблица, положение резко изменилось. В 1914 г. превышение поступления над износом упало до 21 млн. руб. В 1915 г. потребление настолько упало, что едва на $\frac{2}{5}$ покрывало износ, а в 1916 г. потребление составило лишь шестую часть износа.

Такое расхождение между износом и восстановлением вело к быстрому уменьшению наличия годных для эксплуатации усовершенствованных орудий. Уже к концу 1915 г. неамортизированный остаток стоимости машин и орудий фабричного изготовления снизился против конца 1914 г. на 11%, а к концу 1916 г. — на 25,5%.

Если учесть к тому же ухудшение условий содержания и эксплуатации машин — мобилизацию специалистов, отсутствие запасных частей и т. д. — ущерб, нанесенный войной делу механизации земледелия, будет еще более очевиден.

Уменьшение числа машин и орудий и снижение эффективности их использования явились серьезным фактором сокращения производства в помещичьих хозяйствах.

Наряду с недостатком рабочей силы и земледельческих орудий сыграло свою отрицательную роль также резкое сокращение в годы войны производства и ввоза минеральных удобрений.

Война с Германией вызвала полное прекращение ввоза минеральных удобрений, а оккупация Польши и Прибалтики означала потерю всех суперфосфатных заводов. Находившиеся внутри страны Тентелевский и Кинешемский (Бурнаевых-Курочкиных) химические заводы приостановили производство суперфосфата в связи с усиленной работой на войну. В 1915 г. действовали всего четыре завода — Винницкий, Одесский, завод Зиллера в Москве и суперфосфатное отделение Охтенского казенного завода, вырабатывавшие вместе 600—700 тыс. пуд. удобрений в год. Производство тормозилось недо-

статком сырья, ввозившегося обычно из-за границы (фосфориты — из Алжира, Флориды и с тихоокеанских островов, а колчедан для серной кислоты — из Испании, Швеции, Норвегии и только частично из Закавказья). Для открытия новых заводов мер почти не принималось. Причиной этого были не только трудности военного времени. Так, заведующий отделением удобрительных туков Всероссийского земского союза, объясняя отказ союза организовать производство удобрений, писал: «Причиной были отчасти Общественный комитет и Экономический отдел, которых пугало, что мы не справимся с этой огромной задачей, пугало, что мы можем повредить частной промышленности»¹.

Производство суперфосфата начали нижегородское земство на эвакуированном из Риги на ст. Растяпино Мюльграбенском заводе и пермское земство — на купленном им заводе «Аида», эвакуированном из Бессарабской губ. В 1916 г. начало работать суперфосфатное отделение при Сергиевском заводе взрывчатых веществ под Самарой. Суперфосфат производился также на заводе «Петроградского акционерного общества химических заводов», арендованном А. С. Кротте, и из костяной муки — на Екатеринбургском костеобрабатывающем заводе². Томасшлаковые заводы подлежали конфискации как собственность подданных вражеского государства. Немецкие акционеры заключили со своими компаньонами, имевшими русское подданство, сделку по продаже последним всех акций общества. Тем не менее заводы были взяты в казну и для управления ими было назначено Особое правление из представителей трех министерств. Вся эта операция внесла немало сумятицы в организацию томасшлакового производства, и оно быстро падало. Скоро обнаружился недостаток сырых костей, а возникшие транспортные затруднения не позволяли перевозить имевшееся сырье. В результате значительно сократилось производство костяной муки. Неурядицы на железнодорожном транспорте парализовали также всякую возможность помочь делу за счет импорта удобрений.

¹ ЦГВИА, ф. 12564, оп. 65, д. 1, л. 1об.

² С. Л. Рашкович, Удобрительная промышленность в России, Пг., 1920, стр. 22—23.

В декабре 1916 г. Департамент земледелия писал Всероссийскому земскому союзу, что во Владивостокском порту в течение многих месяцев ждут отгрузки закупленные в Америке 2 млн. пуд. суперфосфата, а также машины и сноповязальный шпагат. Поскольку получить вагоны для их перевозки не представлялось никакой возможности, департамент советовал воздержаться от предполагавшегося ввоза из Японии во Владивосток закупленных Земским союзом удобрений в количестве 1 млн. пуд.¹

В целом сокращение производства и потребления искусственных удобрений в годы первой мировой войны показано в следующей таблице².

Таблица 30

Потребление искусственных удобрений в 1913 и 1916 гг.
(в тыс. пуд.)

Удобрения	1913 г.	1916 г.	% к 1913 г.
Фосфористые	34 538	3 500	10,1
Азотистые	3 219	430	7,5
Калийные	4 700	45	1,0
Итого .	42 457	3 975	9,4

Цифры показывают, что потребление удобрений упало в России за годы войны в 11 раз и в 1916 г. составило менее 4 млн. пуд.: если до войны удобрялось всего 1,8% посевной площади, то в 1916 г. этот процент упал до 0,21³. Таким образом, роль искусственных удобрений, едва заметная и до войны, свелась почти к нулю и лишь отдельные крупные хозяйства имели возможность получать и применять удобрения⁴. Одновременно, в связи

¹ ЦГВИА, ф. 12564, оп. 76, д. 14, л. 11 об.

² См. С. Л. Рашкович, указ. соч., стр. 5.

³ Вычислено по данным переписи 1916 г. («Предварительные итоги...», вып. 1, стр. 632). Норма закладки удобрения принята в 24 пуда на десятину.

⁴ Пуришкевич рассказывал в Государственной думе в 1916 г., что он видел на железной дороге до 70 вагонов с суперфосфатом,

с сокращением количества скота, уменьшалось накопление навозного удобрения, к тому же навоз, вывозившийся раньше в значительной мере на крестьянских лошадях, стал вывозиться в очень небольших количествах.

Изменение посевных площадей и валовых сборов хлебов

Рассмотренные выше изменения в обеспеченности помещичьего хозяйства рабочей силой, рабочим скотом, машинами и удобрениями, а также общие экономические и политические условия военного времени (разрыв внешнеторговых связей, разруха на транспорте, прекращение винокурения в связи с запрещением торговли водкой и т. д.) потребовали значительной перестройки помещичьего земледелия. Однако перестроить его, приспособив к менявшимся условиям войны, помещики в массе своей не сумели, и земледелие быстро начало приходить в расстройство. Следы перестройки и признаки расстройства земледелия нашли выражение прежде всего в изменениях посевных площадей.

Источники не дают возможности прямо сопоставлять размеры посевов во время войны с довоенными. Лишь упоминавшийся «Свод по России» содержит сведения о динамике помещичьих посевов, но и то только за 1915 и 1916 гг. Сведения эти представлены в таблице 31.

Цифры таблицы относятся не ко всем помещичьим хозяйствам, так как не все они были охвачены переписью и тем более не все бланки могли попасть в разработку, не говоря уже о погрешностях самой разработки. В частности, не отличается полнотой сведений группа самых крупных посевищиков, хозяйства которых, по-видимому, разбиты по разным группам соответственно размерам каждого отдельного имения. Так, например, в группе самых крупных посевищиков не учтено одно из крупнейших частновладельческих хозяйств капиталистического типа, а именно хозяйство П. И. Харитоненко, который,

адресованных в имение «Смела» гр. Бобринских («День», 24 ноября 1916 г.).

**Площадь посевов в частновладельческих хозяйствах
в 1915 и 1916 гг.**

Группы хозяйств по посеву 1916 г.	Число хозяйств		Площадь посевов (в тыс. дес.)		1916 г. в % к 1915 г.
	всего	со сведе- ниями о посеве в 1915 и 1916 гг.	1915 г.	1916 г.	
Без посева	7 970	765	109,8	0,8	0,70
С посевом:					
до 10 дес.	16 463	14 191	108,3	65,9	92,34
10— 50 »	28 275	25 899	867,9	713,8	82,94
50— 100 »	14 065	13 027	1 065,9	925,2	86,80
100— 250 »	10 286	9 568	1 877,9	1 496,9	79,71
250— 500 »	4 411	4 004	1 636,5	1 543,2	94,30
500—1 000 »	2 020	1 952	1 376,6	1 324,2	96,20
1 000—5 000 »	682	640	1 079,0	1 054,0	97,69
свыше 5 000 »	11	11	75,1	70,4	93,84
Итого . .	84 183	70 057	8 197,0	7 194,4	87,78

как указывалось, только в Курской губ. арендовал 4612 дес.¹, тогда как по данным таблицы вся группа крупнейших посевицков арендовала всего лишь 376 дес.

Несмотря на несомненные пропуски и ошибки, данные таблицы, охватывающей подавляющее большинство ведущих собственное хозяйство помещиков, в целом не могут вызывать сомнений. Таблица показывает, что посеы у частных владельцев уменьшились с 8,2 млн. дес. в 1915 г. до 7,2 млн. дес. в 1916 г., главным образом за счет более мелких хозяйств. Так, если хозяйства с посевом от 10 до 50 дес. сократили посеы на 17,8%, то хозяйства с посевом от 1 тыс. до 5 тыс. дес. сократили посеы только на 2,3%. Наибольший урон понесли хозяйства с посевом от 100 до 250 дес. Из их числа,

¹ Архив ЦСУ, Отд. с. х., 1917 г., д. 90, л. 142.

а также из числа более мелких образовалась группа в 765 хозяйств, имевших в 1915 г. 109,8 тыс. дес. посева, а в 1916 г. отказавшаяся от ведения полевого хозяйства. Самые крупные хозяйства (свыше 5 тыс. дес.) сократили посевы несколько больше, чем крупные (от 500 до 5000 дес.).

Рассмотренные данные позволяют заключить, что наиболее устойчивыми во время войны оказались крупные хозяйства, преимущественно капиталистического типа¹. Правильность этого вывода подтверждают и другие данные, в частности относящиеся к помещичьим хозяйствам Центрального промышленного района и Херсонской губ.

Следующие цифры характеризуют изменения посевных площадей у помещиков Промышленного района, извлеченные из документа, аналогичного «Своду по России» и имеющегося только для этого района².

Таблица 32

Доля хозяйств Промышленного района, увеличивших или не изменивших посевные площади в 1915—1916 гг.

Группы хозяйств по посеву	% хозяйств
Без посева в 1916 г.	—
С посевом:	
до 10 дес.	55,95
10—50 »	61,15
50—100 »	67,15
100—250 »	66,20
250—500 »	92,70
500—1 000 »	100,00
Итого	61,92

¹ В этой связи нельзя не указать на ошибочность утверждения Н. В. Симонова, будто «многочисленные материалы показывают, что наибольшее сокращение посевных площадей происходило в крупных хозяйствах...» («Вопросы истории» № 3, 1955 г., стр.64.)

² Архив ЦСУ, Отд. с. х., оп. 1, 1916 г., д. 62.

Приведенные цифры показывают изменения, которые еще раз подтверждают устойчивость крупных хозяйств.

Особенно интересно, что аналогичную картину представляют изменения посевных площадей в 1915—1916 гг. в Херсонской губ. И здесь наибольшее сокращение посевов приходится не на крупные, а на мелкие хозяйства. Да и сам размер сокращения сравнительно невелик — 10,9% против 12,2% по России¹. Это дает право жалобы помещиков Юга на якобы очень тяжелые трудности считать в значительной мере преувеличенными.

Большое значение имеет вопрос о структуре посевных площадей в частновладельческих хозяйствах и об изменениях этой структуры в годы войны.

Выше было оговорено, что уменьшение посевной площади на 12,22% относится к 84143 хозяйствам, вошедшим в разработку. Между тем Всероссийской сельскохозяйственной переписью 1916 г. было зарегистрировано 119,2 тыс. хозяйств с посевной площадью в 8065,1 тыс. дес.

В «Своде по России» имеются данные об изменениях посевных площадей в 1916 г. против 1915 г. по отдельным культурам, относящиеся к площади, равной 6955,8 тыс. дес., что составляет 86,8% площади, учтенной переписью. Столь большой процент позволяет распространить учтенные источником изменения на всю площадь частновладельческих посевов в 8065,1 тыс. дес. Сохраняя при этом вычисленный ранее размер уменьшения площади в 12,22%, получим следующую картину изменения посевов у помещиков за год. (См. табл. 33 на стр. 141).

Данные об отдельных культурах менее точны, чем приводившиеся ранее данные о посевах в целом, но они могут быть использованы для определения основных направлений изменения структуры посевных площадей и валовых сборов хлебов. Прежде всего, обращает

¹ «Посевы и скот в Херсонской губернии в 1915 и 1916 годах», стр. 4. Приведенные цифры позволяют признать явным преувеличением сообщение Н. В. Симонова, будто бы в 1916 г. на Кавказе посевная площадь в помещичьих хозяйствах сократилась на 50%, в Херсонской губ. — на 52% (см. «Вопросы истории» № 3, 1955 г., стр. 64).

Изменения посевных площадей под различными культурами в 1915—1916 гг.

Культура	Посевная площадь (в тыс. дес.)		Увеличение или уменьшение	
	1915 г.	1916 г.	тыс. дес.	%
Продовольственные	5 770,7	4 099,0	-1 671,7	-29,0
Кормовые	2 323,6	2 531,2	+207,6	+7,2
Картофель	291,4	174,8	-116,6	-38,3
Лен	77,9	47,3	-30,6	-39,3
Свекла	306,2	384,8	+78,6	+25,7
Масличные	37,7	45,7	+8,0	+21,2
Бахчевые и огородные	15,4	28,8	+13,4	+87,0
Кормовые травы	364,8	753,5	+388,7	+106,6
Итого	9 187,7	8 065,1	-1 122,6	-12,22

на себя внимание значительное уменьшение площадей продовольственных культур — 29%. Более подробные данные показывают, что сокращение посевов продовольственных культур шло главным образом за счет сокращения посевов озимой и яровой пшеницы. Посевы ржи, главного хлеба внутреннего потребления, уменьшились незначительно. Увеличились посевы крупяных культур — проса и гречихи.

Важно отметить, что площади под кормовыми (овес и ячмень) не только не сократились, но даже возросли. При этом посевы ячменя, ранее вывозившегося за границу, уменьшились, зато посевы овса увеличились на 428,9 тыс. дес., или на 36,1%.

На этом интересном явлении следует остановиться несколько подробнее. Возделывание овса привлекало внимание помещиков в годы войны его небольшой трудоемкостью и неприхотливостью, что имело важное значение в условиях недостатка рабочей силы. Расширение посевов овса сдерживало лишь то, что овес был на рынках одной из самых малоценных культур. Верное интересам помещиков, правительство не замедлило обеспечить им выгодный сбыт овса для нужд армии, установив на

него твердые цены, несоразмерные с ценами на другие культуры. Ниже приводится таблица сравнения цен на рожь и овес в основных районах возделывания овса.

Как видно из таблицы, цены на рожь возросли в шесть-семь раз, а на овес — в 8—11 раз, что обеспечивало помещикам повышенные доходы от производства овса. Политика завышения цен на овес сравнительно с ценами на рожь и пшеницу явилась одной из многочисленных причин возникшего во время войны продовольственного кризиса.

Таблица 34

Рост твердых цен на рожь и овес

Губернии	Средние местные цены осенью 1913 г. (в коп. за пуд)	Уровень цен 1913 г. (в %)	Твердые цены в % к 1913 г.			
			1915 г. ³	1916 г. ⁴	весна 1917 г. ⁵	осень 1917 г. ⁶
Орловская	рожь 76 ¹	100	171	208	333	666
Тульская и Рязанская						
	овес 60 ¹	100	183	263	400	800
Пермская и	рожь 64 ²	100	181	222	364	728
Вятская						
	овес 43 ²	100	230	367	558	1 116

За счет сокращения посевов продовольственных культур помещики расширяли также возделывание бахчевых и огородных культур. Особенно много посевной площади

¹ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый», стр. 476.

² Там же, стр. 478.

³ «Материалы по вопросу об установлении твердых цен на хлебные продукты до урожая 1917 г.», ч. 1, Пг., 1916, стр. 175, 176, 182, 183.

⁴ «Известия Особого совещания по продовольственному делу» № 28, 1916 г., стр. 14—15.

⁵ «Известия Особого совещания по продовольственному делу» № 1/32, 1917 г., стр. 6—7.

⁶ Осенью 1917 г. твердые цены были повышены Временным правительством вдвое против весенних твердых цен.

было занято под кормовые травы. Сокращение посевов свекловицы на крестьянских полях в некоторой части возмещалось расширением помещичьих посевов сахарной свеклы. В целом структура посевных площадей в частно-владельческих хозяйствах во время войны не отвечала задаче обеспечения страны важнейшими продовольственными товарами и отражала общее стремление к получению наибольших прибылей при наименьших затратах. Достаточно сказать, что 31,4% всей посевной площади было занято под кормовыми культурами и сеяными травами, в том числе 20,1% — под овсом.

Для более детального рассмотрения этого вопроса целесообразно выделить группы посевов зерновых, кормовых и картофеля. Если с некоторой погрешностью допустить, что в 1914/15 г. сокращение посевов у помещиков и крестьян произошло в одинаковом отношении к их прежней площади¹, можно получить следующую таблицу изменения посевных площадей у помещиков².

Таблица 35

Изменение посевных площадей
у частных владельцев в годы войны

Годы	Зерновые	Кормовые	Картофель	Итого
	В тыс. дес.			
1914	5 906	2 503	310	8 719
1915	5 770	2 323	291	8 384
1916	4 099	2 531	175	6 805
	В процентах			
1914	100,0	100,0	100,0	100,0
1915	97,6	92,8	93,9	96,0
1916	62,3	101,3	56,5	77,9

¹ Такое допущение не может сколько-нибудь заметно повлиять на точность расчета по незначительности изменения посевов в первый год войны, а также ввиду того, что удельный вес помещичьих посевов в общей массе их, как уже указывалось, был невелик, едва превышая десятую долю.

² «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. 1, стр. 184, 193, 202, 205.

Бросается в глаза, прежде всего, резкое сокращение посевов зерновых культур в 1916 г. по сравнению с 1914 г. — на 1807 тыс. дес., или 30,6%. Зато кормовые за счет расширения посевов овса удержались на довоенном уровне.

Прекращение винокурения и недостаток рабочих рук повлекли за собой исключительно сильное уменьшение посевов картофеля.

Резкое сокращение посевных площадей в некоторой части компенсировалось хорошими урожаями хлебов 1915 и 1916 гг., из которых первый был на редкость высок почти по всей России.

Об урожаях за годы войны можно получить представление из таблицы 36, показывающей среднюю урожайность ржи на крестьянских и частновладельческих полях¹.

Таблица 36

Урожайность ржи в годы войны
(в пудах с 1 дес.)

Годы	Число учтенных губерний	Средняя урожайность		% к урожаю у частных владельцев
		у частных владельцев	у крестьян	
1912—1914	46	70	58	82,9
1915	44	88	72	81,8
1916	31	76	63	82,9

Числовые отношения этой таблицы дают возможность из общих валовых сборов хлебов² выделить долю урожая, приходящуюся на частновладельческие посевные площади.

¹ «Сельское хозяйство России в XX веке. Сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг.», М., 1923, стр. 134—144; «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый», стр. 66—78.

² «Урожай 1914 года в Европейской и Азиатской России», вып. I—II; то же за 1915 год, вып. I; «Урожай хлебов в России в 1916 году».

Валовые сборы хлебов в частновладельческом хозяйстве в годы войны

Годы	Продовольственные	Кормовые	Картофель	Итого
	В м л н . п у д о в			
1914	378	163	278	819
1915	402	160	191	753
1916	249	166	99	514
	В п р о ц е н т а х			
1914	100	100	100	100
1915	106,4	98,1	68,7	90,7
1916	68,7	101,9	35,6	62,8

Приведенные данные показывают, что валовые сборы зерновых хлебов в частновладельческих хозяйствах, несколько поднявшись в 1915 г., резко упали в 1916 г. (всего лишь 249 млн. пуд.), что составляет 65,7% к сбору 1914 г. и только 62% к сбору 1915 г. Сбор кормовых, как и посевные площади их, удержались на довоенном уровне. Резко упали сборы картофеля, составившие в 1916 г. всего 35,6% к урожаю 1914 г. Общие валовые сборы зерновых, кормовых и картофеля упали в частновладельческих хозяйствах в 1915 г. до 90,7% и в 1916 г. — до 62,8%, т. е. сократились более чем на треть.

Вся группа зерновых культур дала в 1915 г. некоторое увеличение по сравнению с 1914 г. — с 541 млн. до 562 млн. пудов, т. е. на 3,9%. В 1916 г. сбор зерновых составил всего лишь 413 млн. пуд., или 76,6% к сбору 1914 г. и 73,7% к сбору 1915 г.

До войны помещичье хозяйство расходовало на потребление и отчасти реализовало во внутридеревенском обороте, по приведенным И. В. Сталиным подсчетам В. С. Немчинова, 318,4 млн. пуд., выделяя 281,6 млн. пуд. на внедеревенский рынок¹. Трудно сказать, как уменьшилась первая из этих цифр в годы войны. Несомненно, что сокращение поголовья скота уменьшило

¹ См. И. В. Сталин, На хлебном фронте. Соч., т. 11, стр. 85.

потребление зерна в хозяйстве, уменьшены были также размеры и количество так называемых «пайков», т. е. натуральных выдач рабочим и служащим. Зато увеличился расход продуктов на общий котел для рабочих, поскольку последние в годы войны предпочитали наниматься на харчах хозяина.

Специальные подсчеты показывают, что помещичье хозяйство уменьшило во время войны потребление на собственные нужды и сократило продажу хлеба окрестным крестьянам на местных рынках, предпочитая продавать хлеб военному ведомству или в города. Подробных данных об этом перераспределении хлеба не имеется, и приходится ограничиваться лишь неполными данными по закупкам хлеба для армии¹.

Таблица 38

Участие различных поставщиков в поставках хлеба для армии

Поставщики	Количество поставленного хлеба (в тыс. пуд.)			
	из урожая 1914 г.	%	из урожая 1915 г. по июль 1916 г.	%
Землевладельцы	35 839	13	87 666	18
Отдельные крестьяне . .	40 384	15	73 055	15
Кооперативы	34 638	12	82 796	17
Торговые посредники . .	165 241	60	243 516	50
Итого	276 102	100	487 033	100

Из цифр первой строки видно, что помещики увеличили продажу зерна на армию с 35,8 млн. пуд. в 1914/15 г. до 87,7 млн. пуд. в 1915/16 г., т. е. почти в два с половиной раза. Хотя часть помещичьего зерна проходила, несомненно, и через руки торговых посредников (выделить эту часть, разумеется, не представляется возможным), из названных цифр становится ясным, что поставки на армию представляли для помещиков определен-

¹ ЦГИАЛ, ф. 456, оп. 1, д. 108, л. 126.

ную выгоду и что цены, по которым помещики сдавали хлеб, их устраивали. Правда, помещики стремились к дальнейшему повышению цен, а господствующее положение в государстве давало им надежные средства для достижения их целей. Орган, ведавший этими ценами, — «Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу», — хотя и включал в себя отдельных представителей или агентов буржуазии вроде П. Струве и В. Громана, но в целом был в руках помещиков и возглавлялся крупнейшими помещиками А. Н. Наумовым, а после него — А. А. Бобринским. Последний на министерском посту проявил особую верность интересам помещиков, отдав летом 1916 г. в руки помещичьих местных комитетов дело подготовки новых твердых цен, которые и были установлены совещанием в соответствии с пожеланиями помещиков. Столь откровенное использование государственной власти в целях обогащения помещиков вызвало резкие протесты буржуазии, которая через представителей Союза городов опротестовала эти цены и добилась их пересмотра на совместном заседании Особых совещаний по обороне государства и по продовольствию, где дело закончилось компромиссом: цены Бобринского были несколько снижены, но не доведены до уровня, предлагавшегося Союзом городов. В целом же цены в течение всей войны обеспечивали помещикам крупные прибыли по поставкам зерна и других продуктов.

Частновладельческое животноводство в годы войны

Отличительной чертой сельского хозяйства России был хронический кризис животноводства. За 50 лет после отмены крепостного права (1864—1914) поголовье продуктивного скота в Европейской России в абсолютных цифрах в переводе на крупный рогатый скот возросло с 27,4 млн. до 35,5 млн. голов, но этот рост далеко отставал от роста населения в стране. Если в 1864 г. на 100 душ населения в России приходилось 48,2 головы продуктивного скота, то в 1914 г. — только 35,1 головы, т. е. на 27,2% меньше, чем в 1864 г.; в Европейской

России сокращение было еще большим — с 44,6 до 26,8 головы, т. е. на 39,9%¹. Особенно резко сократилось поголовье нагульного скота в южных степях, распахивавшихся под посевы пшеницы и ячменя. Значительным было сокращение скота в Южночерноземном, Северо-Западном, Промышленном и Прибалтийском районах. Стремительно падало поголовье овец и свиней. Количество коров в абсолютных числах сократилось незначительно, но изменился характер их использования: развились районы торгового маслоделия и сыроварения, животноводство стало товарным, особенно в Северо-Западном, Промышленном и Прибалтийском районах и в Сибири.

Столыпинская реформа не только не привела к росту поголовья скота, но, наоборот, усилила процесс падения животноводства. Сколько-нибудь точных данных об этом с начала столыпинской реформы по видам скота привести нельзя. За 1910—1912 гг. имеются сведения, сообщенные в письме министра внутренних дел А. А. Хвостова председателю Совета министров И. А. Горемыкину 26 ноября 1915 г.²

Таблица 39

Изменение поголовья скота в России в 1910—1912 гг.

Годы	Крупный рогатый скот	Овцы	Козы	Свиньи
1910	51 415 506	84 100 653	5 490 193	15 369 318
1911	50 779 940	80 907 958	5 082 182	15 737 577
1912	40 430 492	79 348 738	4 799 501	15 681 883

Таким образом, в последние перед войной годы в отличие от предыдущего периода наиболее резкое сокращение произошло по поголовью крупного рогатого скота, которое с 51,4 млн. голов упало до 40,4 млн. голов, т. е. сократилось на 21,4%. Поголовье других видов продуктивного скота также подвергалось абсолют-

¹ Е. С. Карнаухова, Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860—1914 гг.), М., 1951, стр. 142.

² ЦГИАЛ, ф. 1276 (Канцелярия Совета министров), оп. 12, д. 1914, л. 2.

ному сокращению, хотя и не в такой степени, как крупный рогатый скот. Помещичье хозяйство в отношении скотоводства шло далеко впереди крестьянского, но удельный вес частновладельческого животноводства был весьма невелик. В таблице 40 приводятся данные о поголовье скота в частновладельческих хозяйствах Европейской России в 1916 г.¹

Весьма возможно, что эти цифры занижены, в чем были заинтересованы помещики при производстве переписи и к чему они имели больше возможности, чем крестьяне, тем не менее незначительность животноводческого хозяйства помещиков остается очевидной. Стадо крупного рогатого скота у помещиков в черноземной полосе и в ряде губерний нечерноземной полосы имело 35—40% коров, т. е. животноводство сохраняло преимущественное мясное направление. Только у помещиков Смоленской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской и прибалтийских губерний животноводство более приближалось к молочному направлению, чем у крестьян. У помещиков было больше скота, чем у крестьян, на душу населения, но в расчете на посевную площадь — значительно меньше: крестьяне имели на 100 дес. посева 26 коров, а помещики — 10 коров².

Таблица 40

Доля частновладельческого скота
в общем поголовье в 1916 г.

Виды скота	Тыс. голов	% к общему числу
Крупный рогатый скот	2 214,8	6,1
в том числе коровы	752,8	4,3
Овцы и козы	3 447,9	5,5
Свиньи старше 4 месяцев	502,5	5,8

¹ «Предварительные итоги...», вып. 1, стр. 635.

² Вычислено по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. («Предварительные итоги...», вып. 1, стр. 632—636).

Более подробно частновладельческое животноводство характеризуется данными, вычисленными из относительных цифр «Свода по России».

Крупных животноводческих ферм среди частновладельческих хозяйств было весьма немного: хозяйств с 51 коровой и более насчитывалось 1849, т. е. всего 2,2%. Преобладали хозяйства с небольшим числом коров — от 1 до 10 на хозяйство; таких хозяйств было 62,2 тыс., или 73,9%.

Поскольку группировка по скоту имеется для каждой из посевных групп «Свода по России», можно приблизительно вычислить количество скота по группам и распределить его по хозяйствам, увеличившим или уменьшившим число коров. Точность этих подсчетов, конечно, невелика, особенно для высших групп, но в низших группах вполне достаточна для их хозяйственной характеристики. Произведенные подсчеты сведены в таблицу 41.

Таблица ясно показывает, насколько группировка по посеву недостаточна для характеристики размеров хозяйства. Так называемые беспосевные хозяйства имели в среднем по 5,1 коровы, тогда как хозяйства с посевом до 10 дес. — по 3,5 коровы. Как для первых, так и для вторых молочное животноводство может считаться источником больших доходов, чем доходы от полеводства. Возрастание числа голов на хозяйство от низших к высшим группам далеко отстает от возрастания размеров посевных площадей. Если, например, размеры посевов от группы в 10—50 дес. до группы в 1—5 тыс. дес. выросли в 100 раз, то количество коров на хозяйство — только в девять раз. (См. табл. 41 на стр. 151).

Особенно показательны данные о поголовье коров, приходящемся на 100 дес. посева. Больше всего коров в расчете на посевную площадь было в малопосевных хозяйствах (78,9 — в группе до 10 дес., 23,3 — в группе от 10 дес. до 50 дес. и т. д.). В высших же группах молочное хозяйство имело явно побочное значение.

Как изменялось количество молочного продуктивного скота в частновладельческих хозяйствах, показывает таблица 42 на стр. 151.

Таблица 41

Наличие коров в помещичьих хозяйствах в 1916 г.

Группы хозяйств по посеву	Число хозяйств		Число коров		
	без коров	с коровами	всего	на 1 хозяйство	на 100 дес. посева
Без посева в 1916 г.	2 638	5 332	27 151	5,1	—
С посевом:					
до 10 дес.	1 549	14 914	51 975	3,5	78,9
10—50 »	905	27 370	166 632	6,1	23,3
50—100 »	330	13 735	137 570	10,0	14,9
100—250 »	358	9 928	178 611	18,1	11,9
250—500 »	225	4 186	109 059	26,1	7,1
500—1 000 »	122	1 898	55 723	29,3	4,2
1 000—5 000 »	46	636	33 555	52,8	3,2
свыше 5 000 »	—	11	1 270	115	1,8
Итого	6 173	78 010	761 546	9,8	10,6

Таблица 42

Изменение поголовья коров в 1915—1916 гг.

Группы хозяйств по посеву	Количество коров		Общее уменьшение		Уменьшение посевов (в %)
	1915 г.	1916 г.	голов	%	
Без посева . .	29 865	27 151	2 714	9,1	99,3
С посевом:					
до 10 дес.	59 948	51 975	7 973	13,3	7,66
10—50 »	206 628	166 632	39 996	19,4	17,76
50—100 »	167 410	137 570	29 840	17,8	13,20
100—250 »	214 555	178 611	35 944	17,6	20,29
250—500 »	127 207	109 059	18 148	14,3	5,70
500—1 000 »	60 232	55 723	4 509	7,5	3,80
1 000—5 000 »	34 214	33 555	659	1,9	2,31
свыше 5 000 »	1 376	1 270	106	7,7	6,16
Итого	901 435	761 546	139 889	15,5	12,22

Как видно из таблицы, общее уменьшение молочно-продуктивного скота составило 15,5% за год и превысило уменьшение посевных площадей на 3,3%. Уменьшение, по не приведенным здесь более подробным данным, произошло в 18,8% хозяйств, а увеличение — в 3,8% хозяйств. Обращает на себя внимание характер уменьшения числа коров по посевным группам: процент уменьшения возрастает от низших к средним группам и падает от средних к высшим с некоторыми вариациями. Первые две группы обнаруживают усилия удержать достигнутый уровень молочного хозяйства, жертвуя для этого посевами или частью их. Особенно серьезные сокращения произошли в группах от 10 до 250 дес. земли. Крупные посевики пострадали меньше, но их поголовье не играло большой роли в товарной продукции молочного хозяйства.

В целом помещичье животноводство понесло немалый урон, что еще более подчеркивает общую картину кризиса скотоводства в стране в годы первой мировой войны.

Аренда земли, земельная рента и прибыль

Основу существования класса помещиков в России в целом составляли не доходы от собственного хозяйства, а рента с принадлежавших им земель. Поэтому для изучения помещичьего хозяйства весьма важным является вопрос о высоте земельной ренты.

Арендная плата, в которой в обычной хозяйственной практике выступает земельная рента, как указывалось в гл. I, была в России непомерно высока. Значительную часть ее составляли элементы некапиталистической ренты—денежной и даже натуральной. Выжимать из крестьян такую ренту, как указывал В. И. Ленин, давала возможность сила крепостнических помещичьих латифундий¹.

В годы войны арендные отношения в России претерпели крупную ломку. Прежде всего, изменился состав арендаторов и их положение. Большинство их до войны

¹ См. В. И. Ленин, Аграрная программа... Соч., т. 13, стр. 289.

составляли малоземельные крестьяне, арендовавшие землю небольшими участками, преимущественно на один посев. Многие из них в связи с мобилизацией отказались от аренды или сократили ее. Сокращению подверглась, прежде всего, продовольственная и мелкая предпринимательская аренда крестьян, призванных в армию. Это сразу же вызвало понижение арендных цен. Правда, в 1916 г. в ряде мест замечалось номинальное повышение цен, но оно было связано с падением курса рубля, которое и поглотило это повышение. Таким образом, земельные собственники, жившие арендной платой, прежде всего владельцы крепостнических латифундий, понесли тройной ущерб: 1) вследствие отказов от аренды¹, 2) вследствие понижения цен на арендуемую землю и 3) в результате инфляционного обесценения фиксированных договорами арендных сумм.

Изменения в арендных ценах, происшедшие во время войны, отражены в таблице 43².

Из таблицы видно, что арендные цены номинально снизились мало — с 13 р. 72 к. накануне войны до 12 р. 51 к. в 1916 г., но в связи с ростом рыночных цен реальное значение арендной платы быстро падало. Так,

¹Трудно сказать, какая площадь помещичьей земли перестала приносить ренту. По имеющимся расчетам, крестьянская посевная площадь сократилась в 1916 г. по сравнению с 1914 г. с 79,99 млн. до 71,52 млн. дес., т. е. на 8,47 млн. дес., не считая посевов под техническими культурами, кормовыми травами, а с ними, вероятно, до 10 млн. дес. Если приблизительно принять, что на арендованной земле посевы сократились в два раза больше, чем на надельной, то бездоходная площадь определится для 1916 г. в 6,7 млн. дес., а утраченная рента, считая по 13 р. 72 к. за десятину (довоенная цена), составит сумму свыше 90 млн. руб. Кроме того, сокращалась аренда не только пашни, но и сенокосов, а также и части других угодий — выгонов, скотопрогонов, жнивья и т. д. Часть земли арендовалась не у помещиков, а у казны, Крестьянского банка, уделов и т. д. Часть земли была в долгосрочной аренде, более дешевой. Во всяком случае потери помещиков от сокращения размеров аренды для 1916 г. близки к 100 млн. руб.

²Метод составления данной таблицы тот же, что и в главе I (табл. 6, стр. 59). Новые источники — «Стоимость производства главнейших хлебов в 1916 году»; «1915 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев», вып. VI, Пг., 1916; «1916 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев», вып. VI, Пг., 1917.

Изменение арендных цен в годы первой мировой войны

Районы	Число губерний	Арендная плата за 1 казенную дес. (в руб.)			Арендная плата за 1 казенную дес. (в пудах ржи)			Арендная плата за 1 казенную дес. (в % к урожайности)		
		1912—1914 гг.	1915 г.	1916 г.	1912—1914 гг.	1915 г.	1916 г.	1912—1914 гг.	1915 г.	1916 г.
Северный	1	5,82	7,44	7,71	5,7	4,0	2,7	10,6	6,2	4,4
Северо-Западный . .	2	13,52	14,47	13,24	12,6	8,6	4,5	22,9	11,9	8,5
Прибалтийский . . .	2	17,48	16,72	17,60	19,2	10,2	6,0	25,3	11,0	8,1
Западный	1	9,82	9,57	12,92	11,8	7,4	5,6	21,1	11,6	10,2
Промышленный	2	11,05	7,93	8,29	12,4	5,1	3,0	25,3	7,8	5,4
Средневожжский и За- вожжский	4	5,34	6,74	6,74	7,5	4,9	2,9	12,9	8,2	5,1
Северочерноземный	7	16,07	15,36	17,04	21,7	13,0	9,7	40,9	17,1	14,7
Южночерноземный	3	19,94	19,57	18,15	31,1	19,0	11,8	42,0	21,1	13,7
Юго-Западный	2	16,52	18,41	20,03	22,3	16,9	11,6	25,9	19,4	14,0
Южный степной	4	17,31	10,75	9,84	25,8	12,2	6,5	51,6	17,9	11,0
Нижневожжский и За- вожжский	5	11,38	9,19	12,24	20,0	9,6	7,8	36,4	12,5	13,4
По Европейской России	33	13,72	11,40	12,51	19,4	9,3	6,6	33,4	12,4	10,5
В ценах 1913 г. . . .	—	13,72	7,53	5,00	—	—	—	—	—	—
В % к 1913 г. . . .	—	100	54,9	36,4	100	47,9	34,0	—	—	—

в ценах 1913 г.¹ арендная плата упала в 1915 г. до 54,9%, а в 1916 г. — до 36,4%. Если в 1913 г. арендная плата составляла треть крестьянского урожая, то в 1915 г. — лишь восьмую, а в 1916 г. — десятую часть.

Наибольшее снижение арендной платы произошло в районах капиталистического земледелия; меньше понизились реальные платежи в районах крепостнически-кабальных аренд, где и в годы войны крестьяне вынуждены были арендовать землю во что бы то ни стало.

Падение реальной ценности арендных платежей в 2,5—3 раза, показанное в таблице, представляло, конечно, серьезный удар по карману земельных собственников, для которых рента с земли была главным источником дохода. Правда, нельзя упускать из виду, что далеко не все платежи вносились деньгами. И во время войны крестьяне несли немало кабальных обязательств в виде отработок, испольщины и т. д. Все же падение уровня ренты сыграло немалую роль в подрыве экономической базы реакционного политического господства владельцев крепостнических латифундий.

Однако значение этого фактора нельзя переоценивать. Прежде всего, в их руках оставалась главная экономическая база этого господства — земля, а потери на аренде, по их мнению, носили временный характер.

Нельзя также упускать из виду важное указание Энгельса о том, что, как показывает практика, класс землевладельцев «всегда выходит сухим из воды»², или, по ленинскому варианту перевода, землевладельцы при всяких кризисах «падают на ноги»³.

Вспомним, что на 1 января 1916 г. 63 723 тыс. дес. частновладельческих земель было заложено в банках. На этой земле числился капитальный долг в 3 276 769 тыс.

¹ Переведено по индексам дороговизны жизни (см. *С. Г. Струминин*, Оплата и производительность труда в сельском хозяйстве, «На аграрном фронте» № 1, 1926 г., стр. 45. Индексы: 1913 г. — 100; 1914 г. — 107,8; 1915 г. — 151,4; 1916 г. — 250,7; 1917 г. — 673,0.

² *К. Маркс*, Капитал, т. III, стр. 738. Дополнение Энгельса.

³ *В. И. Ленин*, Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 283.

руб.¹ В Дворянском банке на 1 января 1917 г. числилось в залоге 14 095 тыс. дес. земли с капитальным долгом в 840 445 тыс. руб. За 1916 г. оклад платежей Дворянскому банку равнялся 50 678 тыс. руб., т. е. по 3 р. 60 к. с десятины. Сводных данных о платежах за землю в частных банках для изучаемого периода не имеется. Приблизительный расчет показывает, что за землю, заложенную в частных банках, помещики должны были платить по 3 р. 70 к. в год. Подсчет получается следующий.

Таблица 44

Платежи помещиков ипотечным банкам

	Заложенная земля (в тыс. дес.)	Платежи за 1 дес. (в руб.)	Платежи за всю землю (в тыс. руб.)
Дворянский банк	14 095	3,60	50 678
Частные банки . .	49 628	3,70	183 624
Итого	63 723	3,68	234 302

Эти цифры интересны, прежде всего, как свидетельство паразитизма класса земельных собственников, не довольствовавшихся эксплуатацией арендаторов и набравших массу долгов, которые составляли добрую половину суммы арендных платежей. С другой стороны, эти цифры важны как показатель степени проникновения финансового капитала в земледелие через залог земли. Земельные собственники России наполовину сделались агентами финансового капитала по выколачиванию из эксплуатируемого крестьянства ренты, большая часть которой уходила в виде ссудного процента в сейфы земельных банков.

Помещики, являвшиеся плательщиками взносов земельным банкам, были, следовательно, заинтересованы в понижении курса рубля, который к их выгоде упал к началу 1917 г. на 398%. Таким образом, реальное значение обязательств помещиков перед земельными банками составило не более одной четвертой части их

¹ «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. 2, стр. 103.

довоенной ссуды. Другими словами, долги помещиков банкам снизились в четыре раза.

Важно также иметь в виду, что сокращение арендной платы означает по общему правилу увеличение предпринимательской прибыли. А так как земельные собственники большей частью вели хозяйство на своей земле и являлись в одно и то же время получателями и ренты и прибыли, сокращение ренты их практически почти не касалось.

Другое дело, когда получателями ренты и прибыли являются разные лица. В этом случае прибыль и рента противостоят друг другу, как разные экономические категории, за которыми стоят различные социальные силы с расходящимися интересами.

Определение изменений в соотношении ренты и прибыли, происшедших в годы войны, представляет собой трудную задачу, поскольку оно предполагает исследование изменений в стоимости производства и условиях реализации продукта. В плане данной работы такая задача не может быть решена полностью, и предпринятая попытка имеет целью лишь наметить пути и опробовать приемы ее решения.

Источниками для этого служат указанные во введении сборники материалов о стоимости производства хлебов, изданные в 1915¹ и 1917 гг.²

Используемые здесь два сборника сопоставимы друг с другом не по всем показателям. Так, сборник за 1916 г. не содержит сведений об урожае и о ценах на хлеб, поэтому сведения эти приходится брать из текущей статистики как для 1916, так и для 1912—1914 гг.³

В сборнике за 1916 г. в затратах не учтена стоимость навозного удобрения, поэтому данный элемент исключен и из затрат 1912—1914 гг.; ввиду этого в доходной части не учтена стоимость соломы, что до некото-

¹ «Стоимость производства главнейших хлебов», вып. I.

² «Стоимость производства главнейших хлебов в 1916 году».

³ «1913-й год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев», вып. III, Спб., 1913; «1916-й год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев», вып. VI. Районные данные — средние арифметические из губернских.

**Стоимость производства хлебов, рента и прибыль
(в текущих)**

	Затрата капитала на 1 дес. (в руб.)		Урожай с 1 дес. (в пуд.)		Рыночная цена пуда ржи (в коп.)	
	1913 г.	1916 г.	1913 г.	1916 г.	1913 г.	1916 г.
Промышленный	46,84	117,03	68	66	98	261
Северочерно- земный . .	38,40	89,11	70	81	80	175
Южный степной	30,72	59,06	69	71	77	151

рой степени уравнивает первую неточность, но зато в какой-то мере сглаживает различия между районами.

Одна из трудностей состоит в том, что в сборниках показаны арендные цены при условии годичной аренды, а для расчета необходима стоимость долгосрочной аренды, которая обычно была дешевле¹.

К расчету принята стоимость производства озимой ржи в трех и наиболее характерных по различию условий районах Европейской России: Промышленном (губернии: Владимирская, Калужская, Московская, Смоленская, Тверская и Ярославская); Северочерноземном (губернии: Курская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тульская, Пензенская и Черниговская) и Южном степном (Область Войска Донского, губернии: Екатеринославская, Таврическая и Херсонская; Бессарабская не включена ввиду отсутствия по ней сведений за 1916 г.).

Произведенный по указанным материалам расчет стоимости производства и результатов реализации озимой ржи в частновладельческих и зажиточных крестьянских хозяйствах сведен в таблицу 45.

¹ См. «Статистика землевладения Европейской России по уездам», сост. Г. Логанов, Спб., 1906, стр. 121—125. Долгосрочная аренда дешевле годовой в Среднечерноземном районе на 38%, в Южном степном — на 21%, в Промышленном разницы почти нет. Эти соотношения и приняты как для 1912—1914 гг., так и для 1916 г.

по трем районам в 1913 и 1916 гг.
ценах)

Рыночная стоимость зерна (в руб.)		Рента (в руб.)		Прибыль на собствен. земле (в руб.)		Прибыль на арендов. земле (в руб.)	
1913 г.	1916 г.	1913 г.	1916 г.	1913 г.	1916 г.	1913 г.	1916 г.
66,64	172,26	11,34	11,19	19,80	55,23	8,46	44,04
56,00	141,75	11,98	12,50	17,60	52,64	5,62	40,14
53,13	107,21	8,22	10,19	22,41	48,15	14,19	37,96

Как показывают данные этой таблицы, затраты на десятину ржи в годы войны увеличились больше всего в нечерноземных губерниях — в 2,5 раза, более чем в два раза — в северочерноземных и в два раза — в южных степных. В этих различиях нашли свое отражение большая дороговизна рабочих рук в промышленных губерниях, лучшая обеспеченность машинами южных губерний и другие факторы, влиявшие на величину затрат.

Урожайность на владельческих полях, принятая к расчету в таблице, дала в 1916 г. уменьшение лишь в Промышленном районе, а в других возросла, особенно в Северочерноземном районе. Резко возросшие рыночные цены на хлеб намного увеличили выручку от продажи хлеба: в 2,6 раза — в Промышленном районе, в 2,4 раза — в Северочерноземном районе и в два раза — в Южном степном районе. В связи с этим в два-три раза повысились прибыли посеивщиков на собственной земле.

Во время войны коренным образом изменилось соотношение между земельной рентой и прибылью. Капиталистические арендаторы продолжали платить земельным собственникам или прежнюю, или даже пониженную арендную плату, реальное значение которой падало по мере обесценения рубля. В связи с этим прибыли их в 1916 г. поднялись в несколько раз: в 2,5 раза — в южных губерниях, в семь раз — в северочерноземных и в пять раз — в нечерноземных.

При всей неточности и условности абсолютных цифр ренты и прибыли не подлежит сомнению то, что капиталистические арендаторы, имевшие возможность продолжать возделывание хлебов, получали в годы войны увеличенные доходы как в связи с ростом цен, так и вследствие перераспределения прибыли в их пользу, в ущерб получателям ренты. С другой стороны, снижение арендных цен было несомненным выигрышем для предпринимателей-арендаторов, которые во время войны получали увеличенные доходы от производства хлебов вследствие не только роста цен на хлеб, но и перераспределения прибыли. Увеличение массы прибыли сопровождалось уменьшением той ее доли, которая в виде ренты шла в карман земельных собственников, что означало рост предпринимательской прибыли. Если до войны высокая норма ренты мешала развитию капиталистического фермерства, то во время войны крупные арендаторские хозяйства оказались в более выгодных условиях.

Вообще частновладельческая (некрестьянская) аренда в России была развита слабо. По данным «Свода по России», из 8 197 тыс. дес. частновладельческих посевов только 1 257,3 тыс. дес., или 15,3%, являлись посевами на арендованной земле. Остальные 84,7% составляли посевы на собственной земле. Но арендаторами были очень часто те же землевладельцы, и поэтому положение арендаторских хозяйств может косвенно характеризовать целый слой помещиков, преимущественно капиталистического типа.

О положении арендаторских хозяйств в годы войны могут дать представление следующие данные «Свода по России» об изменении посевных площадей.

Из таблицы 46 видно, что сокращение посевов на собственной земле составило в целом 13,4%, тогда как на арендованной — только 6%. Если посевы землевладельцев подверглись сокращению по всем посевным группам, то посевы арендаторов — только по низшим группам с посевом до 250 дес. Следует особо отметить факт абсолютного роста посевов в крупных арендаторских хозяйствах (свыше 250 дес.). При этом чем крупнее хозяйства, тем больше у них прирост посевной

Изменение частновладельческих посевов на собственной
и арендованной земле в 1915—1916 гг.

И. А. М. Анфилов

Группы хозяйств по посеву	Площадь посевов на собственной земле			Площадь посевов на арендованной земле		
	1915 г. (в дес.)	1916 г. (в дес.)	% к 1915 г.	1915 г. (в дес.)	1916 г. (в дес.)	% к 1915 г.
Без посева в 1916 г.	81,3	0,8	0,94	28,4	—	—
С посевом:						
до 10 дес.	97,3	58,6	60,20	11,0	7,3	66,21
10 до 50 »	757,4	631,9	83,43	110,6	81,9	74,08
50—100 »	926,9	815,0	87,93	139,0	110,2	79,27
100—250 »	1 602,3	1 282,5	80,04	275,7	214,4	77,75
250—500 »	1 343,4	1 246,0	92,75	293,1	297,2	101,41
500—1 000 »	1 109,0	1 015,3	91,55	267,6	308,9	115,44
1 000—5 000 »	947,5	892,1	94,16	131,5	161,9	123,09
свыше 5 000 »	74,6	70,0	93,74	0,4	0,4	112,50
Итого	6 939,7	6 012,2	86,63	1 257,3	1 182,2	94,03

площади. В условиях массового сокращения посевных площадей этот факт приобретает важное значение для оценки влияния войны на различные типы хозяйств.

Вместе с тем и среди хозяйств землевладельцев, несмотря на общее сокращение посевных площадей, большая устойчивость крупного производства обнаружилась с явной очевидностью.

Промышленность помещичьих хозяйств в годы войны

Положение сельскохозяйственного производства в помещичьем хозяйстве нельзя рассматривать изолированно от других сторон деятельности помещиков, от других источников их доходов. Дело в том, что помещичье хозяйство к началу и в годы войны представляло собой сложное переплетение самых различных видов производственно-коммерческой деятельности от сельского земледелия до сахароварения, добывания угля и даже до участия капиталами в банках.

Особенно большое значение имели в помещичьем хозяйстве сахароварение, винокурение и перемол зерна. В мае 1914 г. В. И. Ленин писал: ««Соседи по имению» в наш капиталистический век все чаще сами становятся заводчиками, винокурами, сахароварами и т. п., все больше принимают участия во всевозможных торгово-промышленных, финансовых, железнодорожных предприятиях. Крупнейшее дворянство тесно переплетается с крупнейшей буржуазией»¹.

Всероссийской переписью 1917 г. были собраны сведения о промышленных предприятиях в помещичьих и крестьянских хозяйствах, но не были опубликованы. Примерное представление о распределении торгово-промышленных заведений по группам хозяйств может дать следующая таблица, составленная по первичным материалам переписи 1917 г. по Тульской губ.²

¹ В. И. Ленин, «Соседи по имению». Соч., т. 20, стр. 262.

² Архив ЦСУ, Отд. с. х., 1917 г., д. 97—99.

**Торгово-промышленные заведения
в хозяйствах помещиков**

Группы хозяйств по посеву	Всего хозяйств	В них торго-во-промыш-ленных за-ведений	В том числе сахарных и винокурен-ных заводов	В среднем на 1 хо-зяйство
До 500 дес.	61	31	9	0,51
500—1 000 »	107	105	34	0,98
1 000—5 000 »	49	58	24	1,18
свыше 5 000 »	2	23	4	11,5
Итого	219	217	71	0,99

Из таблицы видно, что в редком большом помещичьем хозяйстве не имелось промышленного или торгового заведения, причем в крупнейших хозяйствах приходилось по нескольку предприятий на каждое.

На промышленные предприятия падала немалая доля оборота капитала крупных помещичьих хозяйств, особенно в хозяйствах с сахарными и винокуренными заводами.

Сахарная промышленность, как и винокурение, долгое время была привилегией дворянства. К началу первой мировой войны от этой привилегии оставалось лишь преимущественное право дворян открывать новые сахароваренные и винокуренные предприятия. В существовавших же предприятиях к началу войны большое влияние приобрел финансовый капитал, особенно в сахарной промышленности. Первое место в этом деле принадлежало Русскому для внешней торговли банку, руководитель которого А. Ф. Давыдов перед войной стал председателем правления крупнейших сахароваренных компаний — Александровского и Корюковского товариществ. Кроме производства на своих заводах, банк скупал ежегодно до 15—20 млн. пуд. сахара¹. На сахарном рынке активно действовали также Русско-Азиатский, Азово-Донской и Московский купеческий банки.

¹ «Петроградская газета», 28 октября 1916 г.

В годы войны сахарная промышленность вынуждена была сократить производство. Главными причинами этого были сокращение посевов свекловицы на крестьянских и помещичьих полях, падение урожайности и трудности с доставкой свеклы. Заводы расширили собственные посевы свекловицы к 1917 г. почти на треть, вследствие чего в целом площади под свекловицей сократились незначительно: с 697,4 тыс. дес. в 1914 г. до 670,4 тыс. дес. в 1915 г. и до 670,0 тыс. дес. в 1916 г.¹

Производство сахара в стране в годы войны понесло значительный ущерб. Выход песка и рафинада в сезоне 1913/14 г. составлял 104,6 млн., в 1914/15 г. — 116,6 млн., а в 1915/16 г. — 91,7 млн. и в 1916/17 г. — 72,6 млн. пуд. Таким образом, в 1916/17 г. было произведено сахара на 30,6% меньше, чем в 1913/14 г., и на 38,3% меньше, чем в 1914/15 г.²

Это сокращение тяжело отразилось на трудящемся населении; сахарозаводчики же умели и в этих условиях обеспечить себе высокие прибыли. Так, например, Товарищество Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных при основном капитале в 2 400 тыс. руб. получило в 1915/16 операционном году чистой прибыли 1 322 484 руб.³ Делец Русского для внешней торговли банка А. Ю. Добрый за один только 1915/16 г. по одному Александровскому товариществу в качестве директора-распорядителя получил танъему в сумме около 450 тыс. руб. Надо думать, немало перепало ему и по Корюковскому товариществу, а также по Мезеновскому, Кашперовскому, Артемовскому и Липовецкому заводам, где он являлся крупным участником⁴.

¹ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый», стр. 145; «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. 1, стр. 31.

² Н. А. Крюков, Сахар и сахарная промышленность, М., 1916, стр. 10; «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. 1, стр. 31.

³ «Доклад комиссии о несоответствии цен на продукты сельского хозяйства в сравнении с ценами на продукты обрабатывающей и добывающей промышленности», Саратов, 1917, стр. 13.

⁴ «Петроградская газета», 28 октября 1916 г.

Важное место в помещичьем хозяйстве занимали винокуренные заводы, т. е. переработка картофеля и зерна на спирт. В. И. Ленин указывал, что «винокуренные заводы принадлежат почти исключительно помещикам и главным образом дворянам»¹. В 1913/14 г. в империи было 3029 винокуренных заводов, из которых «сельскохозяйственных» было 2477, «смешанных» — 342, «промышленных» — 159 и «дрожжевых» — 51². С началом войны отпали винокуренные заводы, находившиеся на территории Царства Польского (421 завод). Самый же тяжелый удар по винокуренной промышленности был нанесен законом 29 августа 1914 г. о запрещении продажи водки. Число действующих заводов уменьшилось до 2326 в 1915 г. и до 681 в 1916 г. Еще больше сократилось производство спирта: с 124 млн. ведер в 1914 г. до 55 млн. ведер в 1915 г. и до 10 млн. ведер в 1916 г.³

Хозяйства, вынужденные прекратить производство, терпели, несомненно, значительный урон. Так, симбирский помещик П. П. Анненков, отстроивший накануне войны два винокуренных завода, которые стоили ему 80 тыс. руб., лишился одного из них, который вместе с имением перешел к купцу — суконщику Шатрову. Другой завод с имением находился в 1916 г. под угрозой продажи с торгов по претензиям купца — мясника Давыдова⁴. Имение Анненкова в Корсунском уезде в 1915 г. было назначено к продаже за неплатеж взносов Дворянскому банку⁵.

Ущерб в результате прекращения винокурения некоторые помещики не без успеха пытались возместить развертыванием крахмального производства как на при-

¹ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 247.

² «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый», стр. 175.

³ Там же, стр. 175; «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. 1, стр. 31.

⁴ ЦГИАМ, ф. 582 (А. Д. Протопопова), оп. 1, д. 40, л. 1.

⁵ «Вестник финансов», 1915 г., особое прибавление к № 41, стр. 102.

способленных винокуренных, так и на вновь построенных крахмальных заводах. Правда, производство крахмала тоже претерпело сокращение в годы войны, хотя не столь значительное, как производство спирта. Если в 1913/14 г. на крахмал перерабатывалось 42,4 млн. пуд. картофеля, то в 1916/17 г. — 30,5 млн. пуд. Соответственно и количество выработанного сырого крахмала упало за эти годы с 10,6 млн. до 7,2 млн. пуд.¹

Большие выгоды приносили помещикам паровые и водяные мельницы, имевшиеся почти в каждом более или менее крупном хозяйстве. Вместе с ростом цен на хлеб, получавшийся с помольщиков в виде гарнцевого сбора, во время войны возрастал и размер последнего, еще больше увеличивая доходы помещиков-мукомолов.

Особенно наживались те мукомолы, которые имели возможность пристроиться к заготовительным операциям правительственных органов. Например, крупный помещик, председатель Саратовской губернской земской управы, бывший член Государственной думы К. Н. Гримм, взяв на себя обязанности уполномоченного по закупке хлеба для армии, перемол закупаемого хлеба организовал на своей паровой мельнице. Исполняющий обязанности губернатора, подтверждая этот факт в письме директору Департамента полиции, указывал, что Гримм забирал в виде гарнцевого сбора каждый десятый или одиннадцатый пуд зерна².

Война открыла перед помещиками ряд новых источников дохода, связанных с военными поставками. Важнейшим каналом, по которому притекали эти доходы к помещикам, был Всероссийский земский союз, по заказам которого в помещичьих имениях изготовлялись различные предметы интендантского снабжения армии, поставлялись продукты, скот, лес и т. д. Вообще доходы помещиков от лесного хозяйства, одной из наиболее крупных доходных статей помещиков, неминуемо должны были резко сократиться вследствие почти полного прекращения экспорта леса и сокращения внутреннего по-

¹ Архив ЦСУ, Отдел баланса нар. хозяйства, оп. 15, д. 53, л. 12.

² ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1914 г., д. 141, ч. 62, л. 34, 37.

требления на нужды строительства и пр. Однако в ряде мест, особенно вокруг столиц, крупных городов и промышленных предприятий, лесное хозяйство в годы войны давало исключительно большие доходы. Приведем для примера выдержки из докладной записки И. Шорина, управляющего Никольским имением Н. В. Гагарина (Рузский уезд Московской губ.), относящейся к концу 1914 г.: «Вследствие весьма значительного истребления лесов в округе Москвы по случаю дровяного кризиса, переживаемого ею в связи с военным временем, Никольская лесная дача получает еще большее значение, как крупная доходная статья»¹. Значительная мощность двигателей, установленных на лесопильном заводе Гагарина, по словам управляющего, давала «возможность поставить еще одну чесальную машину для приготовления древесной шерсти, сбыт которой в Москву вполне обеспечен по высокой цене. Затем необходимо поставить еще ленторезную машину, т[ак] к[ак] ввиду вздорожания кровельного железа нужда в более дешевой и практичной крыше несомненно явится. Крайне желательно было бы поставить еще одну лесопильную раму, т[ак] к[ак] пока стоят такие высокие цены на древесину, желательно ежегодно разрабатывать двойную лесосеку, т. е. примерно 100 дес. в год»².

Большие заказы на лесные материалы давал помещикам Всероссийский земский союз. Так, кн. П. Д. Долгоруков, известный кадетский лидер и владелец крупного Мантуровского лесопильного завода, только за январь—май 1917 г. получил от Земского союза за поставленные последнему лесные материалы 241,4 тыс. руб.³

Заказы и подряды помещики получали не только через Земский союз, но и непосредственно от интендантства. Например, известный на Кубани крупный помещик бар. Штейнгель в 1916 г. получил от интендантства аванс в 300 тыс. руб. на организацию производства галет⁴.

¹ ЦГАДА, ф. 1261 (Гагариных), оп. 1, д. 650, л. 4.

² Там же, л. 5.

³ ЦГВИА, ф. 12564, оп. 78, д. 33, л. 7.

⁴ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 759, л. 1.

Помещики пытались принимать участие даже в боевом снабжении армии. Так, например, Ракитянский свеклосахарный завод княгини З. Н. Юсуповой изготовил 2100 бомб на 1785 руб.¹

Тяга помещиков к участию в поставках на армию была обусловлена исключительной прибыльностью этого дела. Прибыли от поставок в известной мере возмещали помещикам их потери на сокращении посевных площадей и скота и нередко даже стимулировали это сокращение.

Залог земли

Помещичье хозяйство в годы первой мировой войны, как и прежде, было предметом трогательных забот со стороны царского правительства, принимавшего разнообразные меры по поддержанию рушившегося крепостнического землевладения. Особо важную роль в этом деле играл Государственный дворянский земельный банк, крупнейшее учреждение ипотечного кредита для дворян.

Как известно, ипотечный кредит (залог земли) получил перед войной широкое распространение, особенно среди частных владельцев. К 1 января 1914 г. по империи без Царства Польского учтено было 363 986 228 дес. сельскохозяйственных и лесных угодий, из которых 106 468 413 дес. было в собственности частных владельцев. В залоге находились 483 597 имений с 63 811 644 дес. земли, или 60% частновладельческих земель. На них числился остаток капитального долга в 3 276 786,7 тыс. руб.²

Наиболее крупными учреждениями ипотечного кредита для помещиков были Государственный дворянский земельный банк, 10 частных земельных банков, один земский (Херсонский) и три мелких дворянских банка (Тифлисский, Михайловский и Нижегородско-Александровский). Кроме того, землю принимали в залог земства и различные кредитные общества. Большое распростра-

¹ ЦГВИА, ф. 369, оп. 16, д. 58, л. 80 об.

² «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. 2, стр.103.

нение имел залог у частных лиц, однако этот вид залога совершенно не освещен статистикой, как и вся широкая область частных долгов.

Залог земли, как и продажа ее, — наиболее яркое экономическое проявление и следствие паразитизма помещиков, особенно дворянства, чему во многом способствовала политика царского самодержавия. Это особенно хорошо видно на примере деятельности Дворянского банка. Таблица 48 характеризует движение залогов дворянских земель в названном банке¹.

Таблица 48

Залог помещичьей земли до войны

	Число имений	Количество заложенной земли (в тыс. дес.)	Капитальный долг (в тыс. руб.)	Долг на 1 дес. (в руб.)
Состояло в залоге на 1 января 1906 г. . .	19 420	15 566,3	641 769,7	41,23
Поступило в залог в 1906—1913 гг.	2 706	2 303,7	139 508,1	—
Выкуплено из залога	—	1 004,4	—	—
Перешло в руки других сословий . .	—	4 808,5	—	—
Состояло в залоге на 1 января 1914 г. . .	17 350	12 057,1	672 583,2	55,78
Изменения с 1906 г.	—2 070	—3 509,2	+30 813,5	+14,55

Цифры показывают сокращение количества находившейся в залоге дворянской земли на 3,5 млн. дес. Казалось бы, что наряду с этим должен был уменьшиться и капитальный долг по меньшей мере на 145 млн. руб. Между тем он не только не уменьшился, а, наоборот, увеличился на 30,8 млн. руб. Долг на десятину земли вырос с 41 р. 23 к. до 55. р. 77 к.

Перезалоги имений в Дворянском банке стали настолько обычным явлением, что оттеснили на второй план основные операции по выдаче ссуд. К 1915 г. перезалоги составляли 66% к общему числу ссуд, а суммы,

¹ Составлена по годовым отчетам Дворянского земельного банка.

полученные по перезалогам, — 71% ко всей сумме выданных ссуд¹. Не лишено интереса сопоставление сумм, полученных помещиками по перезалогу имений, с суммами платежей банку по ссудам².

Таблица 49

Соотношение платежей Дворянскому банку
и ссуд по перезалогам

Годы	Уплачено банку по ссудам (тыс. руб.)	Получено от банка при перезалогам (тыс. руб.)	% к сумме платежей
1906—1909	124 955	44 541	35,6
1910—1913	143 698	146 738	102,1
Итого	268 653	191 279	71,2

Как видно из этих цифр, Дворянский банк из ипотечного учреждения превратился для дворян в благотворительное, готовое в любую минуту прийти им на помощь. В предшествовавшие войне годы суммы ссуд по перезалогам уже превышали суммы очередных платежей, которые поступали весьма неаккуратно. Сумма недоимок в 1913 г. составила 42% к годовому окладу платежей. Отдельные заемщики накапливали недоимки в десятки и даже сотни тысяч рублей. Так, по сведениям, относящимся к годам войны, недоимки имели: св. кн. А. Н. Лопухин-Демидов — 432,9 тыс. руб.³, гр. В. Н. Орлов — 305,1 тыс. руб.⁴, кн. А. А. и М. А. Куракины — 113,7 тыс. руб.⁵, баронесса Е. Н. Крюденер-Струве — 150 тыс. руб.⁶ и т. д. Впрочем крупные титулованные собственники и в частных банках умели накапливать огромные долги. Так, наследники П. П. Демидова князя Сан-

¹ «Отчет Государственного дворянского земельного банка за 1915 год», Пг., 1916, Обзор деятельности банка, стр. 10.

² Составлено по отчетам Дворянского банка за 1906—1913 гг.

³ «Вестник финансов», 1915 г., особое прибавление к № 41, стр. 16—17.

⁴ Там же, стр. 39.

⁵ «Вестник финансов», 1917 г., особое прибавление к № 13—14, стр. 1.

⁶ Там же, стр. 3.

Донато, имевшие в залоге у Нижегородско-Самарского земельного банка 625 176 дес. земли, были должны банку в 1916 г. 1 035,8 тыс. руб.¹

Случаи продажи с торгов имений недоимщиков из числа дворян были редки. По отчетным сведениям банка, в 1906—1913 гг. было назначено к продаже 55 404 имения, или 25,5% к общему числу заложенных имений; из них снято с торгов по уплате недоимок 39 613 имений и по представленным льготам без уплаты долгов — 16 145 имений, т. е. 29% всех назначенных к продаже. Продано же было с торгов только 400 имений из среднегодового количества 25,8 тыс. имений, состоявших в залоге.

Ссуды Дворянского банка давали помещикам возможность маневрировать на земельном рынке, придерживая землю в целях повышения цен. Таким образом, деятельность Дворянского банка не в пример обычным ипотечным учреждениям тормозила мобилизацию земель дворянства, способствовала сохранению крепостнических латифундий и крепостнической эксплуатации, культивировала паразитические устремления дворянства.

В начале мировой войны, несмотря на крайнюю нужду в деньгах, Министерство финансов дало указание Дворянскому банку не стесняться в предоставлении льгот по уплате взносов заемщикам. Министр финансов П. Л. Барк сообщал, что им «преподаны соответствующие указания Государственному дворянскому земельному банку, который по ходатайствам отдельных заемщиков всецело пойдет им навстречу предоставлением в надлежащих случаях нужных отсрочек»².

Управляющий Крестьянским и Дворянским банками А. Карцов по поводу домогательств помещиков о причислении срочных платежей к капитальному долгу в письме в Кредитную канцелярию Министерства финансов следующим образом разъяснил ненужность такой операции. Заемщики, уплатившие ноябрьский взнос 1913 г., могут получить рассрочку майского и ноябрь-

¹ «Вестник финансов», 1916 г., особое прибавление к № 46, стр. 54—55.

² ЦГИАЛ, ф. 592 (Крестьянского поземельного банка), оп. 1, д. 429, л. 1 (письмо П. Л. Барка Р. Д. Еропкину).

ского платежей в 1914 г. Платеж наступит только 1 мая 1915 г., но заемщик имеет льготный срок до 1 ноября 1915 г. За неуплату взносов и в этот срок имение может быть назначено в продажу только в апреле 1916 г. Следовательно, можно было таким путем отсрочить платежи практически на полтора-два года. «Что же касается владельцев более задолженных в платежах Дворянскому банку имений, — заключает управляющий банками, — то следует иметь в виду, что названный банк, относясь с обычной отзывчивостью к нуждам своих заемщиков, не остановится и при настоящих условиях перед испрошением в уважительных случаях особых разрешений к отмене продажи таких имений...»¹

Министерством финансов были приняты меры к расширению предоставления льгот и в частных земельных банках. Как выполнялись эти директивы, можно видеть из таблицы, составленной по годовым отчетам Дворянского банка за соответствующие годы.

Таблица 50

Залог помещицкой земли в годы первой мировой войны

	Имения дворян			
	Число имений	Стоимость заложенной земли (в тыс. руб.)	Капитальный долг (в тыс. руб.)	Долг на 1 дес. (в руб.)
Изменения за 1906—1913 гг. . .	—2 070	—3 509,2	+30 813,5	+14,55
Состояло в залоге на 1 января 1914 г. . .	17 350	12 057,1	672 583,2	55,78
Поступило в залог в 1914—1916 гг. . .	619	537,2	38 642,0	—
Выкуплено	—	320,1	—	—
Перешло в руки других сословий . . .	—	724,2	—	—
Приобретено вновь . . .	—	—	—	—
Состояло в залоге на 1 января 1917 г. . .	17 039	11 550,0	712 950,2	61,73
Разница с 1914 г. . .	—311	—507,1	40 357,0	+5,95

¹ ЦГИАЛ, ф. 592 (Крестьянского поземельного банка), оп. 1, д. 429, л. 22.

	Имена недворян			
	Число имений	Стоимость заложенной земли (в тыс. руб.)	Капитальный долг (в тыс. руб.)	Долг на 1 дес. (в руб.)
Изменения за 1906—1913 гг. . .	+4 917	+256,4	+35 609,2	—
Состояло в залоге на 1 января 1914 г. . .	10 958	2 244,6	119 246,1	53,13
Поступило в залог в 1914—1916 гг. . .	—	—	—	—
Выкуплено	—	255,2	—	—
Перешло в руки других сословий . .	—	—	—	—
Приобретено вновь . .	—	555,6	—	—
Состояло в залоге на 1 января 1917 г. . .	11 677	2 545,0	127 495,1	50,10
Разница с 1914 г. . .	+719	+300,4	+8 249,0	—3,03

Рост капитального долга при абсолютном уменьшении количества заложенной земли, наблюдавшийся и раньше, еще более усилился в годы войны. Если до войны увеличение капитального долга дворян составляло в среднем 3,85 млн. руб., то за 1914—1916 гг. оно возросло до 13,46 млн. руб. в год. Помещенные рядом цифры по недворянским залогам, где в те же годы произошло сокращение капитального долга на десятину заложенной земли при общем росте капитального долга, подчеркивают, насколько выгоднее было положение дворян в качестве заемщиков Дворянского банка по сравнению с теми, в чьи руки перешли земли дворян, заложенные в этом банке.

Продажи с торгов имений во время войны были сокращены наполовину. Если в 1906—1913 гг. продавалось с торгов в среднем 50 имений, то в 1914—1916 гг. — только 25 имений в год. О положении помещичьего хозяйства в годы войны известное представление можно получить из данных о движении платежей по ссудам Дворянского банка. Этими данными вскрывается весьма любопытная картина изменения платежеспособности помещиков. С одной стороны, в годы войны наблюдался значительный

рост недоимочности заемщиков банка: на 1 января 1917 г. в недоимке оставалось 33 803 тыс. руб., что составляет 66,7% годового оклада платежей¹, тогда как в 1913 г. недоимочность равнялась 42%. С другой стороны, отмечалось усиление досрочного погашения взятых дворянами ссуд. По уставу Дворянского банка недворянин, купивший заложенный участок земли, должен был выкупить его не позже чем в десятилетний срок. Поэтому в довоенные годы большая часть досрочного погашения поступала от клиентов, не принадлежавших к дворянству, т. е. главным образом от крестьян.

Как изменилось положение в годы войны, показывает таблица, составленная по отчетам Дворянского банка за 1911—1916 гг.

Таблица 51

Досрочные платежи Дворянскому банку в годы войны

	Внесено дворянами		Внесено недворянами	
	тыс.руб.	% к до- военному времени	тыс. руб.	% к до- военному времени
В среднем за 1911—1913гг.	5 641,5	100,0	7 059,1	100,0
В 1914 г.	5 270,3	93,4	4 805,2	68,1
» 1915 г.	1 822,4	32,3	1 699,4	24,1
» 1916 г.	9 261,9	164,2	4 313,4	61,1
В среднем за 1914— 1916 гг.	5 451,5	96,6	3 606,0	51,1

Таблица указывает на коренное изменение положения дел с досрочным погашением ссуд. В первый и второй годы войны сокращение досрочных платежей приняло весьма значительные размеры: у дворян в 1915 г. — до трети, а у недворян — даже до четверти довоенной суммы. В этом сказались трудности перестройки хозяйства и приспособления его к усложнившимся условиям военного времени. Положение меняется в 1916 г., когда даже отягощенные ипотечными долгами помещики стали обладателями свободных капиталов. Они внесли в до-

¹ «Отчет Государственного дворянского земельного банка за 1916 г.», Пг., 1918, стр. 24—25.

срочное погашение ссуд не только больше, чем в предыдущем году, но даже на 64,2% больше, чем до войны. Характерно, что должники из недворян, большинство которых составляли крестьяне, тоже усилили досрочное погашение, но они могли довести его только до 61,1% довоенной суммы.

Приведенные данные указывают также на то, что падение доходов у одной части дворянства сопровождалось обогащением другой его части. Это экономическое размежевание дворянства обнаруживается не только в платежах по ссудам. О том же свидетельствуют данные о ходе мобилизации земли, заложенной в Дворянском банке. Данные о мобилизации земли, извлеченные из отчетов, можно представить в виде таблицы.

Таблица 52 показывает, что за восемь довоенных лет дворяне лишились 9,1 млн. дес. заложенной в Дворянском банке земли. Из них 3,2 млн. дес., т. е. треть, были куплены потомственными дворянами. Ежегодно дворяне утрачивали 1,1 млн. дес. В течение трех лет войны ими было продано 1,8 млн. дес., что составляет в среднем 0,6 млн. дес. в год, или почти вдвое меньше, чем до войны. При этом доля потомственных дворян в покупках земли не только не уменьшилась, но даже возросла с 34,7 до 43,1%. Нажившаяся на войне часть дворян в годы войны усиленно округляла свои владения¹.

По сравнению с довоенным временем в три с половиной раза уменьшилось количество земли, покупавшейся в годы войны крестьянами. Доля их в покупках земли сократилась с 31,3 до 17,7%, т. е. почти вдвое. Сократили покупки и мещане. Зато купцы, приобретавшие до войны только по 35,2 тыс. дес. в год, в 1914—1916 гг. покупали по 140,1 тыс. дес. в год. Доля их в покупках дворянских земель с 3,1% возросла до 23,5%.

Данные Дворянского банка о мобилизации земли дают еще одно, притом весьма надежное, средство для решения важнейшего вопроса рассматриваемой темы, а именно вопроса о том, какого типа хозяйства оказались

¹ Кн. Г. Е. Львов, например, в результате двухлетнего руководства Всероссийским земским союзом приобрел в феврале 1917 г. имение при с. Бабошино Одоевского уезда Тульской губ. площадью в 1148 дес. земли и леса.

Переход дворянских земель, заложенных в банке, к другим владельцам

Перешло земли (тыс. дес)	В 1906- 1913 гг.	В сред- нем за год	%	В 1914 г.	В 1915 г.	В 1916 г.	Итого	В среднем за год	%
	тыс. дес.			тыс. дес.					
К потомственным дворя- нам	3 173,3	396,7	34,7	351,6	227,6	190,4	769,6	256,5	43,1
К Крестьянскому банку .	2 037,0	254,6	22,3	17,3	1,4	22,3	41,0	13,7	2,3
К крестьянам	2 859,9	357,5	31,3	176,2	88,5	52,2	316,9	105,6	17,7
К мещанам	136,2	17,0	1,5	11,2	4,3	11,8	27,3	9,1	1,5
К купцам	281,8	35,2	3,1	18,6	292,0	109,8	420,4	140,1	23,5
К прочим сословиям и учреждениям	656,0	82,0	7,1	70,4	78,2	63,3	211,9	70,7	11,9
Итого	9 144,2	1 143,0	100,0	645,3	692,0	449,8	1 787,1	595,7	100,9

более устойчивыми во время войны и какие хозяйства понесли наибольший урон. Как свидетельствуют отчеты банка, в 1914—1916 гг. дворяне 43 губерний лишились следующего количества заложенных в банке земель, не считая земель, перешедших в руки дворян.

Таблица 53

Мобилизация дворянских земель по группам губерний

Группы губерний.	Число губерний	Продано земли (тыс. дес.)	% к площади землевладения 1912 г.
Капиталистические	19	121,6	0,6
Смешанные	7	93,7	1,7
Отработочные	17	394,6	3,5
Итого	43	609,9	1,6

Приведенные данные указывают на то, что в годы войны полукрепостническое дворянское землевладение губерний с отработочной системой хозяйства оказалось значительно больше втянутым в процесс мобилизации земли, чем капиталистическое частное землевладение. Превосходство капиталистической системы, большая устойчивость землевладения капиталистически хозяйствующих помещиков проявились много отчетливее, чем до войны. Таким образом, изменениями, происшедшими в дворянском землевладении, еще раз подтверждается установленный выше факт, что крепостническое помещичье хозяйство потерпело в годы войны серьезный урон. Сила крепостнических латифундий убывала и сужалась база для полуфеодальной эксплуатации крестьянства. Это сужение происходило как за счет уменьшения кабальных арендных отношений, так и за счет сокращения крепостнического землевладения.

История хозяйства Ю. А. Олсуфьева

Упадок полукрепостнического помещичьего хозяйства России во время первой мировой войны, как показывает изложенный выше материал, настолько очевиден,

что едва ли есть необходимость в приведении каких-либо дополнительных конкретизирующих данных. Что же касается усиления роли помещичьего хозяйства преимущественно капиталистического типа, мы считаем необходимым представить читателю наглядное проявление этого процесса в виде краткого описания хозяйства гр. Ю. А. Олсуфьева¹ в Епифанском уезде Тульской губ. Материалами для этого описания послужили рукописи графа, хранящиеся в Отделе рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина², а также копии бланков переписи крупных частновладельческих хозяйств Тульской губ., хранящиеся в архиве Центрального статистического управления при Совете Министров СССР. Среди них есть и бланки по имениям Красному и Даниловке³, описанным графом в его рукописях.

В двух имениях графа было 2656 дес. земли, в том числе пашни—1702 дес., из которых обрабатывались наемным трудом 1083 дес., а 619 сдавались окрестным крестьянам в краткосрочную аренду (на 1 посев). Таким образом, и это хозяйство не было чисто капиталистическим, практикуя одногодичную аренду, т. е. было типичным хозяйством средней полосы, перераставшим в капиталистическое. В имении велся четырехпольный севооборот, а при крахмальном заводе — семипольный. На земле, сдаваемой в аренду, владелец сеял клевер по крестьянскому овсу и применял удобрения, чем частично компенсировалось истощение почвы в результате погодной аренды. Зато и арендная плата бралась с крестьян непомерно высокая: 20—25 руб. за десятину. 58 дес. садов сдавалось по общему обыкновению помещиков в аренду разным лицам за 5—6 тыс. руб. в год и 80—100 пуд. яблок — в пользу владельца.

В имениях было достаточное количество инвентаря для обработки 1083 дес. пашни, но не доставало рабочего

¹ В годы войны гр. Ю. А. Олсуфьев являлся уполномоченным Всероссийского земского союза по Тульской губ.

² Государственная библиотека им. Ленина (ГБЛ), Отдел рукописей, фонд Ю. А. Олсуфьева, «Статистический отчет по Красному и Даниловке 907—912 с данными о доходе по апр. 1917 г.»; «Очерк одного хозяйства».

³ Архив ЦСУ, Отд. с. х., 1917 г., д. 98, л. 422, 445.

скота, поэтому на пахоту, возку навоза и зерна нанимались местные крестьяне с подводами. На полях применялись навозные и минеральные удобрения. Характерно, что урожаи зерновых в 1904—1906 гг. были вдове ниже урожаев за последующие годы. Автор отчета поясняет это явление следующим образом:

«Эти чрезмерно низкие цифры объясняются: 1) заработной системой, которая в то время была в ходу; 2) общей неурожайностью тех годов и 3) низким уровнем обработки»¹. Под «заработочной системой» автор имеет в виду обработку земли крестьянским инвентарем в виде отработок за аренду. Замена этой системы другой, капиталистической, повысила урожаи зерновых хлебов с 40—50 до 80—100 пуд. с десятины. Но эта система потребовала больших затрат, которые в первые годы понижали доходность собственной запашки по сравнению с доходностью земель, сдаваемых в аренду. Однако это не останавливало владельца, и хозяйство продолжало развиваться. До войны было вложено в садоводство свыше 5000 руб., заведен конный завод с 32 матками помеси ардена с брабансоном, заведен голландско-ольденбургский рогатый скот, овцы «саутдаун» и свиньи английской породы. Приобретены сложные орудия и машины, в том числе сеялки, жнейки, сноповязалки, паровая и конная молотилки. Граф завел даже школу и приют, в чем крайняя набожность графа удачно согласовалась с практическими соображениями насчет рабочей силы окрестных крестьян. Наконец, крупный капитал в 48,7 тыс. руб. был вложен в устройство крахмального завода. Эксплуатация крестьян и батраков на своих полях и через посредство аренды дала графу только с 1908 по 1913 г. 62 400 руб. прибыли за вычетом всех капитальных вложений по имению.

Материалы переписи 1917 г. снова приводят нас в указанные два имения, давая по ним хотя и не столь подробные сведения, как статистический отчет графа, но достаточные, чтобы проследить главнейшие изменения, происшедшие в годы войны.

¹ ГБЛ, Отд. рукописей, ф. Ю. А. Олсуфьева, «Статистический отчет по Красному и Даниловке», л. 38.

Прежде всего, мы не находим в имении самого хозяина: еще 5 марта 1917 г. граф, гонимый страхом перед крестьянскими волнениями, выехал в Сергиев Посад за высокие, надежные стены Троице-Сергиевской лавры. Но в имении не обнаруживается следов какого-либо опустошения — ни в Красном, ни в Даниловке. Орудия производства в имениях в основном те же. Меньше стало плугов, культиваторов, зато вместо 11 жнеек стало 21, вместо четырех косилок — шесть, вместо 2 сноповязалок — три. Полностью сохранились все 16 сеялок, две паровых и одна конная молотилка.

На конном заводе взрослых маток столько же, 25 голов, зато молодых тоже 25, вместо прежних восьми. Выездных лошадей вместо 14 до войны теперь показано девять, но граф, с тревогой читавший газеты, надо думать, имел в Сергиевом Посаде не одну упряжку готовой для дальней дороги.

Поубавилось число рабочих лошадей: их стало 70 вместо 113. Коров дойных вместо 33 стало 28, но сокращение произошло за счет служащих имения: им теперь граф не давал коров в пользование. Молодняка рогатого скота тоже стало меньше: 26 голов вместо 35. Поголовье овец сократилось с 128 до 90 голов, причем 60 голов было убито «для нужд экономии». Продано 12 лошадей, продано и забито 26 голов крупного рогатого скота. Реквизировано 50 голов скота, в том числе все имевшиеся в хозяйстве 36 волов.

Полностью сохранился штат администрации и постоянных «служащих», в числе которых считались садовники, кузнецы, плотники, сторожа, лесники. Не уменьшилось и число рабочих при скоте.

Годовых полевых рабочих вместо 9 стало 10 человек, зато число сроковых работников уменьшилось с 67 до 45 человек; месячных не зарегистрировано совсем, но это обстоятельство, видимо, связано со временем описания хозяйства (поздняя осень). Плата постоянным служащим повышена вдвое (например, конюхам с 15 до 30 руб. в месяц), годовым полевым рабочим — втрое (с 80 до 250 руб.), сроковым работницам — в 2,5 раза (с 12 до 30 руб. в месяц). В хозяйстве использовались военнопленные, но число их не указано. Управляющий

жалуется регистратору, что «Ввиду сокращения рабочих рук в деревне крестьяне окрестных селений неохотно идут на работы в экономию, что вынуждает приглашать со стороны женщин», замечая при этом, что «количество рабочих изменилось мало, но качество в сильной степени. Экономия обслуживается женщинами и подростками»¹.

Крахмальный завод работал на полный ход, на нем перерабатывалось в годы войны до 200 000 пуд. картофеля ежегодно и было занято 36 рабочих и служащих, в том числе 10 женщин и 10 подростков.

По-прежнему в имениях засеивались те же 1083 дес. земли и сдавалось в аренду 619 дес., при этом указаний на какие-либо изменения условий аренды нет.

Из сказанного видно, что хозяйство помещика понесло сравнительно небольшой урон во время войны, главным образом в отношении рабочего скота. Усложнились вопросы найма рабочих, но и они не стали неразрешимыми. В результате хозяйству удалось избежать падения урожайности, о которой граф пишет: «К сожалению, война и последующие события помешали свести данные об урожайности с 1912 года по 1917; можем сказать только, что урожайность и за это время продолжала повышаться, особенно в отношении ржи»². В бланке Всероссийской переписи имеются сведения об урожайности за 1916 г.: ржи получено с десятины в Красном 160 пуд. («хороший», по оценке регистраторов), в Даниловке — 80 пуд. («средний»), овса в обоих имениях — по 150 пуд. с десятины («хороший»), пшеницы и ячменя по 100 пуд.

Но важнее всего описанные графом приблизительные результаты хозяйственной деятельности, выраженные в суммах доходности и в капитальных вложениях. Исчисление доходности автор «Статистического отчета» поясняет так:

2) «... Магазинный (материальный) доход владельца (913—917) принят условно в размерах и по расценку 914—915 г. (7467 р. 64 к.). Это составляет сумму значи-

¹ Архив ЦСУ, Отд. с. х., 1917 г., д. 98, л. 424 об.

² ГБЛ, Отд. рукописей, ф. Ю. А. Олсуфьева, «Очерк одного хозяйства», л. 5.

тельно меньше действительной (имея в виду повышение цен).

3) Несомненно, большая часть дохода за 1914—1917 годы ложится на выгоды крахмального завода (пуд сырого крахмала 916—917 г. — 6 р. с лишним; пуд гуши—3 р.)»¹.

С учетом этих замечаний владелец приводит цифры доходности имения за годы войны²:

1913—1914 г.	3 534 р. 05 к.
1914—1915 г.	21 031 р. 85 к.
1915—1916 г.	31 918 р. 58 к.
1916—1917 г.	71 816 р. 76 к.

Приведенные суммы неполны не только потому, что они не учитывают повышения цен, но и потому, что в бухгалтерии графа неправильно велся счет ремонта: в число издержек производства на этот счет зачислялись все затраты как по ремонту, так и по приобретению инвентаря или построек. Сюда же была отнесена стоимость постройки крахмального завода, обошедшаяся в 48 736 р. 75 к. Вычитая только эту цифру и не учитывая других капитальных вложений, граф получает цифру прибыли в 10-летний период в 142 965 р. 17 к.

Результаты капиталистической перестройки имений и хозяйствования в них до войны и в годы мировой войны выразительно подытожил сам граф в шестом пояснении к своему «Статистическому отчету», которое приводим полностью:

«6) Сверх прибыли в 142 965 р. 17 к. основные результаты 10-летнего периода следующие:

1) общая система удобрения (включая поля арендные); 2) механический крахмальный завод с бетонными чанами с производ[ительностью] до 30 000 пуд. картофеля в сутки; 3) заново отстроенная водяная мельница на Непрядве; 4) все постройки в исправном состоянии; 5) полный живой и мертвый инвентарь; 6) молодой яблоневый сад в 6488 корней; 7) молодое лесное насаждение этого периода в 127 десятин; 8) угольная шахта на Новом

¹ ГБЛ, Отд. рукописей, ф. Ю. А. Олсуфьева, «Статистический отчет по Красному и Даниловке», л. 43.

² Там же, л. 40.

хуторе с богатым пластом (до 3 арш.) хорошего угля на глубине не более 35 аршин (уголь был найден осенью 1916 года). Революция!»¹

Одного этого горестного восклицания («Революция!») достаточно для того, чтобы оценить экономическое положение землевладельца капиталистического типа в годы первой мировой войны.

Описание имений гр. Олсуфьева подтверждает сделанный выше вывод о том, что капиталистическое частновладельческое хозяйство с большой выгодой для себя учитывало производственно-торговую конъюнктуру в стране, созданную условиями войны, и наживало большие прибыли.

Некоторые политические итоги дифференциации частновладельческого хозяйства

Предыдущее изложение достаточно убеждает в том, что объективные экономические условия приводили к расслоению дворянства, а война намного ускорила это расслоение, и лишь недостаточность экономической дифференциации являлась основой сословного единства дворян, не утратившего своего значения и в годы войны. Однако и в сословной организации дворянства в течение войны произошли знаменательные перемены, обусловленные в первую очередь все тем же процессом экономической дифференциации помещиков, процессом усиления капиталистических элементов дворянства в ущерб крепостническим.

Конечно, было бы непозволительным упрощением непосредственно по способу ведения хозяйства судить о политических симпатиях и позициях его владельца. Политическая линия помещика очень часто расходилась с тем направлением, которое определялось строем его хозяйства. В этом сказывалось не только массовое распространение среди помещиков типа полукрепостника-полукапиталиста, сочетавшего собственное хозяйство с кабальной арендой и отработками. Большую роль игра-

¹ ГБЛ, Отд. рукописей, ф. Ю. А. Олсуфьева, «Статистический отчет по Красному и Даниловке», л. 43.

ли положение на служебной лестнице и близость к реакционной камарилье, родственные связи, семейные традиции и прочие элементы личной биографии. Капиталистическое хозяйствование в имениях не мешало, например, гр. А. А. Бобринскому олицетворять реакционность Совета объединенного дворянства, председателем которого он являлся в годы столыпинской реакции, а А. Б. Нейгардту — руководить правой группировкой в Государственном совете и т. д. Но сквозь все уклонения и исключения все отчетливее пробивалась общая тенденция, состоявшая в усилении политической роли капиталистических помещиков¹ в ущерб реакционному крепостническому дворянству типа Щегловитовых, Штюрмеров, Пуришкевичей и т. д.

Владельцы латифундий, жившие сдачей земли в аренду и терпевшие урон в годы войны, а также среднепоместные дворяне, не сумевшие поставить капиталистическое хозяйство, в бюджете которых немалую роль играли доходы по государственной службе, вроде Горемыкина, Штюрмера и т. д., представляли собой наиболее консервативную, реакционную часть дворянства и главную опору царского самодержавия. Потери этих помещиков на сокращении кабальной аренды и арендной платы явились для них полнейшей неожиданностью, но надежда на скорый и победоносный конец войны в первое время мирила их с этими потерями.

¹ Не говоря уже о промышленных магнатах Урала, являвшихся одновременно крупнейшими помещиками, высшие представители дворянства занимали видное положение в различных отраслях промышленности и в финансовом мире. Крупную роль в машиностроительной промышленности, например, играли князя С. В. Кудашев, Д. Н. Шаховской, А. А. Долгоруков, Б. Б. Голицын, М. Л. Оболенский, гр. В. А. Дмитриев-Мамонов и др. Значительное место занимали капиталы дворян в нефтяной промышленности Кавказа, где в составе руководителей компаний были князя Н. А. Волконский, К. М. Шаховской, гр. И. И. Воронцов-Дашков, бар. Н. Е. Врангель, В. С. Рахманинов. Пароходными компаниями руководили кн. А. П. Мещерский, кн. Н. А. Волконский, гр. М. А. Апраксин, гр. А. С. Гендриков, В. М. Хитрово. Такие магнаты промышленности, как гр. А. А. Бобринский, гр. В. С. Татищев, кн. Д. Н. Шаховской, кн. С. В. Кудашев и многие другие, занимали важные посты в крупнейших банках страны (Русско-Азиатский, Соединенный, Русский торгово-промышленный и др.).

Жизнь обманула их ожидания, война затянулась, доходы таяли, казна пустела. Правящие верхи качнулись в сторону сепаратного мира во внешней политике и в сторону усиления реакции — во внутренней. Это еще более усугубило расхождение между поддерживавшим царизм консервативным дворянством и его капиталистической частью. Расхождение это особенно заметно проявилось в эволюции сословной организации дворян — Объединенного дворянства.

Осенью 1915 г. председатель Совета объединенного дворянства А. П. Струков в письме председателю Совета министров И. Л. Горемыкину заверил правительство в том, что дворянство целиком поддерживает царизм в его борьбе против стремления «левых» к разрушению существующего в стране политического порядка. Письмо заканчивалось утверждением, что «только незыблемость основ существующего порядка в соединении с твердой и единой правительственной властью в центре страны и на местах оградит страну от шатания мыслей и внутренней смуты»¹.

Это письмо послужило поводом для конфликта между Советом объединенного дворянства и московским дворянством. Московское собрание предводителей дворянства и депутатов заявило, что московские дворяне согласны с Советом «по вопросу о незыблемости коренных основ существующего порядка и преследуют своими заявлениями одну и ту же цель — предотвращение смуты». Но в вопросах достижения этой цели московские дворяне заявили себя сторонниками «сближения правительственной власти с общественными элементами», в чем они видели «залог успокоения нервного настроения народных масс, столь необходимого для обеспечения победного окончания войны»². Москвичи решили дать бой сторонникам Струкова на XII съезде объединенного дворянства, для чего предварительно собрали в Москве два совещания (12 мая и 29 августа 1916 г.), а 23 октября 1916 г. по своей

¹ Е. Д. Черменский, Борьба классов и партий в IV Государственной думе (1912—1917 гг.), диссерт., М., 1947, стр. 553.

² ГИАМО, ф. 4 (Московского дворянского собрания), оп. 3, св. 520, д. 90, л. 3—4.

инициативе пригласили на пленарное заседание Постоянного совета всех губернских предводителей. В либеральных настроениях многих предводителей «молодые», как называли эту «оппозицию», черпали уверенность в своей победе.

27 ноября 1916 г. открылся XII съезд уполномоченных объединенных дворянских обществ. К этому времени объединение уже переживало кризис: полтавская, костромская, смоленская и уфимская организации вышли из объединения, а петроградская воздержалась от участия в съезде. После продолжительных прений о политическом положении, происходивших при закрытых дверях, съезд единогласно принял резолюцию, являющуюся победой «молодых». В резолюции подтверждалась верность «монархическому началу» и выражалось сожаление о том, что оно колеблется «в своих собственных устоях», чему виной внедрившиеся в государственные управления «чуждые законной власти безответственные темные силы», вследствие чего власть «не пользуется доверием народа»¹. Съезд высказался за создание «правительства доверия», но ответственного только перед монархом. По существу, это было выражение солидарности с программой «прогрессивного блока». Письмо Струкова не было одобрено представителями двух третей губерний, а сам Струков вынужден был отказаться от выставления своей кандидатуры на выборах Постоянного совета.

Насколько робкой была позиция фрондирующего дворянства, показывают выборы Совета. Достаточно было агентам правительства припугнуть кое-кого, решительность дворянства стала слабеть, и выборы дали в основном правый состав Совета. Председателем его был избран правый деятель А. Д. Самарин, правда, из числа обиженных: за год перед этим он был уволен с поста обер-прокурора Синода за уклонение от крайне реакционного курса правительства Горемыкина.

Тем не менее съезд Объединенного дворянства продемонстрировал наличие в нем раскола, обусловленного,

¹ ГИАМО, ф. 4 (Московского дворянского собрания), оп. 3, св. 520, д. 90, л. 7—8.

прежде всего, различным экономическим положением определенных слоев помещиков. Об этом же свидетельствовал и ряд других общественно-политических явлений, рассмотреть которые здесь не представляется возможным.

Экономическое усиление капиталистических помещиков и буржуазии во время войны и ослабление экономической базы крепостнического дворянства помогают объяснить и важнейшее из явлений рассматриваемого периода: сравнительную легкость, с которой было свергнуто реакционное политическое господство крепостников-помещиков.

О составе пришедшего к власти Временного правительства В. И. Ленин писал: «Это — представители нового класса, поднявшегося к политической власти в России, класса капиталистических помещиков и буржуазии, которая давно *правит* нашей страной экономически...»¹

¹ В. И. Ленин, Письма из далека. Письмо 1. Первый этап первой революции. Соч., т. 23, стр. 297.

Глава III

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рабочая сила в крестьянском хозяйстве в годы войны

Первым и самым сильным ударом, который война нанесла крестьянскому хозяйству, явилась мобилизация на фронт рабочего мужского населения.

Количество мобилизованных в армию мужчин возрастало следующим образом¹:

	Мобилизовано тыс. человек
к 1 августа 1914 г. . .	3 915
» 1 февраля 1915 г. . .	6 295
» 1 марта 1916 г. . .	10 450
» 1 марта 1917 г. . .	13 500

По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи, проводившейся летом 1917 г., из сельских местностей 75 губерний и областей было мобилизовано на войну 12 861,4 тыс. человек, в том числе из 47 губерний Европейской России — 10 932,6 тыс. человек². По 50 губерниям и областям число мобилизованных составило

¹ «Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах)», стр. 17, 20.

² Там же, стр. 49.

Пахарь ушел на войну
(Рис. Щеглова. Гос. музей революции СССР)

22,6% всех мужчин и 47,4% трудоспособного мужского населения¹.

Крестьянские хозяйства сплошь и рядом оставались совсем без работников-мужчин. Это отчетливо видно из данных Всероссийской переписи 1917 г. Количество хозяйств, оставшихся без мужских работников к лету 1917 г., по губерниям составляло (в процентах): Архангельская — 35,9; Астраханская — 31,7; Витебская — 32,5; Вологодская — 36,8; Волынская — 32; Вятская — 40,8; Донская — 25,9; Екатеринославская — 30,1; Казанская — 24,1; Калужская — 44,9; Киевская — 37,6; Костромская — 36,0; Курская — 33,5; Московская — 44,0; Нижегородская — 34,7; Новгородская — 27,4; Олонецкая — 35,7; Оренбургская — 35,8; Орловская — 29,4; Пензенская — 29,2; Пермская — 21,2; Петроградская — 26,2; Полтавская — 32,7; Рязанская — 33,2; Самарская — 32,3; Саратовская — 30,7; Симбирская — 32,0; Смоленская — 30,1; Тамбовская — 26,1; Тверская — 36,8; Тульская — 36,5; Уфимская — 30,1; Харьковская — 30,6; Черниговская — 30,2; Ярославская — 38,1%².

¹ «Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах)», стр. 21.

² «Погубернские итоги...», стр. 50—54.

Мобилизация на войну была самым большим, но не единственным каналом, по которому происходил отлив рабочей силы из деревни. Многие крестьяне и в годы войны были заняты «промыслами», ремеслами или уходили на заработки, занимались торговлей и т. д. Всех этих лиц переписи именовали «промышленниками». Выделив из общего числа «промышленников» мужчин рабочего возраста, отлив рабочей силы из крестьянского хозяйства можно представить следующими цифрами (данные по 35 губерниям Европейской России)¹.

Всего мужчин рабочего возраста	16 524,9 тыс. человек		
Из них:			
взято в войска	7 682,7	»	»
занято «промыслами»	2 443,0	»	»
Осталось в своих хозяйствах			
в 1917 г.	6 399,2	»	»
Мужчин рабочего возраста на			
1 хозяйство	0,56	человека	
Мужчин рабочего возраста на			
100 дес. посева	13,8	»	

Цифры показывают, что в своих хозяйствах в 1917 г. оставалось лишь 38,7% трудоспособных мужчин. При этом, по не приведенным здесь порайонным данным, наименьшая обеспеченность рабочей силой в расчете на 100 дес. посевов наблюдалась в Южном степном районе (Причерноморье) — 9,5 человека и в Нижневолжском и Заволжском районах — 12 человек.

Но эти средние цифры скрывают очень большие различия в обеспеченности рабочей силой отдельных групп крестьянских хозяйств. В то время как в бедняцких хозяйствах на войну сплошь и рядом шел единственный работник, в хозяйствах кулаков оставалось по два-три и более работника. В Рязанской губернии, например, у общинников в 1917 г. без работников было 35,6% хозяйств, тогда как среди хуторян — 24,3%, т. е. в полтора раза меньше².

Сокращение количества рабочей силы повлекло за собой, прежде всего, сокращение предложения труда

¹ «Поездные итоги...», стр. 1—193.

² Архив ЦСУ, Отд. с. х., 1917 г., д. 85, л. 29.

наемных рабочих в сельском хозяйстве, что показано в главе II.

В годы войны появился небольшой слой крестьянских хозяйств, по преимуществу середняцких, которые прежде обходились рабочей силой своей семьи, а во время войны стали нанимать батраков для замены ушедших на войну работников. Однако главным потребителем наемной рабочей силы по-прежнему оставалось помещичье и кулацкое хозяйство.

С учетом наемных рабочих, занятых в хозяйстве крестьян, наличие рабочей силы в крестьянском хозяйстве можно представить в следующих цифрах¹.

Таблица 54

Наличие рабочей силы в крестьянском хозяйстве
Европейской России в 1917 г.

Районы	Число губерний	Всего трудоспособных мужчин и женщин (тыс.)	Взято в войска (тыс.)	Занято по найму и «промыслами» (тыс.)	В том числе по найму у крестьян (тыс.)	Занято крестьян в сельском хозяйстве (тыс.)
Северный	3	1 145,1	298,6	122,7	9,0	732,8
Северо-Западный	2	1 168,7	261,7	192,6	8,0	722,4
Промышленный	6	4 511,5	1 011,2	779,2	55,1	2 776,2
Северочерноземный	7	7 919,2	1 901,5	838,4	49,2	5 228,5
Южночерноземный	1	1 372,8	337,3	152,4	14,7	897,8
Юго-Западный . .	2	2 174,4	439,8	298,0	15,3	1 451,9
Южный степной	2	2 677,8	527,8	310,4	73,7	1 913,3
Средневожский	3	3 433,3	778,6	360,3	26,3	2 320,7
Нижневожский	7	7 318,4	1 723,0	438,5	109,1	5 266,0
Итого	33	31 721,2	7 279,5	3 492,5	360,4	21 309,6

Таблица показывает, что из общего количества рабочей силы по 33 губерниям в 31,7 млн. человек максимальное число лиц, могущих принимать участие в сельскохозяйственных работах, в 1917 г. равнялось

¹ Таблица составлена по данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.

21,3 млн. человек, т. е. 67,2%. Из них мужчин (как показывают дополнительные подсчеты, которые здесь не приводятся) было 6,0 млн., а женщин — 15,3 млн. человек. Таким образом, женщины составляли 71,9%, т. е. почти три четверти всей трудовой сельскохозяйственной армии. Напомним попутно, что в помещичьем хозяйстве доля женщин в числе наемных рабочих составляла в 1917 г. 58,8%, т. е. была значительно меньше, чем в крестьянских хозяйствах.

В первую мировую войну женщина впервые в капиталистическую эпоху стала главной силой в сельскохозяйственном производстве в масштабе всей страны.

Тяжелое положение с рабочей силой, создавшееся в подавляющем большинстве крестьянских хозяйств в связи с мобилизациями, усугублялось тем, что огромные массы людей сгонялись властями на работы, связанные с ведением военных операций или с выполнением военных поставок. Особенно широкий размах получили эти работы на территориях, считавшихся театром военных действий.

В Черниговской губернии, например, окопные работы отвлекали ежемесячно большие массы крестьянского населения, что вызвало резкое недовольство крестьян, особенно в период сельскохозяйственных работ. Даже в губернаторском отчете хотя и глухо, но говорилось, что крестьяне в мае 1916 г. «проявляли недовольство по поводу чрезмерного количества нарядов на окопные работы»¹. Губернатором отмечаются «частые случаи уклонения от этих работ, но виновные каждый раз подвергаются административным взысканиям»².

Однако административные взыскания были не единственной карой за уклонение от принудительных окопных работ. Иногда расправу с крестьянами чинили военные власти, и тогда в дело пускались розги.

Принудительные работы по нарядам военных властей велись и в губерниях, расположенных вне прифронтовой зоны, хотя и в меньших размерах. Особенно

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 108, ч. 85, л. 8.

² Там же, л. 1.

Оборудуют позиции. Фото. (Гос. исторический музей)

Рытье окопов русскими крестьянами в тылу действующих войск. Фото. (Гос. музей революции СССР)

большого количества рабочих и лошадей требовала заготовка и подвозка леса для заводов, работавших на «оборону».

Например, в лесах Ижевских заводов с 1 мая 1916 г. ежедневно работало 7000, Воткинского — до 5120 рубщиков. За два месяца ими было вырублено до 138 870 сажень дров. В губернаторском отчете говорилось об этих работах: «Среди рабочих встречались дряхлые старики, дети и неспособные к этим работам... Добровольных рубщиков не было, рубщики жили в лесах под открытым небом, в лесных бараках, шалашах и деревнях. Провизию и фураж рабочие привозили с собой и лишь при недостатке покупали по ценам, считавшимся ныне нормальными»¹.

Применялись и открыто принудительные меры для привлечения крестьян на работы в помещичьих хозяйствах. Это принуждение было распространено главным образом в местностях, объявленных на военном положении.

Особенно наглые формы приняло принудительное привлечение крестьян на работы в помещичьих экономиях в районе Западного фронта, о чем в смягченном и приглаженном виде докладывал председателю Совета министров главнокомандующий этим фронтом генерал Эверт в письме от 26 января 1917 г.: «Для обеспечения успешной реализации минувшего урожая трав и хлебов в губерниях Западного фронта ... я счел необходимым летом 1916 года принудительно привлечь к уборке несобранного урожая все способное к сельскому труду население обоего пола в возрасте от 15 до 50 лет, закончившее уборку своих полей...»²

Остается сказать о труде военнопленных и беженцев в крестьянском хозяйстве. Для изучения этого вопроса пока не найдено надежных источников. Данные о военнопленных и беженцах, полученные в результате подворных переписей, не были включены в публикации итогов, а рукописные материалы, послужившие основанием для публикаций, в центральных архивах сохранились лишь

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 108, ч. 15, л. 6.

² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 14, д. 1003, л. 1.

по Рязанской губернии. В этой губернии в 1917 г. в крестьянских хозяйствах насчитывалось трудоспособных мужчин и женщин, исключая отсутствовавших, 716 547 человек. Военнопленных у крестьян работало 257 и беженцев 56 человек¹. Таким образом, военнопленные и беженцы составляли ничтожную долю в числе всех работников, т.е. практически не играли почти никакой роли. Заметим, что в помещичьих хозяйствах в 1916 г. военнопленные и беженцы составляли 27% общего числа рабочих и служащих. По сведениям печати, только в южных и юго-восточных губерниях труд военнопленных имел некоторое значение для крупных кулацких хозяйств. Мелкие же хозяйства, даже когда они имели возможность использовать труд военнопленных, редко могли получить их от земств. Подтверждением и пояснением этого замечания может служить, например, отчет херсонского губернатора о настроении населения за июнь 1916 г.: «Было замечено, — говорилось в отчете, — некоторое недовольство тем, что земство отказывает давать военнопленных на полевые работы крестьянам (которые, требуя по одному-два человека, не могут организовать охрану), в то время как помещики получали военнопленных беспрепятственно...»²

В целом у крестьян в расчете на посевные площади было больше наличных работников, чем у помещиков. Однако у крестьян было больше женской рабочей силы, а женщина не могла уделять производству равное с мужчиной время, так же как не могла сравняться с ним в физической силе. Рабочая сила крестьян в значительной мере отрывалась от работ в своем хозяйстве на принудительные работы по нарядам властей. Немалая доля рабочей силы уходила к помещикам на работы в качестве месячных и поденных рабочих, учесть которых не представляется возможным. Кроме того, внутри самого крестьянского хозяйства в ходе войны увеличилась неравномерность распределения рабочей силы. Все это крайне неблагоприятно отразилось на состоянии хозяйства беднейших слоев деревни. Если же говорить о крестьянском

¹ Архив ЦСУ, Отд. с. х., 1917 г., д. 85, л. 29—30.

² ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 108, ч. 84, л. 20.

хозяйстве в целом, то при наличии значительного аграрного перенаселения, существовавшего до войны, отлив рабочей силы из деревни не повлек за собой резкого сокращения производства в крестьянском хозяйстве. Это будет видно из приведенных ниже данных о посевных площадях (см. табл. 64).

Обеспеченность хозяйств рабочим скотом

К трудностям, возникшим в крестьянском хозяйстве в связи с мобилизацией мужчин в армию, прибавились трудности, связанные с сокращением поголовья рабочего скота вследствие реквизиций лошадей и волов для нужд армии. Как показано в главе II настоящей работы, уже к весне 1917 г. для нужд армии было мобилизовано, рекувизировано и скуплено у населения около 2,6 млн. лошадей.

По закону о военно-конской повинности мобилизации подлежала даже единственная лошадь, тогда как владелец нескольких лошадей должен был сдать лишь половину их и даже меньшую часть, если число лошадей было нечетным, т. е. из трех—одну, из пяти—две и т. д. Закон, таким образом, направлял главную тяжесть реквизиции на однолошадных и двухлошадных крестьян. Кулаки же оказывались в более выгодном положении, как и помещики. Кроме того, кулаки и помещики скрывали своих лучших лошадей от мобилизации. Так, в Полтавской губ. кулак Алексей Пьявко, имевший два хутора в двух соседних волостях и в них до 30 лошадей, при военно-конских осмотрах перегонял лошадей из одной волости в другую¹. Особенно часто такие комбинации продельывали крупные землевладельцы, владевшие именьями в разных уездах².

В перлюстрированном письме Позе из Чистополя в Москву к кн. А. П. Ливен говорилось: «Многие из землевладельцев и крестьян хороших лошадей совершенно не представляют. При нашей маниловщине доносить об этом никто не станет. Все эти безобразия легко было

¹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2433, л. 155 об.

² Там же, д. 2509, л. 23.

устранить, если бы при конной мобилизации была пропорциональность, как при реквизиции прочего скота... Затем, не следовало бы от крестьян подряд брать последних лошадей. В Змиеве, например, у одного крестьянина, имевшего одну лошадь, в первую мобилизацию взяли ее; он купил другую, и ее взяли, покупает третью — и она записана. Или — были две лошади, одну берут в первую мобилизацию, вторую — в следующую»¹.

Цены на лошадей, поставляемых по военно-конской мобилизации, были установлены еще в 1911 г.

Оплата за лошадей не возмещала их стоимости. Сразу же после первой мобилизации начался рост рыночных цен на лошадей, и за полученные по мобилизации деньги купить лошадь было уже невозможно. Государственные цены на лошадей были повышены только 15 мая 1916 г., т. е. тогда, когда 2 млн. голов было мобилизовано.

Что значило лишиться лошади и получить взамен ее деньги, хорошо видно из наблюдения подполковника Адамовича, командированного в марте 1916 г. в Ветлужский уезд для выяснения причин недобора лошадей. В своем докладе Адамович писал: «Крестьяне при сдаче лошадей теряют не только рабочее время до приискания лошади, но при существующей сдаточной цене — обоз II разр. — 75 руб., обоз I разр. — 100 руб., артиллерия — 100 руб., верховая — 225 руб. — теряют примерно столько же, так как дешевле 150, 200, 300 руб. соответствующей, особенно молодой, лошади купить сейчас нельзя, а купив — ожидание нового забора; у некоторых крестьян были взяты вновь купленные лошади взамен ранее взятых, почему у крестьянина отпадает возможность и охота заводить хороших лошадей, и в большинстве они не идут навстречу поставке лошадей в войска»².

Как в конечном итоге изменилось поголовье рабочего скота в течение войны, дает представление сравнение довоенных земских переписей и Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по поголовью рабочих лошадей, приведенное в таблице 55. Довоенные данные взяты, в основном, из сборника «Земские подворные

¹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 3, д. 2433, л. 152.

² Там же, д. 2507, л. 332.

Таблица 55

Изменение поголовья рабочих лошадей
по некоторым губерниям

Губернии	Год довоенной переписи	Число хозяйств			Рабочих лошадей		
		до войны (в тыс.)	в 1916 г.		до войны (в тыс. голов)	в 1916 г.	
			в тыс.	%		в тыс. голов	%
Вологодская (2 уезда)	1908—1911	65,7	69,7	106,0	57,2	53,5	93,7
Волынская (7 уездов) ¹	1910	267,5	290,7	108,7	344,1	392,2	114,0
Вятская ²	1909—1912	540,7	591,0	109,3	634,4	621,6	98,0
Калужская (Жиздринский уезд)	1910—1911	35,6	38,4	108,1	49,2	52,5	106,6
Новгородская ³	1913	231,0	263,3	114,0	253,1	244,3	96,6
Пензенская	1910	264,6	281,5	106,4	249,5	238,3	95,5
Полтавская	1910	451,7	475,6	105,3	379,6	400,4	105,5
Самарская (2 уезда) . .	1911—1913	101,7	112,2	110,3	171,1	173,5	105,1

Губернии	Год довоенной переписи	Число хозяйств			Рабочих лошадей		
		до войны (в тыс.)	в 1916 г.		до войны (в тыс. голов)	в 1916 г.	
			в тыс.	%		в тыс. голов	%
Симбирская	1911	285,2	304,6	106,8	266,6	255,3	95,8
Тамбовская ⁴	1912	469,9	484,1	103,0	436,7	439,1	100,6
Тульская	1910—1912	220,4	246,0	111,6	241,5	262,2	108,5
Уфимская	1911	470,8	499,7	106,1	848,5	748,3	88,2
Харьковская (без Старобельского уезда)	1913	330,9	357,2	107,9	375,7	376,9	100,3
Итого	—	3 735,7	4 014,0	107,5	4 307,2	4 258,1	98,9
На 100 хозяйств	—	—	—	—	115,3	106,1	92,1

¹ «Материалы подворной переписи Волынской губернии 1910 года», Житомир, 1914, стр. 214—240.

² «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Вятской губернии», Вятка, 1916, стр. 179, 182.

³ «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Новгородской губернии». Новгород, 1920, стр. 144.

⁴ «Материалы по подворному обследованию животноводства Тамбовской губернии в 1912 году», Тамбов, 1914, приложение 1.

переписи 1880—1913»¹. Губернии, по которым данные получены из других источников, оговариваются подстрочными примечаниями. Сведения за 1916 г. взяты из опубликованных предварительных итогов переписи².

Приведенная таблица показывает, что при увеличении числа наличных хозяйств на 7,5% поголовье рабочих лошадей по 13 губерниям снизилось на 1,1%. На 100 хозяйств до войны приходилось рабочих лошадей 115,3, а в 1916 г. — 106,1, что означает сокращение поголовья на 8%.

Само по себе такое сокращение еще не говорит о тяжелом положении с тягловой силой, если иметь в виду только количественную сторону дела. Совсем по-иному выглядит картина, если принять во внимание качественные изменения в поголовье лошадей. Как указывалось выше, уже к весне 1916 г. из 7 млн. лошадей, годных к мобилизации, было взято в армию около 2 млн. голов. Если при этом учесть, что лошади мобилизовались главным образом у крестьян, а у них и без того хороших лошадей было значительно меньше, чем у помещиков, станет особенно ясно, какой урон понесло крестьянское хозяйство вследствие мобилизации лошадей. В хозяйстве оставался для использования главным образом молодежь, старые лошади и жеребные матки, не подлежащие мобилизации.

Рабочим скотом ухудшенного качества крестьяне должны были не только обеспечивать производство в собственном хозяйстве, но и выполнять ряд других работ. Исполнение обязательных натуральных повинностей, сильно возросших в годы войны, отвлекало большое количество тягловой силы от работ в крестьянском хозяйстве. Например, в Архангельской губернии дорожная и подводная повинности потребовали предоставления крестьянами в 1915 г. 22 329 лошадей и в 1916 г. — 24 592 лошади³. Если учесть, что из 68 тыс. хозяйств Архангель-

¹ См. «Земские подворные переписи 1880—1913. Поуездные итоги».

² См. «Предварительные итоги...», вып. I.

³ «Обзор Архангельской губернии за 1914 г.», Архангельск, 1915, ведомость № 35; то же за 1915 г., Архангельск, 1916, ведомость № 40.

ской губ. 22 тыс. хозяйств в 1917 г. не имели лошадей, станет очевидной тяжесть этой натуральной повинности для остальных хозяйств, особенно при крайней неравномерности распределения ее между различными местностями и хозяйствами.

Заслуживает быть отмеченным факт увеличения поголовья рабочих лошадей в некоторых губерниях, расположенных близко к фронту: Волынской, Калужской, Полтавской, Тульской и Харьковской. Такое же явление, по другим источникам, отмечалось в прифронтной Минской губернии, где число рабочих лошадей с 210,4 тыс. в 1915 г. увеличилось до 233,0 тыс. в 1916 г. «Объяснение этому, — говорилось в предисловии М. Шкубера к материалам переписи, — не следует искать в экономических условиях или в неточности учета, а исключительно в фронтовом положении края: наступление германской армии на Западном фронте в 1915 г. вызвало колоссальную волну беженства, от которой в Минщине осел не один десяток тысяч лошадей (повозка с лошастью — 5—10 руб., а то и бесплатно), между тем как в то же время распоряжением военных властей, особенно в западных, пограничных с Виленской губернией уездах, происходило поголовное уничтожение скота, преимущественно рогатого и мелкого (осуществление директивы оголения зоны, угрожаемой неприятелем)»¹.

Большие партии беженцев проходили через Калужскую, Полтавскую и Харьковскую губернии, теряя здесь свое имущество. Сюда же, особенно в Полтавскую и Харьковскую губернии, отправлялись собиравшиеся военными властями гурты беженского скота. В прифронтных губерниях оставались также почти все выбракованные армией лошади.

Несколько увеличилось в абсолютных цифрах поголовье лошадей в Тамбовской и Самарской губерниях.

В шести губерниях, удаленных от фронта, — Вологодской, Пензенской, Симбирской, Уфимской, Вятской, а также Новгородской поголовье лошадей уменьшилось не только относительно, но и абсолютно. В Уфимской

¹ «Материалы переписи скота бывшей Минской губернии 1915 г.», Витебск, 1925, стр. III.

губернии на 100 хозяйств до войны приходилось 180 рабочих лошадей, а в 1916 г. — 148, т. е. на 20% меньше.

Кроме абсолютного и относительного уменьшения поголовья, а также снижения качества скота, в годы войны усилилась неравномерность распределения рабочего скота. В одних хозяйствах поголовье росло, в других — уменьшалось. Наглядное выражение этого процесса дают цифры по Владимирской губернии, вычисленные по данным подворных переписей, причем число хозяйств для 1912 г. вычислено по интерполяции данных переписи 1897—1900 гг.¹ и переписи 1917 г.

Таблица 56

Изменение лошадности крестьян Владимирской губернии

	1912 г. ²		1917 г.	
	Число хозяйств	%	Число хозяйств	% ³
Безлошадные . .	94 620	38	104 512	41
Однолошадные . .	126 990	51	135 101	53
Многолошадные .	27 390	11	15 294	6
Итого	249 000	100	254 907 ⁴	100

Налицо крупная перемена в обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим скотом в сторону увеличения числа однолошадных и особенно безлошадных хозяйств. Хотя число многолошадных значительно сократилось, что в условиях войны вполне понятно, но отсутствие более подробных сведений о них не допускает утверждений об обеднении этой группы хозяйств.

Несколько иную картину дают статистические материалы по Пензенской губ. Здесь, как и во Владимирской губернии, увеличилась доля безлошадных дворов: в

¹ «Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1913 год», Владимир, 1912, стр. 115.

² Там же.

³ «Атлас. Сельское хозяйство и кустарная промышленность Владимирской губернии», текстовая часть, Ковров, 1923, стр. 24.

⁴ «Поуездные итоги...», стр. 14.

1910 г. она составляла 31,6%, а в 1917 г. — 36,8%. Зато число однолошадных в отличие от Владимирской губернии уменьшилось с 48,2 до 41,3%, число двухлошадных дворов возросло с 16,2 до 17,5%, число многолошадных (с тремя и более лошадьми) не только не уменьшилось, но даже несколько возросло — с 4,0 до 4,1%. «Таким образом, — говорится в обзоре по губернии, — к году революции по расчету скота крестьянские дворы проявили тенденцию разгруппироваться на более сильные (с 2 и более лошадьми) и более слабые (с 1 лошадью и безлошадные), и число более сильных дворов увеличилось а более слабых уменьшилось»¹. Другими словами, если судить по признаку обеспеченности хозяйств рабочим скотом, во Владимирской губ. более отчетливо выявилась тенденция к преимущественному выделению сельского пролетариата, а в Пензенской — к выделению из крестьян сельской буржуазии. На эту же тенденцию в Пензенской губ. указывает и изменение в распределении посевов, о чем будет сказано ниже. Одновременно с этим шел процесс ускоренного обезлошадения беднейших слоев крестьянства, как оборотная сторона усиления кулацкой верхушки.

Возрастание в годы войны доли хозяйств без рабочего скота можно видеть из сравнения данных переписи 1917 г. с данными довоенных земских переписей по тем же 13 губерниям, по которым составлена таблица изменения поголовья лошадей, т. е. из сравнения табл. 57 с табл. 55.

В годы войны произошло весьма значительное увеличение числа хозяйств, лишенных рабочего скота (с 25,7 до 30,7%). При этом из всех 13 губерний только в одной Волынской губ. число безлошадных крестьян уменьшилось, что понятно из приведенных выше объяснений по Минской губ. По другим губерниям количество безлошадных дворов всюду возросло, причем в Тульской губ. — на 80,8%, а в Уфимской — в 2,2 раза.

Как распределялось число хозяйств без рабочего скота по отдельным районам страны, показывает следую-

¹ «Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления», ч. 1, стр. 82—83.

Таблица 57

Изменение количества хозяйств без рабочего скота по некоторым губерниям

Губернии	Год до-военной переписи	Число наличных хозяйств (в тыс.)			Хозяйств без рабочего скота			Поголовье лошадей в 1916 г. (в % к довоен.)
		До войны (тыс.)	1917 г.		До войны (тыс.)	1917 г.		
			тыс.	% к довоен.		тыс.	% к довоен.	
Вологодская (2 уезда)	1911	65,7	68,3	103,9	14,0	20,2	144,3	93,7
Волинская (7 уездов) ¹	1910	267,5	225,1	84,2	94,4	30,9	85,7	114,0
Вятская ²	1909—12	540,7	557,7	103,1	92,8	100,4	108,2	98,0
Калужская (Жиздринский уезд)	1910—11	35,6	42,1	115,2	5,1	7,7	150,9	106,6
Новгородская ³	1913	231,0	261,3	113,1	42,2	59,7	141,4	96,6
Пензенская	1910	264,6	279,0	107,1	83,6	101,4	121,3	95,5
Полтавская	1910	451,7	470,8	104,2	165,5	183,0	110,5	105,5
Самарская (2 уезда)	1911—13	101,7	112,5	110,6	23,0	33,5	145,7	101,5
Симбирская	1911	285,2	308,7	106,0	96,9	108,2	111,7	95,8
Тамбовская ⁴	1912	474,9	527,5	111,1	168,2	200,8	119,4	100,6
Тульская	1910—12	220,4	240,7	108,1	40,4	73,0	180,8	108,5
Уфимская	1911	470,8	516,6	133,8	44,3	113,7	256,7	88,2
Харьковская (без 1 уезда)	1913	330,9	383,1	114,2	90,2	142,6	158,1	100,3
Итого		3 740,7	3 993,4	106,8	960,6	1 225,1	127,5	98,9
В % к числу наличных хозяйств					25,7	30,7		

¹ «Материалы подворной переписи Волинской губернии 1910 года», стр. 214, 221, 228, 240.² «Итоги Всероссийской с. х. переписи 1916 г. по Вятской губ.», стр. 179, 183.³ «Итоги Всероссийской с. х. переписи 1916 г. по Новгородской губернии», стр. 144.⁴ «Материалы по подворному обследованию животноводства в Тамбовской губ. в 1912 г.», приложение 1.

шая таблица, составленная для 36 губерний, по которым перепись 1917 г. дала соответствующие сведения¹.

Таблица 58

Количество хозяйств без рабочего скота
в 1917 г. по районам

Р а й о н ы	Число губерний	Наличных хозяйств (тыс.)	Хозяйств без рабочего скота (тыс.)	%
Северный	3	423,8	110,7	26,1
Северо-Западный	2	403,9	108,8	26,9
Западный	3	635,6	95,9	15,1
Промышленный	6	1 494,8	431,2	28,8
Средневолжский и За- волжский	4	1 497,8	425,6	28,4
Северочерноземный	6	2 150,0	710,3	33,0
Южночерноземный	2	924,3	337,0	36,5
Юго-Западный	2	809,7	406,1	50,2
Южный степной	2	882,2	347,9	39,4
Нижневолжский и За- волжский	6	2 217,6	566,9	25,6
Итого	36	11 439,7	3 540,4	30,9

По 36 губерниям Европейской России безлошадные в 1917 г. составляли 30,9% всех хозяйств. В Юго-Западном районе их было 50,2%, в Южном степном — 39,4%, только в Западном районе доля их составляла 15,1%. Таким образом, к 1917 г. в России процесс экспроприации крестьянской бедноты зашел очень далеко. В целом по Европейской России около одной трети крестьянских хозяйств не имели рабочего скота и представляли собой в значительной части хозяйства батраков и отходников. Этому во многом способствовала первая мировая война.

Сельскохозяйственные машины и орудия

В части снабжения сельскохозяйственными машинами и орудиями мировая война сказалась на крестьянском хозяйстве более губительно, чем на помещичьем. Маши-

¹ «Поездные итоги...»

ны, металлы и запасные части, имевшиеся в земских складах, отпускались, прежде всего, помещикам и отчасти кулакам; купить помимо земских организаций можно было нелегко и лишь за высокую плату, что было под силу опять-таки помещикам и кулакам. Из-за призыва кузнецов и нехватки металла останавливалась работа, прежде всего, в деревенских кузницах, а затем уже в помещичьих мастерских. Как к концу войны выглядела обеспеченность крестьянских хозяйств сельскохозяйственными машинами и орудиями, показано в главе II (табл. 27). Относительно посевной площади у помещиков было в 2,5 раза больше сеялок, чем у крестьян, и в 1,3 раза больше жнеек; но таблица представляет интерес не только как иллюстрация низкой технической вооруженности крестьянских хозяйств сравнительно с помещичьими, но и как показатель крупных различий в самом крестьянском хозяйстве.

По данным таблицы, можно с первого взгляда вынести заключение о некотором благополучии в деле обеспечения крестьянских полей посевными и уборочными орудиями: 109 дес. на жнейку сравнительно с 81 дес. у помещиков. Однако здесь особенно выразительно выступает неприменимость средних цифр для исследования сложных экономических явлений.

В таблице четко выделяются две группы губерний Европейской России. Нечерноземные губернии были обеспечены сложными машинами, как, впрочем, и простейшими металлическими орудиями, намного хуже, чем черноземные. В нечерноземной полосе на одну сеялку приходилось в 22 раза, а на одну жнейку — в 16 раз больше посева, чем в черноземной. На всем нечерноземном севере в земледелии не просто преобладал, а безраздельно господствовал ручной труд. Только металлический плуг получил здесь сравнительно широкое распространение. Поэтому в нечерноземной полосе имел особо важное значение вопрос о наличной рабочей силе, изъятие которой в значительных количествах могло повести к подрыву земледелия в этой зоне, что и наблюдалось в годы первой мировой войны. При этом нельзя недооценивать производственных возможностей нечерноземных губерний Европейской России. Посевная площадь этой части стра-

ны составляла 21,3% всей посевной площади Европейской России, а урожайность главных хлебов здесь была не ниже, чем на черноземах. Так, в 1913 г. в 23 нечерноземных губерниях урожай крестьянской ржи был равен в среднем 56,7 пуд., в 21 черноземной губернии — 59 пуд. с десятины, а в Южном степном районе — всего лишь 50 пуд. с десятины¹.

В сравнении с крестьянскими хозяйствами помещики нечерноземной полосы были снабжены машинами в десятки раз лучше, они заменяли ими значительную часть живой рабочей силы, поэтому помещики не могли столь остро чувствовать изъятие рабочей силы, если оно не принимало слишком больших размеров.

Переходной ступенью в черноземной полосе как территориально, так и по степени применения машинной техники в земледелии являлся Северочерноземный район. В этом районе крестьянское хозяйство в целом имело сеялок в три раза больше, чем нечерноземная, и в семь раз меньше, чем вся черноземная полоса; жнеек — в 1,5 раза больше, чем нечерноземная, и в восемь раз меньше, чем вся черноземная.

Особенностью этого района, отличающей его от большинства губерний черноземной полосы и сближающей с районами нечерноземной полосы, являлось большое отставание крестьянского хозяйства от помещичьего в потреблении машин. В этом сказалось отрицательное действие сохранившихся здесь в изобилии остатков крепостничества, тормозивших развитие крестьянского хозяйства. Вместе с тем развитие капитализма и здесь сделало некоторые шаги вперед: кулацкая верхушка деревни имела в своем владении почти столько же сеялок, сколько помещики, и вдвое больше жнеек.

Из губерний этого района обращает на себя внимание Тамбовская, где расслоение крестьянства зашло сравнительно далеко и численно небольшая зажиточная верхушка крестьянства к 1917 г., если судить по обеспеченности сельскохозяйственными машинами, представ-

¹ Вычислено по данным текущей статистики: «1913 год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев», вып. VI.

ляется экономически заметно укрепившейся. Это можно видеть из следующих цифр по Тамбовской губ. сравнительно с губерниями того же района — Курской, Орловской, Рязанской и Тульской¹. Черниговская и Пензенская губернии не вводятся в расчет из-за отсутствия по ним некоторых данных. Общие данные по этим губерниям таковы:

Таблица 59

Обеспеченность крестьян Тамбовской губ. и четырех соседних губерний сельскохозяйственным инвентарем

	По четырем губерниям	По Тамбовской губ.
Количество наличных крестьянских хозяйств	1 287 943	527 538
Посевная площадь в 1917 г. (в дес.)	5 287 940	2 060 342
Хозяйств без усовершенствованного инвентаря	812 455	454 876
Хозяйств с усовершенствованным инвентарем	475 488	72 662
% этих хозяйств	36,9	13,8

Из этих цифр видно, что доля хозяйств с железными плугами и более сложными орудиями в четырех губерниях составляет немногим более одной трети, но она в 2,7 раза больше, чем в Тамбовской губ., где она составляет всего лишь 13,8% всех хозяйств. Но что представляет собой эта группа хозяйств, покажут цифры дальнейшего расчета (см. табл. 60 на стр. 209).

Расчет показывает, что меньшая по численности группа хозяйств с инвентарем в Тамбовской губ. значительно богаче такой же группы четырех других губерний. Сеялок у инвентарных хозяйств Тамбовской губ. было в 10 раз, а жнеек — в шесть раз больше, чем у инвентарных хозяйств четырех соседних губерний. В целом в Тамбовской губ. при наличии огромного количества безынвентарных хозяйств, составлявших 86,2%, имелось сеялок в полтора раза больше, чем в четырех соседних

¹ По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Различия в обеспеченности сельскохозяйственными машинами

	Четыре губернии	Тамбов- ская губ.
Сеялок рядовых и разбросных	3 991	5 978
На 100 наличных хозяйств	0,31	1,13
На 100 хозяйств с усовершенствованным ин- вентарем	0,84	8,23
Посева на 1 сеялку (дес.)	1 325	490
Жнеек-самосбросок и лобогреек	11 106	9 745
На 100 наличных хозяйств	0,86	1,85
На 100 хозяйств с усовершенствованным ин- вентарем	2,34	13,41
Посева на 1 жнейку (дес.)	476	211

губерниях, вместе взятых. Жнеек имелось в губернии почти столько же, сколько в четырех губерниях.

Все это свидетельствует, во-первых, о глубоком расколе, происшедшем в Тамбовской деревне, где, с одной стороны, 86,2% хозяйств не имели даже металлических орудий обработки почвы, не говоря уже о машинах, а с другой — 13,8% хозяйств имели значительный по тем временам парк сложных земледельческих машин. Особенностью тамбовской деревни было также то, что кулаки предпочитали проживать в общинах, выселяясь на хутора лишь в редких случаях. Поэтому эксплуатация кулаками своих односельчан имела здесь особенно глубокие корни и принимала очень тяжелые формы.

Не задаваясь целью вскрыть здесь всю сложность социально-экономических отношений и классовых противоречий в тамбовской деревне, мы тем не менее не можем не поставить рассмотренные здесь особенности крестьянского хозяйства Тамбовской губернии в связь с вопросом о размещении и силе будущих очагов кулацко-белогвардейской контрреволюции в первые годы Советской власти. Обыкновенные экономические предпосылки для возникновения кулацких мятежей на Тамбовщине стояли в непосредственной связи с экономической мощью небольшого слоя сформировавшихся «гроссбуаэров».

Черноземная полоса, как уже указано, стояла намного выше нечерноземной по применению машин в земледе-

лии. Особенно выделяются в этом отношении районы Южночерноземный и Южный степной, а также часть За-волжья. Характерной особенностью этих районов было то, что крупные кулацкие хозяйства здесь применяли машин не только больше, чем крестьяне нечерноземной полосы, но даже больше, чем помещики.

Еще в 1893 г., как указывал В.И. Ленин, у Фальц-Фейна в Таврической губ. на сенокосе работало 1 100 машин, из которых 1000 — крестьянских¹. Многие крупные крестьянские хозяйства имели здесь количество машин, превышавшее потребность собственного производ-ства.

Наличие значительного количества машин позволило крупным посевицам районов торгового зернового хозяйства обходиться во время войны минимумом рабочей силы, нехватка которой в значительной мере покрывалась трудом военнопленных и беженцев. Этим, по-види-мому, и можно объяснить указанный в главе II знамени-тельный факт, что цены на рабочие руки возросли на юге России значительно менее, чем в центральных и се-верных губерниях.

Сокращение производства и ввоза земледельческих машин в годы первой мировой войны отразилось на круп-ном крестьянском хозяйстве районов зерновой монокуль-туры, так же как и на помещичьем, в виде резкого сокра-щения покупок новых машин. Но это явление в районах юга России имело меньшее значение, поскольку большин-ство машиностроительных заводов находилось имен-но на юге, и их ограниченная во время войны продукция и старые товарные запасы машин доставались, прежде всего, помещичьим и кулацким хозяйствам Юга. Сельское хозяйство Центра, Севера и Сибири почти не получало машин как вследствие сокращения производства, так и вследствие транспортных затруднений.

В более выгодном положении находились южные райо-ны и в отношении организации ремонта машин вследст-вие близости мест производства запасных частей и пред-приятий по производству металла.

¹ См. В. И. Ленин, Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 220.

Так обстояло дело с размещением и использованием сложных сельскохозяйственных машин, употреблявшихся преимущественно в кулацких хозяйствах.

Во время войны особенно резко сократились поставки сельскому хозяйству простейших орудий труда крестьян — серпов и кос. При этом царское правительство проявило в этом деле исключительную беспомощность и безразличие к нуждам крестьянского хозяйства. В качестве примера этой беспомощности можно привести неудавшуюся попытку организации производства серповой стали, предпринятую отделом сельской экономии и сельскохозяйственной статистики министерства земледелия.

С потерей либавских заводов Беккер и К° в стране не осталось предприятий, изготовлявших серповую сталь. Предложение относительно налаживания производства этой стали, сделанное отделом Путиловскому заводу, правление акционерного общества Путиловского завода отклонило. Отдел обратился в бюро по распределению металлов Центрального военно-промышленного комитета, но и это бюро в октябре 1915 г. ответило, что оно не в силах что-либо сделать для производства серповой стали, так как заводы заняты работой на оборону¹.

В декабре 1915 г. правление Симского общества горных заводов согласилось принять заказ на 20 тыс. пуд. серповой мартеновской стали, но уже в январе 1916 г. отказалось от выполнения этого заказа².

Потерпев неудачу в отдельных предприятиях, отдел обратился к главному уполномоченному по снабжению металлом, который в октябре 1916 г. сообщил, что его заявка отослана в департамент земледелия для включения в ведомственный заказ³. Судьба этого заказа была не лучше, чем судьба прежних заказов. Двухлетние хлопоты правительственного органа ни к чему не привели, так как в этом не были заинтересованы промышленники.

¹ ЦГИАЛ, ф. 395, оп. 2, д. 3431, л. 23, 24 об.

² Там же, л. 31, 43.

³ Там же, л. 56.

В конце концов одна из шведских фирм 27 января 1917 г. сообщила о том, что согласна поставить России 150 т стали для серпов¹.

Не лучше, чем с серпами, обстояло дело с косами. В России до войны не принималось никаких мер по развитию производства кос, и они почти целиком привозились из-за границы. Заметим, что такие орудия, как плуги и бороны, с 1885 г. были обложены пошлиной в 75 коп. с пуда, а серпы и косы еще с 1724 г. облагались пошлиной, которая систематически повышалась и в 1885 г. была доведена до 1 р. 20 к. с пуда. На одних только серпах и косах крестьянство переплачивало в виде пошлин ежегодно около 300 тыс. руб. золотом, не считая переплат на прибыли импортеров и посредников².

Война с Австрией, являвшейся монопольным поставщиком кос в Россию, поставила крестьянское хозяйство в весьма тяжелое положение. Потуги департамента земледелия организовать кустарное производство кос остались тщетными.

Таким образом, в годы войны произошли существенные изменения в обеспеченности крестьянских хозяйств рабочей силой, рабочим скотом, машинами и орудиями. Все это означало подрыв материально-технической базы крестьянского хозяйства, отрицательно сказавшийся на уровне всего сельскохозяйственного производства.

Крестьянская аренда в годы войны

Рассмотренные выше изменения в количестве рабочей силы, в материально-технической базе крестьянского хозяйства оказали серьезное влияние на многие стороны хозяйственно-экономической жизни российской деревни. Одной из таких сторон, подвергшихся значительным изменениям, явилась область арендных отношений.

Как известно, характерной особенностью сельского хозяйства России было чрезвычайно широкое развитие

¹ ЦГИАЛ, ф. 395, оп. 2, д. 3431, л. 57.

² Л. К. Шешминцев, Современное положение сельскохозяйственного машиностроения в России и меры к его развитию в связи с интересами сельского хозяйства, Спб., 1910, стр. 39.

аренды земли. Причины этого явления кроются в условиях крестьянской реформы 1861 г., когда помещики ограбили крестьян, наделив их клочками земли, с которых нельзя прокормиться, и сохранив за собой огромные земельные площади, на которых вели отчасти полукрепостническое, отработочное, отчасти капиталистическое земледельческое хозяйство, но большую часть сдавали крестьянам в аренду. Последняя носила в России различный характер: у более состоятельных зажиточно-кулацких слоев деревни она была предпринимательской, в низших же группах преобладала «голодная» так называемая продовольственная аренда, аренда из-за малоземелья, из нужды.

В. И. Ленин вскрыл «действительное распределение аренды по группам дворов разной хозяйственной состоятельности»¹ и показал, что в области арендных отношений особенно ясно проявляется капиталистическая эволюция земледелия, происходит «вытеснение бедноты зажиточным крестьянством...»² «Везде и повсюду, — писал В.И. Ленин, — выделяются из общины зажиточные дворы, которые всегда составляют незначительное меньшинство и всегда организуют капиталистическое земледелие при помощи предпринимательской аренды»³.

Однако В.И. Ленин видел в аренде не одни только капиталистические черты. Он в полной мере оценивал тот факт, что в конкретных условиях России аренда земли очень часто являлась орудием полукрепостнической эксплуатации крестьян помещиками и прочими землевладельцами, способом обеспечения помещичьих хозяйств рабочими руками и инвентарем крестьян в виде отработок за сданную им землю.

Касаясь значения аренды земли для крестьянского хозяйства, В.И. Ленин писал: «Сплошь да рядом... аренда земли крестьянами является по сути дела отработочной системой помещичьего хозяйства, — является крепостническим способом приобретения рабочих рук для

¹ В. И. Ленин, Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 74.

² Там же, стр. 72.

³ В. И. Ленин, Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Соч., т. 15, стр. 82.

барина. Таким образом, крепостническое значение нашей крестьянской аренды не подлежит сомнению»¹.

Особенно широко полукрепостническая отработочная аренда была распространена в коренных русских губерниях, и прежде всего в центральных черноземных губерниях. Арендные цены на землю в подавляющем большинстве районов были чрезвычайно высоки, превышая чистую доходность земли.

В годы войны ввиду недостатка рабочих рук и ослабления материальной базы крестьянского хозяйства спрос на землю со стороны арендаторов заметно сократился.

В связи с сокращением спроса на землю упали арендные цены. Сокращение аренды и падение цен на землю, которую арендаторы еще продолжали арендовать, не могли не понизить доходов землевладельцев. Но главное экономическое значение этого явления нужно искать во влиянии не на помещичье, а на крестьянское хозяйство, так как в арендных отношениях землевладелец и арендатор, особенно мелкий арендатор, занимают совершенно различные, противоположные одно другому положения. В то время как арендатор является производителем продукта, играя активную роль в производстве, земельный собственник является получателем доли этого продукта, и его активность проявляется лишь в действиях, направленных на увеличение доли продукта, изымаемого из производства. Таким образом, земельный собственник является не только лишней фигурой в процессе производства, но и сильнейшим тормозом этого производства. Поэтому понижение арендных цен на землю с точки зрения экономического и общественного прогресса было явлением положительным, как стимул к расширению производства.

Крестьяне отказывались от аренды, прежде всего, тех земель, которые арендовались на самых тяжелых условиях, где требовались отработки. На конкретном примере можно представить это более наглядно. Так, крестьяне деревень, расположенных в районе имения члена Государственного совета В. М. Андриевского в

¹ В. И. Ленин, Аграрный вопрос в России к концу XIX века, Соч., т. 15, стр. 78.

Кирсановском уезде Тамбовской губ., из года в год арендовали 1200 дес. земли. За каждую снятую на один посеv десятину земли арендатор должен был «обработать для экономии полторы десятины земли, три раза вспахать, убрать, свезти хлеб, вывезти в поле 30 возов навоза и поставить одну подводу для отправки зерна на станцию, находящуюся от экономии на расстоянии 20 верст». Понятно, что после ряда мобилизаций людей и лошадей такие обязательства по аренде крестьяне выполнять не могли. «Ссылаясь на тяжелые условия аренды, они от дальнейшей аренды земли отказались»¹.

Современник описываемых явлений, откровенный и убежденный народник Ге-Тан, рисовавший в своих статьях явно искаженную картину эволюции крестьянского хозяйства и видевший более устойчивый тип его в так называемых «хозяйствах трудового типа», оставил вместе с тем некоторые важные наблюдения, которые также показывают определенное падение отработочной системы в годы мировой войны. «Сжавшиеся и обезлюдевшие крестьянские хозяйства в первую очередь *сократили* невыгодный для себя *обмен труда* своих работников на отдаваемую помещиками в аренду крестьянам землю. Отсюда — недосев полей у помещиков². По народнической наивности автор, конечно, все невыгоды этого обстоятельства относит к помещикам, тогда как крестьяне в свою очередь теряли хоть и невыгодную, но единственную возможность обеспечить себя дополнительным количеством хлеба с арендовавшихся ранее полей.

«Больше того, — писал Ге-Тан, — сжавшееся под влиянием убыли рабочих рук крестьянское хозяйство перестало ощущать в прежней мере нужду в аренде помещичьей земли. Эта земля сделалась временно ненужной (?!) мужику, вследствие чего нетрудовой доход помещиков в виде испольщины, отработков и продовольственной «голодной» аренды ушел из рук землевладельцев»³. Не принимая всерьез рассуждений автора насчет

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1914 г., д. 108, ч. 72, л. 10—10 об.

² Ге-Тан, К вопросу об эволюции помещичьего и крестьянского хозяйств перед войной и во время войны, «Вестник сельского хозяйства» № 10—11, 1917 г., стр. 8.

³ «Вестник сельского хозяйства» № 14—15, 1917 г., стр. 7.

«ненуждаемости» крестьян в аренде, следует отметить прямое указание современника на падение полукрепостнической эксплуатации крестьян помещиками.

Но было бы ошибкой считать, что война искоренила отработки в российской деревне. Поскольку продолжали существовать экономические условия, порождавшие отработки — помещичье землевладение, крестьянское малоземелье, отсутствие у крестьян необходимых угодий, чересполосица, нужда и т. п., постольку крестьянам и в годы войны приходилось нести бремя отработок. Источники содержат многочисленные свидетельства этого явления. Приведем одно из них.

Журнал «Константиноградские сельскохозяйственные известия» (Полтавская губ.), описав широкое распространение отработок в уезде и тяжесть их для крестьян, указывал: «Не прекращается этот способ платы за аренду и в настоящее время. Семьи призванных на войну также не освобождены от издавна заведенного порядка. И теперь приходилось наблюдать, как солдатики с косами, оставленными их мужьями, убирают барщину. Коса в руках женщины необычное явление. Из боязни остаться без хлеба на будущий год солдаткам приходится отработывать своими силами; просьбы же заменить отработки деньгами не удовлетворяются»¹.

Не все крестьяне поголовно сокращали посевы на арендуемой земле. Это было уделом середняков и особенно бедноты. Зажиточная часть крестьян продолжала арендовать землю и нередко расширяла аренду. Так, например, по трем волостям Полтавской губ. хозяйства с одной-двумя головами рабочего скота сократили аренду с 785 дес. в 1910 г. до 604 дес. в 1917 г., тогда как хозяйства с тремя и более головами рабочего скота увеличили аренду с 548 до 1600 дес.² Снижение арендных цен означало перераспределение прибыли, возросшей в результате роста цен на хлеб, в пользу арендаторов, и кулаки, следовательно, получали с арендованной земли повышенные доходы.

¹ «Константиноградские сельскохозяйственные известия» №8, 1915 г., стр. 6.

² «Материалы по истории аграрной революции в России», т. II, стр. 54—77.

Фактически отношения, конечно, далеко не всегда укладывались в рамки этой упрощенной схемы, представляя множество различных отклонений от нее, подробно разобрать в которых нет возможности вследствие почти полного отсутствия статистических данных об аренде в годы войны. Например, нередко можно было наблюдать расширение аренды у низших групп хозяйств. В условиях войны в этом явлении нет ничего удивительного, поскольку каждый, даже ранее беспосевный, крестьянин, стремился хотя бы на клочке земли завести посев с целью производства для собственных нужд, прежде всего картофеля и овощей.

Даже по географическим зонам изменения арендных отношений были различными в зависимости от их характера до войны и своеобразия влияния условий войны.

Некоторое представление об этих изменениях можно получить из «Материалов по истории аграрной революции в России», представляющих возможность выборочным путем сопоставить данные довоенных земских переписей с данными Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г.

Следует лишь учесть, что в 1917 г. после Февральской революции аренда земли значительно расширилась по сравнению с 1916 г. вследствие захватов крестьянами ряда губерний части помещичьих земель и установления пониженной арендной платы местными крестьянскими организациями. Таблица 61 представляет собой опыт такого сопоставления.

Каждая губерния, как видно из таблицы, внесла свои разнообразия в общую картину изменения арендных отношений в годы первой мировой войны. Так, в Тверской губ. число хозяйств, арендовавших пахотную землю (если перевести абсолютные цифры в проценты), сократилось с 31,7 до 23,6%, но при этом число хозяйств, арендовавших наделную пашню, увеличилось с 12,5 до 16,8% хозяйств. Количество земли в аренде уменьшилось в целом, но возросло по наделной земле. Резко сократилась аренда сенокосов, имевшая для крестьянского скотоводства в Тверской губ., как и вообще в районах молочного скотоводства, очень большое значение.

Изменения в аренде по некоторым губерниям

	Тверская губ. (4 волости) ¹		Тульская губ. (5 волостей) ²		Полтавская губ. (3 волости) ³	
	1912 г.	1917 г.	1910 г.	1917 г.	1910 г.	1917 г.
Число хозяйств всего . . .	6 962	7 333	4 596	5 045	2 743	3 257
На 100 хозяйств приходилось:						
арендующих надельную пашню	12,5	16,8	23,5	20,0		42,0
арендующих вненадель- ную пашню	19,2	6,8	26,2	29,5	38,9	2,2
арендующих сенокосы	52,2	46,1	14,3	1,5	6,8	9,1
Арендванной пашни всего	37,6	32,4	205,3	185,1	143,8	144,3
в том числе:						
надельной	19,0	24,7	83,4	69,2		138,4
вненадельной	18,6	7,7	121,9	115,9	143,8	
Сенокосов	164,3	88,9	10,9	1,1	13,1	13,0
Итого арендовано (дес.)	201,9	121,3	216,2	186,2	156,9	157,3

Тульская губ., так же как и Тверская, дала уменьшение аренды в целом и в отличие от Тверской — уменьшение аренды надельной земли. Зато аренда вненадельной, главным образом помещичьей, земли здесь не в пример Тверской несколько увеличилась, что произошло, по-видимому, весной 1917 г. вследствие захватов земли крестьянами и установления в ряде мест принудительной аренды и пониженных цен. Но следует отметить здесь одну особенность этой вненадельной аренды. В 1910 г. на 1 арендующее хозяйство приходилось 4,65 дес. арендованной земли, тогда как в 1917 г. — 2,93 дес. Этот факт можно рассматривать как измельчание крестьянской вненадельной аренды в Тульской губ., носившей по преимуществу продовольственный характер.

¹ «Материалы по истории аграрной революции в России», т. II, стр. 108—138.

² Там же, т. I, стр. 540—780.

³ Там же, т. II, стр. 54—76.

В отличие от Тверской, где число арендующих пашню дворов резко сократилось, и от Тульской, где это число удержалось почти на довоенном уровне, в Полтавской губ. число арендующих хозяйств возросло с 38,9 в 1910 г. до 44,2% в 1917 г. Некоторое измельчание аренды в среднем с 3,70 до 3,28 дес.¹ на двор замечается и в этой губернии, хотя и далеко не такое, как в Тульской. Эту разницу нельзя не поставить в связь с тем, что в Полтавской губ. сильнее была кулацкая верхушка деревни, широко арендовавшая землю и в годы войны.

По неприведенным здесь выборочным данным, во всех трех указанных губерниях, как, по-видимому, и повсеместно, увеличилось количество земли, сдаваемой в аренду беднотой. Понижение арендных цен коснулось и этой категории земельных собственников, которые вследствие этого теряли значительную часть и без того невеликого дохода от сдаваемых наделов. Зато за этот счет наживались кулаки — главные арендаторы земель бедноты.

В целях разрешения вопроса о том, какие изменения с арендной землей произошли по разным типам крестьянских хозяйств по данным того же источника² составлена таблица 62.

Недостатком приведенных данных с точки зрения задач настоящей работы является то, что довоенные данные получены переписью 1910 г., т. е. за четыре года до начала войны. Между тем за эти четыре года на Полтавщине произошли большие изменения. Процесс расслоения крестьянства шел здесь с большой интенсивностью. Массовые переселения сопровождались усиленной распродажей наделной земли и концентрацией ее в руках кулачества, заметно усилившегося к началу мировой войны. В ходе войны часть крестьян имела также возможности для обогащения. Прифронтовое положение губернии весьма выгодно отличало ее тем, что здесь встречались два потока скота: беженского и выбракованного армией с запада и закупленного для армии с востока, причем немалая доля и того и другого оседала

¹ Вычислено по данным таблицы 61.

² «Материалы по истории аграрной революции в России», т. II, стр. 54—76.

Изменения в аренде по Полтавской губ.

Группы по посеву и по рабочему скоту	Число наличных хозяйств		% хозяйств в группе		На 100 хозяйств приходится арен- дующих землю		На 100 хозяйств арендующих при- ходится аренде- мой земли (дес.)	
	1910 г.	1917 г.	1910 г.	1917 г.	1910 г.	1917 г.	1910 г.	1917 г.
Без полевого посева	119	243	4,3	7,5	—	6,6	—	325
до 4 дес.	1 559	1 596	56,9	49,1	29,3	39,5	167,4	136,1
4—10 »	787	1 003	28,7	30,8	84,9	63,3	342,2	345,8
свыше 10 »	278	410	10,1	12,6	39,9	35,4	1 298,1	1 098,0
Итого	2 743	3 252	100,0	100,0	39,3	43,8	366,6	329,3
Без рабочего скота	1 047	1 029	38,2	31,6	16,8	20,6	284,1	175,9
с 1 гол.	1 069	1 076	49,0	33,0	57,6	56,0	264,9	215,6
с 2 гол.	528	866	19,2	26,6	46,8	59,5	519,8	388,0
с 3 и более гол.	99	286	3,6	8,8	38,4	33,9	548,5	1 059,7

в губернии. Транзит войск через Полтавскую губ. создавал условия для выгодного сбыта продуктов сельского хозяйства.

Сведения военного времени относятся к 1917 г., т. е. выходят за рамки данной работы. Все это затемняет влияние интересующих нас первых двух с половиной лет войны на аренду земли крестьянами. С учетом этих замечаний и следует рассматривать данные табл. 62.

Прежде всего, обращает на себя внимание значительное увеличение зажиточной части крестьянских хозяйств рассматриваемых трех волостей: хозяйств с посевом свыше 10 дес. в 1910 г. было 10,1%, а в 1917 г. стало 12,6%, хозяйства с тремя и более головами рабочего скота в 1910 г. составляли 3,6%, а в 1917 г. — 8,8% — увеличение почти в 2,5 раза. Значительно увеличилось число беспосевных хозяйств с 4,3% в 1910 г. до 7,5% в 1917 г. Но вымывание среднего слоя четко не обнаруживается. Определенно лишь усиление кулацкого слоя.

Характерно, что число хозяйств, арендовавших землю, возросло главным образом в бедняцких группах, тогда как в числе середняков и кулаков число арендующих хозяйств несколько снизилось. В этом выразилось отмеченное выше стремление бедноты к замене покупавшихся ранее продуктов продуктами собственного производства, что означало натурализацию хозяйства этого слоя крестьянства. Наряду с увеличением числа арендующих дворов отмечается уменьшение количества десятин арендуемой земли в расчете на двор, т. е. отмеченное выше измельчение аренды.

Абсолютное увеличение числа кулацких хозяйств, характерное для Полтавщины, сопровождалось и экономическим укреплением этого слоя. Это видно, в частности, в росте количества арендной земли у многолошадных хозяйств с 5,5 дес. на арендующий двор в 1910 г. до 10,6 дес. в 1917 г. Посмотрим аналогичные данные по Тульской губ.¹ (См. табл. 63 на стр. 222).

Таблица в основном повторяет ту же картину, что и в Полтавской губ.: увеличение числа арендующих дво-

¹ «Материалы по истории аграрной революции в России», т. I, таблицы, стр. 540—750.

Изменения в аренде по Тульской губ.

Группы по посеву	Число хозяйств		% хозяйств в группе		Из 100 хозяйств арендуют		На 100 арендуемых хозяйств приходится арендованной земли (дес.)	
	1910 г.	1917 г.	1910 г.	1917 г.	1910 г.	1917 г.	1910 г.	1917 г.
Без полевого посева . . .	217	227	4,7	5,5	—	2,2	—	140
до 4 дес. . . .	1 812	1 998	39,4	39,6	18,5	28,2	169,3	168,2
4—10 » . . .	1 781	2 084	38,8	41,3	56,9	49,7	331,8	444,1
свыше 10 » . .	786	736	17,1	14,6	66,7	57,7	1 003,6	903,1
Итого	4 596	5 045	100	100	40,7	40,2	490,7	402,0

ров в низших группах и некоторое снижение в высших с той разницей, что у середняков Тульской губ. возросло количество земли, приходящейся на арендуемый двор.

Представляется важным вопрос об удельном весе сокращения крестьянских посевов на арендованных землях в общем сокращении посевных площадей. Однако сколько-нибудь точных данных об этом нет. Для приблизительного суждения по данному предмету можно воспользоваться лишь сообщениями корреспондентов министерства земледелия. В 1916 г. министерством была издана сводка сообщений земств и местных агрономов о сокращении посевов озимых в 1915 г.¹

Понятно, что о какой-либо точности этих данных говорить не приходится. Безошибочно можно сказать, что в большинстве донесений площади недосева были явно завышены. Но не подлежит также сомнению, что общую тенденцию источник отражает правильно.

Подавляющее большинство корреспонденций содержит указания на то, что посевы на арендуемых землях сократились в большей мере, чем на собственных землях крестьян. Так, в Оргеевском уезде Бессарабской губ.

¹ См. «Изменения площади посева озимых хлебов осенью 1915 г. и ожидаемый недосев яровых в 1916 г.», Пг., 1916.

озимые посевы 1915 г. на наделной земле сократились на 5,8%, а на арендованной — на 50%. В Переяславском уезде Полтавской губ. соответственно цифры составляли 12,5 и 30%. Крестьяне Кобелякского уезда той же губернии отказались от половины арендованного пара, сократив посевы на своей земле на 30%.

Собранные материалы показывают, что сокращение посевов на арендованной земле было намного больше, чем на крестьянских наделных и на частновладельческих землях, и составляло основную часть общего сокращения посевов.

Изменение посевных площадей

Изменения в размерах посевной площади являются одним из главных показателей уровня сельскохозяйственного производства, и рассмотрение этих изменений заслуживает особого внимания.

В таблице 64 сравниваются итоги посевных площадей по довоенным земским подворным переписям и по Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. аналогично тому, как было сделано при рассмотрении вопроса о рабочем скоте. Сравнение проведено по тем же источникам, что и в табл. 55 об изменении поголовья лошадей.

Данные таблицы показывают, что по 12 губерниям и частям губерний число наличных хозяйств к 1916 г. увеличилось по сравнению с довоенным уровнем на 244,9 тыс., или на 7,0%. В то же время площадь посевов у всех наличных хозяйств сократилась на 1 231,2 тыс. дес., или на 7,7%. На 100 хозяйств до войны приходилось 480,4 дес., а в 1916 г. — 416,0 дес. посева, что означает сокращение на 13,4%. По отдельным губерниям это сокращение было еще более значительным. Так, например, в Пензенской губ. до войны на одно хозяйство приходилось в среднем 4,62 дес. посевов, а в 1916 г. — 3,71 дес., что означает уменьшение на 19,7%. Понятно, что такое сокращение нельзя не признать очень значительным.

Особенно сильным было сокращение посевов у крестьян нечерноземных губерний.

Изменение посевных площадей по некоторым губерниям

Губернии	Год до- военной переписи	Наличные хозяйства			Посевная площадь		
		до войны (в тыс.) ¹	1916 г.		до войны (в тыс. дес.) ¹	1916 г. ²	
			количество (в тыс.)	%		Количество (в тыс. дес.)	%
Вологодская (2 уезда) . . .	1911	65,7	68,7	106,0	145,9	140,3	96,2
Волынская (7 уездов)	1910	267,5	290,6	108,7	851,7	884,2	103,8
Вятская	1909—1912	540,7	591,0	109,3	3 219,8	2 995,3	93,0
Калужская (Жиздринский уезд)	1910—1911	35,6	38,4	108,1	124,4	108,2	86,9
Пензенская	1910	264,6	281,5	106,4	1 221,9	1 043,3	85,4
Полтавская	1910	451,7	475,6	105,3	2 044,9	1 869,2	91,4
Самарская (2 уезда) . . .	1911—1913	101,7	112,2	110,3	727,8	674,8	92,5
Симбирская	1911	285,2	304,6	106,8	1 301,1	1 260,3	96,9
Тамбовская	1912	469,9	484,1	103,0	1 961,8	1 854,4	94,5
Тульская	1910—1912	220,4	246,0	111,6	1 029,9	1 043,7	101,3
Уфимская	1911	470,8	499,7	106,1	2 707,2	2 359,3	87,1
Харьковская (без Старо- бельского уезда)	1913	330,9	357,2	107,9	1 499,1	1 371,3	91,5
Итого	—	3 504,7	3 749,6	107,0	16 835,5	15 604,3	92,3
На 100 хозяйств	—	—	—	—	480,4	416,0	86,7

¹ См. «Земские подворные переписи 1880—1913. Поуездные итоги».² См. «Предварительные итоги . . .», вып. I.

Положение дела с посевными площадями у крестьян Северо-Западного района выясняется благодаря весьма ценной разработке трех подворных переписей, предпринятой новгородским губернским статистическим бюро. Сравнение итогов переписи 1916 г. с итогами земского учета земель, производившегося по уездам в разное время с 1899 по 1911 г., показывает значительное уменьшение посевной площади у крестьян¹.

По основным культурам эти данные по шести уездам показаны в таблице:

Таблица 65

Изменение посевов основных культур по Новгородской губ.
(в тыс. мер высева)

Культуры	По подворной земской переписи 1885—1897 гг.	По подворной земской переписи 1908—1911 гг.		По Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.		
		Количество	% к 1885—1897 гг.	Количество	% к 1885—1897 гг.	% к 1908—1911 гг.
Рожь . . .	1 756,8	1 803,1	102,6	1 487,4	84,7	82,5
Овес . . .	4 241,8	4 175,2	98,4	3 430,1	80,9	82,2
Ячмень . .	140,2	173,9	124,0	158,4	112,9	91,1
Лен . . .	99,5	149,1	149,8	143,5	144,2	96,2
Картофель	1 309,1	1 524,3	116,4	2 202,6	168,3	144,5

Цифры показывают, что наиболее сильно сократились посевы главных зерновых культур — ржи и овса, рост посевов которых прекратился еще до войны из-за малой доходности их производства. Однако сокращение посевов зерновых в годы войны было связано уже не с невыгодностью их производства, а, наоборот, происходило при возрастающей прибыльности их возделывания. Особенно выгодным было выращивание льна, но посевы его, быстро расширявшиеся до войны, не только не возросли, но даже сократились. Только в соседней Псковской губ. посевы льна были увеличены.

Значительно расширены были посевы картофеля, но это расширение далеко не могло компенсировать

¹ «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Новгородской губернии», стр. 17.

общего сокращения посевов ввиду малой распространенности культуры картофеля в губернии.

Сокращение посевных площадей шло параллельно с процессом разорения крестьянских хозяйств, многие из которых навсегда прекратили земледельческое производство. Это явление отчетливо характеризуется таблицей 66, составленной по данным подворных переписей аналогично таблице 64.

Таблица показывает резкое увеличение числа беспосевных хозяйств. В то время как до войны по рассматриваемым девяти губерниям беспосевные хозяйства составляли 6,4% наличных хозяйств, в 1917 г. без посева озимых 1916 г. и яровых 1917 г. (перепись проводилась летом 1917 г.) оказалось уже 13,5% хозяйств, т. е. в 2,1 раза больше, чем до войны, что свидетельствует об углублении классового расслоения и пролетаризации широких масс крестьянства в годы войны. Только по этим девяти губерниям, в числе которых две губернии представлены лишь четырьмя уездами, а Калужская одним Жиздринским уездом, число беспосевных хозяйств увеличилось на 167,0 тыс.

Как показывают сводные данные Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., доля беспосевных хозяйств в общем числе наличных крестьянских хозяйств была наибольшей в южном степном районе — 32%, второе место занимал Южночерноземный район — 31,0, за ним следовали Нижневолжский и Заволжский район — 17,9 и Северо-Западный район — 17,3%. Среднее положение занимают Средневолжский и Заволжский районы — 14,2%, Юго-Западный район — 12,5, Западный — 11,2 и Промышленный — 10,9%. Наименьшее число беспосевных хозяйств было в Северочерноземном и Северном районах.

Эти значительные различия явились результатом сложного взаимодействия историко-экономических условий развития капитализма в российском земледелии. Решающее значение имели здесь различия в путях развития капитализма в земледелии — прусского и американского. В районах преобладания капиталистического земледелия (юг и юго-восток Европейской России) расслоение оказывается наиболее глубоким, пролетаризи-

Изменение количества беспосевных хозяйств по некоторым губерниям

Губернии	Год довоенной переписи	Число наличных хозяйств			Количество хозяйств без посева			Посевы 1916 г. в % к довоенным
		до войны (в тыс.)	1917 г.		до войны (в тыс.)	1917 г.		
			в тыс.	%		в тыс.	%	
Вологодская (2 уезда)	1911	65,7	68,3	103,9	5,3	5,5	102,7	96,2
Волынская (7 уездов)	1910	267,5	225,1	84,2	3,4	28,2	825,1	103,8
Калужская (Жиздринский уезд)	1910—1911	35,6	42,1	115,2	2,3	3,2	139,3	86,9
Полтавская	1910	451,7	470,8	104,2	23,7	88,6	373,9	91,4
Пензенская ¹	1910	264,6	279,0	107,1	11,5	22,1	192,7	85,4
Самарская (2 уезда)	1911—1913	101,7	112,5	110,6	10,0	23,1	232,3	92,5
Симбирская	1911	285,2	308,7	106,0	31,6	41,0	129,7	96,9
Тульская	1910—1912	220,4	240,7	108,1	9,2	17,9	194,1	101,3
Уфимская ²	1911	470,8	516,6	133,8	41,3	75,7	183,4	87,1
Итого		2 163,2	2 263,8	104,7	138,3	305,3	220,8	86,7
В % к числу наличных хозяйств		—	—	—	6,4	13,5	—	—

¹ Данные о беспосевных хозяйствах до войны см. «Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления», ч. 1, стр. 72, 92.

² Данные о беспосевных хозяйствах до войны взяты из сборника «Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской ССР», Уфа, 1923, стр. 70.

ровавшееся или почти пролетаризировавшееся крестьянство составляет здесь значительную часть хозяйств, доходящую в южном степном районе до 32%. Здесь переход крестьянства в ряды пролетариата облегчался большим спросом на рабочую силу со стороны крупных зерновых хозяйств помещиков и кулаков, а также растущей промышленности. Ведение парцелльного хозяйства становилось менее выгодным, чем сторонние заработки.

Иное положение наблюдается в районе господства крепостнических отношений, где крестьянство было больше привязано к земле системой кабалы и отработок. В Северочерноземном районе беспосевные хозяйства составляли всего лишь 8,1%. Характерно, что такая же доля беспосевных — 8,0% — насчитывалась в Северном районе, что можно объяснить его потребляющим характером и стремлением крестьян к обязательному обезвреждению посевами в годы войны. Это же явление, уже отмечавшееся выше, характерно и для других потребляющих районов, в частности для Западного и Промышленного.

Важнейшее экономическое и общественно-политическое значение в плане данной работы имеет вопрос о том, в каких группах крестьянских хозяйств концентрировались посевы во время войны.

Для южного степного района приведем следующие данные сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Херсонской губ.¹

Таблица 67

Изменение посевов в Херсонской губ. в 1915—1916 гг.

Группы хозяйств по посеву в 1916 г.	Число хозяйств	Посев 1915 г. (в дес.)	Посев 1916 г. (в дес.)	Сокращение или увеличение	
				дес.	%
До 5 дес. . . .	9 436	23 145	20 182	-2 963	-12,8
От 5 до 10 дес.	5 106	37 777	38 074	+297	+0,8
" 10 " 16 "	2 641	32 184	33 403	+1 219	+3,8
" 16 " 25 "	1 422	27 618	28 247	+629	+2,3
Свыше 25 "	1 225	49 954	49 691	-263	-0,5
Итого	19 830	170 678	169 597	-1 081	-0,6

¹ «Посевы и скот в Херсонской губернии в 1915 и 1916 годах», стр. 12—13.

Ясно, что наибольший урон понесли самые мелкие хозяйства, утратившие 12,8% посевов в течение одного года, тогда как часть середняцких и особенно зажиточные хозяйства с посевом свыше 10 дес. увеличили свои посе­вы. Только крупные хозяйства сократили посе­вы — всего на 0,5%. В целом, хозяйства с посевной площадью свыше 10 дес. увеличили свои посе­вы с 109,6 тыс. дес. в 1915 г. до 111,2 тыс. дес. в 1916 г., т. е. на 1,4%. Факт усиления зажиточной части крестьян юга России в годы войны подтверждается и этими данными.

В Полтавской губ. посевная площадь в 1916 г. по сравнению с 1910 г. у мелких хозяйств уменьшилась на 9,3%, тогда как у крупных (кулацких) хозяйств увеличилась на 16,6%¹.

Расширение посевов кулаками при наличии благоприятных условий признавал и упомянутый выше Ге-Тан, не различая, как и подобает народнику, типов хозяйства. По его словам, «сравнительно многие трудовые хозяйства, оказавшиеся с избытком рабочих сил даже после ряда мобилизаций, поспешили несколько расширить свои посе­вы, снимая в аренду по небывало низким ценам пустующую частновладельческую землю»².

Несколько менее выражена эта тенденция в Северо-черноземном районе, являвшемся переходным к потребляющей нечерноземной полосе.

Выборочные данные по Пензенской губ. показывают, что по четырем волостям процент хозяйств с посе­вом свыше 10 дес. всюду увеличился³. По Тульской же губ. процент этих хозяйств снизился с 17,1% до 14,6%⁴.

Для нечерноземных районов характерно некоторое снижение посевов у зажиточной части деревни и числен­ное сокращение ее. Так, в Калязинском уезде Тверской губ. доля хозяйств, имевших в пользовании собственной

¹ «Статистический справочник Полтавской губернии на 1917 год», Полтава, 1917, стр. 59—60.

² «Вестник сельского хозяйства» № 10—11, 1917 г., стр. 8.

³ «Материалы по истории аграрной революции в России», т. I, текстовая часть, стр. 39.

⁴ Там же, текстовая часть, стр. 40.

и арендованной земли свыше 16 дес., составляла (в процентах)¹:

	1912 г.	1917 г.
В Плещеевской волости . . .	3,8	3,0
» Расловской » . . .	3,8	2,8
» Семеновской » . . .	12,7	11,5
» Фроловской » . . .	4,7	4,1

Приведенные данные помогают лучше уяснить чрезвычайно важное явление, на которое указывал В. И. Ленин: «Если же мы сравниваем различные местности, то в одних особенно рельефно сказывается образование из крестьян сельских предпринимателей, — а в других — образование сельского пролетариата»².

Необходимость детального изучения этого процесса, результаты которого имели громадное общественно-политическое значение для победы Великой Октябрьской социалистической революции и упрочения власти Советов, очевидна. В пределах данной работы мы вынуждены ограничиться лишь следующей таблицей относительных цифр, характеризующих распределение крестьянских хозяйств различных местностей по посевным группам.

Следует заметить, что для периода мировой войны, когда значение хлеба, как первостепенного необходимейшего продукта потребления, резко возросло, группировка хозяйств по размерам посевов (при невозможности составления комбинированных таблиц) является наиболее верным способом исследования. Это, по нашему мнению, справедливо даже для тех районов, где до войны исследователя больше удовлетворила бы, например, группировка хозяйств по количеству продуктивного скота и пр. К тому же в условиях массовых реквизиций скота и связанных с ними больших изменений поголовья группировки по рабочему или продуктивному скоту могут привести

¹ «Материалы по истории аграрной революции в России», т. II, стр. 142, 146.

² В. И. Ленин, Развитие капитализма в России. Соч., т. 3, стр. 91.

к непопозвопительному смешению в одних и тех же группах хозяйств разных экономических типов.

Таблица 68 характеризует, правда, с рядом отклонений и особенностей заметно выраженную разницу в географическом распределении хозяйств зажиточного и беднейшего крестьянства. Северный Кавказ, Украина, юго-восток Европейской России были районами преобладания зажиточных слоев, тогда как нечерноземные районы характеризовались преобладанием малопосевных хозяйств рабочих с наделом. Впрочем, это характерно и для отдельных губерний Украины, представленных в таблице, в частности для Киевской губ. Здесь 73,7% хозяйств имели не более 3 дес. земли и являлись, следовательно, хозяйствами рабочих с наделом. Недаром Киевская губ. занимала первое место в числе губерний, поставлявших рабочих в Южный степной район.

Значительное сокращение посевных площадей в некоторой части компенсировалось увеличенным сбором хлебов в результате хорошего урожая 1915 г. Об урожаях в годы войны дает представление таблица 36, показывающая среднюю урожайность ржи на частновладельческих и крестьянских полях по Европейской России (см. главу II).

Из таблицы видно, что урожайность ржи в 1915 и 1916 гг. была выше довоенной. Добавим к этому, что 1917 г. дал заметное снижение урожая (до 45,5 пуд. с десятины). Но при этом необходимо иметь в виду, что увеличенные урожаи зерна собирались преимущественно в крупных кулацких, а также в помещичьих хозяйствах, тогда как беднота вследствие ухудшения обработки почвы не могла рассчитывать на заметный рост урожая. Основные запасы товарного зерна концентрировало у себя кулачество, к которому беднота шла за хлебом, одалживая его на кабальных условиях.

Представление об этом дают следующие данные самарского земства за 1915 г.

Из всех сообщений земских корреспондентов 48,2% содержали указания на то, что крестьянам хлеба до весны не хватило. При этом 25,1% корреспондентов сообщали, что хлеба не хватило половине и более домохозяев. 55,6% корреспондентов сообщали, что крестьяне хлеб

Группировка крестьянских хозяйств по размерам посева
по некоторым губерниям в 1916 и 1917 гг.

Губернии	Год переписи	% хозяйств			
		без посева	с посевом до 4 дес.	с посевом от 4 до 10 дес.	с посевом свыше 10 дес.
Ставропольская ¹	1916	19,9	12,5	24,8	42,8
Кубанская ²	1917	35,7	24,3	21,4	18,6
Оренбургская ³	1917	10,2	26,5	36,1	27,2
Украина ⁴	1917	16,0	52,5	18,8	12,7
Полтавская ⁵	1916	14,6	35,7	34,1	15,6
Киевская ⁶	1917	12,9	73,7	13,5	1,6
Уфимская ⁷	1916	13,1	45,1	30,8	11,0
Вятская ⁸	1917	3,3	33,3	54,0	9,4
Пензенская ⁹	1917	7,7	49,8	34,3	8,2
Тульская ¹⁰	1917	6,5	48,7	37,8	7,0
Витебская ¹¹	1917	7,4	58,8	30,4	3,4
Петроградская ¹²	1917	15,7	74,9	9,1	0,3
Костромская ¹³	1917	11,0	74,1	14,7	0,2
Вологодская ¹⁴	1917	8,9	82,6	8,4	0,1
Владимирская ¹⁵	1917	12,9	67,2	18,9	1,0
Ярославская ¹⁶	1917	13,9	79,0	7,1	—

¹ «Итоги (поволостные и поуездные) сельскохозяйственных переписей Ставропольской губ. 1916—1922», Ставрополь, 1923, стр. 24—25; ² В. И. Смирнский, Движение основных элементов сельскохозяйственного производства во время войны и революции, Краснодар, 1928, стр. 63, 79; ³ А. И. Хрящева, К характеристике крестьянского хозяйства революционного времени, «Вестник статистики» № 5—8, 1920 г., стр. 104; ⁴ «Підсумки вибіркового підрахунку сільсько-господарського перепису 1917 року», стор. 118; ⁵ М. А. Рубач, Очерки по истории аграрной революции в 1917 году на Украине (диссерт.), Уфа, 1943, стр. 36 (группировки, как по Украине); ⁶ «Статистический сборник», Киев, 1925, стр. 432 (выборочные данные по 59 642 хозяйствам; группировки, как по Украине); ⁷ «Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской ССР», стр. 70; ⁸ А. И. Хрящева, К характеристике крестьянского хозяйства военного времени, стр. 105; ⁹ Там же; ¹⁰ Там же, стр. 104; ¹¹ Там же, стр. 105; ¹² Там же; ¹³ А. И. Хрящева, Статистика посевов и степень ее точности. Критический очерк, М., 1923, стр. 20; ¹⁴ Там же; ¹⁵ «Справочник Владимирской губернии на 1923 г.», Владимир, 1923, стр. 80; ¹⁶ А. И. Хрящева, К характеристике крестьянского хозяйства революционного времени, стр. 105.

покупали, а 44,4% — что крестьяне брали хлеб в долг и за отработки. При этом обязывались приплачивать к рыночной цене деньгами от 5 до 50 коп. за пуд (т. е. приблизительно от 5 до 50% стоимости) или даже хлебом до 10 ф. за пуд¹.

Эти данные, между прочим, являются одним из бесспорных опровержений вымыслов буржуазно-помещичьей прессы того времени о якобы значительном «обогащении деревни» в годы войны, о чем подробнее будет сказано ниже.

Приведенные выше сведения о посевных площадях и урожайности в годы войны могут составить представление и о валовых сборах хлебов, о чем будет идти речь в главе IV.

Крестьянское животноводство в годы войны

Следующее после земледелия место в крестьянском хозяйстве занимало животноводство. К сожалению, изменения в животноводстве отражаются статистическими источниками менее полно, чем в земледелии.

Для 1916 и 1917 гг. поголовье скота довольно подробно характеризуется сельскохозяйственными переписями, но отсутствие подобных сведений для довоенного периода исключает возможность широких научно обоснованных сравнений. Данные о поголовье скота, составлявшиеся по сведениям полиции и волостных правлений центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел, как правило, намного заниженные, не могут служить для этой цели. Поэтому приходится ограничиться материалами только тех губерний, где в предвоенные годы были проведены земские подворные переписи.

Таблица 69 показывает изменения поголовья коров в 13 губерниях Европейской России.

Таким образом, в то время как число наличных крестьянских хозяйств по сравнению с довоенным уровнем увеличилось по 13 губерниям на 7,4%, количество коров

¹ «Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1915 год», изд. 2-е, исправленное, Самара, 1919, стр. 222—224.

Изменение поголовья коров по некоторым губерниям

Губернии	Год довоенной переписи	Число наличных хозяйств			Количество коров		
		до войны (в тыс.) ¹	1916 г. ⁶		до войны (в тыс. голов) ¹	1916 г. ⁶	
			в тыс.	%		в тыс. голов	%
Вологодская (2 уезда) ¹	1911	65,7	69,7	106,0	117,3	102,3	87,2
Волынская (7 уездов) ²	1910	267,5	290,7	108,7	368,4	329,8	89,5
Вятская ³	1909—1912	540,7	591,0	109,3	810,3	800,3	98,8
Калужская (Жиздринский уезд)	1910—1911	35,6	38,4	108,1	44,4	44,2	99,7
Новгородская ⁴	1913	231,0	263,3	114,0	452,8	418,3	92,4
Пензенская ¹	1910	264,6	281,5	106,4	238,4	227,5	95,4
Полтавская ¹	1910	451,7	475,6	105,3	302,6	353,9	116,9
Самарская (2 уезда) ¹	1911—1913	101,7	112,2	110,3	117,7	119,4	101,5
Симбирская ¹	1911	285,2	304,6	106,8	244,8	244,5	99,8
Тамбовская ⁵	1912	469,9	484,1	103,0	410,5	402,5	98,1

Губернии	Год довоенной переписи	Число наличных хозяйств			Количество коров		
		до войны (в тыс.) ¹	1916 г. ⁶		до войны (в тыс. голов) ¹	1916 г. ⁶	
			в тыс.	%		в тыс. голов	%
Тульская ¹	1910—1912	220,4	246,0	111,6	185,7	190,1	102,4
Уфимская ¹	1911	470,8	499,7	106,1	672,3	580,2	86,3
Харьковская (без одного уезда) ¹	1913	330,9	357,2	107,9	287,4	261,6	91,0
Итого		3 735,7	4 014,0	107,4	4 252,6	4 074,6	95,8
На 100 хозяйств		—	—	—	113,8	101,5	89,3

¹ См. «Земские подворные переписи 1880—1913. Поуездные итоги».

² «Материалы подворной переписи Волинской губернии 1910 года», стр. 214—240.

³ «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Вятской губернии», стр. 179, 182.

⁴ «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Новгородской губернии», стр. 144.

⁵ «Материалы подворного обследования животноводства Тамбовской губернии», приложение 1.

⁶ См. «Предварительные итоги...», вып. 1.

уменьшилось на 4,2%. В расчете же на 100 хозяйств это сокращение еще больше — 10,8%.

Характерно, что значительное уменьшение наблюдалось в Кадниковском и Велико-Устюжском уездах Вологодской губ., представлявших район молочного скотоводства. Сокращение поголовья коров в этом районе необходимо особенно подчеркнуть. Оно было одной из важнейших причин острого недостатка масла в городах, поскольку сибирское масло целиком шло на армию.

Три губернии дали увеличение поголовья коров: Тульская, Самарская и особенно Полтавская. Это увеличение для Тульской и Полтавской губерний можно объяснить кроме приплода пригоном скота беженцев и оставлением на прокорм крестьянам закупленного для армии скота, который также мог быть учтен при переписи.

Представление о сокращении поголовья коров в различных группах крестьянских хозяйств дает следующая таблица:

Таблица 70

Изменение поголовья коров по группам хозяйств в 3 губерниях
(в % к общему числу хозяйств)

Группы хозяйств	Новгородская губ. ¹		Ярославская губ. ²		Пензенская губ. ³	
	1913 г.	1916 г.	1912 г.	1916 г.	1910 г.	1917 г.
Без коров	11,3	16,2	15,5	22,3	23,6	20,7
С 1 коровой	29,0	34,7	46,4	54,4	65,0	70,6
» 2 коровами	31,2	31,0	28,8	18,8	9,7	7,7
» 3 и более	28,5	18,1	9,3	4,5	1,7	1,0

Приведенные цифры показывают резкое увеличение доли бескоровных хозяйств в районе молочного животноводства — в Ярославской и Новгородской губерниях, что свидетельствует о росте нищеты в деревне в годы

¹ «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Новгородской губернии», стр. 86—145.

² М. Гуревич, Историко-статистический сборник по Ярославскому краю, Ярославль, 1922, стр. 91.

³ «Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления», ч. 1, стр. 83.

мировой войны. Решающую роль в этом сыграла утрата доходов от «промыслов» и связанная с этим невозможность содержать корову в условиях растущей дороговизны кормов. В Пензенской губернии число бескоровных хозяйств несколько снизилось, хотя доля их в общем числе хозяйств оставалась здесь очень высокой, составляя в 1917 г. 20,7%.

Таблица показывает также рост числа однокоровных хозяйств и уменьшение процента двухкоровных и многокоровных хозяйств. Это явление было связано прежде всего с освобождением однокоровных хозяйств от реквизиции.

В изменениях поголовья коров особенно заметно проявился процесс натурализации хозяйства, состоявший в уменьшении числа коров в хозяйствах зажиточной части крестьян указанных губерний, т. е. в наиболее товарных хозяйствах, а также в стремлении отхожих рабочих и бедноты во что бы то ни стало обзавестись на время войны коровой и удержать ее для нужд семьи. Между тем это далеко не всем удалось, как видно из таблицы 71¹.

В Вологодской, Вятской, Пензенской, Симбирской и Уфимской, т. е. в 5 губерниях из 12, некоторой части беднейшего крестьянства удалось увеличить число коров. Это, по-видимому, в известной мере было связано с выдачей пособий семьям мобилизованных, пока с ростом дороговизны эти пособия не подверглись обесценению, как это будет показано ниже. В остальных же губерниях рост числа бескоровных хозяйств превышал рост числа всех хозяйств. Так, в пяти уездах Минской губернии число хозяйств без коров увеличилось в 3,7 раза, в Тамбовской — в 1,9 раза, т. е. почти удвоилось, в Новгородской — в 1,5 раза и т. д. В целом по всем 12 губерниям общее число наличных хозяйств возросло на 12,4%, а число хозяйств, лишенных коров, — на 17,8%. В то время

¹ Довоенные данные взяты по тем же источникам, что и данные таблицы изменения поголовья скота. Данные за 1917 г. взяты по итогам переписи 1917 г. (см. «Поуездные итоги...»). Губернии, не вошедшие в указанную таблицу, отмечены отдельными подстрочными примечаниями.

Изменение числа бескоровных хозяйств
по некоторым губерниям

Губернии	Год военной переписи	Число хозяйств			Число хозяйств без коров		
		до войны (в тыс.)	в 1917 г. (в тыс.)	%	до войны (в тыс.)	в 1917 г. (в тыс.)	%
Вологодская (2 уезда)	1911	65,7	68,3	103,9	8,5	8,6	102,1
Вятская	1909—1912	540,7	557,7	103,1	81,5	64,2	78,8
Минская (5 уездов) ¹	1915	147,8	185,3	125,4	4,8	17,8	371,1
Новгородская	1913	231,0	261,3	113,1	26,2	38,6	147,5
Пензенская	1910	260,4	279,0	107,1	62,7	64,4	102,7
Самарская (2 уезда)	1911—1913	114,0	112,5	93,7	19,7	28,1	142,9
Симбирская	1911	291,4	308,7	106,0	78,9	74,3	94,3
Тамбовская	1912	469,9	527,5	112,2	116,3	137,2	118,0
Тульская	1910—1912	222,6	240,7	108,1	26,4	49,5	187,4
Уфимская	1911	386,1	516,5	133,8	116,0	132,5	114,2
Харьковская (10 уездов)	1913	335,6	383,1	114,2	110,2	149,6	135,7
Ярославская	1912 ²	178,9	206,5	115,4	27,8	35,2	126,4
Итого		3 244,1	3 647,1	112,4	678,9	800,0	117,8
На 100 хозяйств приходилось хозяйств без коров		—	—	—	20,9	21,9	—

¹ «Материалы переписи скота бывшей Минской губернии 1915 г.», стр. 38—42.

² М. Гуревич, указ. справочник, стр. 90.

как бескоровные хозяйства до войны составляли в этих губерниях 20,9%, в 1917 г. они составляли 21,9%.

Вообще же в России процент бескоровных крестьянских хозяйств в 1917 г. был очень высок. Как показывают данные переписи 1917 г., в Европейской России такие хозяйства составляли 22,8%. Почти четвертая часть крестьян не имела дойных коров. Наибольшее число бескоровных насчитывалось среди крестьян Южночерноземного района (в Воронежской, Харьковской губерниях) — 37,6%, за которым следовали районы Юго-Западный — 36,5, Южный степной — 34,8, Нижневолжский и Заволжский — 21,7, Северочерноземный — 21,6%. Только в пяти районах доля бескоровных была ниже 20%: в Промышленном — 18,0%, в Средневолжском и Заволжском — 17,8, в Северо-Западном — 17,8, в Северном — 11,5, в Западном — 9,0%.

Изменения в общем поголовье рогатого скота видны из таблицы 72¹.

Итак, «масса» рогатого скота увеличилась лишь в трех губерниях: Самарской (2 уезда), Полтавской и Симбирской, причем в последней незначительно. В остальных семи губерниях зафиксировано абсолютное уменьшение количества рогатого скота до 95,6%, а во всех 10 губерниях — до 96,6% довоенного уровня, причем в Тверской губ. оно снизилось до 86,9, а в Харьковской — до 86,1%.

Еще более значительным оказывается уменьшение количества скота в расчете на хозяйство — с 1,56 штуки до войны до 1,39 штуки в 1916 г.

В годы войны в структуре стада произошло резкое изменение: снизилось количество коров и быков и повысилось количество молодняка. В то время как поголовье коров упало до 95,8%, поголовье телят старше одного года увеличилось на 3,5%, а телят до одного года — на 15,3%. Количество телят старше одного года осталось в основном на довоенном уровне и даже несколько увеличилось, но из этого скота ремонтный молодняк, т. е. нетели и бычки, чаще всего подвергались реквизициям и поэтому не обеспечивалось даже простое воспроизведе-

¹ См. «Земские подворные переписи 1880—1913. Поуездные итоги»; «Предварительные итоги...», вып. I.

Таблица 72

Изменение поголовья рогатого скота

Губернии	Прирост числа хо- зяйств (в %)	Поголовье рогатого скота (в переводе на крупный рогатый скот) ¹		
		до войны (в тыс. штук)	в 1916 г. (в тыс. штук)	1916 г. в % к дово- енному уровню
Вологодская (2 уезда)	106,0	144,0	132,2	91,8
Волынская (7 уездов)	108,7	526,7	475,3	90,2
Калужская (1 уезд)	108,1	56,4	55,6	98,4
Полтавская	105,3	567,3	615,8	108,6
Самарская (2 уезда)	110,3	152,8	166,8	109,2
Симбирская	106,8	318,2	323,3	101,6
Тверская (7 уездов)	106,0	287,7	249,9	86,9
Тульская	111,6	256,5	255,9	99,8
Уфимская	106,1	889,6	833,8	93,7
Харьковская (10 уездов)	107,9	537,5	462,7	86,1
Итого	107,3	3 736,7	3 571,3	96,6
На 100 хозяйств	—	156,0	139,0	89,1

¹ К одной голове крупного рогатого скота приравнялись две нетели или подтелка (старше одного года) и четыре теленка до одного года.

ние стада. Если же учесть, что дойные коровы тоже подвергались реквизиции, то убыль числа коров станет особенно понятной. Чтобы компенсировать эту убыль, надо было держать не просто нормальное количество молодняка, но увеличенное на сумму реквизиций коров и самого молодняка, что требовало увеличенных расходов рабочей силы и кормов. При этом не было никакой гарантии, что выращенная нетель не будет реквизирована. Отсюда упорная борьба бедноты и середняков против реквизиций.

Для кулацких хозяйств было характерно содержание молодняка для продажи скота или мяса по спекулятивным ценам. В этих целях они не останавливались и

перед сокращением числа коров, предпочитая производство мяса производству молока.

Овцеводство в крестьянских хозяйствах носило почти исключительно потребительский характер, играя крайне незначительную роль в торговом мясном балансе. Во время войны из числа рассматриваемых губерний поголовье овец резко сократилось в прифронтовой Волынской губ., а также в Вологодской, Тверской и Тульской губерниях. Несколько увеличилось поголовье овец у крестьян Жиздринского уезда Калужской губ., в Самарской, Полтавской и Симбирской губерниях.

Слабость российского животноводства особенно резко выражалась в крайней неразвитости свиноводства. В годы войны свиноводство понесло особенно сильный урон. Из десяти рассматриваемых губерний поголовье свиней сократилось в восьми губерниях, причем в Вологодской — в шесть раз, в Тверской — в 17 раз, в Тульской — в 11 раз, в Симбирской — в семь раз и т. д. Только в Уфимской и Волынской губерниях наблюдалось увеличение поголовья свиней. Упадок крестьянского свиноводства сыграл свою роль в усилении недостатка мяса в стране.

Доходы и заработки, платежи и повинности крестьян

Буржуазные экономисты потратили немало усилий на доказательство того, что материальное положение русского крестьянства в годы первой мировой войны не только не ухудшилось, но, наоборот, заметно поправилось, доходы его повысились, улучшилось питание и т. д. Например, один из них, проф. В. Н. Твердохлебов, в начале 1917 г. писал, что будто бы «в эти годы величайшего разорения население потребляет и расходует больше, чем в мирное время, бюджеты большей части населения возросли...»¹. Целью подобных писаний в годы войны было «обоснование» возможности дальнейшего усиления налогового бремени и переложение наибольшего числа военных тягот на крестьянство.

¹ «Вестник финансов, промышленности и торговли» № 4, 1917 г., стр. 143.

Убеждение в том, что крестьянство богатело во время войны, имело место и в советской историко-экономической литературе, особенно в ее первые годы. Так, Н. А. Данилов в лекциях, читанных в Военно-инженерной академии в 1920—1921 гг., утверждал, что «влияние роста цен на продукты деревни не только оказалось благотворным для крестьянства хлебобродных губерний, но буквально озолотило его и позволило ему совершенно не считаться с ростом цен на изделия фабрично-заводской промышленности»¹.

Сторонники этого взгляда ссылались прежде всего на экономию денег, образовавшуюся у крестьян вследствие запрещения продажи водки, а также на пособия семьям мобилизованных в армию (так называемые «пайки»). Более того, в доходы крестьян зачислялось даже денежное вознаграждение за реквизируемых лошадей, коров, повозки, полушубки и прочие предметы. Этой схемы не избежал и П. И. Лященко, в одной из работ которого без всяких оговорок приводятся цифры дополнительных «доходов» крестьян в первые два года войны: вознаграждения за поставку для армии лошадей и повозок — 450 млн. руб., пособия семьям запасных — 925 млн. руб. и ежегодная экономия от прекращения питей — 540—560 млн. руб.² При этом считается, что новые «доходы» определили повышение благосостояния крестьянства по сравнению с довоенным уровнем.

В основе этих воззрений лежали следующие ошибочные представления: во-первых, взгляд на крестьянство, как на однородную по хозяйственной состоятельности массу; во-вторых, механическое перенесение суммы сократившегося расхода на водку в доход; в-третьих, необоснованное допущение, что все выплаченное казной за лошадей, повозки и т. д. соответствовало их стоимости и полностью дошло до крестьянина, в-четвертых, учет только новых доходов, без связи с судьбой старых и с расходной частью крестьянского бюджета.

Первая ошибка наиболее отчетливо выразилась в следующем утверждении одного из руководителей мест-

¹ Н. А. Данилов, Влияние великой мировой войны на экономическое положение России, Пг., 1922, стр. 50.

² Сб. «Аграрная революция», т. II, стр. 46.

ных органов советской статистики В. А. Феофорова в предисловии к «Обзору сельского хозяйства Псковской губернии в 1924 и 1925 гг.»: «Крестьянство в целом, как особый класс, является одновременно и самостоятельным производителем продуктов сельского хозяйства и продавцом рабочей силы. Поэтому оно выигрывало и от повышения цен на сельскохозяйственные продукты и от цен на рабочие руки. В то же время его нужда в деньгах чрезвычайно сократилась (прекращение продажи спиртных напитков, земские и государственные налоговые льготы и т. д.), а денежность его возросла (казенные и земские пособия и т. д.)»¹.

Нет нужды подробно доказывать несостоятельность такого суждения о доходах и расходах крестьян. Достаточно сказать, что производители сельскохозяйственных продуктов для рынка и продавцы рабочей силы не одни и те же лица, поскольку последние, продавая рабочую силу, покупают продукты у первых, и дело идет, следовательно, о разных карманах. Рост цен на хлеб, дороговизна хлеба били по большинству крестьянства, являвшемуся покупателем его, тогда как рост цен на рабочие руки не поспевал за ростом товарных цен.

Что же касается экономии вследствие запрещения торговли водкой, то из довоенного расхода крестьян на водку можно было зачислить в доход им только ту часть, которую ранее расходовало на эту цель оставшееся в деревне население. А это были главным образом старики, женщины и дети. К тому же с запрещением водки потребление крепких напитков далеко не прекратилось. Только расходы на них шли теперь не в казну, а самогонщикам, продавцам суррогатов, спекулянтам и пр.

Реквизиция как способ изъятия у населения необходимых государству материальных ценностей в своей основе содержала неэквивалентный обмен, так как эквивалентный обмен, как правило, исключает принудительные меры, побуждающие к обмену.

Выше уже было показано, что реквизиция лошадей к началу 1916 г. приносила крестьянам лишь убы-

¹ См. А. В. Игнатьев, Состояние сельского хозяйства Псковской губернии в 1924 и 1925 гг. по сравнению с предреволюционным временем, Псков, 1926, стр. 22, предисловие В. А. Феофорова.

ток, так как другую лошадь можно было купить по цене, вдвое превышавшей полученную при реквизиции плату.

В этом главным образом и состояла причина того, что реквизиции приходилось властям проводить с применением силы. Уже в ноябре 1914 г. в полицейских документах отмечалось:

«При производстве в Сердобском уезде реквизиции для нужд армии шуб, валенок и прочих теплых вещей, таковые отбирались от крестьян силой, причем от реквизиции не освобождались даже женские шубы, а у отсутствовавших хозяев взламывались замки их помещений»¹.

Особенно тяжелы были реквизиции в прифронтовых районах, где реквизировали все, кто имел и даже не имел на то права. Реквизиции проводили даже строительные дружины Земгора². Так, по сообщению начальника жандармского управления по Могилевской губернии от 23 февраля 1916 г., чины 4-й инженерно-строительной дружины Земгора «рассылают по деревням своих служащих, которые при содействии казаков под видом реквизиции отбирают от крестьян скот и фураж по ценам значительно ниже существующих»³. Крестьяне показывали, что им за корову вместо 100 руб. платили 20—30 руб.⁴ Старший рабочий этой дружины Семен Верцов в январе 1916 г. забрал у крестьян с. Белевич с помощью казаков 200 пудов сена по 1р. 25 к. за пуд с доставкой, а по доставке уплатил лишь по 75 коп.⁵

Неполностью доходили до крестьян и деньги, уплачиваемые за реквизируемые предметы казначейством. Начальство в обход распоряжений центральной власти в ряде мест не без успеха проводило удержания из причитавшихся крестьянам сумм в погашении недоимок по налогам или просто в собственную пользу. Так, заведую-

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1914 г., д. 141, ч. 62, л. 34.

² Объединенный орган Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам (Земский союз) и Всероссийского союза городов (возникли в июле 1914 г.).

³ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 108., ч. 11, л. 14.

⁴ Там же, л. 14 об.

⁵ Там же, л. 15.

Реквизиция скота в дер. Святая Воля

Фото. (Гос. исторический музей)

ший 13-м военно-конским участком Белгородского уезда Курской губ. Калашников и его помощник Мильченко удерживали с крестьян деньги за сдаваемых лошадей якобы в пользу Красного креста¹.

Следовательно, реквизиции не могли быть и не являлись источником дохода крестьянства. Превращение необходимейших в хозяйстве вещей в обесценивающиеся ассигнации являлось не доходом, а тяжелой, невозместимой потерей, явным убытком.

Нельзя не признать известного положительного значения для крестьянского хозяйства выдававшихся семьям запасных, призванных на войну, пайков, т. е. продовольственных пособий, особенно в первый период войны, когда еще не сильно сказывалось влияние дороговизны. Размеры этих пособий в сельских местностях империи видны из следующих цифр².

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 54, д. 12.

² «Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах)», стр. 51.

Таблица 73

Пособия семьям мобилизованных в годы войны

	Число мобилизованных к концу периода (млн.)	Выплачено пособий (в тыс. руб.)
Выплачено по 31 декабря 1914 г.	6,52	82 044
С 1 января по 1 декабря 1915 г.	11,47	449 861
» 1 декабря 1915 г. по 1 декабря 1916 г.	14,24	815 707
» 1 декабря 1916 г. по 1 марта 1917 г.	15,03	294 975
Итого		1 642 587

Таблица показывает, что за два с половиной года войны сумма пособий, полученных деревней, превысила 1,5 млрд. руб. Однако внушительный вид приведенных цифр сразу тускнеет, как только мы переходим к оценке реального значения выплачиваемых пособий. Размер месячного пайка в сравнении с ростом товарных цен выглядит таким образом.

Таблица 74

Размер месячного пособия и рост товарных цен

	Размер месячного «пайка»		Рост товарных цен (в %) ²
	в руб. ¹	в %	
На 31 декабря 1914 г.	3,0	100	100
» 1 декабря 1915 г.	3,40	113	135
» 1 декабря 1916 г.	3,85	128	368
» 1 марта 1917 г.	4,08	136	514

¹ «Россия в мировой войне 1914—1917 годов (в цифрах)», стр. 50.

² Рост цен рассчитан путем интерполяции индексов, указанных в работе А. Д. Гусакова «Денежное обращение дореволюционной России», М., 1934, стр. 63 (данные по Московской губ.).

При росте среднего размера пособия на одну треть товарные цены выросли в пять с лишним раз, и хотя в хлебопроизводящих районах рост товарных цен был ниже указанного, а пособия имели для деревни не такое первостепенное значение, как для городских рабочих семей, резкое отставание роста размеров пособия от роста товарных цен тяжело отражалось на положении крестьянских семей.

Недостаточность продовольственного пособия отмечалась даже в полицейских документах. Так, могилевский губернатор в донесении от 9 декабря 1916 г. писал: «Получаемое семьями призванных на войну воинских чинов денежное от казны пособие, при увеличивающейся дороговизне, является крайне недостаточным»¹. Податной инспектор 2-го участка Новоузенского уезда еще в первый год войны сообщал: «Одна выдача казенных пайков далеко не может удовлетворить всех насущных потребностей семей, оставшихся без главного работника. Обычно эти пайки в многочисленной семье едва достигают половины обычного бюджета при наличности работника, а в малочисленной семье он (паек. — А.А.) составит едва $\frac{1}{3}$ часть заработка главы, ушедшего на войну»².

Так вкратце обстояло дело с доходами временного порядка, порожденными войной.

Не остались неизменными и постоянные доходы крестьянского хозяйства от реализации продукции сельского хозяйства, от промыслов, заработков и др.

Первая мировая война произвела огромные изменения в промысловой деятельности крестьянского населения, резко понизив доходы от местных и отхожих промыслов и заработков вне своего хозяйства.

Земская и официальная статистика все эти виды деятельности объединяла под рубрикой «промыслы», и, следовательно, все неземледельческие занятия в своем хозяйстве или вне его, а также земледельческие работы по найму считались «промыслами». В числе промышленников оказывались как владельцы промышленных и тор-

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 108, ч. 77, л. 13 об.

² ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 20, д. 2358, л. 81.

говых предприятий, так и наемные рабочие и служащие, даже нищие.

Начавшаяся мировая война поставила под ружье миллионы людей, оторвав их от мирных занятий. При этом область крестьянских внеадельных заработков оказалась пораженной, как никакая другая область хозяйственной деятельности в стране. К сожалению, этот крупнейшего значения факт не только не был в достаточной мере оценен в историко-экономической литературе, но иногда даже вовсе не упоминался¹.

Не рассматривая всей проблемы «промыслов», мы делаем попытку выяснить изменения в размерах промысловой деятельности крестьян и доходах от нее в годы войны. Довоенные земские переписи дают для решения этого вопроса материал о числе хозяйств с «промыслами» и о числе «промышленников». Такие же сведения были собраны Всероссийской переписью 1917 г., что дает возможность сравнить их с довоенными. К сожалению, эти последние относятся большей частью ко времени, далеко отстоявшему от начала мировой войны, и поэтому требуется установить, насколько они пригодны для предполагаемого сравнения.

Выборочные материалы показывают, что до войны «промыслы» в крестьянском хозяйстве если не возростали, то во всяком случае и не утрачивали своего значения. Поэтому возможно использование не только данных за годы, ближайшие к началу войны, но и за более ранние.

В итоге получены сравнимые данные по 34 губерниям Европейской России².

Этими губерниями представлены почти все районы Европейской России, а четыре района представлены всеми губерниями. Это дает основание, мирясь с некоторой условностью и неточностью, сделать расчет по всей стране, распространив процент хозяйств с «промыслами» по губерниям, по которым имеются сведения, на другие

¹ См., например, *Н. В. Симонов*, указ. соч., «Вопросы истории» № 3, 1955 г.

² См. «Земские подворные переписи 1880—1913. Поуездные итоги»; «Поуездные итоги...»

губернии данного района¹. Результат произведенных расчетов выражается таблицей 75.

Как показывает эта таблица, до войны доходами от вненадельных заработков пользовалось в России больше половины крестьянских хозяйств. 11,0 млн. хозяйств из 18,9 млн., т. е. 58,2% хозяйств, не могли обходиться без дополнительных доходов. К 1917 г. число хозяйств с «промыслами» сократилось до 4,5 млн., что составило только 24,8% числа наличных хозяйств, т. е. уменьшилось в 2,4 раза.

Представляется крайне важным определить сумму заработков, которых лишилось крестьянство в результате этого сокращения. Для этого необходимо знать размер доходов, приносимых крестьянству «промыслами». К сожалению, экономическая статистика оставила крайне скудные сведения для выяснения вопроса. Из обнаруженных сведений выяснено, что заработки от «промыслов» на одно хозяйство в ценах соответствующих лет, а также в ценах 1913 г., рассчитанных по индексу товарных цен, приведенному у П. И. Лященко², составляли в год следующие суммы (см. табл. 76).

Несколько сложнее расчет по Кавказу, Степному краю, Сибири и Дальнему Востоку. Здесь процент хозяйств с «промыслами» по переписи 1917 г. на 8,95% ниже, чем по Европейской России. Соответственно этому принят и более низкий довоенный процент хозяйств с «промыслами» в этих районах. Заработок от промыслов определен по следующим источникам.

Архангельская губ. — Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917—1924 гг., Архангельск, 1925, стр. 468—473. Вычислено: на одного человека заработок составил 59 р. 59 к.; на одно хозяйство заработок получен умножением 59,59 на 1,674, (среднероссийское число промышленников на двор) = 99 р. 75 к.

¹ Число наличных хозяйств взято не по устарелым данным земских переписей, а по переписи 1916 г. В сравнение не вошли занятые противником все три губернии Прибалтийского района, а также три губернии Западного района — Виленская, Ковенская и Гродненская. Витебская губерния вошла частично (семь уездов).

² П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, стр. 414—415.

Изменение числа хозяйств с «промыслами»

Районы	Число губерний	До войны			В 1917 г.		
		Число наличных хозяйств (в тыс.)	Из них с промыслами		Число наличных хозяйств (в тыс.)	Из них с промыслами	
			Число хозяйств (в тыс.)	%		Число хозяйств (в тыс.)	%
Северный	3	428,2	362,6	84,7	423,8	110,2	26,0
Северо-Западный	3	594,0	391,6	65,9	607,0	233,8	38,5
Западный	3	750,7	309,3	41,2	635,6	84,6	13,3
Промышленный	6	1 566,2	1 343,3	85,7	1 494,8	613,7	41,1
Средневолжский и За- волжский	4	1 888,5	1 402,7	74,3	1 497,8	414,1	27,7
Северочерноземный	7	2 448,9	1 459,8	59,6	2 475,1	661,8	26,8
Южночерноземный	3	1 375,4	832,5	60,5	1 352,9	(369,3)	27,9
Юго-Западный	3	1 516,5	1 345,2	88,7	1 387,4	(382,9)	27,6
Южный степной	5	1 961,9	796,6	40,6	1 969,9	(569,1)	28,9
Нижневолжский и За- волжский	7	2 741,8	1 288,8	47,0	2 578,7	397,2	15,4
По Европейской России Кавказ, Степной край, Сибирь и Дальний Вос- ток	44	15 272,1	9 532,4	62,4	14 423,0	3 836,7	26,6
		3 580,5	1 434,0	40,1	3 580,5	632,4	17,6
Всего		18 852,6	10 966,4	58,2	18 003,5	4 469,1	24,8

Вологодская губ. — *Н. И. Корневская*, Бюджетные обследования крестьянских хозяйств в дореволюционной России, М., 1954, стр. 129. Исследование 1910 г. — 116 руб.

Олонецкая губ. — «Свод статистических данных о кустарных и ремесленных промыслах и заработках крестьянского населения Олонецкой губернии по предварительному подсчету, Петрозаводск, 1901, стр. 17 (расчет аналогичен с данными по Архангельской губ.).

Новгородская губ. — Бюджеты крестьянских хозяйств Новгородской губернии, Новгород, 1917, стр. 51.

Петроградская губ. — Промыслы крестьянского населения С.-Петербургской губернии. Выпуски по уездам (без Ямбургского). Спб., 1909—1914. Хозяйств с промыслами — 105,355, заработок всего — 32 333 687, на одно хозяйство приходилось 306 р. 90 к.

Витебская губ. — Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.), т. III, Минск, 1953, стр. 201.

Московская губ. — *А. Чаянов*, Опыт анкетного исследования денежных элементов крестьянского хозяйства Московской губернии, М., 1912, стр. 13, 47. Исследование 1911 г., 56 хозяйств. Заработок всего 13 828 р. 10 к., на одно хозяйство — 246 р. 93 к.

Костромская губ. — *Н. И. Воробьев* и *Н. П. Макаров*. Крестьянские бюджеты по Костромской губернии, вып. I, Кострома, 1924, стр. 25.

Вятская губ. — *С. Н. Прокопович*, Сельскохозяйственная кооперация и бюджет крестьянского хозяйства, М.-Пг., 1922, стр. 7.

Курская губ. — *А. И. Шахназаров*, Результаты исследования 162 хозяйств мелкого единоличного владения в Курской губернии, Спб., 1911, стр. 61.

Тамбовская губ. — *С. Н. Прокопович*, указ. соч., стр. 7.

Тульская губ. — Продовольствие крестьянского населения Тульской губернии, Тула, 1917, текст, стр. 11, таблицы, стр. 3. Заработка всего 94 497 руб. на 578 промысловых хозяйств.

Пензенская губ. — Пензенское губ. земство. Сельскохозяйственный обзор за 1912—1913 гг. и свод данных текущей статистики за 1909—1913 гг. Пенза, 1914, стр. 13.

Харьковская губ. — С. Н. Прокопович. Указ. соч., стр. 7.

Бессарабская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская губернии и Донская область — ЦГИАЛ, ф. 1233, оп. I, д. 78, лл. 33—34.

Симбирская губ. — Краткие бюджетные сведения по хуторскому и общинному крестьянскому хозяйству Симбирской губернии. Таблицы. Симбирск, 1914, стр. 149.

Астраханская губ. — Л. В. Македонов. Хозяйственное положение и промыслы населения станиц Астраханского казачьего войска. СПб., 1906, стр. 97, 160, 163. Количество промысловых хозяйств условно принято равным 4848, т. е. за минусом 1209 «преимущественно земледельческих». Доход вычислен из данных: денежный бюджет хозяйства 198 р. 05 к., в том числе от промыслов 30,3%. Весь бюджет $198,05 \times 6057 = 1\,199\,589$ р. Доход от промыслов $30,3\% = 363\,475$ р. На хозяйство $363\,475 : 4848 = 74$ р. 97 к.

Иркутская губ. Материалы Иркутского губернского статистического бюро, вып. III, Иркутск, 1921, стр. 23.

Нечего и говорить, что собранные данные отличаются большой неточностью. Для некоторых губерний они безнадежно устарели, как, например, данные по группе южных степных губерний. Не исключено и то, что в одних случаях учитывался валовой доход хозяйств от «промысла», в других случаях — чистый доход, о чем можно догадываться по крайней пестроте цифр. И, однако, за невозможностью получить более надежные данные приходится пользоваться приведенными в таблице для расчета порайонных заработков. По некоторым районам, как можно видеть по перечню губерний, данные о заработках имеются лишь по одной-двум губерниям причем по юго-западному краю данных нет совсем, и для этого района пришлось взять размер заработка крестьян соседнего южночерноземного района. Понятно, что вычисленная таким

Таблица 76

Сумма дохода от «промыслов» по некоторым губерниям

Губернии	Год исследования	Сумма заработка на 1 хозяйство в текущих ценах		Переводной коэффициент	Сумма заработка в ценах 1913 г.	
		руб.	коп.		руб.	коп.
Архангельская	1905—1914	99	75	1,069	106	63
Вологодская . . .	1910	116	—	1,060	122	96
Олонецкая . . .	1901	76	55	1,189	91	02
Петербургская	1898—1903	306	90	1,215	372	88
Новгородская . . .	1907—1911	167	84	1,069	179	42
Витебская . . .	1907	123	80	1,039	128	63
Московская . . .	1911	246	93	1,044	257	79
Костромская . . .	1908—1910	354	27	1,069	378	71
Вятская	1900	89	60	1,215	108	86
Курская	1909	215	73	1,069	230	61
Тамбовская	1915	151	50	1,000	151	50
Тульская	1911—1914	163	49	1,000	163	49
Пензенская	1913	126	01	1,000	126	01
Харьковская	1910	75	90	1,060	81	14
Бессарабская . . .	конец XIX в.	65	30	1,215	79	34
Донская обл.	"	52	10	1,215	63	30
Екатеринославская	"	56	70	1,215	68	89
Таврическая	"	182	30	1,215	221	49
Херсонская	"	63	60	1,215	77	27
Симбирская	1913	107	64	1,000	107	64
Астраханская	1904	74	97	1,230	92	21
Иркутская	1915	62	90	1,000	62	90

путем сумма дохода крестьян от «промыслов» может считаться только первым приближением к действительной сумме этого дохода¹ (см. табл. 77).

Таблица показывает, что за годы мировой войны лишились дохода от промыслов 6,5 млн. крестьянских хозяйств, которые до войны получали этих доходов свыше 900 млн. руб. Особенно тяжело это должно было отразиться на положении крестьянских хозяйств нечернозем-

¹ Укажем, кстати, что дополнительные изыскания помогли автору в значительной мере уточнить еще более приблизительную таблицу, помещенную в нашей статье «Крестьянское хозяйство России в годы первой мировой войны» (см. «История СССР» № 3, 1957 г., стр. 83).

Уменьшение числа хозяйств с «промыслами»
и сумм дохода от «промыслов»

Районы	До войны				Уменьшение к 1917 г.	
	Число хозяйств с «промыслами» (в тыс.)	Заработок на хозяйство в год (в руб.)	Сумма дохода в год (в тыс. руб.)	Число хозяйств (в тыс.)	Сумма дохода (в тыс. руб.)	
Северный	362,6	114,20	41 412,9	252,5	28 832,9	
Северо-Западный	391,6	258,68	101 310,0	157,8	40 826,0	
Западный	309,3	128,63	39 783,8	224,7	28 905,0	
Промышленный	1 343,3	257,79	346 295,8	729,6	188 088,2	
Средневолжский и Заволжский	1 402,7	211,45	296 608,5	988,6	209 041,9	
Северочерноземный	1 459,8	173,73	253 616,4	798,0	138 638,1	
Южночерноземный	832,5	81,14	67 549,8	463,3	37 588,3	
Юго-Западный	1 345,2	81,14	109 146,4	962,3	78 075,5	
Южный степной	796,6	93,38	74 338,8	227,5	21 244,9	
Нижневолжский и Заволжский	1 288,8	100,40	129 394,1	891,6	89 518,7	
По Европейской России	9 532,4	153,11	1 459 506,5	5 695,9	860 759,2	
Кавказ, Степной край, Сибирь и Дальний Восток	1 434,0	62,90	90 198,6	801,6	56 710,4	
Всего	10 966,4	141,32	1 549 705,1	6 497,5	917 469,6	

ной полосы, где до войны из 5,2 млн. хозяйств занимались «промыслами» 3,8 млн., или 72,8% хозяйств. До войны они получали от «промыслов» 825 млн. руб., а к 1917 г. эта сумма уменьшилась почти на 500 млн. руб.

Не остались неизменными и доходы тех хозяйств, где «промыслы» сохранились и в годы войны. Дело в том, что в числе «промышленников» до войны в подавляющем большинстве были мужчины, а в годы войны сильно возросла доля женщин, которым, как известно, за равный с мужчинами труд платили значительно меньше. Женщины и в сторонних заработках в значительной мере заменили мужчин, хотя это было связано с большим ущербом для домашнего хозяйства и для детей. Например, в Чистопольском уезде Казанской губ. в первый год войны отход крестьян на заработки даже не уменьшился, так как, по сообщению податного инспектора, неурожай 1914 г. и мобилизация мужчин заставили крестьян идти «на сторонние заработки, на которые и шли, повинуюсь судьбе, преимущественно женщины»¹.

Изменилось и число промышленников, приходившееся на одно хозяйство с «промыслами». Подсчеты показывают, что до войны на каждую тысячу таких хозяйств приходилось 167 «промышленников», а в 1917 г. — 141. Оказывается, что это уменьшение равносильно тому, как если бы лишились неземледельческого заработка 704,8 тыс. хозяйств, что при среднем заработке на хозяйство в 141 р. 32 к. дает сумму 99,6 млн. руб. На нее следовало бы увеличить вычисленную выше сумму сокращения дохода от «промыслов», которая в этом случае составляет 1 017,1 млн. руб.

В годы войны изменилось участие различных по типу крестьянских хозяйств в «промысловой» деятельности. Торговые, мукомольные и другие предприятия кулаков в годы войны приносили их владельцам повышенные прибыли, тогда как у бедноты в связи с тем, что сократились работы по найму, доход резко упал. Более того, зажиточная часть деревни сама потянулась к «промыслам», нанимаясь на предприятия, работающие на войну, а также на железные дороги, в санитарные поезда и дру-

¹ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 20, д. 2358, л. 96.

жины Земгора, в общем, в любое место, где можно было получить освобождение от призыва в действующую армию. Начальник тамбовского губернского жандармского управления, например, доносил, что в селе Рассказове зажиточные люди поступают на суконные фабрики простыми рабочими: Г. Мироедов, имевший две лавки, М. Поленин, владелец кожевенного предприятия, зажиточные крестьяне В. и Д. Плаксины, торговцы М. Ячменинов и М. Иванов, владелец мельницы И. Казаков. «Некоторые из этих лиц, — говорится в донесении, — только числятся в списках фабричных контор, на работу же вовсе не выходят.

Все это вызвало среди населения села Рассказово большое недовольство, особенно среди тех обывателей села, у которых сыновья или мужья взяты на войну»¹.

Симбирский губернатор в марте 1916 г. писал в департамент полиции: «Не редки стали случаи, что многие лица из интеллигенции... стараются так или иначе избежать военной службы... С этой целью они меняют службу и поступают на железную дорогу или на пароходы. Такая же уловка наблюдается и среди зажиточного крестьянства»².

До войны доля зажиточного крестьянства в доходах от промыслов была в разных губерниях различной. Так, в Новгородской губ. торговля и торгово-промышленные заведения давали 7,7% всего дохода от «промыслов». В Новоладожском уезде Петроградской губ. из 44 218 промышленников было 2090 торговцев, т. е. 3,7%. Средний заработок всех «промышленников» равнялся в расчете на одно лицо 135 р. 27 к., тогда как торговцы получали дохода 692 р. 05 к. на каждого. На долю этих 3,7% «промышленников» приходилось 1 688,6 тыс. руб. дохода из общей суммы 5 982,8 тыс. руб., т. е. 28,2%³. В Шлиссельбургском уезде торговцы, составлявшие 9,9% всех «промышленников», получали 19,0% общей суммы дохода от «промыслов»⁴.

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1914 г., д. 141, ч. 72, л. 18 об.

² ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 108, ч. 65, л. 3—3 об.

³ «Промыслы крестьянского населения С.-Петербургской губернии. Новоладожский уезд», Спб., 1908, стр. 13, 16.

⁴ «Промыслы крестьянского населения С.-Петербургской губернии. Шлиссельбургский уезд», Спб., 1909, стр. 3—13.

Приведенные цифры показывают, что, хотя нетрудовые доходы от «промыслов» и занимали видное место, все же главная масса доходов была результатом работы по найму и мелкого ремесленного производства, и как раз эта часть доходов больше всего сократилась в годы войны.

Об уменьшении расходов на водку было сказано выше. Оно не смогло существенно облегчить положение оставшихся в деревне женщин и детей. Уменьшились также расходы на аренду земли, но всю выгоду от этого уменьшения получили те, кто имел возможность вести предпринимательскую аренду, т. е. кулаки. В противовес этому уменьшению расходов в годы войны произошло резкое повышение многих расходных статей крестьянского бюджета. Среди них в первую очередь надо назвать повышение цен на хлеб и другие продукты. Если учесть, что половина крестьян прикупала хлеб, станет ясно, каким бременем легло на деревенскую бедноту резкое вздорожание его. С каждым годом войны все сильнее давила на крестьянство быстро растущая дороговизна товаров промышленного производства, не сдерживаемая в деревне никакими таксами. В годы войны вдвое возросли государственные налоги, а также повысились земские и мирские сборы. Казенные налоги, земские сборы и мирские платежи тяжелым бременем ложились на крестьянство. Обложение российского крестьянства находилось в вопиющем противоречии с доходностью. Россия отличалась исключительно низкими размерами народного дохода на душу населения, что видно из следующих цифр (в фунтах стерлингов)¹:

Страны	Народный доход на душу населения
Англия	49,0
Франция	37,0
Германия	30,9
Бельгия	26,9
Австрия	24,9
Италия	24,3
Россия	8,0

¹ З. С. Каценеленбаум, Война и финансово-экономическое положение России, М., 1917, стр. 11.

При такой низкой норме народного дохода обложение населения налогами было чрезвычайно высоким. Так, по расчетам одного из компетентных в этом вопросе экономистов, бремя налогов в России до войны составляло от 16 до 18% валовой доходности¹.

Революция 1905—1907 гг. заставила царизм несколько умерить свои безграничные посягательства на тощий крестьянский карман.

В 1905 г. царское правительство вынуждено было понизить вдвое на 1906 г. выкупные платежи за землю, которые к тому времени были уже выплачены крестьянами, но продолжали собираться казной в прежних размерах. С 1907 г. выкупные платежи отменялись совсем. При этом надо отметить очень важную деталь произведенной реформы, совершенно не учитывающуюся в нашей историко-экономической литературе. Эта деталь заключалась в том, что с отменой выкупных платежей не были сложены недоимки по этим платежам. А недоимки эти составляли в 1910 г. 13 933 тыс. руб., в 1911 г. — 10 027,5 тыс. руб. и в 1912 г. — 8 802,6 тыс. руб. Таким образом, только за 1911 г. было взыскано 3 905,5 тыс. руб. и за 1912 г. — 1 224,9 млн. руб., не считая пени². Едва ли нужно пояснять, что плательщиками этих недоимок являлось беднейшее крестьянство, так как кулаки в значительной части выкупили свои наделы досрочным погашением выкупных платежей.

Отмена выкупных платежей послужила для царского правительства поводом для увеличения других налогов, чтобы возместить «потерю» на выкупной операции. С 1 января 1906 г. были увеличены вдвое ставки поземельного налога, общая сумма которого исчислялась в 13 364,3 тыс. руб.³ Налог этот определялся вне всякого соответствия с ценностью и доходностью земель. Например, в Курской губ. он равнялся 17 коп. с десятины, а в соседней Харьковской — 9,5 коп., хотя качество земли в Харьковской губ. даже несколько выше, чем в Курской.

¹ З. С. Каценеленбаум, *Война и финансово-экономическое положение России*, М., 1917, стр. 11.

² «Свод сведений о поступлении и взимании казенных, земских и общественных окладных сборов за 1910—1912 гг.», стр. IV.

³ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 20, д. 425, л. 3.

Распределение поземельного налога находилось целиком в руках местных помещиков, которые занимали руководящее положение в земствах и в распорядительных комитетах неземских губерний. Кроме того, помещики приглашались губернаторами в состав этих комитетов в качестве «сведущих лиц».

С отменой продажи «питей» и потерей крупнейшего косвенного налога в виде доходов от казенной винной операции началась «погоня за миллиардом», якобы остававшимся у «населения» вследствие его «отрезвления». В этой погоне должен был сыграть свою роль и поземельный налог, который на 1915 г. был повышен более чем вдвое, составив по окладу 30 617,5 тыс. руб. вместо 13 432 тыс. в 1914 г., т. е. увеличен на 127,9%.

Закон об этом налоге вовсе не предусматривал облегчений в уплате его, кроме частичной рассрочки, однако и этой льготы крестьянину добиться было практически невозможно, так как «всякая льгота отдельному плательщику должна восходить на разрешение центральных ведомств»¹. Вместо одиночных дифференцированных льгот правительство практиковало огульные льготы во взносе платежей, предоставляемые целым уездам, признанным неурожайными. Понятно, что при этом в огромном выигрыше оказывались помещики и кулаки, пользовавшиеся льготами независимо от состояния урожая на их полях, который всегда был лучше и выше, а неурожай представлял для них золотую пору для обогащения.

В Средней Азии государственный поземельный налог взимался в размере 10% вычисляемой властями доходности земли. На 1915 г. налог с орошаемых земель был увеличен на 100%, т. е. на 4,2 млн. руб., а с богарных — на 50%.

На Кубани и в Закавказье со всех казенных земель, состоящих в постоянном пользовании поселян, кроме казачков, взималась государственная оброчная подать, а со всех прочих — поземельный налог. Оброчная подать исчислялась в 13% чистой доходности, из которых 3% — собственно поземельный налог, а 10% — «плата за поль-

¹ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 20, д. 4257, л. 7.

зование земель», если здесь можно усмотреть разницу. Там же продолжали выплачиваться и выкупные платежи крестьянами, которые только в 1913 г. были переведены на выкуп. Поземельный налог на 1915 г. был там увеличен на 900 тыс. руб., а оброчная подать доведена до 14,5% (432,9 тыс. руб.). Повышены были также поземельная подать, платившаяся крестьянами-собственниками Сибири (на 100%) и оброчная подать, которая уплачивалась поселенцами на казенных и кабинетских землях Сибири и Казахстана (на 16%)¹.

Одним из самых тяжелых налогов на крестьянское хозяйство были земские сборы. В 1913 г. поземельный налог дал в бюджет 18,5 млн. руб., а земские сборы составили 116 млн. руб. В земских сборах помещикам труднее было обеспечивать переложение их на крестьян, так как в земстве было какое ни на есть представительство крестьян. Тем не менее десятая помещичьей земли облагалась в 1913 г. по 56 коп., а крестьянской — по 63 коп., хотя помещичьи земли были лучше по качеству и приносили большие урожаи².

Земские сборы, как и другие платежи, из года в год возрастали. Так, в 1907 г. они составляли на десятину 33,5 коп., в 1908 г. — 35,6 коп., а в 1909 г. — 39,9 коп.³ В последующие годы обложение земскими сборами неуклонно росло. В Херсонском уезде земских сборов падало на десятину земли в 1910 г. 33 коп., в 1914 г. — 58 коп., и в 1915 г. — 64 коп.⁴

Для периода войны нет сводных данных об изменении этого сбора. По имеющимся сведениям, земские сборы с десятины земли в Полтавской губ. составляли: в 1913 г. — 1 р. 46 к., в 1914 г. — 1 р. 60 к., в 1915 г. — 1 р. 76 к., в 1916 г. — 2 р. 04 к.⁵

Характерной особенностью земских сборов было то, что помещики, являвшиеся хозяевами в земствах, на-

¹ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 20, д. 4257, л. 10.

² Там же, л. 4.

³ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 51, д. 149, л. 11.

⁴ «Статистико-экономический обзор Херсонского уезда за 1915 г.», Херсон, 1917, стр. 33.

⁵ «Статистический справочник по Полтавской губернии» за 1914, 1915, 1916 и 1917 гг.

капливали по этим сборам огромные недоимки. Так, помещик Нарышкин в 1906 г. был должен земству 40 000 руб., министр внутренних дел Дурново — 12 418 руб., кн. Гагарин — 10 000 руб.¹ В 1909 г. недоимочность крестьян составляла 28,1% от суммы всех окладных сборов, большую часть которых составляли земские сборы, а недоимочность помещиков — 42,6%².

Помещичья недоимочность вызывала в земствах хронический недостаток средств для покрытия сметных расходов, поэтому земствам приходилось ежегодно повышать оклады земских сборов. Таким образом, недоимочность помещичьих объектов обложения превращалась в дополнительное обложение крестьянских наделных земель.

Не меньшую, чем земские сборы, тяготу представляли для крестьян мирские сборы, которые собирались только с крестьян. Они составляли около 56 млн. руб. в год, или 45 коп. с десятины крестьянской земли всех видов³. Мирские платежи собирались на покрытие расходов по тем мирским повинностям, которые не могли быть выполнены в натуре. К мирским повинностям относились: содержание общественного управления, приведение в исполнение приговоров волостных судов, расходы по оспопрививанию, по борьбе с «заразительными болезнями» и «скотскими падежами», устройство и содержание сельских хлебозапасных магазинов, окарауливание их; содержание в исправности проселочных дорог и межевых знаков, содержание караулов в деревнях, призрение престарелых, увечных и сирот, тушение пожаров в лесах, оплата учителей и т. д. и т. п. Как видно из этого неполного перечня, многие мирские расходы имели отношение не только к нуждам несшего эти расходы сельского общества. Так, одной из самых больших статей расхода было содержание должностных лиц и учреждений так называемого «общественного управления». Сюда относилось жалованье старшин и писарей, содержание волостного правления, исполнение приговоров и т. д. Содержа-

¹ И. Г. Дроздов, Как царско-дворянское правительство обирало крестьян, М., 1923, стр. 19.

² И. Х. Озеров, Что делать? М., 1913, стр. 117.

³ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 20, д. 4257, л. 4.

ние дорог также представляло собой потребность не одного только крестьянства, как и ряд других расходов.

В годы войны повышения не избежали и мирские сборы. Так, в Полтавской губ. они повысились с 44,5 коп. в 1910 г. до 47,7 коп. с десятины в 1916 г. При этом характерно, что дворянские сословные сборы за этот же срок снизились в губернии с 14 до 12,5 коп. с десятины¹.

Тяжесть мирских сборов и связанное с нею недовольство крестьян в конце 1916 г. привлекли к этим сборам внимание правящих кругов. Министр внутренних дел Протопопов признавал в письме к Голицыну, что часть расходов, производимых за счет мирских сборов, необходимо принять за счет казначейства, так как «вся тяжесть содержания низших органов управления, являющихся в значительной степени частью управления общегосударственного, падает на одно только крестьянское сословие и вызывает со стороны последнего справедливые нарекания»².

Крестьяне на сходе вольны были установить любой сбор, например на поддержание церквей, на заведение училищ и т. д. Но раз установивши, они уже не могли отменить его: сбор становился обязательным, и об отмене его нужно было ходатайствовать перед соответствующим «крестьянским учреждением».

Кроме обязательных мирских повинностей или сборов часто практиковались так называемые «добровольные складки», которые становились обязательными для всех домохозяев, если в сходе и составлении приговора участвовало две трети полноправных хозяев. «Складки» собирались на церковь, на колокол, на молебен и т. д. В годы войны «складки» являлись одним из видов реквизиции.

Для мирских сборов было характерно обилие различных способов и систем раскладки: по душам, по едкам, по дворам, по земле, комбинированные и т. д. Кулаки — заправила сельских сходов повсюду оказывались

¹ «Статистический справочник по Полтавской губернии» за 1910 и 1916 гг.

² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 14, д. 984, л. 25—26.

обложенными меньше, чем беднота и середняки. Особенно остро сказалась неравномерность обложения в годы первой мировой войны, когда многие хозяйства лишились глав семейств и лучших работников. Материальное положение хозяйств резко изменилось, а системы раскладки сборов, приспособленные к интересам кулаков, остались прежними. На чиновничьем языке в сообщении податного инспектора из Самарской губ. об этом писалось так: «При более совершенных и гибких системах мирских раскладок убыль части плательщиков могла бы быть возмещена приспособлением раскладки к вновь создавшемуся положению путем приведения окладов в соответствие с изменением в платежных силах отдельных дворов, но так как это изменение не вызвало соответственных перемен в разверстке сборов, то результатом этого неминуемо должно было явиться уменьшение поступлений со стороны обессилевших экономически домохозяев, без одновременного усиления поступлений с тех плательщиков, хозяйственному положению которых война или не причинила ущерба, или даже послужила на пользу»¹.

Тяжесть увеличившихся налогов и неравномерность обложения ими вызвали крайнее недовольство беднейшей части крестьянства, особенно семей призванных на войну. Так, в полицейском донесении из Томской губ. говорилось: «В Мариинском уезде большинство крестьянского населения крайне недовольно взысканием недоимок окладных сборов, причем прибывающие с фронта в отпуск нижние чины советуют своим ближним воздержаться от всяких платежей, указывая на то, что после войны жизнь крестьянства изменится к лучшему, и заявляя, что «солдаты возьмут свое»².

Свирепые меры по выколачиванию недоимок еще более озлобляли население и вынуждали многих идти на крайность в виде ликвидации имущества. Иркутский губернатор, например, жаловался, что «принудительные меры, как-то продажа имущества, не достигают цели, так как часто желающих купить описанное имущество

¹ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 20, д. 2358, л. 91.

² ЦГИАЛ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 108, ч. 77, л. 15 об.

не оказывается, а кроме того, солдатки, в видах уклонения от уплаты податей, распродают свое имущество, оставляя лишь то, что уже не может быть описано и продано за недоимку»¹.

Особенно большое возмущение крестьянок вызывала применявшаяся на практике система удержания налогов и недоимок по ним из сумм причитавшегося солдаткам пособия.

Кроме окладных сборов существовала большая область платежей на образование продовольственных капиталов или в возврат продовольственных долгов.

Продовольственные капиталы составлялись из взносов крестьян натурой или деньгами. Натуральные запасы хлеба хранились в общественном хлебозапасном магазине, содержавшемся за счет мирских расходов. Было установлено, что в магазине должно храниться хлеба по 4 пуда на наличную душу. Сбор зерна производился ежегодно по 20 ф. с души до полной нормы, но так как ежегодно из собранного хлеба выдавались продовольственные ссуды, то хлеба в магазинах никогда до нормы не доставало, ссуды возвращались неаккуратно, а пополнение запасов его превращалось по существу в постоянный и неоплатный натуральный или денежный налог. В 1916 г. в общественных капиталах не доставало до нормы 19,6 млн. пуд. озимых, 11,2 млн. пуд. яровых хлебов и денег 27,3 млн. руб.²

Частые неурожаи и стихийные бедствия приводили к тому, что крестьяне, вынужденные прибегать к натуральным ссудам из запасных магазинов или к денежным из сумм губернских или общеимперских продовольственных капиталов, оказались в неоплатном долгу перед этими капиталами. В 1913 г. этот долг составил огромную сумму 204,9 млн. руб., в 1914 г. — 201,2 млн. руб. и в 1915 г. — 230,2 млн. руб.³ Чтобы реальнее представить себе значение этих сумм, припомним, что в 1912 г. все крестьянские окладные платежи — ка-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 51, д. 73, л. 3.

² ЦГАОР и СС, ф. 3891, оп. 1, д. 8, л. 10 об.

³ «Отчет по продовольственной кампании за 1912—1913 гг.», Спб., 1914, то же за 1913—1914 гг., Пг., 1915; то же за 1914—1915 гг., Пг., 1916, стр. 123.

зенные, земские, мирские и страховые вместе с недоимками прошлых лет составляли 204,9 млн. руб., из которых поступило 157,5 млн. руб. и осталось в недоимке 47,4 млн. руб.¹ Следовательно, долги продовольственным капиталам превышали всю сумму окладных сборов и почти в пять раз превышали сумму недоимок по этим сборам. Если учесть, что эти долги лежали почти исключительно на беднейших слоях крестьянства, можно представить себе всю тяжесть и безвыходность его положения. Взыскание же этих долгов было не чем иным, как систематическим обиранием у бедноты последних пудов хлеба и последних грошей.

До 1905 г. продовольственные долги взыскивались в размере от 25 до 50% окладных сборов, а после отмены выкупных платежей начали взимать от 100 до 200% окладных платежей. В 1909 г. губернским присутствиям по крестьянским делам было предоставлено право повышения взыскания до 300%. На каждый год назначалась сумма долга, которую предполагалось собрать с населения, в зависимости от урожая. Поступление их шло крайне медленно. Освобождение от уплаты долгов в связи с неурожаем проводилось, к великому удовольствию помещиков и кулаков, целыми уездами. Так, в 1912 г. в Воронежской губ. были освобождены от уплаты пять уездов, в Нижегородской губ. — Княгининский уезд². Зато в местностях с хорошим урожаем происходило усиленное изъятие хлеба как в уплату долгов, так и на пополнение запасов до нормы.

О движении денежных продовольственных капиталов и долгов по ним в годы войны имеются весьма интересные сведения по 31 губернии и о натуральных долгах — по 28 губерниям. По денежным долгам эти сведения можно представить в виде следующей таблицы³:

¹ «Свод сведений о поступлении и взимании казенных, земских и общественных окладных сборов за 1910—1912 гг.», стр. V—VI.

² «Отчет по продовольственной кампании 1911—1912 гг.», кн. I, Спб., 1913, стр. 595—601.

³ ЦГАОР и СС, ф. 351, оп. 1, д. 177, л. 8—12.

Денежные продовольственные долги крестьян

	1915 г.	1916 г.
Всего хозяйств		8 477 281
Хозяйств, имевших задолженность . .		4 352 836
Процент к общему числу хозяйств .		51,3
Сумма задолженности (в тыс. руб) .		167 300,1
На 1 хозяйство (руб.)		38,43
Годовой оклад казенных и земских сборов (в тыс. руб.)		25 490,2
Назначено к взысканию продовольственных долгов (тыс. руб.)	16 823,1	19 014,7
Взыскано в 1915 г.	7 520,5	
Взыскано с 1 янв. по 1 авг. 1916 г. .		14 527,2

Приведенные цифры показывают, что 51,3% крестьянских хозяйств являлись должниками перед учреждениями денежных продовольственных капиталов, что дает весьма наглядное представление о материальном положении этой части крестьянства, которой не хватало своего хлеба. 4,4 млн. хозяйств 31 губернии были должны 167,3 млн. руб., или в среднем по 38,43 руб. на хозяйство, что по тому времени представляло немалую сумму.

По отдельным губерниям долги достигали огромных размеров. Так, в Саратовской губ. в 1916 г. имели задолженность 302,6 тыс. (76,3%) крестьянских хозяйств, за ними числилось долгу 22,5 млн. руб., или в среднем по 74,32 руб. на хозяйство. Сумма долга в этой губернии превышала оклад казенных и земских платежей в 9,6 раза, а по всем 31 губерниям — в 6,6 раза.

В 1915 г. было назначено к взысканию 16,8 млн. руб. и, несмотря на урожайный год, было взыскано лишь 7,5 млн. руб. Крестьяне резонно считали взыскание этих долгов во время войны делом несвоевременным и крайне обременительным. Учитывая рост недовольства крестьян, правительство вынуждено было разрешить земствам освобождать от уплаты долгов семьи призванных в армию по мобилизации. Тем не менее на 1916 г. было назначено к взысканию 19 млн. руб., т. е.

на 2,2 млн. руб. больше, чем в 1915 г. В Саратовской губ. оклад назначался от 25 до 6000% суммы окладных сборов при разрешенной законом предельной норме в 300%. Увеличены были строгости по взысканию долгов, причем даже солдатки вынуждались к уплате долгов из причитавшихся им сумм казенного пособия. В результате с 1 января по 1 августа 1916 г. было взыскано 14,5 млн. рублей, т. е. вдвое больше, чем в предыдущем году.

Натуральные долги по 28 губерниям числились в 1916 г. за 3 455 558 хозяйствами, составлявшими 54,7% всех хозяйств. Общая задолженность равнялась 47,8 млн. пуд., или в среднем по 13,8 пуд. на хозяйство. В Саратовской губ. должниками были 83,6% хозяйств, причем на хозяйство в среднем приходилось долга 22,3 пуд. На 1915 г. было назначено к взысканию по 28 губерниям 19,7 млн. пуд., взыскано же было лишь 4,6 млн. пуд.

Крестьяне упорно отказывались вносить хлеб, в чем проявлялось их растущее недовольство существовавшим порядком вещей. Так, в Саратовской губ. из назначенных к взысканию 1 794,7 тыс. пуд. в 1915 г. было взыскано 442,5 тыс. пуд., а в 1916 г. из оклада 1 567,8 тыс. пуд. — лишь 211,8 тыс. пуд.¹ Тем не менее правительство и в отношении натуральных долгов проводило политику усиления мер по их взысканию. Особенно это проявилось осенью 1916 г., когда продовольственное дело в стране явно подходило к катастрофе.

Для улучшения любой ценой снабжения армии хлебом правительство решило ограбить путем реквизиции общественные продовольственные запасы крестьян, хотя оно и не являлось собственником этих запасов, которых, как показано в таблице 91, в 65 губерниях к 15 июля 1916 г. числилось 63,1 млн. пуд.

Но прежде чем ограбить эти запасы, правительство решило принять меры к взысканию недоимок по ссудам и к сбору хлеба на пополнение запасов до нормы. Циркулярной телеграммой от 1 ноября 1916 г. за № 3534 губернаторам вменялось в обязанность «наблюдать» за ходом этого дела. В губерниях были установлены нормы

¹ ЦГАОР и СС, ф. 351, оп. 1, д. 177, л. 2—6.

вносов хлеба и денег в продовольственные капиталы. Так, в Архангельской губ. решили взыскать одну пятую часть числящихся за населением недоимок, в Вологодской брали от 2 ф. до 2 пуд. 19 ф. с души, в Калужской — по 14 ф. зерна с души, в Полтавской — по 20 ф. и т. д. Костромской губернатор писал земским начальникам: «Предлагаю Вам немедленно принять самые энергичные меры по взысканию хлеба и денег, следующих с крестьян на образование продовольственных запасов и капиталов»¹. Исполнительные земские начальники знали, что надо делать, когда начальство требует «самых энергичных мер».

В декабре было приступлено к вывозке хлеба из сельских хлебозапасных магазинов, что вызвало бурный протест крестьян, лишавшихся возможности получать хлебные ссуды. Крестьяне не останавливались даже перед мерами открытого сопротивления властям. Так, жители Дождевского сельского общества Вятского уезда, собравшись толпой в 200 человек, не допустили вывоза хлеба из своего хлебозапасного магазина². В результате протестов крестьянства правительство было вынуждено отменить изъятие хлебных запасов по всей Черниговской губернии³ и в ряде других мест.

Изъятие хлеба из продовольственных магазинов, лишив бедноту возможности получить хлебную ссуду, поставило ее в еще большую зависимость от кулаков и частных владельцев. Это изъятие также усилило ненависть трудящегося крестьянства к царизму и обострило крестьянскую революционную борьбу против самодержавия.

Война вызвала к жизни новые виды расходов. К таким расходам надо отнести расходы на мобилизуемых членов семей. Анциферов находил, что расходы правительства на мобилизацию людей следует считать доходами крестьянства. Нечего доказывать, что такое утверждение по меньшей мере несерьезно. Следует, наоборот, признать, что мобилизация была одной из причин роста крестьян-

¹ ЦГИАЛ, ф. 3891, оп. 1, д. 8, л. 15.

² ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 15, ч. 3, л. 8.

³ ЦГАОР и СС, ф. 3891, оп. 1, д. 8, л. 20.

ских расходов. Так, по сообщению податного инспектора Духовщинского уезда Смоленской губ., нужда в деньгах с 1914 г. у большинства крестьян была выше обычной, «так как помимо обычных расходов населению приходится затрачивать сравнительно большие суммы на проводы призываемых на войну членов семейств, снабжение их необходимыми вещами, а также на посылку находящимся в действующей армии денег, белья и проч. ...»¹

В заключение вопроса о доходах и повинностях крестьян следует сделать несколько замечаний о натуральных повинностях крестьян. Выше в связи с вопросом о рабочей силе и о тягловой силе были сообщены некоторые сведения по данному предмету, однако этими сведениями далеко не исчерпывается чрезвычайно большой вопрос о натуральных повинностях крестьян. Круг этих повинностей был чрезвычайно широк. Главными видами их были: дорожная повинность; отбывание службы десятских; подводная; тушение пожаров в селах и в лесах; несение караулов; истребление волков; повинности в пользу церкви (ружная повинность); арестантская повинность (конвой и окарауливание); квартирная повинность и некоторые другие. Все эти повинности и до войны представляли большие тяготы для населения, а во время войны в связи с мобилизацией мужчин и лучшей части рабочего скота выполнение этих повинностей легло на крестьянское хозяйство невыносимой тяжестью.

Одной из самых тяжелых видов повинностей была, например, подводная повинность. Большая часть разъездов представителей земства и администрации содержалась на «обывательских» подводах, предоставляемых по наряду и по очереди. Подводы требовали старшины, полиция, передвигавшиеся войска. Ясно, что во время войны эта повинность должна была namного возрасти.

Не легче была повинность нести полицейскую службу десятских. Они должны безотлучно находиться в деревне, по неделе дежурили в становой квартире, нередко расположенной за 50—100 верст от места жительства

¹ ЦГИАЛ, ф. 573, оп. 33, д. 525, л. 9 об.

десятских, отчего страдали полевые работы; дежурили при полицейском управлении, а также в волостном правлении. В местном комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности Шавельского уезда Ковенской губ. крестьянин Давайдайтис говорил: «Избавление крестьян-земледельцев от такой полицейской службы равнялось бы освобождению их от крепостной зависимости...»¹ В предвоенные годы крестьяне, несмотря на энергичную борьбу против этой повинности, добились лишь того, что была отменена должность сотских, а десятские остались почти в том же количестве и почти с теми же обязанностями. Во время войны хозяйства, не имевшие мужчин для несения этой повинности, нанимали за высокую плату оставшихся в деревне мужчин, что ложилось добавочным бременем, главным образом на бедноту.

В числе несправедливых натуральных повинностей была так называемая квартирная повинность. До 1905 г. правом на бесплатные квартиры пользовались генералы, штаб и обер-офицеры, полковые священники и нижние чины армии и флота. С 1905 г. повинность была увеличена: квартиры стали предоставляться стражникам и урядникам уездной полицейской службы. Крестьяне вынуждены были содержать у себя на квартирах многочисленные карательные отряды Столыпина-вешателя. Нельзя при этом удержаться от того, чтобы не привести один характерный пример. Осенью 1913 г. в с. Нижнем-Гурове Щигровского уезда Курской губ. собрались три пристава со своими стражниками, всего до 150 человек, для ловли «разбойника» Голощапова. «Под тяжестью полицейского поста, — писала об этом газета «Русское слово», — село скоро стоном застонало. Мужичьи коровы, гуси, утки — все мужичье добро, как на огне, таяло.

Чтобы не разорить вконец своего хозяйства, мужикам приходилось покупать продовольствие постояльцам «на стороне». Для этой цели было решено расходовать собранные крестьянами между собой деньги на сооруже-

¹ Н. Бржеский, Натуральные повинности крестьян и мирские сборы, Спб., 1906, стр. 77.

ние колоколни при новом храме. Все эти деньги, около 1400 руб., пошли на прокорм стражников.

Каждые сутки село должно было выставлять на караул до двухсот человек. У сельского правления день и ночь стояли шесть или семь троек с подводчиками. Кроме того, крестьян обязали осветить улицы села фонарями.

Но Голощапов так и не был найден»¹.

Намного возросшие в годы войны передвижения войск повлекли за собой огромное увеличение квартирной повинности крестьян, и села в еще большей мере, чем до войны, «стоном стонали» от постоя войск, которые часто не платили за постой никакого вознаграждения.

В России исстари существовала также повинность крестьян поставлять дрова и керосин для отопления и освещения помещений местных гарнизонов. В 1874 г. впервые было установлено денежное вознаграждение за эту повинность, но размер его далеко не соответствовал стоимости предоставляемых населением услуг и ни разу не повышался, несмотря на быстрый рост товарных цен в стране.

Нормы поставки дров были установлены еще в 1817 г. и намного превышали действительные потребности, а «экономия» на дровах служила для покрытия таких хозяйственных расходов войсковых частей, на которые не предусматривались ассигнования из казны.

Недовольство податных сословий этой повинностью заставило было Государственный совет в 1898 г. рассмотреть вопрос о ее упорядочении, но никакого решения не было принято.

В годы первой мировой войны в связи с развертыванием армии и мобилизационными мероприятиями повинность намного возросла, что вызвало глубокое недовольство крестьян. Вынужденное считаться с этим, правительство занялось этой повинностью. Комиссия по преобразованию воинской квартирной повинности, которую возглавлял директор департамента государственного казначейства Кутлер, провела в январе 1916 г. семь заседаний.

¹ «Русское слово», 8 марта 1916 г.

Против понижения норм поставки дров, как и следовало ожидать, в комиссии выступил представитель военного министерства, соглашавшийся лишь вместе с представителем министерства внутренних дел на повышение оплаты за дрова и керосин. Но против этого решительно восстали министерство финансов и государственный контроль, расценивавшие повышение платы, как опасное в условиях войны изменение устава о земских повинностях. В результате и эта комиссия не внесла никаких предложений, и крестьяне вместе с городской беднотой несли в годы войны намного увеличившийся груз крайне несправедливой квартирной и топливной повинности¹.

Тяжесть натуральных повинностей ложилась главным образом на бедняцко-средняцкие слои крестьянства. Газета «Гродненская копейка» писала в 1912 г.: «Взять хотя бы подводную повинность, а также починку дорог: несет ее бедный мужик, имеющий какую-либо одну лошаденку...

Владельцы имений от этого освобождены, а богатые крестьяне откупаются у старосты за гостинец или угощение водкой»².

Положение в годы войны в этом отношении не изменилось, и беднота по-прежнему несла всю тяжесть натуральных повинностей.

Часть натуральных повинностей подлежала оплате из земских и казенных средств, но утвержденные еще до войны ставки оплаты оказались в годы войны весьма заниженными.

О росте натуральных повинностей свидетельствуют следующие данные по Херсонскому уезду.

Дорожная повинность в 1913 г. потребовала 1033 пеших дня, а в 1915 г. — 3474 дня, т. е. в 3,4 раза больше. Конных дней в 1913 г. было использовано 460, а в 1915 г. — 2606, т. е. в 5,7 раза больше. При этом платные пешие дни в 1915 г. составили лишь 9%, а в 1913 г. они составляли 38%. Подводная повинность в 1913 г. потребовала 759 бесплатных подвод, а в 1915 г. — 6555 подвод, т. е. в 8,6 раза больше, чем до войны. В 1913 г.

¹ См. ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 618, л. 7—9.

² «Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917)», т. III, стр. 240.

квартирная повинность составляла 1334 постоянных дня, а в 1915 г. — 39 407, т. е. почти в 30 раз больше.

Арестантская повинность в уезде составляла в 1913 г. 212 511 верст, пройденных проводниками, а в 1915 г.— 286 863 версты, т. е. больше в 1,35 раза, чем до войны, что в условиях резкого уменьшения числа мужчин в деревне было делом весьма трудным. Число подвод под арестованных с 3766 в 1913 г. возросло до 4230 в 1915 г.

О стоимости натуральных повинностей в Херсонском уезде свидетельствуют данные таблицы, составленные по заниженным земским оценкам.

Таблица 79

Натуральные повинности крестьян Херсонского уезда
в 1913—1915 гг. (в руб.)

Годы	Дорож- ная	Подвод- ная	Квартирная	Арестантская	Итого
1913	2 936	1 633	267	26 919	31 755
1914	3 514	13 801	587	26 752	44 654
1915	6 784	13 182	7 881	27 265	55 112

Приведенные данные свидетельствуют о весьма значительном усилении тяжести натуральных повинностей в годы мировой войны, несение которых падало на женщин, стариков и подростков, оставшихся в деревне.

Таковы важнейшие изменения, которые претерпела экономика российской деревни в годы войны. Документы показывают, что эти изменения по-разному отразились на различных слоях крестьянства.

Приведем все обнаруженные нами ответы на 115-й вопрос анкеты, разосланной в 1917 г. Харьковским обществом сельского хозяйства: «К лучшему или к худшему идет земледельческое хозяйство в данной местности и какие к тому причины?»

Лебединский уезд. «К лучшему идет земледельческое хозяйство, ибо большие деньги стали водиться у крестьян»¹.

¹ Харьковский областной государственный архив (ХОГА), ф. 304 (Харьковской губернской земской управы), оп. I, д. 2065, л. 38.

Ахтырский уезд. «Все идет к лучшему, но только недостача во всем, а денег много»¹. «У отрубщиков в хуторах в пять раз против прежнего лучше, а в общине улучшений не замечается»². «Можно сказать с гордостью, что хлеборобство у нас стоит наравне с экономическим, кроме ахтырских общинников, которые остались далеко от знаний»³. «К лучшему: Высокая цена на продукты»⁴. «К лучшему по причине недостатка хлеба и продовольственной неурядицы»⁵. К худшему: «Далекие расстояния землевладения»⁶.

Изюмский уезд. «К лучшему» по случаю дешевых цен на аренду и распространенности земледельческих орудий»⁷ «К лучшему; выгодная продажа и большой спрос»⁸ «Шли к лучшему, но война вконец разоряет»⁹.

Старобельский уезд. «К лучшему у отрубников, а у общинников к худшему; причина — чересполосица и долгая езда по пайку отнимает много времени»¹⁰. «... Хозяйства, перешедшие к новым приемам обработки, улучшаются; хозяйства же, обрабатывающиеся по старым приемам, значительно разрушаются»¹¹.

Нас не может смущать преобладание показаний о движении «к лучшему». Это целиком зависит от состава корреспондентов, а может быть и от умонастроения того, кто выбирал приведенные ответы из анкет, которые в архиве не обнаружены. Кроме того, сам вопрос анкеты ставился для выявления влияния столыпинской реформы, а не собственно войны. Так его и поняло большинство корреспондентов. Из ответов ясно видно, что новая аграрная политика царизма укрепила слой кулачества, которое «с гордостью» заявляет о том, что оно перегоняет

¹ Харьковский областной государственный архив (ХОГА), ф. 304 (Харьковской губернской земской управы), оп. I, д. 2065, л. 33.

² Там же, л. 33, 36.

³ Там же, л. 36.

⁴ Там же, л. 33.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ ХОГА, ф. 304, оп. 1, д. 2065, л. 35.

⁸ Там же, л. 35.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 35 об.

¹¹ Там же.

успехами помещичье хозяйство. А в хозяйствах «общинников» дело идет к худшему, они даже «значительно разрушаются».

Что же касается влияния войны, то из ответов тоже становится ясным, что «большой спрос», «высокие цены на продукты» и «продовольственная неурядица» были на руку зажиточно-кулацкой верхушке деревни, наживавшейся на нужде и голодовке миллионов деревенской бедноты и городских рабочих. Наоборот, хозяйства бедноты и части середняков война вконец разоряет. Война еще более обострила и довела до предела противоположность интересов деревенской бедноты и крестьян-хозяев.

Харьковская анкета — не единственный источник, подтверждающий это положение. Известный в свое время самарский статистик Г. Баскин приводил сообщения корреспондентов Самарского земства, которые указывали, что в ходе войны «богатые крестьяне наживаются и жиреют», что «богатые богатеют, бедные беднеют»¹. Это явление было важнейшим следствием войны, которое оказало большое влияние на судьбу крестьянства и на судьбу всей России.

Из всего сказанного следует, что в годы войны намного сократились доходы беднейших слоев крестьянства и увеличились их расходы и натуральные повинности, тогда как зажиточная часть крестьян получала увеличенные доходы и извлекала выгоды из ухудшения условий жизни крестьянской бедноты.

¹ «Экономическое обозрение» № 1, 1916 г., стр. 192.

Глава IV

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ БАЛАНС СТРАНЫ

Изменение размеров посевных площадей

В главе I уже указывалось на то, что сельское хозяйство России к началу первой мировой войны, несмотря на известные успехи капиталистического развития, представляло собой самую отсталую отрасль отсталого в целом народного хозяйства страны. Нельзя сказать, чтобы эта отсталость не учитывалась правящими кругами России при планировании войны. Но учитывалась она, как увидим ниже, весьма своеобразно.

Оригинальности взглядов руководящих кругов на значение отсталости экономики страны для ведения большой войны немало способствовала буржуазная экономическая наука, ряд представителей которой проповедовал ошибочную и вредную теорию большей устойчивости мелкого крестьянского хозяйства по сравнению с крупным, в полунатуральном характере крестьянского хозяйства видели чуть ли не благо для России в случае войны.

Задолго до первой мировой войны такую теорию пропагандировал И. С. Блюх в своей четырехтомной работе о будущей войне. Он уверял читателей, что в грядущей войне потери народного хозяйства, «несомненно, будут более велики в тех государствах, где большинство населения занято трудом фабричным и ремесленным, а также торговлей, и менее значительны в странах с населением преимущественно земледельческим». И. С. Блюх рассчитал даже «степень устойчивости

против потрясения, вызванного войной, зависящую от характера народного производства». Принимая для России эту устойчивость за 100, Блюх определял ее для Австрии в 85, для Италии — в 75, для Франции — в 60, для Германии — в 50¹.

И. С. Блюх был далеко не одинок в деле распространения подобных взглядов. Живучесть этих взглядов была, по-видимому, очень сильна, если даже во время войны, в начальный ее период, еще повторялись высказывания в духе воззрений Блюха. В этом отношении характерен сборник статей видных экономистов России «Вопросы мировой войны», изданный в 1915 г. под редакцией одного из авторитетов русской буржуазной политической экономии — проф. М. И. Туган-Барановского. Сам Туган-Барановский, задавая тон всему сборнику, в статье «Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии» писал буквально следующее: «Чем ближе к натуральному хозяйству данная страна, тем менее разрушительное действие оказывает на нее расстройство денежно-товарного обмена. Сельскохозяйственные страны гораздо менее страдают в этом отношении от войны, чем страны торгово-промышленного типа.

Иными словами, по отношению к финансированию войны торгово-промышленные страны находятся в лучшем положении; по отношению же к сопротивляемости разрушительному влиянию войны на народнохозяйственный организм в лучшем положении находятся сельскохозяйственные страны. В сельскохозяйственной стране война тяжело ложится на государственный бюджет, но переносится народным хозяйством с большей легкостью, чем в странах торгово-промышленного типа»².

Влияние взглядов подобного рода появлялось, в частности, в том, что, начиная войну, руководители экономической политики главную трудность видели не в недостатке хлеба в стране в случае войны, а в избытке его вследствие прекращения экспорта в страны

¹ И. С. Блюх, Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях, т. II, Спб., 1898, стр. 624—626.

² «Вопросы мировой войны. Сборник статей», Пг., 1915, стр. 270.

противного лагеря, из которых Германия была крупнейшим импортером русского хлеба.

Говоря конкретно о проблеме снабжения хлебом, тот же Блиох указывал, что «в наилучшем положении, очевидно, будет находиться Россия, которая с закрытием экспорта не только не почувствует недостатков, но, напротив, будет обладать излишком в 21,6% зерна сверх потребностей населения». По овсу также предполагался излишек в 16%¹. Между тем то обстоятельство, что львиная доля сельскохозяйственного производства находилась в руках крестьянства, причем в наиболее значительной мере — мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства, имело огромное значение для судеб России в ходе первой мировой войны.

Посмотрим сначала, каково было соотношение размеров земледелия у помещиков и крестьян и какие изменения произошли во время мировой войны как в этом соотношении, так и в общих размерах земледельческого производства, о чем вернее всего можно судить по изменению размеров посевных площадей.

На основании данных официальной статистики урожаев² и Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.³, а также по данным, полученным Особым совещанием по продовольственному делу в результате разработки переписи 1916 г. по частновладельческим хозяйствам⁴, нами сделана попытка выделить помещичье хозяйство из суммы сведений по всему сельскому хозяйству. Обязательным условием для такого выделения должно было являться установление того, как изменялись посевные площади у этих двух типов хозяйств. Для 1915/16 г., как указано выше, разработка переписи 1916 г. дает такие сведения по помещичьим хозяйствам, после чего становится возможным определить изменение посевов у крестьян. Что же касается 1914/15 г., то данные о сокращении площадей весьма разноречивы. Считая эти разноречия в своем роде показателем, решено

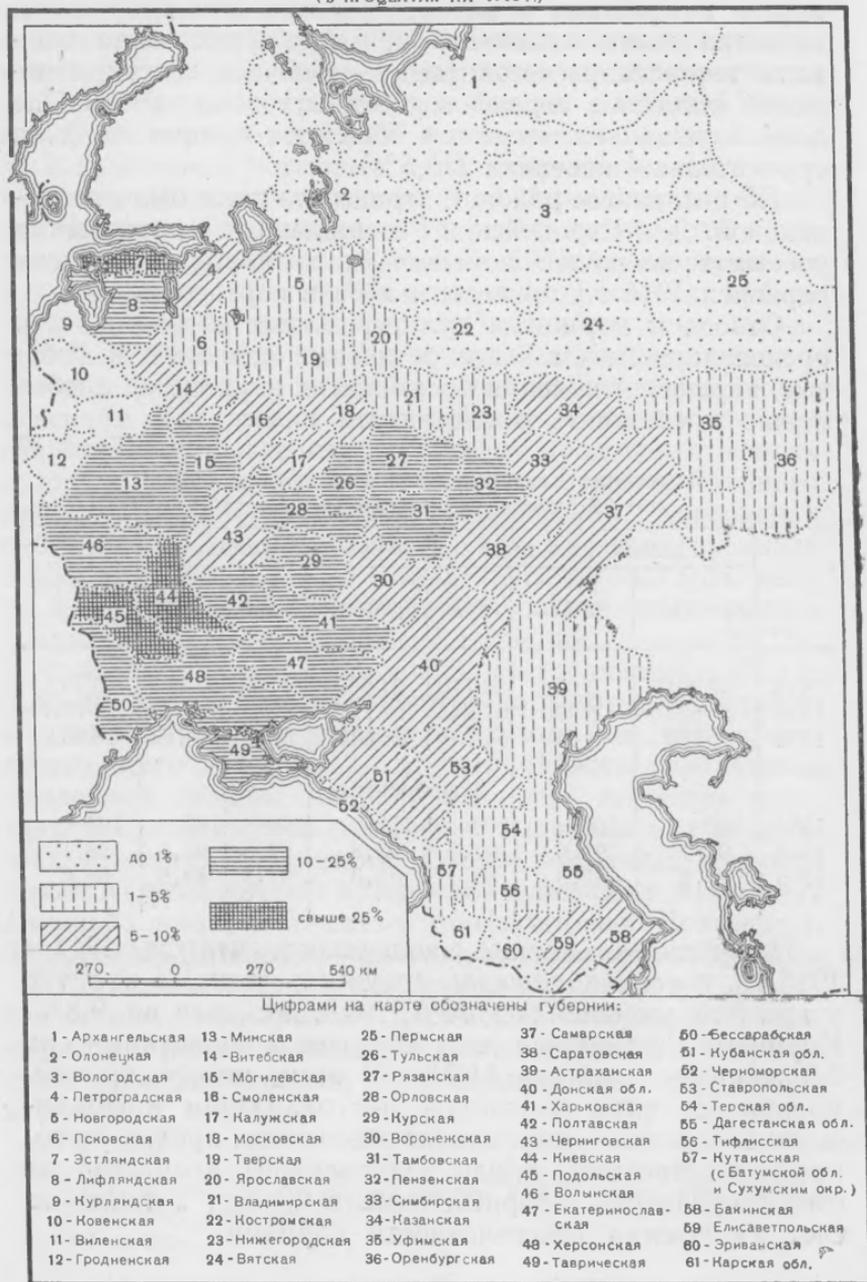
¹ И. С. Блиох, указ. соч., т. II, стр. 628.

² «Урожай хлебов в России в 1914 г.», вып. I и II, Пг., 1915; то же в 1915 г., вып. I и II, Пг., 1916; то же в 1916 г., Пг., 1916.

³ «Предварительные итоги...», вып. I—III.

⁴ Архив ЦСУ, Отд. с. х., 1917 г., д. 62.

ДОЛЯ ПОМЕЩИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА В ОБЩЕЙ ПОСЕВНОЙ ПЛОЩАДИ (в процентах на 1916 г.)

считать, что посевы в 1914/15 г. сокращались у помещиков и крестьян в равной степени. Это допущение, несмотря на его условность, не может существенно изменить точность расчетов ввиду незначительности изменений посевов в первый год войны вообще; к тому же доля помещичьих посевов в общем их количестве была сравнительно невелика (10,8%).

По различным районам страны эта доля была неодинаковой. Для Европейской России данные о размещении посевных площадей помещичьих хозяйств (по итогам переписи 1916 г.) приведены в виде картограммы.

Относя к кормовым культурам овес и ячмень, а к продовольственным — все остальные зерновые и бобовые, картину изменения посевов этих двух групп хлебов можно представить в следующем виде.

Таблица 80

Изменение посевных площадей в годы войны
по 72 губерниям России (в тыс. дес.)

	Продов. культуры			Кормовые культуры			Всего
	крестьян	влад.	итого	крестьян	влад.	итого	
1914	52 804	5 906	58 710	24 500	2 503	27 003	85 713
1915	51 573	5 770	57 343	22 727	2 323	25 050	82 393
1916	47 639	4 099	51 738	21 642	2 531	24 173	75 911
	в процентах						
1914	100	100	100	100	100	100	100
1915	97,7	97,6	97,7	92,8	92,8	92,8	96,1
1916	90,2	62,3	88,1	88,3	101,3	89,6	88,6

Приведенные данные показывают, что за 1914—1916 гг. посевная площадь продовольственных культур у крестьян уменьшилась на 5,1 млн. дес., или на 9,8%. Кормовые претерпели еще большее сокращение — на 2,9 млн. дес., или на 11,7%. В этом, между прочим, проявилась одна из сторон натурализации крестьянского хозяйства — стремление обеспечить, прежде всего, продовольственные нужды собственного хозяйства за счет сокращения товарных ячменя и овса, а также за счет ухудшения обеспеченности кормами.

Противоположную картину представляло, как это было отчасти показано, помещичье хозяйство. Здесь резко сократились (на 37,7%) посевы продовольственных культур и остались на прежнем уровне посевы кормовых.

По районам сокращение посевных площадей происходило неравномерно. В целом посевные площади, за исключением кормовых трав, сократились повсюду. Исключение составил Степной край (Акмолинская, Семипалатинская, Уральская и Тургайская области), где посевные площади с 2,6 млн. в 1913 г. возросли до 3,3 млн. дес. в 1916 г.¹, Уфимская и Астраханская губернии, где посевы также возросли². Наибольшему сокращению подверглись посевы в главных хлебопроизводительных районах — в южных степных губерниях и на Северном Кавказе. В этих районах особенно резкому сокращению подверглись посевы продовольственных культур. Так, в четырех губерниях Южного степного района (Екатеринославская, Таврическая, Херсонская губернии и Донская область) вся посевная площадь с 15,4 млн. дес. в 1913 г. сократилась до 13,3 млн. дес., т. е. на 13,3%. Посевы продовольственных хлебов сократились с 9,4 млн. дес. до 7,4 млн. дес., т. е. на 20,7%. В то же время посевы кормовых, составлявшие в 1913 г. 5,6 млн. дес., в 1916 г., несмотря на некоторое сокращение посевов ячменя, составили 5,5 млн. дес., дав сокращение всего лишь на 2,7%³, что явилось результатом усиленной замены посевов пшеницы посевами овса, происходившее преимущественно в помещичьих и крупных кулацких хозяйствах. Посевы кормовых возросли также в Оренбургской и Пермской губерниях, в областях Степного края, а также в прифронтовых Волынской, Псковской, Витебской, Минской, Могилевской губерниях.

Несколько увеличились посевы кормовых в Курской, Орловской, Тульской и Пензенской губерниях. Таким образом, процесс вытеснения хлебов кормами для армейской конницы захватил значительную часть территории страны.

¹ См. «Сельское хозяйство России в XX веке», стр. 90—91.

² Там же, стр. 82—83.

³ Там же.

В целом посевы продовольственных культур сократились на 11,9%, а посевы кормовых — на 10,5%, т. е. меньше, чем первых, на 1,4%. Эти цифры ясно показывают, что в то время, когда страна нуждалась, прежде всего, в хлебе, сельскохозяйственное производство отдавало преимущество кормам, т. е. находилось в противоречии со спросом населения, с потребностями страны.

Что главным носителем этого противоречия было помещичье хозяйство, показывают следующие данные, выведенные из предыдущей таблицы.

Таблица 81

Изменения в соотношении посевов
продовольственных и кормовых культур (в %)

Годы	Крестьянское хозяйство		Помещичье хозяйство	
	продов.	кормов	продов.	кормов.
1914	68	32	70	30
1915	69	31	71	29
1916	69	31	62	38

Оказывается, что в крестьянском хозяйстве доля кормовых в общем количестве зерновых и бобовых в годы войны снизилась, а доля продовольственных возросла, хотя и незначительно. Помещичье же хозяйство дало резкое сокращение доли продовольственных культур (с 71% в 1915 г. до 62% в 1916 г.) и, наоборот, увеличение доли кормовых. При высокой товарности помещичьего хозяйства и известной зависимости от него хлебного рынка это явление не могло не оказать и оказало свое влияние на возникновение в стране продовольственного кризиса.

Большие изменения произошли во время войны с посевными площадями и сборами технических и специальных культур.

Наибольшее сокращение посевов картофеля, как и следовало ожидать, произошло в главных районах торгового картофелеводства по трем губерниям Западного района из шести (Витебской, Минской и Могилевской) — на 29,1%, в Северочерноземном — на 12,6%

и в Южночерноземном — на 38,8%. Заметному сокращению подверглись посевы картофеля также в тех районах, где испытывался наибольший недостаток в рабочей силе, — на Северном Кавказе, в Южном степном районе, ряде губерний Поволжья, в Степном крае и частично в Сибири.

В губерниях, где картофель имел главным образом продовольственное значение, площади под ним в основном сохранились на прежнем уровне или даже несколько увеличились, как это было, например, в Северном, Северо-Западном районе, в Смоленской, Ярославской, Вятской, Таврической, Казанской, Уфимской, Киевской и Подольской губерниях. Впрочем, относительно последних двух губерний есть сведения, приведенные отчасти выше, о выгодном сбыте картофеля на довольствие войск, с чем мог быть и связан рост возделывания картофеля в хозяйствах, обеспеченных рабочей силой.

В целом по стране посевные площади зерновых и картофеля сократились с 88,7 млн. дес. в 1914 г. до 85,2 млн. дес. в 1915 г., или на 3,9%, и до 78,3 млн. дес. в 1916 г., или на 11,7% по сравнению с 1914 г. В том числе посевы продовольственных культур уменьшились с 58,7 млн. дес. в 1914 г. до 51,7 млн. дес. в 1916 г., т. е. на 11,9%. Это обстоятельство послужило реальной основой происшедшего в стране в годы первой мировой войны значительного уменьшения валовых сборов продовольственных хлебов. Почти в такой же мере это относится к кормовым в крестьянских хозяйствах и особенно к картофелю.

В годы войны наблюдался значительный рост посевных площадей под хлопком и подсолнечником. При этом подсолнечник, возделывавшийся раньше в 17 губерниях, к концу войны стал возделываться в 38 губерниях, зато посевы в расчете на губернию уменьшились, что нужно признать уменьшением специализации районов производства ввиду разрыва рыночных связей, т. е. одним из проявлений натурализации хозяйства. Мало снизились посевы конопли, что также связано с производством для нужд своего хозяйства в условиях нехватки текстильных изделий и их дороговизны.

В этих условиях на рынке обнаружился рост спроса на домотканное полотно, чем в известной мере объясняется рост в ряде мест посевов и производство льна на волокно. Посевы льна на семя резко сократились.

Валовые сборы хлебов и хлебный баланс

Рассмотрение посевных площадей показывает, что сокращение производства в помещичьем хозяйстве приняло большие размеры, чем в крестьянском. А между тем известно, что помещичье хозяйство шло впереди крестьянского в области капиталистического прогресса. На первый взгляд приведенные данные о посевных площадях могут быть истолкованы в качестве свидетельства в пользу теории большей устойчивости мелкого крестьянского хозяйства. Но такое заключение было бы в корне ошибочным.

Дело в том, что капиталистическая перестройка к началу первой мировой войны была осуществлена в незначительной части помещичьих имений, а в целом помещичье хозяйство, как уже указывалось выше, придерживалось больше крепостнически-кабальной системы ведения хозяйства, основанной на эксплуатации не вольнонаемных сельскохозяйственных рабочих, а закабаленных окрестных крестьян, и само помещичье хозяйство держалось, следовательно, постольку, поскольку сохранялось крохотное хозяйство этих крестьян. При первом же ударе по этому хозяйству пораженным оказывалось и помещичье хозяйство. Первая мировая война в этом отношении не только дала ярчайшее и неопровержимое доказательство преобладания в целом крепостнически-кабальной организации помещичьего хозяйства России, но и выявила исключительно большую степень уязвимости этого хозяйства в случае потрясений в хозяйстве мелкого крестьянства. В ходе войны с достаточной убедительностью было доказано, что столыпинская перестройка деревни по прусскому пути не обеспечила превращения помещичьих имений в капиталистические предприятия юнкерского типа, и помещичье хозяйство, следовательно, не могло стать достаточно большим и надежным резервуаром хлеба для

удовлетворения потребностей страны, несмотря на его сравнительно высокую товарность.

Как показывают те же данные, подавляющая часть земледельческого производства страны находилась в руках крестьянства. Но крестьянство не было однородным, и различные его группы играли на хлебном рынке различные роли.

Место важнейших групп производителей хлеба в общем объеме производства и в товарных поставках к началу первой мировой войны можно определить по данным известной таблицы В. С. Немчинова, приведенной впервые в работе И. В. Сталина «На хлебном фронте» в 1928 г.

Таблица 82

Валовая и товарная продукция земледелия до мировой войны

	Валовая продукция хлеба		Товарный хлеб (внедеревенский)		% товарности
	млн. пуд.	%	млн. пуд.	%	
Помещики	600	12,0	281,6	21,6	47,0
Кулаки	1 900	38,0	650,0	50,0	34,0
Середняки и бедняки	2 500	50,0	369,0	28,4	14,7
Итого	5 000	100,0	1 300,6	100	26,0

Таблица показывает, что крестьянство производило 88% зерновых хлебов, из них 38% приходилось на долю кулачества. Таким образом, половина всего зерна производилась помещиками и кулаками и половина — беднотой и середняками. Однако на хлебном внедеревенском рынке соотношение было совсем иным. В то время как помещики и кулаки давали 71,6% всего товарного зерна, на долю середняков и бедноты приходилось лишь 28,4%. Товарность помещичьего хозяйства составляла 47%, кулацкого — 34%, а середнячко-бедняцкого — всего лишь 14,7%. Само по себе такое распределение долей товарного зерна, казалось бы, не представляло ничего опасного для продовольственного баланса страны. Средняки и беднота давали на вне-

Деревенский рынок 370 млн. пуд., т. е. чуть больше половины того количества хлеба, которое ежегодно вывозилось за границу. С прекращением экспорта и обращением всей экспортной массы хлеба на внутренний рынок последний оказался бы переполненным хлебами даже в том случае, если бы бедняцко-средняцкое хозяйство настолько было расстроено, что совсем перестало бы давать на рынок хлеб. Но известно также и то, что и в годы войны немало средняцко-бедняцкого хлеба все же поступало на рынок. В чем же тогда состояла причина трудностей с заготовками хлеба во время войны?

Одной из причин этих трудностей, несомненно, было сокращение производства, и причем прежде всего в высокотоварном помещичьем хозяйстве. Как мы видели по размерам посевных площадей, это сокращение составило в 1916 г. в целом 13,4% по сравнению с довоенным, что сказалось, конечно, на размерах выхода товарного зерна. Но не в этом состояла главная экономическая причина затруднений на хлебном рынке России в годы первой мировой войны (о причинах, связанных с политическим положением, речь будет особо).

Одна из основных экономических причин этого явления крылась в самом способе сельскохозяйственного производства — в мелком, раздробленном характере этого производства, в недостатке концентрации капитала в земледелии и абсолютных размеров этого капитала.

В самом деле, половина зернового производства находилась в руках мелких и мельчайших хозяйств, дававших на рынок менее одной шестой части производимой ими продукции. Полунатуральный характер этого хозяйства обрисовывается этими данными очень отчетливо. Но рассматриваемая таблица, составленная в свое время с одной определенной целью и удовлетворявшая этой цели, далеко не отвечает задаче более подробного исследования зернового баланса дореволюционной России. С этой точки зрения таблица имеет два существенных недостатка: во-первых, она объединяет в одну группу два весьма разнородных типа крестьянских хозяйств: середняков и бедняков. Такое объединение неправо-

мерно хотя бы уже потому, что первые, как правило, являются товаропроизводителями, поставляющими на рынок большее или меньшее количество хлеба, а вторые — потребителями хлеба. Но те же бедняцкие хозяйства были и поставщиками товарного хлеба на рынок, так как продажа хлеба была главным источником средств для уплаты податей и долгов, взыскание которых приурочивалось, как правило, к осени. Это была принудительная товаризация бедняцко-средняцкого хозяйства, которое практически давало на рынок не 370 млн. пудов, а значительно больше. В главе I мы частично останавливались на этом явлении. Рассмотрим его теперь подробнее.

В 1915 г. А. Н. Челинцевым с группой помощников было проведено бюджетное обследование крестьянских хозяйств Тамбовской губ., причем по 85 хозяйствам была произведена разработка бюджетных данных за 1914/15 хозяйственный год. По этим же бюджетам в Центральном статистическом управлении был составлен для 84 хозяйств краткий «баланс хлебов и круп»¹. К сожалению, в «балансе» приведены лишь данные о количестве проданного и купленного хлеба, поэтому валовые сборы зерна приходится исчислять, привлекая из указанной разработки бюджетов данные о проценте зерновых в общей массе посевов по группам хозяйств и об урожае зерновых в 1914 г.² Расчет помещен в таблице 83.

Как видно из приведенной таблицы, 28 хозяйствам деревенской бедноты своего хлеба не хватало и они вынуждены покупать более одной пятой своего валового сбора (22,1%). Но в то же время они не могут обойтись без продажи хлеба. И, действительно, свыше одной десятой части хлеба беднота вынуждена была продать, чтобы затем снова купить.

¹ ЦГАОР и СС, ф. 1562, Отд. с. х., оп. 19, 1927 г., д. 677, л. 84.

² А. Н. Челинцев, Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства в целях обоснования общественной и кооперативно-агрономической помощи на примере Тамбовской губернии (Харьков), 1919, стр. 393 (среднее из урожайности по трем полсам губернии — 68,5 пуд, с дес.). Следует заметить, что хозяйства, отобранные для описания, оказались несколько зажиточнее, чем вообще крестьянские хозяйства в Тамбовской губ.

Баланс хлебов по 84 тамбовским бюджетам в 1914—1915 гг.

Группы хозяйств по посеву	Колич. хо- зяйств	Колич. дес. посева	% посевов зрелых	Посевная пл. зернов. (в дес.)	Валовой сор хлебов (в пуд.)	Продано		Куплено		Продано минус куплено	
						пудов	%	пудов	%	пудов	%
2,2 дес.	4	8,8	91	8,0	548,0	60,0	10,9	316,0	57,7	256,0	46,8
3,6 »	24	86,4	91	78,6	5 384,1	587,0	10,9	992,9	18,4	405,9	7,5
Итого	28	95,2	91	86,6	5 932,1	647,0	10,9	1 308,9	22,1	661,9	11,2
5,3 дес.	20	106	93	99,6	6 822,6	1 177,7	17,3	721,3	10,6	456,4	6,7
7,7 »	13	100,1	93	93,1	6 377,4	1 441,5	22,6	246,1	3,8	1 195,4	18,8
7,6 »	17	129,2	93	120,2	8 233,7	1 974,0	23,9	368,8	4,5	1 605,2	19,4
Итого	50	335,3	93	312,9	21 433,7	4 593,2	21,4	1 336,2	6,2	3 257,0	15,2
Всего по 1—5 груп- пам	78	430,5	92,8	399,5	27 365,8	5 240,2	19,1	2 645,1	9,7	2 595,1	9,4
14,9 дес.	4	59,6	92	55,4	3 794,9	1 049,0	27,6	171,3	4,5	877,7	23,1
21,9 »	2	43,8	96	42,0	2 887,0	1 130	39,1	76,2	2,6	1 053,8	36,5
Итого	6	103,4	94,2	97,4	6 681,9	2 179	32,6	247,5	3,7	1 931,5	28,9
Всего по 84 хо- зяйствам	84	533,9	93,1	496,9	34 047,7	7 419,2	21,8	2 892,6	8,5	4 526,6	13,3

50 хозяйств в группах 3—5 с посевом от 5,3 до 7,7 дес. можно отнести к середнякам. Собрав в 1914 г. 21,4 тыс. пуд. хлеба, эти хозяйства продали 4,6 тыс. пуд., или 21,4%, и купили 1,3 тыс. пуд., или 6,2%. В итоге товарного зерна они дали всего лишь 15,2%.

Всего по группам бедноты и середняков продажи составили 19,1% валового сбора, но если учесть, что им же пришлось купить хлеба в размере 9,7% к валовому сбору, «чистая» товарность этих групп выразилась всего лишь в 9,4%. Нельзя не признать, что товарность хозяйства тамбовских середняков и бедноты по состоянию на 1915 г. была весьма низкой.

Кулачество в Тамбовской губ. было сильно, но немногочисленно. В нашей таблице кулацких хозяйств всего 6, т. е. всего лишь 8%, тогда как в губернии их насчитывалось до 14%. Возможно, что и по размеру хозяйств группа кулаков представлена в таблице преуменьшенной. Тем не менее цифры по ней (строки 6—7) очень показательны. Обследованные кулацкие хозяйства, продав 32,6% хлеба, купили 3,7%, дав, следовательно, «чистую» товарность 28,9%. Трудно сказать, насколько здесь проявлялось действие общих обычных условий реализации и в какой мере кулачество уже учитывало в свою пользу складывавшуюся конъюнктуру, припрятывая хлеб. Тем не менее следует отметить, что выявившийся процент товарности весьма невысок.

Для нас особенно важно сейчас подчеркнуть тот факт, что низшие группы крестьян до войны и, как показывает таблица, в первый год войны под давлением экономических обстоятельств вынуждены были продавать значительную часть необходимого им продукта, и что даже при этом условии товарность земледелия была очень низкой. В частности, в обследованных 84 хозяйствах эта товарность (продажа минус покупка) в 1914/15 г. оказалась равной всего лишь 13,3%.

В отношении реализации продуктов производства между крестьянским и помещичьим хозяйством существовала значительная разница. Если временем реализации помещичьего хлеба была обыкновенно весна (конеч-

но, за немалым числом исключений: и помещикам приходилось продавать урожай осенью или даже летом, еще до уборки), то наибольшее число продаж крестьянского хлеба приходилось на осень. Так, анкетным обследованием 9 южных губерний 1914—1915 гг. была установлена следующая частота случаев продаж пшеницы и ржи (в процентах)¹:

	Пшеница	Рожь
январь	4,5	5,6
февраль	5,1	3,5
март	8,0	7,7
апрель	1,7	5,2
май	2,3	1,4
июнь	—	0,3
июль	1,7	0,7
август	11,9	9,4
сентябрь	15,9	18,8
октябрь	26,7	19,5
ноябрь	8,5	11,1
декабрь	13,7	16,8
Итого	100	100

Вместо комментария к этим цифрам приведем одно место из специального исследования П. И. Лященко, разработавшего анкеты по исследованию хлебной торговли на внутренних рынках в 1912 г.: «С установившимся зимним путем подвозы хлеба продолжают до тех пор, пока самые насущные нужды крестьян не будут удовлетворены. Но это еще не служит доказательством, что крестьяне везли на продажу лишний хлеб; напротив того, с наступлением весны очень многие из них начинают нуждаться сами в кормовых средствах. К весне малосостоятельным крестьянам приходится поэтому обращаться к деревенским кулакам-благодетелям».

¹ А. Н. Челинцев, Теоретические основания организации крестьянского хозяйства, Харьков, 1919, стр. 113.

телям, которые и выдают ссуду, но, конечно, на самых тяжелых условиях»¹.

Чтобы иметь постоянный запас хлеба для «помощи» нуждающимся крестьянам и для закабаления их этой «помощью», кулаки придерживали хлеб от продажи, образовывали значительные переходящие годовые остатки зерна и даже скупали по дешевке хлеб осенью, чтобы продать или отдать в ссуду или в счет работы весной.

Кулацкая тактика придержания хлеба до того, как будет продана основная масса бедняцко-средняцкого хлеба и цены начнут «крепнуть», ясно видна из следующих данных о числе продаж хлеба, пришедшихся в 1914/15 г. на вторую половину сельскохозяйственного года (февраль—июнь) (анкетные данные по девяти южным губерниям, в процентах)²:

Посевные группы хозяйств	% продаж хлеба в феврале—июне
до 2 дес.	0
2—4 »	0
4—6 »	8
6—8 »	12
8—10 »	23
10—12 »	19
12—16 »	19
16—20 »	(7)
20—30 »	19
больше 30 »	22
среднее	17

Как видно из цифр, только 17% крестьянских хозяйств имели возможность задержать продажу хлеба до второй половины хозяйственного года, причем подавляющее большинство таких хозяйств приходится на многопосевные кулацкие хозяйства³.

От использования нужды крестьян в хлебе для их закабаления не отказывались и помещики, имевшие для этого даже больше возможностей. Приведем один

¹ П. И. Лященко, Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России, Спб., 1912, стр. 447.

² А. Н. Челинцев, Опыт изучения крестьянского хозяйства, стр. 114.

³ Там же, стр. 14.

из бесчисленных примеров подобного рода. Управляющий именем кн. Гагарина в Рузском уезде Шорин в 1914 г. писал в докладной записке владельцу: «Из имеющихся налицо 2562 п. овса в корм лошадям и на обсеменение необходимо оставить 1562 пуда овса, остальное количество 1000 пудов желательнее отпустить крестьянам в счет лошадиной работы в лесу, т[ак] к[ак] крестьяне очень затруднены приобретением овса у местных торговцев, которые, пользуясь недостатком его, продают возчикам овес по 1 р. 40 к. за пуд»¹.

Приведенные сведения и факты с очевидностью показывают, что кулацкое и помещичье хозяйства значительную часть продукции не выбрасывали на рынок, используя ее для кабально-ростовщических целей, а из той части продукции, которая весной оказывалась на рынке, значительная часть скупалась нуждающейся беднотой и, таким образом, снова оказывалась в деревне, т. е. попадала во внутридеревенский торговый оборот. Наоборот, значительная часть продукции бедняцко-средняцкого хозяйства, считающаяся обыкновенно внутридеревенским оборотом (разница между продажей и покупкой), представляла собой часть общей товарной массы хлебов, идущей на городское потребление и за границу. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Крестьянин голодал в России при помещиках и капиталистах. Крестьянин никогда еще, в течение долгих веков нашей истории, не имел возможности работать на себя: он голодал, отдавая сотни миллионов пудов хлеба капиталистам, в города и за границу. *Впервые* при диктатуре пролетариата крестьянин работал на себя и *питался лучше горожанина*»².

Сказанное позволяет с полным основанием заключить, что зависимость российского хлебного рынка от бедняцко-средняцкого хозяйства была значительно большей, чем это обычно считается и чем это рисует разбивавшаяся выше таблица В. С. Немчинова. А отсюда следует, что состояние рынка хлебов в значительной мере определялось положением мелкого товаропроизводителя, учиты-

¹ ЦГАДА, ф. 1261, оп. 1, д. 650, л. 2 об.

² В. И. Ленин, Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. Соч., т. 30, стр. 92.

вая, что в условиях России слишком немного было нужно для того, чтобы этот товаропроизводитель сразу же превратился в потребителя хлеба.

Попробуем теперь, учитывая эти моменты, представить себе изменения в хлебофуражном балансе страны, происшедшие в годы первой мировой войны.

Не рассматривая здесь подробно вопрос об урожайности хлебов в годы войны, укажем лишь, что влияние благоприятных метеорологических условий 1915 г. оказалось сильнее отрицательного влияния ухудшения обработки почвы и недостаточности удобрений, и урожай 1915 г. был наиболее высоким за все десятилетие. В 1916 г. урожай хотя и был ниже урожая 1915 г., но выше среднего за предвоенное пятилетие.

Валовые сборы хлебов, к рассмотрению которых мы переходим, подсчитаны по тем же источникам, что и посевные площади. Полученные данные в основном не расходятся с не раз публиковавшимися расчетами¹, отличаясь лишь большей детальностью и иной группировкой.

Таблица 84

Валовые сборы хлебов в годы мировой войны
(в млн. пуд.)

Годы	Продовольственные			Кормовые			Всего
	Крест.	Влад.	Итого	Крест.	Влад.	Итого	
1914	2 804	376	3 180	1 328	162	1 490	4 670
1915	2 950	400	3 350	1 291	159	1 450	4 800
1916	2 401	247	2 648	1 155	165	1 320	3 968

в процентах

1914	100	100	100	100	100	100	100
1915	105,2	106,4	105,5	97,2	98,1	97,7	102,8
1916	85,6	65,7	83,3	87,0	101,9	88,4	85,0

Из приведенной таблицы видно, что валовые сборы продовольственных хлебов в 1915 г. по сравнению с 1914 г. возросли на 5,2% у крестьян и на 6,4% у поме-

¹ См., например, А. В. Шестаков, Очерки..., стр. 46.

щиков, несмотря на некоторое сокращение посевных площадей. Но в 1916 г. сбор этих хлебов упал у крестьян до 85,6% довоенного уровня, а у помещиков — даже до 65,8%. По кормовым культурам у крестьян к 1916 г. наблюдалось сокращение до 87,0% к сбору 1914 г., т. е. почти равное с сокращением продовольственных хлебов. У частных владельцев сбор кормовых, как и посевные площади, удержался на довоенном уровне.

В целом сбор продовольственных хлебов в 1916 г. был меньше сбора 1914 г. на 16,7%, кормовых — на 11,6%. Общий же сбор зерновых и бобовых составил 4,67 млрд. пуд. в 1914 г., 4,80 млрд пуд. — в 1915 г. и 3,97 млрд. пуд. — в 1916 г. Таким образом, к уровню 1914 г. сбор зерновых и бобовых в 1915 г. составил 102,8%, а в 1916 г. — 85,0%.

В условиях военной экономики особое значение имеет вопрос о размерах товарности сельского хозяйства и о поддержании этой товарности в ходе войны на уровне, обеспечивающем увеличенный армией спрос.

Вопрос о соотношении валовой и товарной продукции российского земледелия во время первой мировой войны в нашей историко-экономической литературе не получил разрешения.

Ниже делается попытка дать приблизительный расчет товарности и потребления продовольственных и зерновых хлебов за 1913—1917 гг., представляющий собой обработку данных, частью опубликованных, частью содержащихся в делах Отдела статистики сельского хозяйства Центрального Статистического Управления при Совете Министров СССР.

Указанной цели служат следующие предварительные расчеты.

По данным Центрального Статистического Управления, в 1913 г. город потреблял 393 млн. пуд. разных хлебов¹. По расчетам А. Лосицкого, в 1917 г. по голодным нормам Временного правительства городам полагалось бы 262,7 млн. пуд., в том числе 30,3 млн. пуд. овса для лошадей². По соотношению этих крайних

¹ ЦГАОР и СС, ф. 1562, оп. 19, д. 677, л. 3.

² «Урожай хлебов в России в 1917 году», сост. А. Е. Лосицкий, стр. 27—29.

цифр можно без большой ошибки вычислить потребление хлеба городами в промежуточные 1914, 1915 и 1916 гг., приняв условно одинаковые по годам изменения.

Конечно, далеко не все потребное по нормам количество хлеба доходило до беднейшего городского населения. Но это количество могло уйти из деревни на увеличенное против норм потребление богачей или осело в складах торговцев в виде скрытых запасов, или даже на дне морском, как это было, например, с огромными запасами муки, сгнившими на складах Александро-Невской Лавры в Петрограде.

Промышленное потребление зерна складывалось главным образом из расходов на винокурение, пивоварение и производство дрожжей. Расчет расходов зерна на эти цели сделан по данным Отдела сельской экономики и сельскохозяйственной статистики департамента земледелия¹ за 1913—1915 гг. и по расчетам ЦСУ для 1916 г.² Выход дрожжей принят равным 5 ф. из пуда сырья³, откуда вычислено количество зерна. В результате определено, что в промышленности расходовалось зерна в 1913/14 г. 58,3 млн. пуд., в 1914/15 г. — 21,8 млн. пуд. и в 1915/16 г. — 10,4 млн. пуд. Расход за 1916/17г. принят равным расходу предыдущего года.

Для расчета расхода зерна на армию имеются данные о ежегодном потреблении муки, круп и фуража⁴. Выход муки при размоле зерна принят равным по ржи 0,84%, обратный переводный коэффициент, следовательно, составляет 1,19. Выход круп принят равным 0,69, а обратный коэффициент — 1,45⁵. Пользуясь этими соотношениями, вычислено, что армия расходовала в 1913/14 г. 85,6 млн. пуд. хлеба и фуража (в зерне),

¹ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый», стр. 175, 179—181, 210.

² «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. I, стр. 81, 83.

³ Энциклопедический словарь «Брокгауз и Ефрон», т. XI, Спб., 1893, стр. 177.

⁴ «Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах)», стр. 60.

⁵ «Статистический справочник по Полтавской губернии на 1917 г.», стр. 87.

в 1914/15 г. — 316,7 млн. пуд., в 1915/16 г. — 598,0 и в 1916/17 г. — 486,3 млн. пуд.

До войны, как уже упоминалось, значительная часть товарного зерна направлялась за границу. Так, в 1913 г. вывоз хлебов за вычетом ввоза тех же культур составлял 642,3 млн. пуд., что составило 11,8% всего валового сбора и 54,5% товарного зерна. В 1914/15 сельскохозяйственном году вывоз хлебов резко упал, составив всего лишь 33,1 млн. пуд.¹ Данные за последующие годы приходится брать из другого источника, и относятся они уже не к сельскохозяйственным, а к календарным годам, что обуславливает, конечно, некоторую неточность общего количества вывезенного зерна. Но значение этой неточности для данных расчетов ничтожно, так как сам вывоз зерна в эти годы был весьма незначительным: 42,3 млн. пуд. в 1916 и 2,7 млн. пуд. в 1917 г.²

Сведенные в таблицу, все эти расчеты выглядят следующим образом.

Таблица 85

Валовая и товарная зерновая продукция в годы войны
(в млн. пуд.)

Годы	Валовой сбор	Товарное зерно				Итого	Остаток в деревне
		Город	Промышленность	Армия	Вывоз за границу		
1913—1914	5 449	393,0	58,3	85,6	642,3	1 179,2	4 269,8
1914—1915	4 660	360,4	21,8	316,7	33,1	732,0	3 938,0
1915—1916	4 800	328,0	10,4	598,0	42,3	978,7	3 831,3
1916—1917	3 968	295,4	10,4	486,3	2,7	794,8	3 173,2

в процентах

1913—1914	100	100	100	100	100	100	100
1914—1915	85,7	97,1	37,4	370	5,2	62,1	92,2
1915—1916	88,3	83,5	17,8	699	6,6	83,0	89,7
1916—1917	72,8	75,2	17,8	568	0,4	67,4	74,3

¹ «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый», стр. 341, 350.

² «Статистический сборник за 1913—1917 гг.», вып. II, стр. 5—6, 25.

Приведенная таблица при всей неточности составляющих ее данных, особенно по городскому потреблению, представляет известный интерес, поскольку дает наглядное представление о товарности российского земледелия в годы первой мировой войны. Из таблицы становится ясным, что в основе падения товарности лежало сокращение валового сбора зерна, который составил в 1916/17 г. лишь 72,8% от уровня 1913/14 г. При этом товарность земледелия по зерну падала больше, чем снижались валовые сборы зерна, и составила в 1916/17 г. лишь 67,4% довоенного уровня.

Причинами этого явления могли быть известная натурализация крестьянского хозяйства в годы войны, товарный голод, своекорыстная тактика припрятывания хлебных запасов, проводившаяся помещиками и кулаками.

Городское население получало в 1916/17 г. хлеба значительно меньше, чем до войны, и, как говорилось выше, меньше, чем это указано в таблице по нормам потребления.

В то же время спрос городов вырос за счет новых групп рабочего населения, беженцев, военнопленных и т. д. Если к тому же учесть неравномерность распределения хлебных запасов в городах и между городами, положение беднейших слоев городского населения станет еще более понятным. Обострение нужды и бедствий рабочего класса должно было повести и повело к росту его революционной борьбы против царизма и буржуазии.

Прекращение казенной продажи водки и связанное с ним уменьшение переработки зерна на винокуренных заводах не могло сколько-нибудь заметно увеличить хлебные ресурсы. Более того, широкое развитие тайного винокурения вело к сокращению рыночных фондов зерна, к уменьшению товарности земледелия.

Отличительной особенностью продовольственного баланса воюющей страны является увеличение расхода продовольствия на армию. Потребности армии, как известно, могут покрываться: а) из составленных до войны продовольственных резервов, б) за счет текущего внутреннего производства и в) за счет ввоза из-за границы.

До войны царская армия не знала централизованного снабжения продовольствием. Вся забота центральных ведомств о продовольствии армии сводилась лишь к своевременному снабжению воинских частей денежными средствами на закупку продовольствия силами самих частей и подразделений. Каков будет порядок снабжения во время войны, никто реально себе не представлял. Ни о каких стратегических резервах продовольствия на случай войны царское командование и не помышляло. Единственным источником снабжения армии могло быть только текущее производство.

Расход на армию зерна, как это видно из таблицы, вырос с 86 млн. пуд. в 1913/14 г. до 317 млн. в 1914/15 г. и почти до 600 млн. пуд. в 1915/16 г. Таким образом, все количество зерна, вывозившееся раньше за границу, теперь уходило на армию. Но и этого не хватало, и вскоре после сбора урожая в 1916 г. армия, вообще дурно снабжавшаяся во время войны, стала испытывать острую нужду в хлебе, мясе, жирах, сахаре, фураже и т. д. Сельское хозяйство уже не давало достаточных количеств зерна, и в 1916/17 г. армия, несмотря на ее дальнейший численный рост, получила лишь 486 млн. пуд. зерна, т. е. на 112 млн. пуд. меньше, чем в предыдущем году.

Каково было положение, например, со снабжением армии фуражным зерном к весне 1917 г., можно видеть из признания министра земледелия Временного правительства Шингарева на Всероссийском продовольственном съезде в Москве в мае 1917 г. «Бывали такие жуткие моменты, — говорил Шингарев, — когда было сознание, что если бы враг напал на нас, то вся наша артиллерия погибла бы, ибо лошади не смогли бы вывезти артиллерию, так как едва волочили ноги от голода»¹.

Огромные масштабы развернувшейся войны заставили царское правительство перейти к централизованным закупкам продовольствия для армии.

При помощи созданных Особого совещания по продовольственному делу и заготовительных органов Мини-

¹ «Труды Всероссийского продовольственного съезда в Москве 21—26 мая 1917 года», вып. II, «Пленарные заседания», М., 1918, стр. 7.

стерства земледелия правительство закупало значительные партии зерна. Какую долю товарного зерна снимали правительственные закупки, видно из следующей таблицы.

Таблица 86

Правительственные закупки зерна (в млн. пуд.)

Годы	Количество товарного зерна	Закуплено правительством ¹	%
1913—1914	1 179	—	—
1914—1915	732	305	41,7
1915—1916	979	502	51,3
1916—1917	795	540	67,9

Приведенные цифры показывают, что правительственные закупки уже в 1915/16 г. превысили половину, а в 1916/17 г. сняли две трети всего товарного зерна. Частная торговля хлебом значительно сократилась. Уменьшение своих операций хлеботорговые фирмы, коммерческие банки и прочие хлебные торговцы старались возместить на спекулятивном повышении хлебных цен, что им в значительной мере удавалось.

Сокращение валовых сборов, множественность цен, укрытие хлебных запасов и другие обстоятельства все более затрудняли выполнение нарядов интендантства по закупке продовольствия, и правительство пыталось перейти к реквизициям. Нечего говорить, что они были, прежде всего, направлены против мелких производителей, тогда как помещичьи партии хлеба подвергались реквизициям в очень редких случаях. В этой связи полезно рассмотреть вопрос о товарности крестьянского хозяйства в годы войны.

Помещичье хозяйство в годы войны увеличило внутривладельческое потребление зерна в связи с расширившимся наймом рабочих на харчах нанимателя, а также на содержание военнопленных, занятых на сельскохозяйственных работах. Но зато общее количество рабочих в помещичьих имениях уменьшилось. Сократи-

¹ П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. II, стр. 638.

лись также количество скота и расход кормов на него. К тому же, как указывалось выше, помещики значительно увеличили производство товарного овса. Поэтому товарность помещичьего хозяйства можно с некоторой неточностью принять не изменившейся в годы войны. При этом допущении товарность крестьянских хозяйств в сравнении с помещичьими выглядела бы следующим образом.

Таблица 87

Товарность помещичьего и крестьянского зернового хозяйства
(в млн. пуд.)

Годы	Частновладельческое хозяйство			Крестьянское хозяйство		
	Валовой сбор	Товарное зерно		Валовой сбор	Товарное зерно	
		млн. пуд.	%		млн. пуд.	%
1914	538	253	47,0	4 131	479	11,6
1915	559	263	47,0	4 251	716	16,8
1916	412	194	47,0	3 555	601	17,1
Итого	1 509	710	47,0	11 937	1 796	15,0

Таблица указывает на весьма важное явление в положении крестьянского хозяйства в годы первой мировой войны: рост товарности хозяйства при одновременном сокращении валовых сборов зерна. Правда, в 1915 г. по сравнению с 1914 г. сбор увеличился на 120 млн. пуд., но это увеличение к уровню 1914 г. составило всего 2,9%, тогда как товарная часть зерна увеличилась с 479 млн. до 716 млн. пуд., т. е. на 237 млн. пуд., или почти наполовину. Процент товарности поднялся с 11,6% в 1914 г. до 16,8% в 1915 г.¹

Повышение товарности хозяйства в 1915 г. имело в своей основе как хороший урожай этого года, так и то, что в 1915 г. крестьяне еще имели экономические

¹ Указанное явление не противоречит высказанному ранее положению о натурализации крестьянского хозяйства, поскольку в абсолютных цифрах товарность упала в значительных размерах.

стимулы к продаже хлеба в виде повышавшихся цен. Не сказались еще в ощутительных размерах инфляционные явления, а повышавшиеся цены на промышленные товары требовали увеличенных расходов на покупку этих товаров.

Существенным образом отличается положение в 1916 г. Валовой сбор зерна у крестьян понизился на 696 млн. пуд., или на 16,4% к предыдущему году. В это же время товарная часть зерна уменьшилась лишь на 115 млн. пуд. Относительная же товарность крестьянского хозяйства по зерну не только не уменьшилась, но возросла с 16,8 до 17,1%. Понятно, что такое повышение товарности не было результатом повысившейся заинтересованности крестьян в продаже хлеба. Более того, явления дороговизны, инфляции, товарного голода намного снизили эту заинтересованность. Повышение товарности могло явиться лишь как результат принудительных мер по изъятию крестьянского хлеба, что и наблюдалось в широких размерах в 1916 г. Эти принудительные меры вызывали крайнее недовольство и возмущение крестьян. Борьба против реквизиций заняла большое место в революционной борьбе крестьянства в годы первой мировой войны.

Но и широко практиковавшиеся принудительные меры вплоть до связывания людей и экзекуций не смогли обеспечить царскому правительству значительного увеличения заготовок хлеба и смягчить продовольственный кризис. За три года войны крестьянское хозяйство дало лишь 15,0% товарности по зерну вместо 23,2% до войны. Если в предвоенные годы, по данным В. С. Немчинова, крестьянское хозяйство в целом давало на рынок около 1 020 млн. пуд., то в 1916 г. оно дало лишь 600 млн. пуд., т. е. на 40% меньше, чем до войны.

При этих условиях регулярное, хотя и урезанное, снабжение могло происходить лишь при жестких и последовательных мерах регулирования производства и рынка хлебов, что было не только не под силу царскому правительству, но встречало сопротивление со стороны влиятельных кругов помещиков и буржуазии.

Значительный интерес представляет вопрос о товарности в годы первой мировой войны отдельных типов

крестьянских хозяйств — бедняков, середняков и кулачества. Однако это можно сделать лишь в результате дополнительных исследований, в общем плане с проблемой об изменениях в составе крестьянских хозяйств, об имущественном и социальном расслоении крестьянства, что выходит за рамки настоящей работы.

Относительно хлебного баланса страны остается рассмотреть вопрос о внутридеревенском обороте, расходе и потреблении зерна. Однако по этому вопросу источники дают меньше всего надежных данных. Тем не менее ими необходимо воспользоваться, чтобы составить хотя бы приблизительное представление о фондах внутридеревенского оборота и потребления.

По неопубликованным данным Центрального статистического управления, в 1913/14 г. в России расходовалось на обсеменение полей 740,1 млн. пуд. зерна¹. В 1916/17 г. расход на семена снизился до 634,4 млн. пуд.² По этим крайним цифрам нетрудно вычислить количество семенного материала для промежуточных лет, учитывая изменения посевных площадей по годам.

По тем же данным, расход зерна и фуража на корм скоту в 1913 г. составлял 1 222,1 млн. пуд.³ По расчетам А. Лосицкого, для прокормления скота на 1917/18 г. требовалось по довольно жестким нормам 970,3 млн. пуд. зерна и фуража⁴. Ввиду особой трудности учета поголовья скота придется принять изменения расхода кормов по годам равными друг другу. Результаты произведенного расчета удобнее прочесть в виде следующей таблицы (см. стр. 303).

Приведенная таблица при всей ее неточности все же достаточно ясно обнаруживает, что в сельском хозяйстве России в годы войны происходило весьма значительное снижение как производственных расходов, так и продовольственных фондов зерна. Снижение расходов на семена было более значительным, чем сокращение посевных площадей под зерновыми культурами, что означало

¹ ЦГАОР и СС, ф. 1562, оп. 19, д. 677, л. 3.

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Урожай хлебов в России в 1917 году», сост. А. Е. Лосицкий, стр. 27.

Распределение нетоварного зерна
(в млн. пуд.)

Годы	Производственные расходы зерна			Потребление и запасы	Всего
	на семена	на корм скоту	Итого		
1913—1914	740,1	1 222,1	1 962,2	2 307,6	4 269,8
1914—1915	725,7	1 033,4	1 759,1	2 178,9	3 938,0
1915—1916	686,2	1 012,3	1 698,5	2 132,8	3 831,3
1916—1917	634,4	991,3	1 625,7	1 547,5	3 173,2
в процентах					
1913—1914	100	100	100	100	100
1914—1915	98,1	84,6	89,6	94,4	92,2
1915—1916	92,7	82,8	86,6	92,4	89,7
1916—1917	85,7	81,1	82,8	67,0	74,3

уменьшение норм высева на единицу площади. Уменьшение расходов на корм скоту также было связано не только с сокращением его поголовья, но и с ухудшением кормления.

Характерно, что производственные расходы зерна сокращались в более значительной степени, чем продовольственные фонды и запасы зерна до 1915/16 г. включительно. В этом, несомненно, проявилось влияние сравнительно богатого урожая 1915 г. Производственные расходы еще заметно не затрагивали фондов потребления. Переломным является 1916 год. Расход на обсеменение полей и на корм скоту в 1916/17 г. составил 1,6 млрд. пуд. и впервые превысил остаток фонда продовольствия, который составил всего 1,5 млрд. пуд. против 2,1 млрд. в 1915/16 г.

Представляется полезным сопоставить, какую долю валового сбора зерна составляли три его основные части — а) товарное зерно, б) производственные расходы и в) внутридеревенский оборот и потребление. Соответствующие цифры по годам будут выглядеть в следующем виде.

Распределение зерна (в %)

Годы	Валовой сбор	Товарное зерно	Производств. расходы в с. х-ве	Внутридеревенский оборот и потребление
1913—1914	100	21,5	36,0	42,5
1914—1915	100	15,7	37,7	46,6
1915—1916	100	20,4	35,3	44,3
1916—1917	100	20,0	41,0	39,0

В приведенных цифрах обращают на себя внимание два сельскохозяйственных года: 1914/15 и 1916/17 гг. Оба эти года отличались падением валового сбора по сравнению с предыдущим годом. Любопытно, как отражалось это явление на структуре составных частей урожая в начале и в самый разгар войны.

В первом случае, когда принудительная товаризация сельского хозяйства не приняла широких размеров, оно реагировало на снижение урожая сокращением продажи на рынок. Во втором случае в условиях реквизиций товарность осталась почти той же, что и в предшествующем году. Доля зерна для внутридеревенского оборота и питания дала резкое сокращение — с 44,3 до 39,0%. Значительно возросла доля производственных расходов, несмотря на абсолютное их сокращение.

Пора оговориться, что до сих пор все расходы велись при искусственном разделении товарной части зерна на собственно «товарное зерно» и на внутридеревенский оборот.

То, что в таблицах давалось, как внутридеревенский оборот и потребление, в действительности содержало в себе известную часть товарного зерна, шедшую из районов избытка зерна на продажу сельскому населению так называемых потребляющих районов. В действительности продавцу хлеба какой-нибудь Полтавской губернии было совершенно безразлично, в Костромскую деревню пойдет его хлеб или в Москву. Поэтому и то, что показывалось в таблицах как «товарное зерно»,

не представляет собой всего количества зерна, подвергшегося купле-продаже.

Для данного случая имеет интерес не та часть внутри-деревенского оборота, которая представляет собой куплю-продажу хлеба, произведенного в данном районе, а та, которая характеризует перераспределение хлеба между производящими и потребляющими районами. Но, к сожалению, выделить эту часть и выразить в каких-то величинах совершенно не представляется возможным. Поэтому мы находим полезным рассмотреть, насколько позволяют источники, вопрос о перераспределении зерна в целом как для городского, так и деревенского потребления. При этом наибольший интерес представляют главные продовольственные культуры — рожь и пшеница.

Сопоставимые данные о производстве и потреблении, а следовательно, и об избытках и недостатках зерна имеются для неоккупированных противником районов Европейской России и Северного Кавказа за 1909—1913 гг.¹ и за 1915 г.² За 1916 г. имеются аналогичные данные без Северного Кавказа³. Находя полезным включить этот район в расчет за 1916 г., нами произведен приблизительный подсчет валовых сборов ржи и пшеницы в Ставропольской губ., в Кубанской и Терской областях по посевным площадям⁴ и средней урожайности⁵.

Из других источников взяты недостающие данные об урожае озимой ржи Ставропольской губ. и яровой пшеницы в Терской области⁶; урожай ржи и озимой пшеницы в Терской области принят равным среднему порайонному⁷.

¹ «Производство, перевозки и потребление хлебов в России. 1909—1913», вып. I, Пг., 1916.

² «Исчисление избытков и недостатков четырех главнейших хлебов урожая 1915 г. в 46 губерниях Европейской России», Пг., 1916.

³ «Исчисление производства, потребления, избытков и недостатков хлебов по губерниям Европейской России», Пг., 1916.

⁴ «Сельское хозяйство России в XX веке», стр. 88.

⁵ Там же, стр. 144.

⁶ «Урожай хлебов в России в 1916 году», стр. XII.

⁷ «Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918—1923», М., 1924, стр. 129.

Из 49 вошедших в подсчет губерний в 1909—1913 гг. обходились своим хлебом и имели излишки 24 губернии и нуждались в привозном 25 губерний. Потребляющими являлись Северный, Северо-Западный, Западный, Промышленный районы и район Средневолжский и Заволжский. Имели избытки хлебов Северочерноземный, Южночерноземный, Юго-Западный, Южный степной районы, а также район Нижневолжский и Заволжский. Во время войны положение районов в этом отношении не изменилось, за исключением Средневолжского и Заволжского района, который в 1915 г. из «потребляющего» стал «производящим», т. е. имел некоторый излишек ржи против норм потребления.

Что же касается количества избытков и недостатков хлебов, то в годы войны по районам произошли большие изменения, что видно из следующей таблицы.

Таблица 90

Сбор, потребление, недостатки и излишки ржи и пшеницы
(в млн. пуд.)

		1909—1913 гг.	1915 г.	1916 г.
Нечернозем. полоса	Сбор	404 981	501 102	282 951
	Потребление	601 953	600 891	538 705
	Недостатки	196 612	99 789	255 754
Чернозем. полоса	Сбор	1 814 916	2 089 064	1 553 528
	Потребление	1 240 100	1 107 755	1 263 726
	Избытки	574 816	981 309	284 802
Итого	Сбор	2 219 897	2 590 166	1 836 480
	Потребление	1 841 693	1 708 646	1 807 431
	Избытки	378 204	881 520	29 048

Из приведенной таблицы видно, что нечерноземная полоса до войны удовлетворяла свои потребности в хлебе на две трети за счет внутреннего производства, а на одну треть — за счет ввоза из черноземных губерний до 200 млн. пуд. ежегодно.

При этом нельзя забывать, что речь идет о теоретически вычисленных недостатках зерна. Указанного коли-

чества зерна могло хватить на покрытие недостатков лишь в случае равномерного его распределения между потребителями, что для изучаемого времени было делом совершенно немыслимым.

Черноземная полоса имела значительные избытки зерна, направлявшиеся в северные губернии и за границу.

Благодаря хорошему урожаю 1915 г. потребность нечерноземных губерний во ввозном хлебе при строгом регулировании потребления могла быть удовлетворена ввозом уже не 200, а 100 млн. пуд. В то же время в черноземной полосе должны были образоваться излишки пшеницы и ржи до 900 млн. пуд., не считая остатков урожая 1914 г. Правда, пробные умототы, по которым статистики вычисляли урожайность хлебов, давали всегда несколько завышенные результаты, чем фактический сбор амбарного хлеба. Поэтому фактические недостатки были больше, а излишки — меньше вычисленных.

Из урожая 1915 г. правительством на 15 августа 1916 г. было закуплено 505,2 млн. пуд. разных хлебов, в том числе ржи и пшеницы зерном и мукой — 234,7 млн. пуд.¹ Вывезено за границу в 1916 г. ржи и пшеницы 38,6 млн. пуд.² Если даже предположить, что все правительственные закупки и весь экспорт шли за счет указанных районов, то и тогда в черноземной полосе должен был остаться излишек ржи и пшеницы урожая 1915 г. свыше 600 млн. пуд., тогда как потребляющим районам требовалось 100 млн. пуд. Из 49 губерний в 1915 г., по теоретическим расчетам, нуждались во ввозном хлебе 17 губерний вместо 32 до войны.

Другой вопрос, кто являлся держателем этих запасов хлеба. Понятно, что ими не могли быть бедняцкие слои деревни, жившие покупным хлебом. Ими не могли быть за немногими исключениями и середняки, продававшие свои ограниченные излишки, как правило, к осени.

Приблизительное представление о держателях запасов зерна можно получить из донесений казенных

¹ ЦГИАЛ, ф. 456, оп. 1, д. 1007, л. 50.

² «Сельское хозяйство России в XX веке», стр. 305.

палат об остатках хлеба урожаяв прежних лет на 15 июля 1916 г.¹ Извлеченные из этих донесений сведения об остатках ржи и пшеницы на указанную дату по 65 губерниям и областям приведены в таблице 91 (с пересчетом муки на зерно).

Методика сбора приведенных сведений неизвестна. Скорее всего их источниками являлись собиравшиеся податными инспекторами сообщения волостных и уездных властей, железнодорожных и портовых грузовых служб, а также, возможно, земств и биржевых комитетов. Поскольку в основе подобных сообщений не могло быть данных похозяйственных обследований, о какой-либо точности их говорить не приходится. Поэтому приведенная таблица не может рассматриваться как отражение действительного положения дела с запасами хлебов. Даже о распределении запасов она дает, по нашему мнению, несколько искаженную картину, занижая остатки зерна у частных владельцев.

Но и по этим данным у частных владельцев к 15 июня 1916 г. насчитывалось около 40 млн. пуд. ржи и пшеницы, из них 33 млн. пудов в черноземной полосе и на Северном Кавказе. Частновладельческие запасы составляли 9,9% всех запасов указанных хлебов.

Крестьяне располагали 140 млн. пуд. хлеба на 100 млн. человек населения, и их доля в общем количестве запасов составляла 34,9%. Характерно, что крестьянские запасы ржи и пшеницы составляли 5% к показанному в таблице 16 валовому сбору продовольственных культур 1915 г., а частновладельческие — 10%. Между тем соотношение должно было бы быть обратным, учитывая продовольственные потребности крестьян. Тенденция помещиков к задержанию товарных запасов зерна проглядывает из этих цифр с очевидностью.

Любопытную картину представляли собой запасы у торговцев. Последние располагали 122 млн. пуд. хлеба. Кроме того, имелось 37 млн. пуд. транзитного хлеба, который не без основания почти целиком можно счи-

¹ ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 9, д. 970. Подсчитано по губернским донесениям.

Хлебные запасы на 15 июля 1916 г. по 65 губерниям (в тыс. пуд.)

308

Районы	Число губ.	У частных владельцев	У крестьян	У торговцев	В обществен. хлебозапасн. магазинах	Транзитн. хлеб	Итого
Нечерноземная полоса . . .	21	2 821	24 739	29 704	12 723	10 075	80 062
Черноземная полоса, включающая Северный Кавказ	29	33 108	94 214	73 555	40 793	25 439	267 109
Сибирь и Степной район Закавказье, Средняя Азия и Забайкалье	6	3 733	18 951	16 202	8 479	790	48 155
	9	108	2 551	2 908	1 095	263	6 925
Всего	65	39 770	140 455	122 369	63 090	36 567	402 251
в процентах							
Нечерноземная полоса . . .	21	3,5	30,9	37,1	15,9	12,6	100,0
Черноземная полоса, включающая Северный Кавказ . .	29	12,4	35,3	27,5	15,3	9,5	100,0
Сибирь и Степной район Закавказье, Средняя Азия и Забайкалье	6	7,8	39,5	33,5	17,6	1,6	100,0
	9	1,6	36,8	42,0	15,8	3,8	100,0
Всего	65	9,9	34,9	30,4	15,7	9,1	100,0

тать собственностью торговцев. Таким образом, в руках торговых фирм и банков сосредоточилось 39,5% всего зерна.

При этом надо иметь в виду, что крестьянский хлеб в значительной части не был товарным, служа продовольственным целям. Не был товарным также хлеб общественных магазинов, которого насчитывалось 63 млн. пуд., или 15,7% всех запасов. Поэтому надо признать, что частные хлеботорговые фирмы, мукомолы и коммерческие банки сконцентрировали у себя львиную долю товарных остатков урожая 1915 г.

Конечно, и в числе крестьянского хлеба было немало товарных запасов у кулаков. Это видно хотя бы из того, что в 29 черноземных губерниях имелось в четыре раза больше хлеба у крестьян, чем в 21 нечерноземной губернии, а крестьяне шести малонаселенных сибирских губерний имели почти столько же хлеба, сколько крестьяне 21 нечерноземной губернии.

Почти целиком товарными были запасы помещиков в 40 млн. пуд.

Торговцы, мукомолы, помещики, кулаки умышленно прятали хлебные запасы как в целях взвинчивания цен на рынке, так и в целях давления на правительство в надежде на поднятие твердых цен.

В то время как остатки урожая 1915 г. растекались по складам торговцев, мукомолов и банков, 1916 г. принес хотя и не плохой урожай, но все же значительно пониженный против 1915 г., особенно в основных хлебопроизводящих районах — в Заволжье, на Дону и Кубани. Если в 1909—1913 гг. Кубань и Ставрополье давали излишков пшеницы 73,0 млн. пуд., а в 1915 г. — 103 млн. пуд., то в 1916 г. сбор пшеницы и ржи превышал потребление только на 15 млн. пуд. Самарская, Саратовская, Уфимская и Оренбургская губернии в 1915 г. дали излишек 332 млн. пуд., а в 1916 г. — всего лишь 22 млн. пуд.

Особую опасность представляло резкое падение производства хлебов в нечерноземной полосе. Если до войны здесь собиралось ежегодно ржи и пшеницы 405 млн. пуд., а в 1915 г. было собрано 500 млн. пуд., то в 1916 г. сбор упал до 283 млн. пуд. Недостаток этих хлебов со

197 млн. пуд. до войны возрос до 256 млн. пуд. Таким образом, в 1916 г. значительно увеличилась зависимость нечерноземных губерний от ввоза хлеба из черноземной полосы, которая в этом году могла дать излишек уже не 900 млн. пуд., как в 1915 г., а всего лишь 285 млн. пуд. Таким образом, чтобы удовлетворить потребность нечерноземных губерний, надо было перевезти сюда почти все товарное зерно урожая 1916 г. из черноземных губерний. Но если в 1915 г. оказалось невозможным перевезти необходимое количество зерна и нехватка хлеба становилась уже нередким явлением, то в 1916 г. предстояло перевезти хлеба в 2,5 раза больше. Вытекала настоятельная необходимость увеличить хлебные перевозки по железным дорогам. А между тем эти перевозки неуклонно сокращались, что видно из следующих цифр¹.

Таблица 92

Перевозки грузов по железным дорогам в 1913—1915 гг.

Годы	Все гражданские грузы		Хлебные грузы	
	тыс. пуд.	%	тыс. пуд.	%
1913	7 984	100	1 297	100
1914	6 636	83,1	1 082	83,5
1915	5 376	67,4	847	65,4

Цифры показывают, что уже в 1915 г. перевозки хлебов составили всего лишь две трети размера довоенных перевозок. Железнодорожный транспорт был загружен воинскими перевозками и не мог справиться с перевозками хлебов.

Но перегруженность транспорта воинскими грузами была не единственной причиной. Сказывались последствия как технического упадка транспорта, так и царивших на нем вопиющих злоупотреблений.

Мало что давали и меры, принимавшиеся правительством для увеличения вывоза хлеба, в частности

¹ «Сводная статистика перевозок. Общие итоги перевозок. Ч. II. Итоги перевозок по сети за 11 лет», Пг., 1917.

временное прекращение пассажирского движения, попытки планирования перевозок и т. д.

Ввиду тяжелого положения на железнодорожном транспорте предпринимались попытки увеличить перевозки хлебов водным транспортом, но и из этого ничего не получилось¹.

Таблица 93

Отправки хлебных грузов
с волжских пристаней

Годы	Тыс. пуд.	%
1909—1913	182 967	100,0
1915	194 324	106,2
1916	182 817	99,9
1917	83 000	45,4

Таким образом, только в 1915 г. удалось увеличить погрузку зерна на Волге на 6,2%, но уже в 1916 г. перевозки падают до довоенного уровня, а в 1917 г. сокращаются более чем вдвое.

Сокращение перевозок хлебных и прочих грузов, означало не только срыв снабжения продовольствием но и семенами, кормами, удобрениями, машинами, металлами, что в свою очередь отрицательно влияло на производство хлебов.

Выше указывалось, что в нечерноземные губернии нужно было вывезти из южных губерний почти все товарное зерно 1916 г. Но при этом не учтены потребности армии. Известно, что в 1916—1917 гг. армия потребляла 212—225 млн. пуд. муки, что в переводе на зерно составляет 250—265 млн. пуд.² Это количество почти равно всем излишкам черноземной полосы в 1916 г. Нечего говорить, что правительство старалось, прежде всего, снабдить армию, и правительственные закупки снимали основную массу товарного хлеба, прежде всего, в Европейской части России, причем велись они даже в губерниях, не имевших избытка хлебов.

¹ П. Усачев, Водный транспорт, «Известия Народного Комисариата по продовольствию» № 16—17, 1918 г., стр. 12.

² «Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах)», стр. 60.

Приведенные расчеты показывают, что армии и населению нечерноземной полосы требовалось в 1916—1917 гг. свыше 500 млн. пуд. ржи и пшеницы, тогда как черноземная полоса в лучшем случае могла дать лишь половину требуемого количества. Следовательно, снабжение армии и населения становилось в зависимость наполовину, во-первых, от остатков урожаев прошлых лет и, во-вторых, от сибирского земледелия. Но из Сибири хлеб вывезти было почти невозможно, а остатки прошлых лет находились в руках банков, торговых фирм, помещиков и кулаков, которые не только не выпускали их, но и пополняли из вновь собранного урожая.

В отчетной записке управляющего Екатеринбургским отделением Государственного банка от 19 октября 1916 г. положение описывалось следующим образом:

«Хлебное дело принимает вид борьбы производителей с правительством из-за твердых цен. Крестьяне говорят: мы будем продавать зерно по твердым, если установить твердые цены на ситец, на железо, гвозди и т. п. продукты. Крупные землевладельцы хотя не говорят прямо того, чего требуют крестьяне, но все же не торопятся с продажей зерна. Меры реквизиции среди крестьянского населения невозможны; они говорят: начните реквизиции с помещиков, а потом берите хлеб и у нас, ранее же этого мы реквизировать не дадим»¹.

Конечно, правительство помещиков не могло «начать с помещиков» реквизиции хлеба. Находясь в то же время в сильнейшей зависимости от буржуазии, оно не решалось установить твердые цены на промышленные товары. Самое большее, на что оно пошло, это были твердые цены на сельскохозяйственные продукты, покупаемые органами правительства, при полной бесконтрольности розничных цен².

Сложное взаимодействие рыночных и твердых цен можно вкратце охарактеризовать так. Установленные первоначально выше рыночных, твердые цены способ-

¹ ЦГИАЛ, ф. 587, оп. 33, д. 1386, л. 250.

² Только с осени 1916 г. твердые цены были формально распространены на все, в том числе и частные сделки на хлеб.

ствовали поднятию их сначала до уровня твердых, а затем и выше. Как только рыночные цены начинали заметно превышать твердые, помещики начинали требовать повышения твердых цен. При этом правительство неизменно шло на повышение их, способствуя тем самым росту дороговизны на рынках и объективно поощряя укрытие запасов и спекуляцию хлебом.

Отношение производителей хлеба к твердым ценам, сложившееся в 1916 г., отчетливо выражено в очередной отчетной записке того же управляющего отделением банка:

«Землевладельцы совершенно не верят, чтобы твердые цены удержались на зерно, предназначенное для частного потребления, а также не верят и в практику реквизиции, по отношению которой имеется уже министерское разъяснение о применении этой меры с особой осторожностью. Что касается крестьян, то последние не везут хлеб на рынок, отговариваясь занятостью полевыми работами; в действительности же и они не верят в устойчивость твердых цен; а так как деревня теперь сильно разбогатела, то крестьяне и не торопятся с продажей зерна»¹.

Банковский чиновник не различает среди крестьян отдельных групп, но и без того ясно, что под «сильно разбогатевшей деревней» надо видеть кулацкую верхушку, прятавшую хлеб в ожидании повышения цен.

Полной бесконтрольностью со стороны правительства пользовались операции хлебных торговцев и особенно частных банков. Жалобы на спекуляцию банков хлебом стали раздаваться с первых месяцев войны. Еще 2 мая 1915 г. уполномоченный по закупке хлеба в Одессе Гербель телеграфировал, что «Николаевское отделение Международного банка скупило все мелкие партии пшеницы (в) Николаеве...»² При этом уполномоченный возмущался, что «все время этот банк заявляет на бирже, что Гербель у него ничего взять не может, так как кредитная канцелярия за банк»³.

¹ ЦГИАЛ, ф. 587, оп. 33, д. 1386, л. 250.

² Там же, ф. 456, оп. 1, д. 77, л. 187.

³ Там же.

Протесты против спекулятивных махинаций банков вынудили председателя Особого совещания по продовольственному делу Бобринского 24 сентября 1916 г. обратиться к министру финансов Барку с просьбой «сделать распоряжение, чтобы все частные банки сообщали уполномоченным ведомства земледелия по закупке хлеба для армии сведения о каждой партии зерна и муки, поступающей к ним в залог»¹.

В Государственной думе стали раздаваться требования о контроле над банками со стороны правительства. Но министр финансов в представлении от 29 ноября 1916 г. встал на защиту политики невмешательства правительства в дела банков. Отводя от банков обвинения в торговле хлебом за свой счет, т. е. попросту в спекуляции хлебом, Барк писал, что «вряд ли контрольно-ревизионные функции над частными предприятиями свойственны вообще правительственной власти. Поручение подобных обязанностей правительственным органам, — пояснял он, — возложило бы вместе с тем на само правительство своего рода ответственность за ход дел в частных кредитных учреждениях, за целостность внесенных в их кассы публикою капиталов, за охрану интересов их клиентов»².

Таким образом, правительство в лице министерства финансов, по существу, покрывало спекулятивные операции банков с хлебом.

Здесь нет возможности подробно излагать политику царизма и буржуазии по вопросам продовольствия. Но из сказанного выше нетрудно видеть, что эта политика не могла не способствовать возникновению в стране острого продовольственного кризиса.

Широкие меры государственного регулирования производства и распределения хлеба могли обеспечить население и армию минимумом необходимого хлеба даже в условиях войны, так как хлеб в стране был. Но такое регулирование было не под силу ни царскому правительству, ни сменившему его Временному правительству.

¹ ЦГИАЛ, ф. 457, оп. 1, д. 282, л. 6.

² ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 7, д. 1232, л. 14 об.

Продовольственное положение в стране все более ухудшалось. Даже в городах хлебобродных губерний не доставало хлеба в лавках и на рынках, не говоря уже о городах нечерноземной полосы, где трудящееся население буквально голодало. Особенно обострилось положение зимой 1916 г. и весной 1917 г., когда голод охватил не только города, но и села тех местностей, которые нуждались в привозном хлебе. И здесь, как и в городах, на почве голода наблюдались душераздирающие сцены. Шингарев на упоминавшемся продовольственном съезде в мае 1917 г. рассказывал «как в северо-западных губерниях крестьяне, лишенные хлеба, доходили до крайнего проявления голода и от ужаса перед ним вешались или убивали своих детей, не имея куска хлеба, чтобы накормить...»¹

Но настроение трудящихся масс характеризовалось не только отчаянием, как его рисует Шингарев. Заведующий продовольственным делом в империи В. Ковалевский, отмечая рост дороговизны на хлеб и предметы первой необходимости, признавал, что «все относится с крайним озлоблением к торговому классу, алчность которого превосходит все границы и пределы»².

В городах поднималось широчайшее движение рабочего класса против дороговизны, против укрывателей продовольствия и спекулянтов.

Вслед за городом в борьбу втягивались широкие массы трудящегося крестьянства.

Тяжелое поражение потерпело царское правительство в своей продовольственной политике зимой 1916/17 г., т. е. накануне Февральской революции, выразившееся в полном провале печально известной «риттиховской разверстки». Какова была позиция крестьянства по отношению к этой разверстке, можно судить по тому, какое количество хлеба было принято к разверстанию по селениям волостными сходами. Любопытное признание сделано канцелярией главноуполномоченного по закупке хлеба для армии в телеграмме, зарегистриро-

¹ «Труды Всероссийского продовольственного съезда в Москве 21—26 мая 1917 года», вып. II, «Пленарные заседания», стр. 7.

² ЦГИАЛ, ф. 457, оп. 1, д. 282, л. 4.

ванной за № 2082 от 17 февраля 1917 г. Ввиду особой важности документа приводим его полностью, снабдив необходимыми знаками препинания и вставками:

«Ставка. Петрограда Р/22183 к 77/76 16.4.58.

Годовая потребность армии и внутренних округов зернофуража 392 миллиона [пудов], муки 245 [с] половиной, крупы 48, итого 685 [с] половиной миллионов, включено [в] разверстку овса 150, ячменя 120, ржи 285, пшеницы 189, проса 10 [с] половиной, гречихи 17 [с] половиной, итого 772 миллиона. [В] том числе разверстано губземствами 699, уездземствами 264, волостями 34 миллиона, [в] числе разверстанных губземствами значится 213 миллионов закупаемых [в] прежнем порядке. Изложенное докладываю [в]виду того, что соответственная справка мною Михайлову не вручена. Федосеев. 2353/т.»¹

Таким образом, оказывается, что волостные крестьянские сходы за два с половиной месяца с начала разверстки приняли к разверстанию по селениям всего лишь 4,7% предназначенного к заготовке хлеба. Это практически означало отказ крестьян дать хлеб царскому правительству, разрыв крестьянства с царизмом.

Поголовье скота и мясной баланс

Особенно уязвимым звеном продовольственного баланса было обеспечение страны мясопродуктами. Причиной этому была крайняя слабость отечественного животноводства.

Судя по количеству и состоянию крестьянского скота, численность которого составляла около 94% общего поголовья, мясной голод, разразившийся в стране в годы первой мировой войны, был неизбежным явлением, и только исключительная организация, недоступная царизму, так же как и Временному правительству, могла обеспечить скудное снабжение армии и городов.

Транспортная разруха привела к резкому снижению поставок скота из Сибири. В Европейской же России

¹ ЦГИАЛ, ф. 456, оп. 1, д. 579, л. 3.

по переписи 1916 г. насчитывалось крупного рогатого скота вместе с телятами у крестьян 33,8 млн. голов и у частных владельцев 2,2 млн., а всего 36 млн. голов¹. Если отсюда исключить телят до одного года, подтелок и бычков, которых запрещено было убивать, а нетелей перевести в штуки крупного скота, получится 19,1 млн. голов. У помещиков было 0,9 млн. штук, но реквизиции их касались мало, а в порядке добровольной продажи они могли дать на рынок в год не более 0,2 млн. штук скота. У крестьян имелось 18,2 млн. штук крупного скота, в том числе 16,6 млн. коров. Перепись 1916 г. насчитывала в Европейской России 15,5 млн. хозяйств, следовательно, на хозяйство приходилось всего лишь 1,1 корова, или 1,2 штуки всего взрослого рогатого скота. Если даже исключить все бескоровные хозяйства, которых насчитывалось до 3 млн., окажется, что на хозяйство приходится 1,3 коровы или менее 1,5 штуки крупного скота. Мелкий распыленный, примитивный характер крестьянского животноводства при абсолютном недостатке скота обуславливал крайне низкую абсолютную и относительную товарность крестьянского животноводства.

Следует иметь в виду, что российское земледелие при всей его отсталости и при всей неизбежности для крестьянина продавать последнее выделяло на вывоз за границу до 750 млн. пуд. зерна. Между тем животноводческих продуктов, в частности мяса, вывозилось всего лишь 1,4 млн. пуд.² Если экспорт зерна составлял в 1913 г. около 12% валового сбора и более половины товарного зерна, то экспорт мяса в 1913 г. составлял 0,7% валовой продукции мяса и всего лишь 2,2% товарной части этой продукции³.

Российское животноводство едва справлялось лишь с тем, что снабжало мясом города и армию по штатам мирного времени.

Как изменялся спрос на мясо во время войны со стороны армии, дают представление следующие цифры.

¹ «Предварительные итоги...», вып. 1, стр. 635.

² ЦГАОР и СС, ф. 1562, оп. 19, д. 677, л. 3.

³ Там же, д. 56, л. 60.

Потребление мяса армией
(в млн. пуд.)

Годы	Потребление армии	Потребность армии по расчетам Особого совещания по продовольствию ³
1913	2,8 ¹	
1914	13,5 ²	
1915	51,1 ²	
1916	82,0 ²	
1917	78,0 ²	53,4 ³

Как видно из таблицы, разные источники дают резко различные цифры. Особое совещание по продовольственному делу, планируя заготовки на 1917 г., определяло потребность армии в мясе в 53,4 млн. пуд. Между тем, по данным сборника «Россия в мировой войне...», потребление мяса армией в 1917 г. составило 78,0 млн. пуд. По характеру данных сборника можно заключить, что потребление мяса личным составом армии подсчитано по установленным нормам снабжения и количеству довольствующихся, поэтому его следует принять не за фактическое потребление, а за потребное количество.

Думается, что фактическое потребление не могло достигнуть даже запланированного Совещанием количества в 53,4 млн. пудов.

Еще менее определены данные о потреблении мяса в городах. По ориентировочным подсчетам, имеющимся в делах Центрального Статистического Управления, потребление мяса городами в 1913 г. составляло 60,0 млн. пуд.⁴ По расчетам Особого совещания по продовольствию, на 1917 г. требовалось мяса (в млн. пудов)⁵:

¹ ЦГАОР и СС, ф. 1562, оп. 19, д. 677, л. 3.

² «Россия в мировой войне 1914—1918 года (в цифрах)», стр. 60.

³ ЦГИАЛ, ф. 457, оп. 1, д. 78, л. 49 об.

⁴ ЦГАОР и СС, ф. 1562, оп. 19, д. 677, л. 3.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 457, оп. 1, д. 78, л. 49 об.

Учреждениям Земского и Городского союзов	3,49
» Красного Креста	0,74
Рабочим фабрик и заводов, работавшим на оборону	5,20
Рабочим нерусской национальности, рабо- тавшим на оборону	0,78
Военнопленным	1,46
Рабочим и служащим железных дорог . .	6,62
Населению Петрограда, по 3/4 фунта на человека в неделю	2,40
Населению Москвы по той же норме . . .	2,40
И т о г о	23,1

Понятно, что для многих и многих жителей городов в 1917 г. потребление 3/4 ф. мяса в неделю было бесплезным мечтанием. Но, с другой стороны, немало людей ели мясо, на деле не считаясь ни с какими нормами. Кроме того, расчет не учитывает потребления многих городских жителей, не работавших на оборону. Но за неимением других данных мы и эту цифру 23,1 млн. пуд. примем за количество потребного мяса, а изменения между 1914 и 1917 гг. примем равными по годам. Тогда получим приблизительную картину спроса на мясо со стороны городов и армии.

Таблица 95

Минимальные потребности мяса и вывоз (в млн. пуд.)

Годы	Город	Армия	Вывоз	Итого
1913	60,0	2,8	1,4	64,2
1914	60,0	9,2	1,0	70,2
1915	47,7	35,0	0,2	82,9
1916	35,4	56,1	—	91,5
1917	23,1	53,4	—	76,5

Таблица показывает непрерывное нарастание в годы войны спроса на мясо, удовлетворение которого при убывающем количестве скота могло быть обеспечено и обеспечивалось путем принудительных изъятий скота.

Приведенные цифры показывают, что только для городов и армии сельское хозяйство должно было постав-

Поставки скота в 1916 г. (в тыс. голов)

Районы	Значилось в наличии по данным Ветеринар. упр. за 1913 г. крупн. рогатого скота	Определено к поставке в 1916 г.	% от общего количества	Закуплено и реквизировано земствами с апреля по 1 ноября 1916 г.				Поставлено с апреля по 1 декабря 1916 г.
				крупного рогатого скота	овец	свиней	всего в переводе на крупный рогатый скот	
Центральный ¹ . . .	2 503,7	180,0	7,2	131,0	154,9	4,1	152,4	171,7
Южный ²	8 686,5	688,0	7,9	675,0	1 055,9	15,1	714,4	749,7
Доно-Кавказский ³	4 937,8	1 080,0	21,9	468,3	255,2	0,4	500,4	534,6
Юго-Восточный ⁴ .	5 115,8	1 010,0	19,7	845,7	652,2	9,8	932,1	998,3
Северо-Восточный ⁵	6 087,9	330,0	5,4	304,3	43,2	4,4	311,6	353,6
Итого по 37 губ.	27 331,7	3 288,0	12,0	2 424,3	2 161,0	33,8	2 610,9	2 807,9
Сибирский ⁶	8 040,2	200,0	2,5					
Район 9 фронтовых губ. ⁷	1 043,0	60,0	5,8					
Всего	36 414,9	3 548,0	9,7					

¹ Орловск., Тульск., Тамбовск., Пензенск., Ряз., Симб. губ. Районы—по данным источника.² Тавр., Херс., Бессар., Екатер., Волинск., Полт., Черниг., Курск., Харьков., Воронежск., Киевск., Подольск. губ.³ Ставроп. губ., Донская, Кубанск. и Терская обл.⁴ Астрах., Саратов., Самарск. и Оренбургск. губ., Уральск. и Тург. обл.⁵ Уфимск., Пермск., Вятск., Вологодск., Яросл., Владим., Костр., Нижегород., Казанск. губ.⁶ Енисейск., Иркутск., Тобольск., Томск. губ., Акмолинск. и Забайк. обл.⁷ Лифл., Витебск., Смол., Псковск., Тверск., Эстл., Могил., Калужск., Минск. губ.

лять ежегодно от 70 до 90 млн. пуд. мяса, т. е. от 7 до 9 млн. 10-пудовых туш. При этом баранина и свинина составляли незначительную часть поставляемого мяса.

Однако российское животноводство было далеко не в состоянии удовлетворить этот спрос. Об этом могут свидетельствовать данные о наличии крупного рогатого скота за 1913 г. и о правительственных заготовках в 1916 г., извлеченные из материалов архива министерства продовольствия Временного правительства¹.

Данные, послужившие основанием для приведенной таблицы 96, показывают, что в большинстве губерний количество крупного рогатого скота было весьма невелико. Так, в Центральном районе (по принятой в таблице группировке) на 100 жителей приходилось от 15 до 23 голов, в Южном — от 13 (Киевская губ.) до 29 (Волынская губ.), в Северо-Восточном — от 16 (Нижегородская губ.) до 37 (Вятская). Рассчитывать на широкую реквизицию в этих районах было нельзя. Только Доно-Кавказский, Юго-Восточный районы располагали более или менее значительным поголовьем нагульного скота, где на 100 жителей приходилось от 25 (Саратовская и Самарская губ.) и 41 голов (Оренбургская губ., Кубанская обл.) до 83 (Терская и Уральская обл.) и даже 101 (Тургайская обл.). В этих районах реквизиции назначались в размере 19,7% (Юго-Восточный) и 21,9% (Доно-Кавказский). При этом Доно-Кавказский район выполнил наряд лишь наполовину, а Юго-Восточный почти полностью. В целом же реквизиции и закупки через земства дали 2,8 млн. голов скота (в переводе на крупный) при потребном количестве в 9 млн. голов. Таким образом, правительственные заготовки удовлетворяли спрос городов и армии всего лишь на одну треть, изымая из сельского хозяйства за восемь месяцев 10% скота. Правда, известная часть его заменялась сдачей овец и отчасти свиней. Но в целом реквизиции скота наносили российскому животноводству значительный урон, особенно в Европейской части. Сибирь утратила роль поставщика скота; даже намеченные к изъятию 2,5 млн. голов скота могли быть доставлены из-за Урала далеко не полностью. Не могли

¹ ЦГАОР и СС, ф. 351, оп 2, д. 370, л. 7—8.

много дать и обессиленные бесчисленными реквизициями прифронтовые губернии, хотя данные о размерах поставок по ним, как и по Сибири, в документах не приведены.

Указанные правительственные реквизиции и закупки были, конечно, не единственным путем убыли поголовья скота (рыночная торговля, эпизоотии и т. д.). Кроме того, надо учесть убыль скота на занятой противником территории (до 4,5 млн. голов), а также свыше 2 млн. голов скота беженцев.

Глава V

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА И КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Аграрная политика царского правительства в годы войны

В. И. Ленин указывал, что столыпинская аграрная реформа была последним клапаном, который царскому правительству еще можно было открыть, не ликвидируя всего помещичьего землевладения. Позорный провал, предсказанный В. И. Лениным столыпинской политике, наступил еще до войны. Царскому самодержавию нечем было заменить ее; другого «последнего клапана» не было и быть не могло. В аграрном вопросе царизм оказался в тупике, но продолжал судорожно цепляться за прежние методы его разрешения.

В 1913 г. в честь ознаменования 300-летия царствования Романовых был намечен план «мероприятий по приведению в культурное состояние непроизводительно лежащих земель» с целью расширения колонизационного фонда земель. На 1915 и 1916 гг. было ассигновано 19,7 млн. руб. на освоение земель в Самарской и Саратовской губерниях, в Восточном Закавказье, Голодной степи, долине р. Чу и в Кулундинской степи.

Таким путем намечалось подготовить площадь для переселения 20 000 семейств (около 120 тыс. душ)¹.

В этом плане подготовки государственного земельного запаса поражает его узость по сравнению с масш-

¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 12, д. 1899, л. 2—3.

табами переселения предшествующих лет, что само по себе является свидетельством неверия царизма в свою собственную аграрную политику.

Важную роль в осуществлении этой политики играл Крестьянский поземельный банк. В целях создания указанного запаса крестьянский поземельный банк вел до войны скупку башкирских земель в Приуралье, хотя в других местах имелся нереализованный запас банковских земель в 2,8 млн. дес.

В годы войны, по отчетам Крестьянского банка, издававшимся до 1915 г. включительно, и по кратким сведениям за 1916 г.¹ земельный запас банка пополнился за счет покупки помещичьих имений, хотя размер этой операции был значительно сокращен. Так, если в 1913 г. у частных владельцев было куплено 301,2 тыс. дес., то в 1914 г. — 83,5 тыс., в 1915 г. — 17,8 тыс. и в 1916 г. — вместе с башкирскими землями — 30,1 тыс. дес. Таким образом, за все три года (1914—1916) банк скупил 131,4 тыс. дес., т. е. в два с лишним раза меньше, чем в одном только 1913 г. Сократились и другие операции банка. Резко упала операция по продаже земли из имений банка, а также посреднические операции по предоставлению ссуд на покупку земли крестьянам у частных владельцев. Ход этих операций можно видеть из таблицы.

Таблица 97

Ссудная операция Крестьянского банка на покупку земли

Годы	Покупка земли крестьянами (в тыс. дес.)			
	из имений банка	у частных владельцев с содействием банка	со ссудами банка без его содействия	итого
1913	410,1	484,0	57,5	951,6
1914	290,6	383,3	25,4	699,3
1915	125,7	200,8	5,8	332,3
1916	87,9	99,9	9,0	196,8

¹ ЦГИАЛ, Библиотека министерства финансов, «Сведения о деятельности Крестьянского поземельного банка за 1916 г.» (печатная брошюра).

Приведенные цифры показывают, что спрос крестьян на землю в годы войны катастрофически падал. В этом проявилось как ухудшение положения крестьянства во время войны, так и широко укоренившееся еще с первых дней войны убеждение крестьян, что вся земля «после войны» должна безвозмездно перейти в их руки. Между тем те же цифры убеждают, что во время войны оставался слой крестьян, которые продолжали покупать землю.

Кто являлся главными покупателями земли, показывают цифры таблицы.

Таблица 98

Коллективные и единоличные покупки земли
через Крестьянский банк

Годы	Покупка обществами и товариществами			Покупки в единоличное пользование		
	Число хозяйств	Количество купленной у банка земли (в дес.)	На 1 хозяйство (дес.)	Число хозяйств	Количество купленной у банка земли (в дес.)	На 1 хозяйство (дес.)
1914	8 371	17 760	2,1	14 989	272 855	18,2
1915	4 912	9 682	2,0	6 410	116 076	18,1
1916	2 622	4 959	1,9	4 503	82 979	18,4

Цифры показывают, что почти две трети покупателей земли составляли единоличные владельцы-кулаки. Если крестьяне в составе сельских обществ и товариществ покупали в среднем по 2 дес. на двор и размер покупок все более мельчал, то единоличные заемщики банка приобретали по 18 с лишним дес. на двор, причем нередко один хозяин покупал несколько участков земли.

Как и до войны, симпатии банка были целиком на стороне кулаков, которым оказывались особые льготы при покупке земли. Это особенно видно по размеру доплат, которые делались крестьянами к сумме выданных банком ссуд. Так, в 1916 г. отдельные домохозяева-покупщики доплачивали наличными 7,0% покупной цены земли, товарищества — 15,8% и сельские общества — 22,1%.

Кроме этих официально зарегистрированных доплат, помещики по обыкновению требовали особых приплат, о которых не сообщалось банку и которые крестьяне называли «верхами». Эти «верхи», как и доплаты, обычно рассрочивались помещиками под высокие ростовщические проценты, и крестьяне оказывались в неоплатном долгу как у банка по ссудам, так и у помещиков по «верхам» и доплатам.

Представляют интерес данные о платежах заемщиков, исчисленные по годовым отчетам Крестьянского банка¹.

Таблица 99

**Недоимочность заемщиков Крестьянского банка
в годы войны
(в млн. руб.)**

Годы	Годовой оклад платежей	Недоимка к концу года	Недоимочность в % к окладу
1907—1913	43,1	13,8	32
1913	61,2	18,4	30
1914	65,3	33,7	52
1915	67,9	46,5	68
1916	70,2	44,1	63

Цифры недоимочности заемщиков банка, достигшие во время войны двух третей годового оклада, свидетельствуют о прогрессирующем ухудшении положения большинства крестьян, попавших в банковскую кабалу. Впрочем, надо отметить и то, что многие семьи призванных на войну под влиянием писем с фронта умышленно не вносили взносов банку, что было одной из форм протеста трудящегося крестьянства против политики царского правительства и грабительской практики банка.

На это банк отвечал усилением репрессий по отношению к недоимщикам, не останавливаясь и перед крайней мерой — отобранием земли. Размеры отчуждения земли за недоимки в годы войны видны из таблицы.

¹ За 1907—1915 гг. — по отчетам Крестьянского банка; за 1916 г. подсчитано по сводкам отделений банка (ЦГИАЛ, ф. 592, об. I, д. 584).

Из этих цифр видно, что банк в годы войны отбирал у крестьян земли больше, чем до войны: в 1914 г. — на одну треть, а в 1915 г. — наполовину.

Таблица 100

Отсрание земли у заемщиков
Крестьянского банка

Годы	Отчуждено у заемщиков земли (дес.)	В % к 1913 г.
1913	36 173	100
1914	49 407	137
1915	53 647	148

Особую сторону деятельности Крестьянского банка в годы войны составляла скупка земель, принадлежавших подданным неприятельских стран. Операция, задуманная царизмом с целью возбуждения «патриотизма» крестьянства, очень скоро испугала правящие круги, поскольку крестьяне за ликвидацией немецкого землевладения могли потребовать ликвидации землевладения всех помещиков, и осуществление операции было отложено.

В 1915 г. в исполнение закона 2 февраля 1915 г. в 12 губерниях и трех областях Крестьянским банком было осмотрено 4183 имения неприятельских подданных и выходцев из вражеских стран. В этих имениях насчитывалось 1 055 754 дес. земли, оцененной банком в 213 896 696 руб., в среднем по 203 руб. за десятину¹. Кстати сказать, никогда еще банк не назначал таких высоких средних цен, как в данном случае. Из указанного количества земли в 1916 г. было приобретено 651 имение площадью 257 340 дес., т. е. не более 25%². Тем временем вопрос о ликвидации этих земель не выходил из стадии обсуждения, пока не был отложен Государственной думой на неопределенный срок. А владель-

¹ «Отчет крестьянского поземельного банка за 1915 год», Пг., 1916, стр. 84.

² «Сведения о деятельности Крестьянского поземельного банка за 1916 год», стр. 1.

цы земель большей частью перевели свои имения на подставных лиц или перешли в русское подданство.

В годы войны резко сократилось переселенческое движение. Это было связано, прежде всего, с мобилизацией домохозяев на войну и ухудшением материального положения крестьян. С другой стороны, широкое переселенческое движение могло затруднить проведение мобилизационных мероприятий. Требовалось также всемерно разгружать транспорт от гражданских перевозок. Поэтому царское правительство в 1914 г. приняло решение запретить выдачу крестьянам проходных и ходаческих свидетельств на переселение. Движение переселенцев в годы войны можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица 101

Переселение крестьян в годы войны

Годы	Переселилось (чел.)	Возвратилось (чел.)	% возвратившихся к числу без ходочков
1913	337 252 ¹	23 506 ²	7,0
1914	336 409 ¹	15 214 ²	4,5
1915	28 185 ³	11 858 ³	42,1

в процентах

1913	100,0	100,0
1914	99,8	64,7
1915	8,4	50,4

Число переселенцев в 1914 г. уменьшилось мало, но уже в 1915 г. упало до 8,4%.

Мобилизация мужчин-переселенцев на войну лишала многие семьи возможности вернуться на старое местожительство, хотя бы в этом и была крайняя необходимость. Число возвращенцев в 1915 г. падает до половины

¹ «Переселение и землеустройство за Уралом в 1914 году», Пг., 1915, стр. 2, 6.

² Там же, стр. 5.

³ «Переселение и землеустройство за Уралом в 1915 году», Пг., 1916, стр. 2.

довоенной цифры, однако процент к числу переселившихся резко возрастает: с 7,2% — в 1913 г., с 4,5% — в 1914 г. и до 42,1% — в 1915 г. Уменьшение числа переселенцев давало возможность кулацким старожильческим и частновладельческим хозяйствам Сибири пополнить убыль у них рабочей силы вследствие мобилизации.

Наибольшее число переселенцев в 1914 г. давали Екатеринославская, Херсонская, Полтавская, Харьковская, Таврическая, Воронежская, Тамбовская, Пензенская, Самарская, Вятская, Черниговская, Орловская, Курская, Саратовская, Бессарабская губернии.

В 1915 г. больше всего переселенцев вышло из Екатеринославской (12,3% всего их количества), Херсонской (7,0%), Воронежской (5,4%), Вятской (5,1%) губерний.

Характерно, что Южный степной район — губернии Екатеринославская, Херсонская, Таврическая, Область войска Донского, бывший недавно районом усиленного притока колонистов как из внутренних губерний, так и из Германии, стал к началу империалистической войны тесен для развившегося капитализма в сельском хозяйстве, и капитализм экспроприрует здесь мелких крестьян, вытесняя их на другие окраины страны. Своеобразие этого района состояло в том, что он в то же время испытывал недостаток в местной рабочей силе, и навстречу переселенцам двигались сюда сотни тысяч пришлых рабочих.

Еще более своеобразным был юго-восточный район — губернии Самарская и Саратовская. Крестьянский банк, как указывалось, скупал здесь земли для переселенцев, сюда, особенно в Самарскую губернию, переселялось немало крестьян из центральных и западных губерний. В свою очередь самарские и саратовские крестьяне уходили из родных мест искать счастья в Сибири.

Из сказанного выше ясно, что царское правительство, уступая силе обстоятельств, пошло на сужение переселенческого дела, а также деятельности Крестьянского банка. Этого нельзя сказать о политике царизма в отношении продолжения работ по столыпинскому землеустройству. Более того, есть основания считать, что

правлящие верхи рассчитывали воспользоваться условиями войны для форсированного натиска на общинные земли и для насаждения кулацких хуторов и отрубов. Наличие такого замысла можно установить уже из того факта, что все годные к военной службе землемеры, землеустроители и непрременные члены землеустроительных комиссий за немногими исключениями освобождались от мобилизации, тогда как на агрономический и зоотехнический персонал эта льгота не распространялась.

Не противоречит этому заключению и наличие циркуляров министра земледелия Кривошеина от 29 июля и 22 августа 1914 г. о мерах предосторожности в обращениях землеустроителей с населением, особенно с семьями призванных на войну. Более того, эти циркуляры ориентировали землеустроительные комиссии на более гибкие меры, чтобы не сузить размах землеустроительных работ.

Правительство учитывало наличие противоречий между кулаками и беднотой в области землеустройства, обострившихся в связи с мобилизацией на фронт. Как указывалось в циркуляре Кривошеина от 29 апреля 1915 г., землеустроительные работы осложняются тем, «что часть общества упорно добивается землеустройства, предъявляя ряд ходатайств членов своих семейств, находящихся на войне и настаивающих на скорейшем выделе, другая же часть ссылается на такой же уход родных на войну и ходатайствует до их возвращения не удовлетворять добивающихся выдела»¹.

Примером ходатайств первого рода может служить прошение рядового военно-полицейской роты при штабе 48-й пехотной дивизии крестьянина с. Велико-Михайловки Курской губ. Петра Мураховского, поданное министру земледелия. Мураховский просил ускорить утверждение за ним выделенного землемером участка земли. «Означенная земля в количестве двадцати шести десятин, — говорится в прошении, — была куплена мною от разных крестьян слободы и находилась в отдельных участках, такая разрозненность была неудобна...

¹ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 51, д. 151, л. 33—33 об.

На покупку означенной земли я израсходовал более пяти тысяч рублей... поэтому прошу в. впр. назначить расследование этого дела и понудить комиссию утвердить этот участок...»¹

А вот жалоба другого рода, направленная на «высочайшее» имя, но уже не из военно-полицейской роты, а из окопов 19-й дивизии. Жалуясь на злоупотребления при нарезке земли в с. Свидовце Козелецкого уезда Черниговской губ., проситель, как умеет, пишет:

«Несправедливость нарезки следующая: негодьям и уклоняющимся от службы (но в настоящее время они близки к землемерам), нарезано больше, нежели было, ближе к селу и лучшей [земли]; священникам нарезано вместо 36 десят. до 46 десят. лучшей и около села. А у тех, кои со дня мобилизации и поныне в окопах, забрано последнее, и жены наши обращаются к землемерам, но последние не обращают внимания, выгоняют, оскорбляя их разное. В этом году приказано запахать каждому свой участок и таким образом мы и наши дети остаемся обиженными и собственность, которую мы защищаем, у нас отобрали и отдали негодьям и мошенникам. О чем мы, выполняя свой долг и присягу, просим в. и в., сделайте по сему распоряжение, дабы это было приостановлено до окончания великой войны.

Июня 10 дня 1916 г. И. Г. П.»²

Понятно, что власти внимали, прежде всего, просьбам кулаков, или совсем не попавших на фронт, или окопавшихся в санитарных поездах или военно-полицейских ротах, подобно упомянутому Мураховскому, а не жалобам крестьянской бедноты, тосковавшей по земле в грязных окопах. Например, первое, что поспешило сделать начальство по только что приведенной жалобе, было установление личности солдата, пытавшегося скрыть свое имя под инициалами «И. Г. П.»

О ходе землеустроительных работ в годы войны дают представление следующие данные органов землеустройства, видоизмененные здесь для большей наглядности³.

¹ ЦГИАЛ, ф. 930, оп. 1, д. 52, л. 90—92.

² ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 51, д. 151, л. 31.

³ «Известия земского отдела» № 1, 1917 г., стр. 13.

Землеустройство в годы войны

Годы	Число домохозяйств, подавших ходатайства (в тыс.)	Подготовлено землеустроит. проектов		Утверждено землеустроительных проектов			
		число хозяйств (в тыс.)	% к числу просителей	Число домохозяйств (в тыс.)	% к числу просителей	Площадь	
						всего (тыс. дес.)	на 1 двор (дес.)
1907—							
1912	3 859,7	2 054,4	53,2	1 107,4	28,7	9 947,7	9,0
1913	1 105,7	807,7	73,0	386,6	35,0	2 977,6	7,7
1914	828,1	647,4	78,2	472,1	57,0	3 906,1	8,3
1915	380,9	321,8	84,5	394,4	103,5	3 418,1	8,7
Итого	6 174,4	3 831,3	62,1	2 360,5	38,2	20 249,5	8,6

Первое, что обращает на себя внимание в приведенной таблице, — уменьшение числа ходатайств о землеустройстве с 1105,7 тыс. в 1913 г. до 828,1 тыс. в 1914 г. и до 380,9 тыс. в 1915 г. Здесь необходимо иметь в виду принудительный характер большинства этих «ходатайств». С началом войны получать эти «ходатайства» от селений, где есть желающие выделиться, землеустроителям стало значительно труднее. «Отсутствие многих хозяев, — жаловался орган земского отдела Министерству внутренних дел, — сильно затрудняет возможность составления требуемого законом большинства голосов для перехода всей деревни к единоличному владению. Труднее осуществим и выдел многоземельных дворов»¹. При этом не упоминается главная причина этих трудностей — решительное противодействие крестьян составлению большинства на сходах, которого добивались выделенцы и их покровители.

При таких условиях землеустроители взяли курс главным образом на осуществление землеустройства в тех селениях, где «ходатайства» были вырваны у крестьянских сходов еще до войны. Но как только известия об этой тактике достигли действующей армии, оттуда пошли письма с требованием солдат к своим женам категори-

¹ «Известия земского отдела» № 1, 1917 г., стр. 12.

Проводы сына на войну после побывки
Фото. (Гос. музей революции СССР)

чески отказываться от приговоров, составленных сходами до войны. Характерные свидетельства этому сохранились в донесениях саратовского губернатора о настроении населения за 1915 г. В одном из этих донесений указывается, что противодействие жен-солдаток работам по землеустройству является, с одной стороны, результатом «агитации противников осуществления законов о новом землеустройстве», а с другой стороны, — результатом «переписки мобилизованных со своими семьями, притом мобилизованных, земли коих выделяются по их собственному желанию, заявленному еще до войны. В этом сказывается уверенность мобилизованных, что после войны земельное положение их будет и без того улучшено в более выгодной для них форме, нежели путем осуществления действующих ныне законов. Эта уверенность все глубже пускает корни в деревне»¹.

Еще яснее говорит об этом другое донесение: «Характерно то обстоятельство, что противодействие встречает

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 108, ч. 62, л. 7 об.

осуществление землеустроительных работ даже вполне бесспорных, начатых до войны по ходатайствам самих же крестьян»¹.

Несмотря на протесты крестьян, землеустроители продолжали работы по землеустройству и особенную активность развили по утверждению землеустроительных проектов. Так, если в 1913 г. было утверждено проектов для 386,6 тыс. хозяйств, которые составляли 35,0% к числу просителей за 1913 г., то в 1915 г. проекты были утверждены для 394,4 тыс. хозяйств. Это число превысило число просителей на 3,5%.

Следует отметить, что в годы войны повышалось количество земли, приходившееся в среднем на землеустроенный двор (8,7 дес. в 1915 г. против 7,7 дес. в 1913 г.). Это показывает, что землеустроительные органы старались землеустроить, прежде всего, те селения, где этого больше всего требовали интересы кулачества.

Землеустроительная политика царского правительства в годы войны вызвала резкий подъем борьбы крестьянства против кулаков и землеустроителей, и эта борьба в конечном счете сорвала попытку царизма использовать войну для ускоренного насаждения хуторов и отрубов. 29 ноября 1916 г. царем был утвержден закон о прекращении землеустроительных работ.

Несколько слов необходимо сказать о политике царского правительства по отношению к кооперации, в том числе и к сельской кооперации. Как известно, в годы войны отмечались тяга населения к кооперированию. Изменения, происшедшие в кооперативном движении в годы войны, прослеживаются из сопоставления следующих цифр². (См. табл. 103 на стр. 336).

Как показывает таблица, распространившееся в нашей литературе мнение о резком росте кооперации в годы первой мировой войны в значительной мере преувеличено, по крайней мере для периода до 1917 г. Чтобы

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 108, ч. 62, 8—8 об.

² «Объяснительная записка министра финансов к росписи доходов и расходов на 1915 г.», ч. II, стр. 36 (данные за 1908—1912 гг.); «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый», стр. 562—569 (данные за 1913—1916 гг.).

Рост кооперации

Состо- яло на 1 января	Число членов ко- оперативов (тыс. чел.)		Оборотные фонды (млн. руб.)			
	кре- дитных т-в	ссудо- сберегат. т-в	итого	кре- дитных т-в	ссудо- сберегат. т-в	итого
1908	830	545	1 384			
1910	1 768	822	2 590			
1912	3 353	1 394	2 747			
1913	4 868	1 726	6 594	214	256	470
1914	6 209	2 044	8 253	305	309	614
1915	7 727	2 260	9 487	382	328	710
1916	7 787	2 297	10 084	452	331	783
1917	8 162	2 315	10 477	601	382	983

убедиться в этом, достаточно сравнить цифры роста числа пайщиков в кредитных и ссудо-сберегательных товариществах до войны и в годы войны. С 1908 г. по 1 января 1914 г. в кооперативы вступило 6 869 тыс. членов, т. е. ежегодно зачислялось в пайщики 1 374 тыс. человек, тогда как с 1914 г. до 1 января 1917 г. кооперативы выросли на 2 224 тыс. человек, что составляет по 741 тыс. в год. Тем не менее факт стремления крестьянства к кооперативному объединению не подлежит сомнению. Для периода войны это особенно заметно в отношении потребительской кооперации, в которой малоимущие слои населения искали выхода из тяжелого положения, созданного дороговизной предметов первой необходимости и нехваткой их в частноторговом обороте.

Как известно, в деревне до войны наибольшее развитие получили кредитные и ссудо-сберегательные товарищества. И те и другие явились для зажиточных слоев деревни удобной формой мобилизации крестьянских свободных средств и использования их для интенсификации своего хозяйства.

Наибольшее значение в деятельности кредитной кооперации до войны имела ссудная операция. В годы войны сократились возможности для приобретения машин, удобрений, племенного скота и т. п. средств интенсификации сельского хозяйства. Поэтому ссудные операции подверглись значительному сокращению.

В этих условиях кулацкая верхушка кооперации все больше налаживает контакт с правительством, организуя через кооперативы поставки на армию предметов питания и ободно-вещевого снабжения. Место ссудной операции в кредитных кооперативах заняла посредническая операция. В этом состояла одна из причин того, что правительство не противодействовало образованию и росту низовой сети кооперативных организаций.

Другой немаловажной причиной являлось то, что денежные капиталы зажиточной части деревни, лишившись в значительной мере возможностей производительного помещения, отлагались в кредитных и ссудосберегательных кооперативах в виде вкладов. За один только 1916 г. вклады в кредитных товариществах с 69,4 млн. руб. выросли до 203,7 млн. руб.¹ Эти капиталы можно было мобилизовать для финансирования войны, что и делало царское правительство. Процент бумаг в портфеле кредитных товариществ вырос с 26,0 млн. руб. в 1915 г. (3,3% баланса) до 89,7 млн. руб. в 1916 г. (9,1% баланса)².

Другое отношение со стороны царского правительства встречало усилившееся в годы войны течение за создание кооперативных союзов. Известно, что кооперация в целом находилась под идейным влиянием буржуазии в лице партии кадетов и мелкобуржуазных партий, которые пытались использовать кооперативное движение в своих политических целях, получить в кооперативном движении опору на массы, силу в их тяжбе с царизмом относительно участия в государственном управлении.

Кооперативные союзы в годы войны росли чрезвычайно быстро. В сентябре 1915 г. в Псковской губ. около 200 льняных кооперативов составили так называемое «Центральное товарищество льноводов». Создан был целый ряд междугубернских кооперативных центров. Было создано немало съездов кооперативных деятелей —

¹ Г. А. Вацуро, Положение мелкого кредита в 1916 году. На 1-е января 1917 года, Пг., 1918, стр. 4.

² Там же, стр. 5.

в Москве, Вологде, Перми, Твери, Костроме, Одессе, Ростове-на-Дону, Чите и т. д.¹ Наконец, летом 1915 г. в Москве явочным порядком был создан Центральный комитет кооперативов, в котором главную роль играли такие буржуазные деятели, как В. Н. Зельгейм и С. Н. Прокопович.

Правительство внимательно следило за деятельностью буржуазного руководства кооперативных союзов и съездов, поскольку были основания для беспокойства относительно их политической позиции.

Так, на вологодском съезде (август 1915 г.), проходившем под председательством князя Д. И. Шаховского, выявились политические претензии деятелей кооперативного движения. Сам председатель пытался призывать «к борьбе с экономической разрухой путем союзных объединений кооперативов для сплоченной работы по заготовке нужных для армии предметов. Деятельность комитетов, — убеждал он, — должна быть вне политики...»² Однако уже следующий оратор, Л. Арманд, утверждал, что «силою вещей кооперация в настоящее время займется политикой»³.

Вследствие попытки съезда принять резолюцию об «ответственном министерстве» съезд был разогнан полицией. Такая же участь постигла съезд в Чернигове, был закрыт съезд в Киеве и т. д. 2 ноября 1915 г. был закрыт и Центральный комитет кооперативов.

Об экономической основе союза кулацкой верхушки низовых кооперативов и буржуазных верхов кооперативного движения дает представление речь на вологодском съезде В. Ф. Тотомианца, который говорил, что война полезна для кооперативного движения, что «война создала спрос заказов на армию, оживилась посредническая деятельность кооперативов, увеличились вклады в кредитные товарищества»⁴.

Эта экономическая сторона дела лежала и в основе того, что, несмотря на показную оппозиционность, ко-

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 158, л. 37 (Записка о кооперативном движении).

² «Хуторянин» № 40—41, 1915 г., стр. 857.

³ Там же.

⁴ Там же.

оперативные деятели активно сотрудничали с правительством в различных органах по снабжению армии, таких, как Особое совещание по продовольствию, центральный военно-промышленный комитет, областные союзы земств и городов.

Между тем рядовые члены кооперативов ждали от кооперации борьбы с дороговизной, упорядочения снабжения и т. д., в их рядах росло возмущение против своекорыстной экономической политики и соглашательской тактики кооперативного руководства. Поэтому как внутри низовых кооперативов, так и вокруг образования комитетов и союзов усиливалась борьба, в которой все более выдвигалась роль революционно-настроенных народных масс, прежде всего рабочих.

Особенно яркую страницу этой борьбы составляли выборы в Москве в правление многотысячного общества потребительских кооперативов, носившего название «Кооперация». Эту организацию пытались сколотить С. Прокопович, Е. Кускова и др. На состоявшемся в декабре 1915 г. общем выборном собрании из 17 540 членов подали избирательные бюллетени только 3421 человек, да и те прежде чем подать свои бюллетени вычеркивали из списков кадетов, имена которых им были известны. Этим рядовые члены кооперативов дали кадетам ясно понять, что кооперации нужны другие вожди.

Борьба внутри кооперации велась и в деревне. Кооперация явилась одним из участков борьбы, где шло политическое просвещение масс на практическом опыте борьбы и прививались элементы организации.

Крестьянское движение в России в годы войны

Рассмотренная выше крутая ломка экономической жизни в условиях затянувшейся разрушительной войны, дальнейшие изменения в составе и взаимных отношениях социальных слоев и групп деревни, новые явления в отношениях деревни с городом, положение на фронтах и общие условия военного времени — все это по-своему

влияло на сознание крестьянства и определяло направления, характер и масштабы революционной борьбы крестьянства.

Крестьянскому движению в годы мировой войны в нашей исторической литературе посвящена лишь одна небольшая работа Я. Крастынь, вышедшая в свет еще в 1932 г.¹ Правильно показывая развитие революционной борьбы крестьян в годы войны, автор невольно преуменьшил ее размах, поскольку не располагал достаточными данными. Дальнейшее изучение архивных материалов дает возможность показать более полно размеры крестьянского движения в военные годы².

Нами используются главным образом жандармские и губернаторские донесения в департамент полиции, а также общая переписка по губерниям и дела с перепиской, вызванной обстоятельствами военного времени³ и др. В полицейских донесениях очень часто отсутствуют сведения о некоторых весьма крупных выступлениях крестьян. Эти документы рисуют положение обычно в приукрашенном виде, делая упор на «патриотизм» крестьянства и его преданность царю. Так, например, в донесениях атамана войска Донского, как и в жандармских донесениях, ничего не говорится о волнениях, имевших место в станицах, граничащих с Черноярским уездом Астраханской губернии; между тем по донесениям астраханского губернатора известно, что волнения в этом уезде на почве дороговизны перекинулись сюда в июле 1916 г. из соседних станиц Донской области⁴. В большинстве факты возмущений крестьян преуменьшены. Так, решительное сопротивление жителей села Светлый Яр Астраханской губ. выделу отрубников изображается так, будто бы только «наблюдалась некоторая неприязнь между общинниками и выделенцами, проявив-

¹ Я. Крастынь, Революционная борьба крестьян в России в годы империалистической войны (1914—1916), М., 1932.

² В настоящей работе не рассматриваются выступления крестьян в связи с мобилизацией, о которых см. А. Б. Беркевич, Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г., «Исторические записки», т. 23, 1947 г.

³ ЦГИАМ, ф. 102, дела 4-го д-ва, отчасти 9-го и 10-го д-в.

⁴ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 108, ч. 4, л. 13 об.

шаяся в уничтожении межевых знаков»¹. В ряде случаев полицейские документы скрывают массовый характер выступлений, изображая их как протест отдельных крестьян. Так, в одном из губернаторских донесений указывается, что в с. Калиновском Александровского уезда Ставропольской губ. 4 декабря 1915 г. при взыскании земских недоимок «семья местного крестьянина Исакова оказала вооруженное сопротивление властям»². По другим данным оказывается, что «семья» Исаковых оказала успешное сопротивление земскому начальнику, трем стражникам и приставу и что было арестовано 11 «главарей» выступления. Характер источников, следовательно, говорит о том, что движение крестьян в действительности носило значительно более широкий размах и что имеющиеся в распоряжении историка материалы могут в лучшем случае показать лишь минимум того возмущения, которое росло в деревне в годы первой мировой войны.

Большие трудности представляет подсчет числа крестьянских выступлений. Приходится, например, считать за одно выступление восстание крестьян 23 сел Балтского уезда Подольской губ. против сельскохозяйственной переписи, поскольку нет подробного описания этого восстания. Некоторые волнения, возобновлявшиеся день за днем, принимаются за одно выступление, если на всем их протяжении действовали одни и те же причины. В ряде случаев приходится считать за одно выступление такие движения, которые складывались из многих отдельных выступлений, не детализируемых документами. Примером может служить широкое движение крестьян Грайворонского уезда Курской губ. против землеустройства, имевшее место в августе 1914 г., о котором в телеграмме губернатора в штаб Киевского военного округа от 13 августа 1914 г. говорилось, что в «Грайворонском уезде у крестьян происходят массовые выступления против землеустроителей, грозящие серьезными осложнениями»³.

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1914 г., д. 108, ч. 4, л. 12 об.

² ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 67, ч. 1, л. 6—7.

³ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1914 г., д. 141, ч. 34, л. 2.

Как уже показано в главе I, в России еще до начала мировой войны существовала объективная основа для роста революционной борьбы крестьянства как против помещиков и царизма, так и против деревенской буржуазии. Революция 1905—1907 гг. не привела к такому решению аграрного вопроса, за которое боролось крестьянство. После революции царизм взял курс на разрушение крестьянской общины и насаждение в деревне слоя «крепких хозяев». Столыпинская реформа, проводившаяся крепостниками, не устранила пережитков крепостничества в деревне, не привела к победе капиталистических производственных отношений.

Несмотря на проведение реформы, община продолжала существовать, крепкого слоя кулаков создать не удалось. Избавиться от наиболее беспокойных элементов путем переселения также не удалось: возвращенцы, число которых все росло, представляли собой еще более беспокойный элемент, чем переселенцы. Сохранилась и основа полукрепостнической эксплуатации — помещичье землевладение. Подводя итоги столыпинской реформы, В. И. Ленин писал: «Все противоречия обострились, возросла эксплуатация, возросли арендные цены, *совершенно ничтожен* прогресс хозяйства»¹. По словам В. И. Ленина, реформа являлась второй после 1861 г. «чисткой земель» для капитализма, проводимой в целях спасения помещичьего землевладения, за счет ограбления и разорения крестьянской бедноты.

Столыпинская реформа углубила расслоение крестьянства, усилила классовые противоречия в деревне, вызвала рост борьбы сельских пролетариев и беднейших крестьян против кулаков (так называемая «вторая социальная война в деревне»). Однако к началу первой мировой войны преобладающей осталась «первая социальная война», т. е. борьба всего крестьянства против помещиков и царизма. В результате реформы крестьянство не было настолько расколото, чтобы оказаться

¹ В. И. Ленин, Некоторые итоги «землеустройства». Соч., т. 18, стр. 543.

не способным к революционно-демократическому выступлению. Его борьба, как и в 1905 г., могла принять в России общенациональный характер, ибо главным нерешенным вопросом оставался аграрный, а основным стремлением крестьянства — отнять у помещиков землю.

Вместе с тем, учитывая двойственную природу крестьянства, нельзя переоценивать его революционную самостоятельность. Используя собственнические тенденции мелких хозяев, господствующим классам не раз удавалось отвлекать крестьян от классовой борьбы демагогическими лозунгами. Так случилось и в начале войны, когда мелкобуржуазная природа крестьянства проявила себя в виде шовинистических настроений. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Все буржуазное общество, все классы Германии вплоть до крестьянства стояли за войну (в России, по всей вероятности, *тоже* — по крайней мере большинство зажиточного и среднего крестьянства с очень значительной долей бедноты находилось, видимо, под обаянием буржуазного империализма)»¹.

Начавшаяся война не только не ослабила аграрных противоречий, но вопреки расчетам помещиков и буржуазии еще более обострила их. Она принесла новые тяготы и бедствия для трудящегося крестьянства, и угар шовинизма стал очень быстро рассеиваться.

Уже мобилизация отчасти показала правящим верхам, что нельзя рассчитывать на длительное влияние шовинистических настроений и на сочувствие крестьянства войне.

Опасаясь нового подъема рабочего и крестьянского движения, царское правительство предприняло ряд мер. На большую территорию страны было распространено военно-полевое управление, на военном положении были объявлены 38 губерний Европейской части России, и население их было подчинено военным властям с их военно-полевыми судами и карательными экспедициями. На остальной территории страны на полгода был введен режим чрезвычайной (усиленной) охраны. Губернаторы становились главноначальствующими губерний, им пре-

¹ В. И. Ленин, О брошюре Юниуса. Соч., т. 22, стр. 303.

доставлялись очень широкие полномочия; в необходимых случаях они могли передавать власть военному командованию. В то время когда наиболее активная часть мужского населения ушла в армию, в распоряжении губернаторов оставался весь полицейский аппарат. Положение о чрезвычайной охране продлевалось впоследствии каждые полгода.

Военно-полицейский режим и непрекращающиеся мобилизации людей намного затруднили работу большевистских организаций среди крестьянства в период войны. Но большевики ни на минуту не прекратили своей работы по упрочению союза рабочего класса и крестьянства, по организации широких масс трудящихся на революционную борьбу.

В. И. Ленин внимательно следил за теми социально-экономическими сдвигами, которые принесли в деревню столыпинская реформа и начавшаяся затем мировая война, и ориентировал партию на то, чтобы строить работу с учетом этих изменений. Программой в этом отношении была статья «О двух линиях революции», напечатанная в газете «Социал-Демократ» 20 ноября 1915 г. В ней В. И. Ленин указал, что, несмотря на волну шовинизма и национализма, «теперь мы снова идем к революции. Это все видят»¹. Касаясь положения крестьян, В. И. Ленин отмечал, что их главным врагом остается помещик. «В России мелкобуржуазные народные массы, главным образом крестьянство, составляют попрежнему большинство населения. Они угнетены в первую голову помещиками. Они политически частью спят, частью колеблются между шовинизмом («победа над Германией», «оборона отечества») и революционностью»². Учитывая особенность создавшейся в результате войны обстановки, В. И. Ленин сформулировал основную задачу пролетарской партии по отношению к крестьянству: «Беззаветно смелая революционная борьба против монархии (лозунги конференции января 1912 г., «три кита»), — борьба, увлекающая за собой все демократические массы, т. е., главным образом, крестьянство»³.

¹ В. И. Ленин, О двух линиях революции. Соч., т. 21, стр. 380.

² Там же стр. 380—381.

³ Там же, стр. 381.

Столыпинская реформа и мировая война ускорили процесс расслоения крестьянства, что «усилило классовую борьбу внутри него, пробудило очень многие политически спавшие элементы, приблизило к городскому пролетариату сельский...»¹ Разоблачая меньшевиков, не желавших вести революционную работу в деревне, В. И. Ленин писал: «А в этом сейчас гвоздь. Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, *то есть* за привлечение крестьянства, за *исчерпание* его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении *буржуазной* России от *военно-феодального* «империализма» (=царизма)»².

Указывая на неизбежность буржуазно-демократической революции в России, В. И. Ленин в то же время в происшедших классовых сдвигах в деревне, как и в других явлениях, видел возможность перерастания этой революции в социалистическую.

Большое значение для революционной работы в деревне имела партийная литература и прежде всего листовки. Распространение их среди крестьян в годы войны стало трудным делом. Однако наиболее активная часть крестьянства, переодетая в солдатские шинели и находившаяся в окопах мировой войны, подвергаясь влиянию большевистской печатной и устной агитации, становилась распространителем этого влияния на остававшихся в деревне крестьян через письма, отпускников, демобилизованных по ранениям и т. п. Большевистские организации в листовках, обращенных к рабочим, призывали их крепить боевой союз с крестьянами. Так, следуя указаниям Центрального Комитета партии, петроградские большевики в своей агитации настойчиво проводили лозунг: «Да здравствует конфискация помещичьей земли в пользу крестьян!»³ «Только рабочие вместе с трудовым крестьянством, — говорилось в одной из прокламаций московских большевиков, — могут пре-

¹ В. И. Ленин, о двух линиях революции. Соч., т. 21, стр. 382.

² Там же, стр. 382—383.

³ См. «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917 гг.», л. 39, стр. 121, 165 и др.

кратить эту кровавую схватку... Пришла пора сомкнутыми рядами идти против царских палачей»¹.

Особое значение приобрела работа партийных организаций в районах сосредоточения больших масс солдат. Большую активность проявляла в этом отношении Социал-демократия Латышского края (СДЛК). СДЛК разъясняла солдатам: «... почему теперь крестьянам приходится покинуть деревню? К этому их принуждает политика правительства, которое всю земельную собственность передало (так в тексте. — А. А.) в руки небольшой горсточки помещиков. Этому способствует закон 9 ноября, который «в законном порядке» делает крестьян должниками помещиков»². В другой листовке (апрель 1916 г.) указывалось: «Наши семейства голодают... В то же самое время у помещиков скота и хлеба достаточно, и этим они наживают громадные богатства и после войны будут держать нас в полном рабстве»³.

Большевистские листовки и устная пропаганда в войсках делали свое дело. Письма солдат с фронта все чаще свидетельствовали об этом. Так, воронежский губернатор 1 мая 1915 г. доносил, что солдаты в письмах к женам «категорически требуют прекратить всякие причитающиеся с них платежи»⁴. Крестьянин села Бычки Богучарского уезда Воронежской губ. М. И. Попов получил анонимное письмо, «в котором, по словам губернатора, от имени призванных солдат содержится угроза жестоко расправиться по возвращении с войны со всеми домохозяевами, переходящими к владению земель на началах личной собственности, причем автор угрожает посчитаться также с волостным старшиной и урядником, оберегающими законные интересы собственников»⁵. Подобных писем из числа перлюстрированной переписки можно привести множество.

Нет сомнения, что местные партийные организации и во внутренних губерниях не прекращали работу среди

¹ «Листовки Московской организации большевиков, 1914—1925 гг.», М., 1954, стр. 24.

² «Исторический архив» № 4, 1958 г., стр. 59.

³ Там же, стр. 60.

⁴ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 14, ч. 7, л. 7.

⁵ Там же, л. 4.

крестьян, откликаясь на события местной деревенской жизни. Из сообщения харьковского губернатора известно, например, что событиям в селениях Уды и Н. Сыроватка (см. ниже) была посвящена специальная прокламация, изданная организацией, названной в донесении «Харьковским украинским социалистическим коллективом»¹. Конечно, чрезвычайно трудно учесть и показать кропотливую, полную опасностей и самоотвержения работу местных партийных организаций в деревне в годы мировой войны. В условиях строгой конспирации и полицейского террора очень многие документальные материалы, свидетельствующие о работе большевиков среди крестьян, не сохранились. Исследование данного вопроса не входит в задачу настоящей работы. Здесь лишь необходимо подчеркнуть, что большевистская партия и в годы первой мировой войны не упускала из виду работу по организации революционной борьбы трудящегося крестьянства, по сплочению его вокруг пролетариата.

В военных условиях эта работа должна была сосредоточиться, прежде всего, в массах рабочих и солдат, где партийных сил было больше и где пропаганда и агитация могли принести наибольшие результаты. Вследствие этого, а также ввиду разгрома ряда местных организаций работа партии непосредственно в деревне была в период войны несколько ослаблена.

Мобилизация не могла, конечно, не повлиять на крестьянское движение. Остававшиеся в деревне запасные под угрозой отправки в армию или судебно-административных репрессий вынуждены были соблюдать особую осторожность. В этих условиях в революционной борьбе, как и в ведении хозяйства, более значительную роль начинают играть женщины. Такова характерная особенность революционного движения в деревне в годы первой мировой войны. Данное обстоятельство наряду с усилением репрессий объясняет и менее организованный, стихийный и разрозненный характер борьбы, особенно в первые месяцы войны.

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 108, ч. 83, л. 14.

Выступления масс против войны и мобилизации только в некоторых местах временно отодвинули на второй план аграрное движение. В ряде районов они, напротив, послужили даже стимулом к разворачиванию такого движения, особенно там, где были живы традиции 1905—1907 гг. Так, саратовский губернатор в донесении о настроении населения в июле 1914 г. писал, что вторая половина июля «в связи с объявлением войны сопровождалась высоким подъемом настроения в городах и взрывом озорских и буйных наклонностей в сельских местностях, лишний раз доказав, насколько сельское население губернии неустойчиво в своем спокойствии, насколько живы еще в нем воспоминания 1905—6 гг.» В связи с этим в первые дни войны в Саратовской губ. административным взысканиям было подвергнуто 350 запасных и других лиц¹.

Уже к концу 1914 г., когда стало ясно, что надежды на быстрый разгром Германии рухнули, шовинистический угар начал быстро рассеиваться и среди крестьянства. Характерно в этом отношении донесение курляндского губернатора о настроении населения за декабрь 1914 г.

«Крестьянское население, — говорилось в нем, — сосредоточенно ожидает окончания войны. О том, какое оно тогда займет положение, можно в известной степени судить по результатам волостных выборов на общественные должности, о коих приговоры начали поступать к комиссарам по крестьянским делам. Почти повсюду избраны наиболее левые элементы и из числа последних весьма многие участники бунтовщического движения 1905—1906 годов»².

Борьба крестьян против помещиков с началом войны не только не ослабела, но даже заметно усилилась. Так, за предшествовавшие войне 6,5 месяцев 1914 г. по полицейским документам выявлено 20 выступлений против помещиков и за остальные 5,5 месяцев — 65. В 1915 г. их было 24, и лишь в 1916 г. число их упало до 16. Это падение, по-видимому, было связано с даль-

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1914 г., д. 108, ч. 62, л. 12—13.

² ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1914 г., д. 108, ч. 33, л. 31.

нейшими мобилизациями трудоспособных мужчин, т. е. той части населения, которая была больше связана с помещичьими экономиями. Не исключена, конечно, и утрата документальных следов.

Наибольший размах приобрела борьба с помещиками в Волынской, Минской, Могилевской, Подольской, Тамбовской, Нижегородской губерниях. Большой остротой отличалась борьба крестьян за землю, доходившая до настоящих сражений с помещиками и защищавшей их полицией. Примером может служить выступление крестьян с. Выгово Овручского уезда Волынской губ. 6 апреля 1915 г. в с. Выгово прибыли городской архитектор, судебный пристав, урядник и одиннадцать стражников, чтобы отобрать у крестьян участок земли в пользу вдовы генерал-майора Дейнякина. Толпа крестьян немедленно бросилась к месту обмера. Крестьяне напали на стражников, били их палками, оглушили урядника и сорвали работу по обмеру земли¹. 25 апреля 1916 г. служащие имения помещицы Отфиновской пытались помешать крестьянам с. Рысвьянки пасти скот на незасеянном помещичьем поле. Крестьяне, вооружившись палками и кольями, оказали страже упорное сопротивление. Толпу крестьян удалось разогнать лишь с помощью вызванных казаков и драгун². Антипомещичьи волнения имели место также в дер. Сгаевской, в с. Малая Радогощ, в м. Романове, в с. Великие Зазулинцы, в с. Гометино, в с. Воля-Островецкая и других селениях Волынской губ.

В ходе мобилизации призываемые в армию крестьяне Минской губ., чтобы обеспечить дровами свои семьи, начали массовые порубки в помещичьих лесах. Во время одной из них жители дер. Конковичи Мозырского уезда оказали вооруженное сопротивление полиции и лесной страже помещика Снитковского³. Подобный же случай произошел в районе имения Славковичи Бобруйского уезда, 22 июня 1915 г. при попытке властей отобрать у крестьян нарубленный лес⁴. Порубки леса отме-

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 13, ч. 1, л. 2—2 об.

² ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 13, ч. 1, л. 1.

³ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1914 г., д. 40, ч. 1, л. 22—23.

⁴ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 165, л. 11.

чались в 1916 г. в имении Седельники Мозырского уезда и Сеннинском уезде Могилевской губ. (дер. Пузьки, Великое Село, Пески, Рубежи, Подворицы)¹.

Крестьяне во время войны широко практиковали самовольные выпасы скота на помещичьих лугах и пастбищах и отстаивали свое право на это, применяя силу. Так, в Шацком уезде Тамбовской губ. рабочие кн. Кугушева загнали с лугов в имение до 50 лошадей, принадлежавших крестьянам дер. Никоновой. 30 сентября 1915 г. жители последней, вооруженные кольями, явились в имение, сбили замок на воротах сарая и выпустили всех лошадей².

Царское правительство для защиты помещичьих имений от крестьян не останавливалось перед самыми крутыми мерами, особенно в районах, объявленных на военном положении, где всю полноту власти держало в руках военное командование. Так, из донесения волынского губернатора от 28 августа 1914 г. за № 3169 известно, что на почве спора жителей с. Малой Радогощи Острогжского уезда с помещицей Юлией Либединской из-за пруда крестьяне в ночь на 6 августа 1914 г., «раскопав плотину, выпустили из пруда воду». За это по приказу начальника Острогжского гарнизона «8 августа были наказаны розгами, по 25 ударов, сельский староста Криницкий, десятский Ясинский, подозреваемые крестьяне-рыболовы (8 чел. — А. А.) и часть крестьян по счету десятый. Всего же наказано 21 человек»³.

Случаи подобного рода расправ становились широко известными далеко за пределами подвергнутых экзекуции селений, вызывая ненависть не только к помещикам, но и к ограждавшему их интересы царизму. Война и связанные с ней тяготы усилили борьбу крестьян против царских властей.

Резкое возмущение вызывали в деревнях бесконечные наряды на воинские перевозки и окопные работы, вся тяжесть которых властями перекладывалась на плечи крестьян, в то время как помещиков обычно осво-

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 4, ч. 1, л. 1—1 об.

² ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 72, ч. 1, л. 23.

³ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1914 г., д. 141, ч. 13, л. 10 об.

бождали от этих государственных повинностей. Крестьяне с. Слипчиц Житомирского уезда Волынской губ. 26 октября 1916 г. отказались выполнить очередной наряд на высылку четырех подвод и пришли с этим требованием в имение помещицы Душинской. Получив отказ в выдаче подвод, они самовольно вывели четырех барских лошадей, несмотря на угрозы урядника. На следующий день крестьяне оказали сопротивление стражникам, забравшим у них помещичьих лошадей¹.

Оборонительные работы, очень плохо организованные, накладывали на население особые тяготы, и оно всячески уклонялось от исполнения этой повинности. Военные власти прибегали к самым крайним мерам для того, чтобы принудить крестьян к строительству оборонительных сооружений. В первых числах июля 1915 г. несколько крестьян с. Сидорка Бельского уезда Холмской губ. без разрешения ушли с работ в Брест-Литовской крепости. Представитель военных властей, прибывший в селение с драгунами и врачом, «вызвал самовольно отлучившихся и троих подверг телесному наказанию, остальных же приказал подвергнуть аресту на различные сроки...»²

Одной из причин роста возмущения крестьянства было увеличение налогов и сборов. Особенно резко это проявлялось в тех губерниях, где земства вводились вновь. Земские сборы становились в таких случаях для крестьян совсем новым и самым большим налогом, тогда как мирские сборы не снижались. Тяжелую и упорную борьбу вели против введения земств и земских сборов крестьяне Ставропольской губ. В ноябре 1914 г. в с. Александрия Благодарненского уезда были арестованы организаторы этой борьбы. 23 ноября толпа крестьян отбила арестованных, избива урядника и старшину, разгромила дом члена уездной земской управы и дом волостного правления и сожгла земскую школу. Стражники дали по толпе два залпа, после этого началась перестрелка с обеих сторон. Крестьяне вели ружейный огонь по полиции с чердаков и крыш. На помощь им

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 13, ч. 1, л. 9.

² ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 108, ч. 70, л. 6.

пришли жители соседних сел. В результате было убито трое и ранено семеро крестьян. Вице-губернатор, прибывший на место сражения, с 70 казаками подавил волнения, охватившие уже семь селений¹. Однако в январе 1915 г. борьбу возобновили крестьяне Ставропольского уезда. Полицейские донесения отмечают брожение в селах Надежде, Старой Марьевке, Татарке, Михайловке, Кугульте, Казинке. «Крестьяне этих сел, — говорилось в донесении, — проявляют склонность и решимость бороться с земством, по-видимому, до крайности»². Так как сельское население упорно отказывалось платить земские сборы, приходилось взыскивать их принудительным порядком. Так, 17 марта 1915 г. в с. Надежду были присланы 60 конных полицейских и полсотня казаков «для насильственного угона на продажу в г. Ставрополь скота, принадлежащего тем крестьянам названного села, которые из упрямства не желают платить земские налоги. Пробыв в с. Надежде почти двое суток, отряд этот сравнительно благополучно в ночь на 19 марта возвратился в Ставрополь и привел с собой 3 крестьян, арестованных за грубость и противодействие земскому начальнику и исправнику, и 24 головы рогатого скота». «Из крестьян серьезно пострадавших нет; есть один сбитый и помятый лошадей и несколько десятков избитых нагайками»³. Такие действия властей не сломили сопротивления крестьян введению земства. В отчете о настроении населения за январь 1916 г. губернатор должен был признать, что в губернии «продолжалось глухое противление земству, выражавшееся в форме упорных отказов от платежа земских сборов»⁴. Борьбу против земства вели также крестьяне Оренбургской губ. Это был протест против увеличивавшейся тяжести налогового обложения.

Одним из новых направлений крестьянского движения в годы войны была борьба против реквизиции лошадей, рогатого скота, повозок, теплых вещей и т. д. Реквизиция подобного рода в основе своей содержала не-

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1914 г., д. 67, ч. 1, л. 19—23.

² ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 108, ч. 67, л. 1 об.

³ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 67, ч. 1, л. 5—5 об.

⁴ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 108; ч. 67, л. 1.

эквивалентный обмен. Так, выше указывалось, что цена, по которой крестьянин мог купить на базаре лошадь, была вдвое выше той, по которой производилась реквизиция; к тому же крестьянин должен был терять время на приискание новой лошади¹.

Это положение было хорошо известно и высшим царским чиновникам. Так, исполняющий должность начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Аверьянов доносил в Ставку 3 октября 1916 г.: «Как показал широкий опыт поставок более 2 000 000 лошадей в течение двух лет войны, означенные правила (поставки.— А. А.), обеспечивая почти вполне интересы войск, не соблюдают вовсе экономических интересов населения, расшатывая, таким образом, в корне экономическую выносливость последнего, столь необходимую при ведении затяжной войны»². Дешевле рыночных цен оплачивались и другие реквизируемые предметы.

Принудительное изъятие у крестьян скота, зерна, фуража, повозок и т. п. вызвало волну крестьянских выступлений. Примером может служить сопротивление крестьян починка Александровского Яранского уезда Вятской губ., оказанное земскому начальнику и шести полицейским при попытке реквизировать овес и взять лошадей для его вывозки. Собравшаяся толпа крестьян не дала реквизировать овес и запретила кулакам отдавать его добровольно, угрожая разгромить их дома. По словам земского начальника, в толпе «чувствовалось такое состояние, что при одном неосторожном слове и движении... могла произойти свалка и политься невинная кровь»³. «Уже и теперь бывают случаи, — сообщал в 1915 г. председатель Заславской реквизиционной комиссии Минской губ., — сопротивления населения реквизирующим фураж военным частям, встречают их вилами у своих ворот, и в Бестайской вол[ости] ... бывали случаи, что пришлось связывать людей»⁴. Резкие

¹ ЦГВИА, ф. 2000, оп. III, д. 2507, л. 332.

² ЦГВИА, ф. 2000, оп. III, д. 2546, л. 122.

³ ЦГИАЛ, ф. 456, оп. 1, д. 118, л. 104—105.

⁴ «Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917)», т. III, стр. 829.

выступления вызвала начатая в конце 1916 г. кампания по изъятию хлебных запасов из крестьянских общественных магазинов.

Немало выступлений было связано с движением беженцев, которые претерпевали настоящие мытарства. Лишь в немногих местах были организованы пункты, в которых беженцы могли получить похлебку, но и здесь отсутствовали элементарные правила человеческого обращения с людьми. Беженцам не отпускали дров, не давали фуража. Вынужденные добывать все это любыми путями, они обратились к помещичьим имениям. В пригороде Бобруйска беженцы осенью 1915 г. растащили сад имения Станкевича. Минский губернатор объяснял это тем, что «организация по устройству беженцев последним дров не отпускала. Равным образом не выдавался и фураж, почему беженцы свой скот пасли в саду Станкевича»¹. Возмущение беженцев было настолько велико, что, по свидетельству того же документа, «малейший инцидент собирал огромную толпу враждебно настроенных беженцев»².

Особое место в революционной борьбе рабочих и крестьян в годы первой мировой войны принадлежит выступлениям против дороговизны предметов первой необходимости. Если в деревне в 1914 г. такого движения еще не было, то в 1915 г. согласно обнаруженным источникам имело место девять выступлений против дороговизны и спекуляции, а в 1916 г. число их возрастает до 203 из общего числа выступлений, равного 263³.

Характерной чертой этих волнений являлось то, что крестьянские протесты следовали в большинстве случаев за подобными выступлениями в городах.

Начало движению, вызванному недостатком хлеба и сахара и ростом цен на них, было положено крестьянами м. Берестечко, Дубенского уезда Волынской губ., которые уже в феврале 1915 г. стали задерживать хлеб, провозившийся торговцами в Галицию по разрешению

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 40, ч. 3, л. 44.

² Там же, л. 44 об.

³ Примером крупных выступлений против дороговизны были «беспорядки» в Самаре 19 сентября 1915 г. и в Оренбурге 23 ноября 1915 г. (ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 60, ч. 3, л. 4).

местных властей¹. Угрозы со стороны последних не помогали, и крестьяне продолжали отбирать вывозившийся хлеб. 20 апреля 1915 г. староста и десятские с. Голятина Берестечской волости задержали 34 мешка муки и роздали муку женам призванных запасных². 26 апреля 1915 г. крестьяне с. Вознесенье Олонецкой губ. числом около 200 чел., несмотря на противодействие полиции, произвели обыск в амбарах хлеботорговца Бармина³.

Более решительно против торговцев, повышавших цены, действовали мобилизуемые, не останавливаясь перед разгромом лавок таких торговцев. Так, 24 июня 1915 г. в м. Озаричах Бобруйского уезда Минской губ. новобранцы вместе с крестьянами, прибывшими на годовую ярмарку, разгромили несколько лавок и балаганов⁴. Осенью 1915 г. волнения на почве дороговизны происходят и на Кубани. 4 ноября 1915 г. в станции Медведовской толпа народа до 300 чел., состоявшая большей частью из женщин, стала врывать в магазины и делать обыски, ища сахар. К полдню «толпа выросла до 500 чел. и разобрала разный товар из лавки мещанина Оксюзова, а затем разгромила кожевенный завод крестьянина Воловоды»⁵.

1916 год, как уже было указано выше, дал огромный прирост выступлений против повышения цен на предметы первой необходимости. Первые крупные волнения крестьян в 1916 г. начались в марте. 21 марта в с. Шаулиха Уманского уезда Киевской губ. громадная толпа женщин, прибывших из окрестных сел, озлобленная неимоверной дороговизной товаров, напала на торговцев и растащила у них ткани⁶. В тот же день в поселке Ак-Булак Тургайской области солдаты разрушили два магазина с тканями⁷. Два дня спустя в г. Илецкой Защите Оренбургской губ. городские солдаты с подрост-

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 13, ч. 3, л. 1—1 об.

² ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 13, ч. 3, л. 11 об.

³ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 108, ч. 46, л. 12 об.

⁴ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 108, ч. 40, л. 10.

⁵ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 32, ч. 3, л. 3.

⁶ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 28, ч. 3, л. 5.

⁷ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 108, ч. 79, л. 6.

ками вместе с женщинами села Саратовки бурно жаловались на рост цен и пытались громить магазины¹. В марте же отмечены два выступления женщин в Самаркандской и Таврической губ., в апреле — в Астраханской и Тамбовской губ. Не прекращались они и в мае.

Для весенне-летних месяцев характерны события в Нижнем Новгороде и его окрестностях. 1 июня 1916 г. произошли погромы лавок и магазинов в рабочих районах Нижнего — Молитовке и Гордеевке. Вслед за ними 2 июня началось сильное брожение в заречном селе Бор, где толпа в 2000 чел. разгромила несколько лавок. В село вынужден был приехать губернатор². Спустя несколько дней, 8 июня 1916 г., в с. Хохломе того же Семеновского уезда собравшейся на базар толпой крестьян были разгромлены лавки трех торговцев, обезоружен и избит урядник³.

Наибольший размах борьбы против дороговизны и спекуляции падает на время перед уборкой урожая 1916 г. Не затихавшее ни на один день движение в июне с огромной силой вспыхнуло на Кубани и охватило весь Северный Кавказ, юг и юго-восток Европейской России. Движение началось разгромом магазинов в ст. Павловской, затем в станицах Каневской, Уманской, в г. Екатеринодаре и охватило «всю Кубанскую область»⁴. По неполным данным, волнениями были охвачены 84 станицы. Движение неудержимо распространялось и вскоре из Кубанской области перекинулось в Ставропольскую губ. и Донскую область, на которые тоже падает большое число выступлений. Борьба принимала здесь очень упорный характер. Так, например, жители с. Терновского Ставропольского уезда 17 июня 1916 г. разгромили несколько лавок: товары были найдены более чем у 200 лиц. Войска подавляли здесь «беспорядки» в течение трех дней, арестовано было 42 чел.⁵. Разгромы приняли особенно широкий размах в Ставропольском и Медвеженском уездах,

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 108, ч. 47, л. 3 об.

² ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 43, ч. 3, л. 25.

³ Там же, л. 55.

⁴ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 108, ч. 32, л. 12 об.

⁵ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 67, ч. 3, л. 40.

где зарегистрированы волнения в 20 крупных селах. 21 июня произошел разгром магазинов в г. Ставрополе, который был объявлен после этого на осадном положении¹. Подобные меры дали возможность подавить движение и в уездах.

Почти одновременно движение началось в Донской области, охватив почти все округа, в которых зарегистрировано было 22 волновавшиеся станицы и селения. Характерной особенностью выступлений здесь было то, что солдаты требовали от купцов письменных обязательств торговать по пониженным до довоенного уровня ценам и в случае отказа начинали разгром. Таким образом, сами участники стали вносить в стихийно вспыхивавшие бунты некоторые элементы организованности. Так, в станице Новомалороссийской 2500 женщин и мужчин заставили торговцев продавать товары по довоенным ценам, а магазин вдовы Пироговой, отказавшейся снизить цены, разгромили².

В борьбе против дороговизны российское крестьянство училось яснее распознавать природу русского царизма и буржуазии. Крестьяне начинали понимать необходимость совместной с рабочим классом борьбы как против царизма, так и против буржуазии, грабивших массы трудящихся.

На годы первой мировой войны падает резкое обострение второй социальной войны в деревне. К факторам, способствовавшим развертыванию и обострению этой войны в годы столыпинской реформы, прибавились льготы и послабления кулачеству по воинской повинности и связанное с войной ухудшение материального положения бедноты и батраков при одновременном обогащении деревенской верхушки. О том, как кулаки пользовались своим материальным превосходством над беднотой при мобилизациях, известно, в частности, из некоторых жандармских донесений. Начальник Вятского губернского жандармского управления в донесении от 26 июля 1915 г. указывал, что писаря и делопроизводитель управления Вятского уездного воинского начальника Гурячков «во

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 67, ч. 3, л. 11—13.

² ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1916 г., д. 45, ч. 3, л. 17.

время последнего призыва новобранцев брали с последних большие взятки за устройство их в желанные части войск и учреждения, безопасные в военное время, как-то: в писарские ученики, местные конвойные команды и т. п., за что и набрали довольно крупные суммы денег. Таким образом, все богатые и более или менее состоятельные новобранцы сумели устроиться согласно их стремлениям в безопасные места. Взятки определялись от 100 рублей и выше с человека»¹. Будучи не единичными, подобные факты обостряли вражду к кулакам как со стороны малосостоятельных новобранцев, так и членов их семей.

Упорную борьбу вело трудовое крестьянство против землеустройства. Особенность этой борьбы в годы войны состояла в том, что кулачество, воспользовавшись отсутствием в деревне многих домохозяев, развило большую активность, чтобы округлить свои земельные владения и выделить их из общин в виде отрубов или хуторов, намереваясь захватить при этом лучшие земли. Землеустроительные комиссии всячески содействовали им в этом деле. Характерно в этом отношении признание Саратовского губернатора, который в отчете за июнь 1915 г. писал: «Настроение населения... заметно повысилось, особенно в деревне, где местами продолжалось упорное противодействие крестьян, преимущественно солдаток, землеустроительным работам путем открытых выступлений против чинов землеустройства и выделенцев. В этом сказывается нежелательное влияние на деревню крестьян, призванных в ряды армии, из коих одни присылают своим семьям возбуждающие письма, другие агитируют лично, возвращаясь из армии на родину временно на поправку после ранений или болезни или будучи уволены от службы вследствие увечности.

При этом как в письмах из армии, так и в толках, распространяемых на местах возвращающимися с театра войны солдатами, отмечается апатия действующей армии, переутомление ее, жажда вернуться по домам и уверенность, что по возвращении с войны участники ее будут устроены так, как о том мечтает деревня. На местах

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 15, ч. 11, л. 1.

же создается убеждение, что мечты эти будут осуществлены либо правительством, либо самим народом путем насильственных действий»¹.

Легальные средства борьбы крестьян против кулачества в виде протестов и отказов от приговоров часто не давали желаемых результатов. Крестьяне-общинники стали прибегать к более активным формам сопротивления. Главная тяжесть этой борьбы пала на оставшихся в деревне женщин, получавших моральную поддержку в письмах своих мужей-солдат. Крестьяне в солдатских шинелях, революционизируясь под влиянием солдат из рабочих, под влиянием большевиков, советовали женам решительно выступать против выдела отрубов и хуторов.

До каких острых форм доходила борьба, показывает выступление крестьян слободы Нижней Сыроватки Сумского уезда Харьковской губ. Кулаки из этой слободы Кирилл Стахно и Егор Пташник, располагая значительными средствами, занимались скупкой земельных паделов и были поэтому сторонниками отрубного землепользования, против чего выступало большинство остальных крестьян. Возмущение бедноты накапливалось годами и, как гласит полицейское донесение, «прорвалось со страшной силой, когда в Нижней Сыроватке было приступлено к землеустроительным работам». 8 апреля 1915 г. в слободу приехал земский начальник Петрищев и землемер Харченко. В этот день жены запасных категорически заявили, что до возвращения мужей с войны отрубных участков нарушать не позволят. В еще более резкой форме то же самое повторилось на следующий день, когда 50 женщин, вооруженных чем попало, появились у волостного правления. Взбешенный земский начальник 10 апреля привез в слободу сумского уездного исправника Лавровского и исполняющего должность неперменного члена уездной землеустроительной комиссии Монтримовича. 12 апреля силы землеустроителей пополнились становым приставом, пятью стражниками, городовым и урядником. На площадь у волостного правления, где собрались прибывшие представители власти, стал стекаться народ. Сильным натиском

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 108, ч. 83, л. II об.

толпы полиция была смята, крестьяне разгромили дом волостного правления, нанеся побои полицейским. Земский начальник и пристав успели скрыться в церкви. Стахно и Пташник в свалке были убиты. Для проведения карательной операции в слободу прибыл вице-губернатор с 70 стражниками. Слобода, насчитывавшая до 18 тыс. жителей, была разделена на три района, было арестовано 34 чел., 26 из них были привлечены к суду, а 8 наказаны в административном порядке¹.

В апреле 1915 г. упорную борьбу развернули крестьяне нескольких сел Лукояновского уезда Нижегородской губ., откуда она перекинулась в с. Бурнаково соседнего Княгининского уезда. Начавшееся 17 апреля в с. Наруксово волнение продолжалось до 24 апреля, когда в с. Ильинском женщины, вооруженные кольями и вилами, согнали землемеров с поля и уничтожили все межевые знаки, а в с. Сырятине разгромили 16 домов односельчан-укрепленцев и ветряную мельницу². В мае 1915 г. женщины прогнали землемеров из с. Виловатый Враг, Козьмодемьянского уезда и из шести сел Тетюшского уезда Казанской губ³. Острую борьбу вели с кулаками и землеустроителями крестьяне Тамбовской губ., где в 1915 г. произошло шесть крупных выступлений. В мае 1915 г. в с. Никольском Борисоглебского уезда крестьяне числом в 200—250 человек, «вооружившись палками и дубинами», прогнали землемера и земского начальника из села⁴.

Борьба крестьян против сельской буржуазии и землеустройства в 1915 г. резко усилилась. Если за первое полугодие 1914 г. насчитывалось всего 20 выступлений, а за второе полугодие — 14, то в 1915 г. число их выросло до 36. Эта упорная борьба принесла некоторые плоды. Как известно, еще в 1916 г. Министерство земледелия вынуждено было предупредить землеустроителей, что работы по выделу отрубов следует производить с большей осторожностью, добиваясь «полюбовного» соглашения сторон. Хотя это не было еще победой, но землеуст-

¹ ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 108, ч. 83, л. 13.

² ЦГИАМ, ф. 102, д-во 4, 1915 г., д. 108, ч. 43, л. 5.

³ Там же, ч. 24, л. 5.

⁴ Там же, ч. 72, л. 12 об.

ройство все же несколько затормозилось в 1916 г., и поэтому число выступлений против него сократилось. В 1916 г. было зарегистрировано всего 17. Однако это уменьшение не было победой царского правительства. Наоборот, оно вынуждено было признать свое поражение, отменив 29 ноября 1916 г. дальнейшее производство землеустроительных работ по выделу отрубов.

Следует также отметить специфическую особенность борьбы крестьянства против выдела зажиточной верхушки на хутора и отруба. По своим мотивам она была еще борьбой мелких хозяйчиков, борьбой на аграрной почве. Корни ее вели к сумме противоречий, питавших в деревне первую социальную войну. Но она уже не укладывалась в рамках этой первой войны, так как объективно была направлена против сельской буржуазии, грабившей крестьянские общинные земли. Тем самым борьба крестьян тесно смыкалась с борьбой сельского пролетариата, у них оказывался общий враг — кулак.

Двойственный характер выступлений против землеустройства помогал сближению интересов беднейшего и среднего крестьянства с пролетариатом, укреплению союза рабочего класса с крестьянством. Не менее важно и другое обстоятельство. Пока борьба крестьян шла главным образом против помещика, местные власти, полицию и войска крестьяне видели на стороне последнего. В борьбе против землеустройства эти органы насилия также были на стороне кулака. Таким образом, крестьяне логикой вещей подводились к необходимости более тесного союза с рабочим классом в борьбе против царизма и его карательных и всех иных учреждений.

Все поддающиеся учету крестьянские выступления в годы войны сведены ниже в таблицу (см. стр. 362), которая дает наглядное представление о динамике и характере развернувшейся борьбы.

Нельзя не заметить, что крестьянское движение в годы войны шло волнообразно. Поднявшись в самом начале войны, оно затем было в значительной мере задержано суровыми репрессиями. Однако последние могли сдержать его лишь до 1916 г., когда оно резко пошло вверх. При этом менялся и его характер.

Характер выступлений	1914 г. январь— июнь	1914 г. июль— декабрь	1915 г.	1916 г.
Против помещиков .	20	65	25	16
Против царских властей	36	18	23	21
Против землеустройства	20	14	36	17
Против дороговизны	—	—	9	203
Выступления сельскохозяйственных рабочих	4	1	3	6
Всего	80	98	96	263

Данные показывают значительный подъем борьбы крестьян против помещиков, который приходился на период первой мобилизации. Затем произошло некоторое снижение числа выступлений против помещиков. Здесь могло сыграть известную роль ослабление зависимости крестьянского хозяйства от помещичьего. Однако основа полукрепостнической эксплуатации и кабалы — помещичье землевладение — в течение мировой войны оказалась весьма мало затронутой; имели место и все прочие виды гнета, тяготевшего над крестьянством. Следовательно, сохранились все важнейшие условия для продолжения борьбы крестьян против помещиков и царизма. Поэтому уменьшение числа выступлений можно объяснить лишь тем, что лучшие силы деревни поглощала война, а также отчасти борьба против землеустройства и против дороговизны. Волнения, вызванные повышением цен на предметы первой необходимости, были направлены против всех торгово-ростовщических и спекулятивных элементов деревни — помещиков, кулаков, сельских лавочников, ростовщиков и т. п. Следовательно, усиление борьбы против дороговизны надо рассматривать как обострение классовой борьбы крестьянства. Первая и вторая социальные войны в деревне в условиях резкого обострения нужды и бедствий трудящихся оказались своеобразно слитыми в волнениях против доро-

говизны в один поток. Между тем почти ни одно из этих выступлений не проходило без вмешательства царских властей и карательных органов; возмущение, направленное против сельского лавочника, как правило, заканчивалось столкновением с царизмом в лице его местных представителей.

В эту борьбу втягивались различные слои трудящегося крестьянства, полупролетарские и пролетарские группы сельского населения. Она все теснее сливалась с борьбой городского пролетариата и в итоге оказывалась направленной в первую очередь против царизма.

Следует отметить, что различные районы России не были в одинаковой мере охвачены в годы войны крестьянским движением. Наибольшее число выступлений приходится на те губернии, где развитие капитализма в сельском хозяйстве привело к более глубокому расслоению, где полупролетаризированное крестьянство составляло значительную часть сельского населения. Бедствия, связанные с войной, падали, прежде всего, на беднейших крестьян и вызывали с их стороны возмущение. Большое число выступлений (22) приходится, например, на Подольскую губ., а также на другие юго-западные губернии (Волинская — 15, Киевская — 24). Дело в том, что этот район отличался огромным преобладанием крупного капиталистического сельского хозяйства в сочетании с исключительным малоземельем крестьян и самыми низкими заработками крестьян в помещичьих экономиях, а также наличием резких противоречий в аграрных отношениях (малоземелье, чересполосность, сервитуты, гонение на чиншевиков и т. п.). Примерно такими же условиями объясняется и острота борьбы в западных губерниях (Минская губ. — 32 выступления).

Значительный размах крестьянское движение приобрело в губерниях юга и юго-востока, где развитие капитализма шло быстрее, во главе с крупным кулацким хозяйством, и где расслоение крестьянства достигло более значительных размеров. Большинство мелких крестьян являлись и здесь не столько производителями, сколько потребителями сельскохозяйственной продукции, и давление дороговизны сказывалось поэтому

особенно резко. В связи с войной была сильно затруднена доставка в эти губернии промышленных товаров, и цены на них быстро возрастали. Борьба против дороговизны особенно ожесточенный характер носила в Кубанской и Донской областях и в Астраханской губ. Вместе с другими видами крестьянских выступлений в годы войны, по неполным данным только центральных архивов, их насчитывалось в Кубанской обл. — 85, в Ставропольской губ. — 30, в Донской области — 22, в Астраханской губ. — 16. Более или менее значительные размеры борьба крестьян приобрела также в Нижегородской (14), Тамбовской (13), Харьковской (12), Пермской (11) и Томской губерниях (12 выступлений).

В военные годы интенсивнее, чем прежде, шла пролетаризация беднейшего крестьянства. Это подтверждается анализом крестьянских выступлений: все большее число крестьян выступало против растущей дороговизны и прежде всего против повышения цен на хлеб. Однако было бы ошибочно считать, что к началу февральской революции крестьянство в России было окончательно расколото на два класса — деревенскую буржуазию и сельскохозяйственный пролетариат. В годы войны, как и в период столыпинской буржуазной перестройки деревни¹, волнения крестьян на аграрной почве значительно преобладали по численности над выступлениями сельскохозяйственных рабочих. Аграрный вопрос был по-прежнему «оселком» назревавшей буржуазно-демократической революции в России. Не был снят он и Февральской революцией, так как пришедшее к власти правительство буржуазии и помещиков не дало земли крестьянам. Решение аграрного вопроса при условии более глубокого раскола крестьянства, обнаружившегося в период буржуазно-демократической революции, могло быть успешным уже при другой расстановке классовых сил в деревне, при наличии союза рабочего класса и беднейшего крестьянства в борьбе за социалистическую революцию.

¹ См. С. М. Дубровский, указ. соч. «На аграрном фронте» № 1, 1925 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании нашего исследования мы приходим к следующим выводам.

Глубоко прав был В. И. Ленин, заранее предсказывавший, что предпринятая царизмом после революции 1905—1907 гг. буржуазная перестройка деревни потерпит неминуемый позорный провал. В действительности так и произошло. Сохранив гнет крепостнических латифундий и обогатив только горстку крестьянской буржуазии, столыпинская реформа еще более разорила основную массу крестьянства. Эта реформа, как указывал Ленин, не могла привести и не привела к созданию в российской деревне сколько-нибудь устойчивых буржуазных отношений¹. Достигнутый в ходе реформы некоторый прогресс земледелия был слишком ничтожен, чтобы можно было говорить о каком-либо успехе новой аграрной политики самодержавия. Налицо был совершенно очевидный факт провала этой политики. Первая мировая война, как показывают изложенные в данной работе факты, дала новые подтверждения этого.

Первая мировая война явилась тяжелым испытанием для всех отраслей экономики России, в том числе и для сельского хозяйства, обнажив его крайнюю производственно-техническую слабость и в особенности отсталость его социально-экономической структуры и господствовавших в деревне производственных отношений.

¹ См. В. И. Ленин, Проект резолюции о современном моменте и задачах партии. VI («Пражская») Всероссийская конференция РСДРП 5—17 (18—30) января 1912 г. Соч., т. 17, стр. 407.

Сильное влияние оказала война на помещичьи хозяйства, причем на разные типы их влияние ее было неодинаковым. Хозяйства отработочного типа, крепостнические латифундии понесли значительный урон вследствие сокращения кабальных аренд, падения арендных цен, уменьшения отработок и т. п. В то же время хозяйства с капиталистической организацией производства сравнительно успешно приспособлялись к условиям войны, используя создавшуюся рыночную конъюнктуру для обогащения и укрепления своих экономических позиций. В результате произошло заметное усиление роли капиталистических помещичьих хозяйств в ущерб крепостническим латифундиям, что было главным проявлением дальнейшего развития капитализма в помещичьем земледелии в годы первой мировой войны. Усилилась наметившаяся еще раньше тенденция к поляризации указанных двух групп помещичьего класса.

Обе эти группы все более четко размежевывались и по их политическим позициям. Капиталистические помещики вместе с промышленно-финансовой буржуазией стремились к продолжению выгодной для них войны, тогда как несшие урон помещики крепостнического типа все более склонялись к поддержке стремления романовской шайки к сепаратному миру с Германией. Сословное единство правившего страной дворянства подрывалось, что было одним из проявлений кризиса верхов в создавшейся в стране революционной ситуации.

Несмотря на относительную устойчивость небольшой доли капиталистических экономий, в целом помещичье хозяйство оказалось в условиях войны весьма уязвимым звеном российского земледелия. Причиной этого были крепостнически-кабальная организация помещичьих имений, слабость их материально-технической базы, зависимость от крестьянского хозяйства с его отсталой техникой, предпринимательская немоть и паразитизм помещиков и т. д. Первая мировая война показала, что медленная капиталистическая эволюция помещичьих латифундий не обеспечивает необходимого уровня развития производительных сил в деревне.

Более значительную роль в сельскохозяйственном производстве России играла крестьянская буржуазия —

кулачество. Однако и ее производственные возможности оказались не столь велики, чтобы обеспечить спрос на сельскохозяйственные продукты.

Основная причина слабости экономики сельского хозяйства России состояла в низком уровне производства, задавленного полукрепостническим гнетом бедняцко-средняцкого хозяйства. Будучи производителем половины всей хлебной продукции, оно отличалось крайне низкой товарностью. Ослабленное в годы столыпинского разбоя и массовых голодовок в предвоенные годы, бедняцко-средняцкое хозяйство во время войны потерпело наибольший урон и обнаружило сильную тенденцию к еще большей натурализации.

Соккрытие хлеба помещиками и кулаками, натурализация бедняцко-средняцкого хозяйства, разрыв в ценах на продукты сельского хозяйства и промышленности повлекли за собой резкое сокращение предложения продовольственных товаров на свободном рынке при все возраставшем спросе на них, особенно со стороны армии, городов, беженцев. Проводившиеся правительством меры регулирования потребления, реквизиции и прочие формы принудительного отчуждения своей тяжестью ложились, прежде всего, на трудящееся население города и деревни и все меньше приносили успеха.

Продовольственные затруднения, начавшиеся в стране уже с весны 1915 г., переросли затем в острый продовольственный кризис. Несмотря на сокращение сельскохозяйственного производства, этот кризис был вызван не абсолютным недостатком продовольствия в стране, а своекорыстной практикой помещиков и кулаков, укрывавших хлеб, спекулятивными махинациями хлеботорговцев и банков, неумением правительства организовать дело снабжения страны и армии, расстройством железнодорожного транспорта и общей дезорганизацией хозяйственной жизни страны.

Происшедшие в годы первой мировой войны изменения в экономике страны, и в частности в сельском хозяйстве, а также общие условия военного времени вызвали в российской деревне важные социальные перемены, сыгравшие большую роль в дальнейшей судьбе народа и государства.

Во время войны в массе крестьянства все более укреплялось убеждение, что царское самодержавие, охраняя интересы помещиков, никогда не согласится на отчуждение их земель в пользу крестьян. Крупное помещичье землевладение по-прежнему сохранялось, продолжая полукрепостническую эксплуатацию крестьян. Некоторое ослабление ее в годы войны с лихвой перекрывалось многими другими тяготами, которые налагало на крестьян помещичье правительство. На почве обострявшейся нужды в деревне и возраставших тягот войны противоречие между крестьянами, с одной стороны, помещиками и царизмом — с другой, все более обострялось как основное противоречие, определявшее буржуазно-демократический характер грядущей революции. Крестьянство все более убеждалось в необходимости нового революционного натиска. Одетое в солдатские шинели, вооруженное для борьбы за интересы своих классовых противников, оно решительно повернуло против помещиков и поддержало рабочих в борьбе против монархии. Под руководством коммунистической партии рабочие и солдаты успешно свергли царизм в феврале 1917 г.

Однако, как известно, Февральская революция не решила главной задачи буржуазно-демократической революции в России — не ликвидировала помещичье землевладение. Тесное переплетение интересов помещиков-крепостников с интересами буржуазии в условиях господства империализма исключало всякую возможность того, чтобы крупное землевладение могло быть ликвидировано буржуазным правительством России. К пониманию этого крестьяне пришли не сразу. Период классовых боев лета и осени 1917 г. убедил крестьянство, что только в союзе с рабочими, в результате борьбы против буржуазии они смогут получить землю. В этом состояла одна из предпосылок союза рабочих и крестьян в социалистической революции.

Важными моментами были также недовольство продолжавшейся грабительской войной, ростом дороговизны и дезорганизации хозяйственной жизни страны. Решительная борьба коммунистической партии против войны, против хищнической экономической политики

буржуазии, за ликвидацию хозяйственной разрухи привлекала крестьянство на сторону рабочего класса.

Другая важная предпосылка была связана с дальнейшим классовым расслоением деревни. Во время мировой войны процесс расслоения происходил значительно быстрее, чем до войны. Наряду с усилением небольшого слоя сельской буржуазии налицо был быстрый рост пролетаризации низов крестьянского населения. В условиях растущей дороговизны хлеба, безудержной спекуляции и беззастенчивой кулацкой эксплуатации противоречия между беднотой и кулачеством становились одним из важнейших факторов экономической жизни и политической борьбы в деревне. Борьба деревенской бедноты за хлеб на почве нехватки и дороговизны продовольственных и промышленных товаров смыкалась с борьбой городских рабочих и была направлена не только против деревенской буржуазии, но и против буржуазии города. Положение деревенской бедноты, резко ухудшившееся в годы войны, делало ее надежным союзником рабочего класса в осуществлении социалистического переворота.

Таким образом, анализ положения сельского хозяйства России и изменений, происшедших в нем в годы первой мировой войны, показывает, что в российской деревне были налицо объективные условия для буржуазно-демократической революции. В то же время вызревали важные и решающие предпосылки для перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

Коммунистическая партия, вооруженная научной марксистской теорией общественного развития, внимательно следила за ходом экономической и политической жизни деревни, учитывала происходившие в ней процессы и использовала создавшиеся возможности в борьбе за социалистическую революцию. Умело руководя массами рабочих и крестьян, коммунистическая партия на протяжении одного года обеспечила успех двух революций. Созданный ею союз рабочих и беднейших крестьян явился основой триумфальной победы Великой Октябрьской социалистической революции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ВАЖНЕЙШИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Труды основоположников марксизма-ленинизма. Работы руководителей коммунистической партии и Советского правительства

- К. Маркс.* Капитал. Т. III. М. 1955.
- К. Маркс.* Письмо В. И. Засулич 8 марта 1881 г. Соч. Т. XXVII.
- К. Маркс.* Подготовка крестьянской реформы в России. Соч. Т. XI, ч. I.
- К. Маркс.* Классовая борьба во Франции (1848—1849). Соч. Т. VIII.
- Ф. Энгельс.* Крестьянский вопрос во Франции и Германии. Соч. Т. XVI, ч. II.
- Ф. Энгельс.* Социальные отношения в России. Соч. Т. XV—XVI.
- В. И. Ленин.* Развитие капитализма в России. Соч. Т. 3.
- В. И. Ленин.* Капитализм в сельском хозяйстве (О книге Каутского и о статье г. Булгакова). Соч. Т. 4.
- В. И. Ленин.* Рабочая партия и крестьянство. Соч. Т. 4.
- В. И. Ленин.* Аграрный вопрос и «критики Маркса». Соч. Т. 5, 13.
- В. И. Ленин.* Аграрная программа русской социал-демократии. Соч. Т. 6.
- В. И. Ленин.* К деревенской бедноте. Объяснение для крестьян, чего хотят социал-демократы. Соч. Т. 6.
- В. И. Ленин.* Пролетариат и крестьянство. Соч. Т. 8.
- В. И. Ленин.* О нашей аграрной программе (Письмо III съезду). Соч. Т. 8.
- В. И. Ленин.* Отношение социал-демократии к крестьянскому движению. Соч. Т. 9.
- В. И. Ленин.* Социализм и крестьянство. Соч. Т. 9.
- В. И. Ленин.* Пересмотр аграрной программы рабочей партии. Соч. Т. 10.
- В. И. Ленин.* Вопрос о земле и борьба за свободу. Соч. Т. 10.
- В. И. Ленин.* Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе. Соч. Т. 12.
- В. И. Ленин.* Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. Соч. Т. 13.
- В. И. Ленин.* Новая аграрная политика. Соч. Т. 13.
- В. И. Ленин.* Аграрный вопрос в России к концу XIX века. Соч. Т. 15.

- В. И. Ленин. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам. Соч. Т. 15.
- В. И. Ленин. Письмо И. И. Скворцову-Степанову. Соч. Т. 16.
- В. И. Ленин. Что делается в деревне? Соч. Т. 16.
- В. И. Ленин. Капиталистический строй современного земледелия. Соч. Т. 16.
- В. И. Ленин. Пятидесятилетие падения крепостного права. Соч. Т. 17.
- В. И. Ленин. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция. Соч. Т. 17.
- В. И. Ленин. Голод и черная дума. Соч. Т. 17.
- В. И. Ленин. Памяти Герцена. Соч. Т. 18.
- В. И. Ленин. Сущность «аграрного вопроса в России». Соч. Т. 18.
- В. И. Ленин. Переселенческий вопрос. Соч. Т. 18.
- В. И. Ленин. Последний клапан. Соч. Т. 18.
- В. И. Ленин. Мобилизация крестьянских земель. Соч. Т. 18.
- В. И. Ленин. Значение переселенческого дела. Соч. Т. 19.
- В. И. Ленин. Помещичье землеустройство. Соч. Т. 19.
- В. И. Ленин. К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства. Соч. Т. 19.
- В. И. Ленин. Аграрный вопрос и современное положение России. (Заметки публициста). Соч. Т. 19.
- В. И. Ленин. Крестьянство и наемный труд. Соч. Т. 20.
- В. И. Ленин. «Трудовое» крестьянство и торговля землей. Соч. Т. 20.
- В. И. Ленин. Крепостное хозяйство в деревне. Соч. Т. 20.
- В. И. Ленин. Война и российская социал-демократия. Соч. Т. 21.
- В. И. Ленин. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне). Соч. Т. 21.
- В. И. Ленин. Поражение России и революционный кризис. Соч. Т. 21.
- В. И. Ленин. Несколько тезисов. От редакции. Соч. Т. 21.
- В. И. Ленин. О двух линиях революции. Соч. Т. 21.
- В. И. Ленин. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Выпуск I. Капитализм и земледелие в Соединенных Штатах Америки. Соч. Т. 22.
- В. И. Ленин. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». Соч. Т. 23.
- В. И. Ленин. Военная программа пролетарской революции. Соч. Т. 23.
- В. И. Ленин. Открытое письмо Борису Суварину. Соч. Т. 23.
- В. И. Ленин. Доклад о революции 1905 года. Соч. Т. 23.
- В. И. Ленин. Поворот в мировой политике. Соч. Т. 23.
- В. И. Ленин. набросок тезисов 4 (17) марта 1917 года. Соч. Т. 23.
- В. И. Ленин. Письма из далека. Соч. Т. 23.
- В. И. Ленин. Задачи пролетариата в нашей революции (Проект платформы пролетарской партии). Соч. Т. 24.
- В. И. Ленин. Съезд крестьянских депутатов. Соч. Т. 24.
- В. И. Ленин. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г. Доклад по аграрному вопросу 28 апреля (11 мая). Реплика Н. С. Ангарскому

- во время прений по аграрному вопросу 28 апреля (11 мая). Резолюция по аграрному вопросу. Соч. Т. 24.
- В. И. Ленин.* Война и революция. Лекция. 14 (27) мая 1917 г. Соч. Т. 24.
- В. И. Ленин.* О «самочинном захвате» земли (Плохие доводы «социалистов-революционеров»). Соч. Т. 24.
- В. И. Ленин.* I Всероссийский съезд крестьянских депутатов 4—28 мая (17 мая — 10 июня) 1917 г. Проект резолюции по аграрному вопросу. Речь по аграрному вопросу 22 мая (4 июня) 1917 г. Соч. Т. 24.
- В. И. Ленин.* О необходимости основать союз сельских рабочих России. Соч. Т. 25.
- В. И. Ленин.* Как и почему крестьян обманули? Соч. Т. 25.
- В. И. Ленин.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться. Соч. Т. 25.
- В. И. Ленин.* Задачи революции. Соч. Т. 26.
- В. И. Ленин.* Новый обман крестьян партией эсеров. Соч. Т. 26.
- В. И. Ленин.* Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. Соч. Т. 26.
- В. И. Ленин.* Проект воззвания Второго Всероссийского съезда крестьянских депутатов к крестьянству. Соч. Т. 26.
- В. И. Ленин.* Товарищи-рабочие! Идем в последний, решительный бой! Соч. Т. 28.
- В. И. Ленин.* Речь к делегатам комитетов бедноты Московской области 8 ноября 1918 г. Соч. Т. 28.
- В. И. Ленин.* VIII съезд РКП(б) 18—23 марта 1919 г. Доклад о работе в деревне. 23 марта. Соч. Т. 29.
- В. И. Ленин.* Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата. Соч. Т. 30.
- В. И. Ленин.* О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия). Соч. Т. 32.
- В. И. Ленин.* О кооперации. Соч. Т. 33.
- В. И. Ленин.* О нашей революции (По поводу записок Н. Суханова). Соч. Т. 33.
- М. И. Калинин.* Статьи и речи. 1919—1935. М. 1936.
- М. И. Калинин.* Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. М. 1934.
- Н. С. Хрущев.* О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 3 сентября 1953 г. М., 1953.
- Н. С. Хрущев.* О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель. Доклад на Пленуме Центрального Комитета КПСС 23 февраля 1954 г. М., 1954.
- Н. С. Хрущев.* Об увеличении производства продуктов животноводства. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 25 января 1955 г. М., 1955.
- Н. С. Хрущев.* Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии 14 февраля 1956 г. М., 1956.

Н. С. Хрущев. Итоги развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачи дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 15 декабря 1958 г. М., 1958.

Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза. 27 января 1959 г. М., 1959.

II. Резолюции и решения съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС

«КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I, изд. 7-е. М., 1953.

Третий съезд РСДРП. Лондон. 12—27 апреля (25 апреля — 10 мая) 1905 г.

Резолюции съезда: О временном революционном правительстве, Об отношении к крестьянскому движению.

Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Стокгольм. 10—25 апреля (23 апреля—8 мая) 1906 г.

Резолюции: Аграрная программа.

Тактическая резолюция по аграрному вопросу.

Об отношении к крестьянскому движению.

Манифест ЦК РСДРП об империалистической войне. Берн. Ноябрь 1914 г.

Конференция заграничных секций РСДРП. Берн. 14—19 февраля (27 февраля — 4 марта) 1915 г.

Резолюции конференции: О характере войны.

О лозунге «защиты отечества».

Лозунги революционной социал-демократии.

Отношение к другим партиям и группам.

Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б). Петроград. 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г.

Резолюции конференции: О войне.

По аграрному вопросу.

О коалиционном министерстве.

О Советах рабочих и солдатских депутатов.

Шестой съезд РСДРП(б) Петроград. 26 июля — 3 августа (8—16 августа) 1917 г.

Резолюции и постановления съезда: Текущий момент и война.

О политическом положении.

Об экономическом положении.

Восьмой съезд РКП(б). Москва. 18—23 марта 1919 г.

Резолюции и постановления съезда: Об отношении к среднему крестьянству.

О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне.

«XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет». М., 1956.

- «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 года. Стенографический отчет». М., 1959.
- «Съезды Советов в постановлениях и резолюциях». М., 1935.

III. Источники

1. Общие

- «Акционерно-паевые предприятия в России». Пг., 1915.
То же, Пг., 1917.
- «Большевики в годы империалистической войны 1914 — февраль 1917 гг. Сб. док.» М., 1939.
- «Всероссийский земский и городской союзы. Очерк деятельности. 10 июля 1915 г. — 1 февраля 1916 г. Доверительно на правах рукописи». М., 1916.
- «Доклад члена Совета Н. А. Павлова об объединении дворянства на почве экономической». Спб., 1910.
- «Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.)». Т. III, Минск, 1953.
- «Законы о новых налогах и о повышении существующих». М., 1915.
- «Известия Особого совещания по продовольственному делу». 1915—1917 гг.
- «Листовки Московской организации большевиков 1914—1920 гг.» М., 1954.
- «Листовки петербургских большевиков. 1902—1917 гг.» Л., 1939.
- «Материалы по вопросу об установлении твердых цен на хлебные продукты до урожая 1917 г.» Ч. II, Пг., 1916.
- «Молочная кооперация в 1915 и 1916 гг.» Сост. А. П. Герн и Б. К. Ростфельд. Пг., 1917.
- «Народное хозяйство в 1913 году». То же в 1914, 1915, 1916 гг.
- «Народное хозяйство СССР. Экономический справочник ЦСУ СССР». М., 1956.
- «Объяснительная записка министра финансов к росписи доходов и расходов на 1916 г.»
- «О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни». Пг., 1916.
- «Положение молочного хозяйства России до и во время войны». Пг., 1917.
- «Постановление Временного правительства о передаче хлеба в распоряжение государства». Пг., 1917.
- «Рабочее движение в годы войны». М., 1925.
- «Сборник действующих на 1 января 1912 г. наказов, правил и циркуляров Государственного банка по ссудам на снабжение сельских хозяев оборотными средствами». Спб., 1912.
- «Сборник сведений о действующих в России торговых домах». Спб., 1912. То же, М., 1915.
- «Сельскохозяйственная Россия». Киев, 1913.
- «Сельскохозяйственный промысел в России». Спб., 1914.

- «Совещание уполномоченных Главного управления землеустройством земледелия. 1—3 июня 1915 г. Материалы». Пг., 1915.
- «Совещание уполномоченных по продовольственному делу. 25—31 августа 1916 г.» Пг., 1916.
- «Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах». Вып. I—IV. Спб., 1900—1904.
- «Справочные сведения о некоторых русских хозяйствах». Пг., 1916.
- «Твердые цены на хлеб». Пг., 1916.
- «Труды всероссийского продовольственного съезда в Москве 21—26 мая 1917 г.» Вып. I. «Резолюции». М., 1917. Вып. II. «Пленарные заседания». М., 1918.
- «Труды комиссии по изучению современной дороговизны». Вып. I—IV. М., 1915—1916.
- «Труды совещания по организации посевной площади в 1917 г. 22—24 ноября 1916 года». М., 1917.
- Флоксор Д. С. Аренда. Спб., 1903.
- «Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны». Пг., 1916.

2. Источники статистические

- «Военно-конская перепись 1912 г.» Пг. 1914.
- «... год в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев» за 1887, 1901, 1913—1916 гг. Спб.- Пг., 1887—1888, 1901—1902, 1913—1917.
- «Государственный банк. Отчет за 1916 год». Пг., 1917.
- «Динамика цен на главнейшие изделия фабрично-заводской промышленности за период 1913—1918 гг.» М., 1926.
- «Земские подворные переписи 1880—1913. Поуездные итоги». Сост. З. М. и Н. А. Сваицкие. М., 1926.
- «Материалы к продовольственному плану. Производство, перевозки и потребление хлебов в России». Пг., 1916.
- «Материалы по вопросам организации продовольственного дела». Вып. 1—4. М., 1916—1918.
- «Материалы по истории аграрной революции в России». Т. I—II. М., 1928—1929.
- «Нормы потребления сельского населения по данным бюджетных исследований (Предварительный подсчет)». Сост. А. В. Чайнов. Пг., 1915.
- «Отчет Государственного дворянского земельного банка за 1906 год». Спб., 1907. То же, по годам, за 1907—1916 гг. Спб.-Пг., 1908—1918.
- «Отчет Крестьянского поземельного банка за 1906 год». Спб., 1907. То же, по годам, за 1907—1915 гг.
- «Отчет по продовольственной кампании 1911—1912 гг.» Кн. I—II. Спб., 1913. То же в 1912—1913 гг. Спб., 1914. То же в 1913—1914 гг. Спб., 1915. То же в 1914—1915 гг. Спб., 1916.
- «Переселение и землеустройство за Уралом в 1913 году». Пг., 1914. То же за 1914 и за 1915 гг. Пг., 1915, 1916.

- «Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям». — «Труды ЦСУ». Т. V. Вып. 2. М., 1923.
- «Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. (По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями). Поуездные, погубернские и по районные итоги».
- «Россия в мировой войне 1914—1918 годов (в цифрах)». М., 1925.
- «Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый». Пг., 1917.
- «Свод сведений о поступлении и взимании казенных, земских и мирских сборов за 1907—1909 гг.» Спб., 1912. То же за 1910—1912 гг. Пг., 1915.
- «Сельское хозяйство в России в XX веке. Сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 гг.» Сост. под ред. и руководством Н. П. Огановского. М., 1923.
- «Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев». Вып. III. «Стоимость производства главных хлебов в Европейской России». Спб., 1890.
- «Сельскохозяйственный кредит в России». Сост. В. В. Морачевский. Спб., 1910.
- «Статистика землевладения Европейской России по уездам». Сост. Г. Логанов. Спб., 1906.
- «Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50-ти губерниям Европейской России». Спб., 1907.
- «Статистический сборник за 1913—1917 гг.» Вып. I—II. «Труды ЦСУ». Т. VII. Вып. 1—2. М., 1921—1922.
- «Стоимость производства главных хлебов. Статистические сведения по материалам, полученным от хозяев». Вып. I. Пг., 1915.
- «Стоимость производства хлебов в 1916 году. Статистические сведения по материалам, полученным от хозяев». Пг., 1917.
- «Урожай 1913 года в Европейской и Азиатской России». Вып. I—II. Спб., 1913—1914. То же за 1914 год. Вып. I—II. Пг., 1915. То же за 1915 год. Вып. I—II. Пг., 1916.
- «Урожай хлебов в России в 1916 году». Пг., 1917.
- «Урожай хлебов в России в 1917 году». Сост. А. Е. Лосицкий. М., 1918.

3. Источники местные

(по алфавиту губерний и областей)

- «Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства Акмолинской области (Анкета)». Сост. Н. Зефирова. Омск (1914).
- «Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. по Архангельской губернии». Вып. II. Архангельск, 1920.
- «Обзор Архангельской губернии за 1914 г.» Архангельск, 1915.
- «Обзор Архангельской губернии за 1915 г.» Архангельск, 1916.
- «Статистический сборник по Архангельской губернии за 1917—1924 гг.» Архангельск, 1925.

- «Календарь и памятная книжка Владимирской губернии на 1913 год». Владимир, 1912.
- «Сельское хозяйство и кустарная промышленность Владимирской губернии». Владимир, 1923.
- «Справочник Владимирской губернии на 1923 год». Владимир, 1923.
- «Материалы подворной переписи Волынской губернии 1910 года». Житомир, 1914.
- «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года по Вятской губернии. Население. Скот. Посевы.» Вятка, 1916.
- «Статистический справочник Екатеринославской губернии». Екатеринослав, 1925.
- «Итоги предварительного подсчета материалов переписи 1917 г. по Иркутской губернии». Иркутск, 1919.
- «Материалы Иркутского губернского статистического бюро». Вып. III, Иркутск, 1921.
- «Сельскохозяйственный обзор за 1916 г.» Казань, 1919.
- «Хлебная торговля в Киевской губернии». Киев, 1914.
- «Материалы по обследованию животноводства в Киевской губернии». Вып. I. Киев, 1915.
- «Статистический сборник Киевского губернского статистического бюро». Киев, 1925.
- Владимирский Н. Н.* Отход крестьянства Костромской губернии на заработки. Кострома, 1927.
- Барыков В.* Промысловые занятия крестьянского населения Костромской губернии. Кострома, 1909.
- «Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 года. Костромская губерния. Выпуск III. Итоги комбинационного подсчета». Кострома, 1918.
- «Сборник статистических сведений по Костромской губернии». Вып. 6. Кострома, 1919.
- Смиринский В. И.* Движение основных элементов сельскохозяйственного производства во время войны и революции. Краснодар, 1928.
- «Результаты исследования 162 хозяйств мелкого единоличного владения в Курской губернии». Сост. А. И. Шахназаров. Спб., 1911.
- Введенский Е. К.* Статистико-экономический обзор Курской губернии. Курск, 1926.
- Шкубер М.* К характеристике хозяйств запасных Минской губернии. Минск, 1915.
- «Материалы переписи скота бывшей Минской губернии 1915 г.» Витебск, 1925.
- «Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. Могилевская губерния». Могилев, 1916.
- «Статистический сборник Московской губернии за 1915 г.» Ч. I, М., 1915.
- Степанов И. П.* Изменения в экономическом положении крестьянского хозяйства Московской губернии за время войны и революции. «Вестник сельского хозяйства» № 1, 1924 г.

- Лашкина А. А.* Стоимость производства картофеля в хозяйствах Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1912.
- «Бюджеты крестьянских хозяйств Нижегородской губернии». Новгород, 1917.
- «Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Нижегородской губернии». Новгород, 1920.
- «Итоги оценочно-статистического исследования Пензенской губернии 1909—1913 гг.» Серия III, ч. II, отд. 3, вып. 12. «Групповые и комбинационные таблицы». Пенза, 1923.
- «Обзор сельского хозяйства Пензенской губернии и основные направления его восстановления». Ч. 1, Пенза, 1922.
- «Промыслы крестьянского населения С.-Петербургской губернии». Выпуски по уездам. Спб., 1909—1914.
- Фролов В. И.* Характеристика крестьянского хозяйства и земельный фонд Подольской губернии. Винница, 1917.
- «Обзор сельского хозяйства в Полтавской губернии за 1900 г.» Полтава, 1901. То же за 1915 г. Полтава, 1917. То же за 1916 г. Полтава, 1919.
- «Пятая подворно-хозяйственная перепись в Полтавской губернии за 1917 г.» Полтава, 1919.
- «Статистический справочник по Полтавской губернии на 1918—1919 гг.» Ч. I, Полтава, 1919.
- «Крестьянские хозяйства Приморской и Сахалинской областей (таблицы)». Владивосток, 1919.
- «Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области». Т. V. Владивосток, 1914.
- «Итоги подсчета Всероссийской переписи 1917 года и итоги за 1919 год, исчисленные на основании 10% гнездового обследования земледельческих хозяйств в том же году. Население. Скот. Посевы». Псков, 1921.
- Игнатьев А. В.* Состояние сельского хозяйства Псковской губернии в 1924—1925 гг. по сравнению с предреволюционным временем. Псков, 1926.
- «Подворная перепись крестьянских хозяйств Самарской губернии. Самарский уезд». Самара, 1913. То же. «Ставропольский уезд». Самара, 1914.
- «Сборник статистических сведений по Самарской губернии». Самара, 1924.
- «Сельскохозяйственный обзор Самарской губернии за 1916 г.» Вып. I. Самара, 1917.
- «Доклад комиссии о несоответствии цен на продукты сельского хозяйства в сравнении с ценами на продукты обрабатывающей и добывающей промышленности». Саратов, 1917.
- «Таблицы статистических сведений по Саратовской губернии по данным Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1916 года (Итоги предварительного подсчета)». Саратов, 1917. То же по итогам переписи 1917 г. Саратов, 1919.
- «Краткие бюджетные сведения по хуторскому и общинному крестьянскому хозяйству Симбирской губернии. Таблицы». Симбирск, 1914.

- «Поездные итоги трех подворных переписей крестьянских хозяйств Симбирской губернии (1911, 1916 и 1917 гг.)». Симбирск, 1918.
- «Краткие хозяйственно-статистические сведения по Смоленской губернии». Смоленск, 1912.
- «Итоги (поволостные и поездные) сельскохозяйственных переписей Ставропольской губернии 1916—1922 гг.» Ставрополь, 1923.
- Коваль К. М.* Прошлое и настоящее крестьян Ставрополя. Ставрополь, 1947.
- Кокшайский И. Н.* Эволюция хозяйственной жизни Ставропольской губернии за время 1880—1913 гг. Саратов, 1915.
- «Сельскохозяйственный обзор (Таврической губ.) за 1909 г.» Симферополь, 1910. То же за 1911, 1912 гг. Симферополь, 1912, 1913.
- «Материалы по подворному обследованию животноводства в Тамбовской губернии 1912 г.» Тамбов, 1913.
- «Статистический ежегодник Тверской губ. (1915—1916)». Тверь, 1918.
- «Материалы для оценки земель Тульской губернии». Т. XIII «Крестьянское хозяйство. Подворная перепись 1910—1912 гг. Итоги по губернии». Тула, 1916.
- «Продовольствие крестьянского населения Тульской губернии». Тула, 1917.
- «Статистический справочник». Вып. I. Тула, 1924.
- «Историко-статистические и экономические таблицы по Автономной Башкирской ССР». Уфа, 1923.
- «Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии». Уфа, 1915.
- Хамидуллин Г.* Сельское хозяйство Башкирии за 25 лет. Уфа, 1944.
- «Бюджеты крестьян Старобельского уезда». Харьков, 1915.
- «Харьковская губернская земская управа. Статистический ежегодник 1915». Харьков, 1916. То же, 1916. Харьков, 1918.
- «Подворная перепись 1913 года. Итоги по уездам и по губерниям». Харьков, 1919.
- «Посевы и скот в Херсонской губернии в 1915 и 1916 годах (по материалам Всероссийской с.-х. переписи 1916 г.)». Херсон, 1916.
- Костров Н. И.* Очерк крестьянских хозяйств Черниговской губернии. Вып. I. Чернигов, 1918.
- Гуревич М.* Историко-статистический справочник по Ярославскому краю. Ярославль, 1922.
- «Справочная книга Ярославской губернии на 1913 г.» Ярославль, 1913.

IV. Историко-экономическая литература

- Беркевич А. Б.* Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. «Исторические записки». Т. 23. 1947 г.
- Биншток В. И. и Каминский Л. С.* Народное питание и народное здравие в войну 1914—1918 гг. М.—Л., 1929.
- Бржеский Н.* Натуральные повинности крестьян и мирские сборы. Спб., 1906.

- Вацуро Г. А.* Положение мелкого кредита в 1916 году. На 1-е января 1917 года. Пг., 1918.
- «Вопросы мировой войны». Сб. статей под ред. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915.
- Гусаков А. Д.* Денежное обращение дореволюционной России. М., 1954.
- Данилов Н. А.* Влияние великой мировой войны на экономическое положение России. Пг., 1922.
- Дроздов И. Г.* Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября. М., 1930.
- Дубровский С. М.* Крестьянское движение в годы столыпинщины. «На аграрном фронте» № 1, 1925 г.
- Дубровский С. М.* Столыпинская земельная реформа. Изд. 3-е. М., 1961.
- Дядиченко А. и Чермак Л.* Арендные отношения. «Политическая энциклопедия», т. I. Под ред. Л. З. Слонимского. Спб., 1906.
- Измайловская Е. И.* Русское сельскохозяйственное машиностроение. М., 1920.
- Карнаухова Е. С.* Размещение сельского хозяйства России в период капитализма (1860—1914 гг.). М., 1951.
- Каценеленбаум З. С.* Война и финансово-экономическое положение России. М., 1917.
- Крестынь Я.* Революционная борьба крестьян в России в годы империалистической войны (1914—1916). М., 1932.
- Крюков Н. А.* Сахар и сахарная свекла в России. Пг., 1917.
- Любошиц Л. И.* Теория аграрных кризисов. М., 1954.
- Лященко П. И.* История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956.
- Лященко П. И.* Социальная экономия сельского хозяйства. Т. I. М., 1930.
- Лященко П. И.* Экономические предпосылки 1917 года. Сб. «Аграрная революция». Т. II. «Крестьянское движение в 1917 году». М., 1928.
- Маляревский Г. Я.* Сведения о Союзе сибирских маслодельных артелей. Курган, 1918.
- Немчинов В. С.* Сельскохозяйственная статистика с основами общей теории. М., 1945.
- Огановский Н. П.* Положение сельского хозяйства в 1916 году. М., 1916.
- «Очерки по истории СССР. 1907 — март 1917». Под ред. проф. А. Л. Сидорова. М., 1954.
- Погребинский А. П.* Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1957.
- Погребинский А. П.* Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в России в годы первой мировой войны. «Исторические записки». Т. 31, 1950 г.
- Полферов Я. Я.* Сельскохозяйственные рабочие руки (Статистико-экономический очерк). Спб., 1913.
- Рашкович С. Л.* Удобрительная промышленность в России. Пг., 1920.
- Рубач М. А.* Очерки по истории революционного преобразования аграрных отношений на Украине. Киев, 1956.

- Сегаль И. Л. Крестьянское землевладение в Закавказье. Тифлис, 1912.
- Сидоров А. Л. Влияние империалистической войны на экономику России. Сб. «Очерки по истории Октябрьской революции». Т. 1, М., 1927.
- Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960.
- Симонов Н. В. Сельское хозяйство России в годы первой мировой войны. «Вопросы истории» № 3, 1955 г.
- Симонова М. С. Экономические итоги столыпинской аграрной политики в центрально-черноземных губерниях. «Исторические записки». Т. 63, 1958 г.
- Струмилин С. Г. Условия производства хлебов в СССР. «Плановое хозяйство» № 2, 1926 г.
- Тарновский К. Н. Формирование государственно-монополистического капитализма в России в годы первой мировой войны. М., 1958.
- Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX—XX вв. М., 1950.
- Хрящева А. И. Крестьянство в войне и революции. М., 1921.
- Челинцев А. Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. М., 1928.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
КРАТКИЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР	5
ГЛАВА I. АГРАРНЫЙ СТРОЙ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	25
К вопросу о характере аграрного строя России в период империализма	—
Землевладение в России	32
Землепользование и система хозяйства	43
Материально-производственная база сельского хозяйства	60
Столыпинская земельная реформа и сельское хозяйство	70
ГЛАВА II. ПОМЕЩИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	85
Определение помещичьего хозяйства	—
Помещичье землевладение и землепользование	88
Обеспечение помещичьего хозяйства рабочей силой в годы войны	92
Проблема обеспечения хозяйств рабочим скотом	113
Сельскохозяйственные машины и искусственные удобрения	127
Изменение посевных площадей и валовых сборов хлебов	137
Частновладельческое животноводство в годы войны	147
Аренда земли, земельная рента и прибыль	152
Промышленность помещичьих хозяйств в годы войны	162
Залог земли	168
История хозяйства Ю. А. Олсуфьева	177
Некоторые политические итоги дифференциации частновладельческого хозяйства	183

Г Л А В А III. КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	188
Рабочая сила в крестьянском хозяйстве в годы войны	—
Обеспеченность хозяйств рабочим скотом	196
Сельскохозяйственные машины и орудия	205
Крестьянская аренда в годы войны	212
Изменение посевных площадей	223
Крестьянское животноводство в годы войны	233
Доходы и заработки, платежи и повинности крестьян	241
Г Л А В А IV. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОД- СТВО И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ БАЛАНС СТРАНЫ	276
Изменение размеров посевных площадей	—
Валовые сборы хлебов и хлебный баланс	284
Поголовье скота и мясной баланс	317
Г Л А В А V. АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА И КРЕ- СТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ	324
Аграрная политика царского правительства в годы войны	—
Крестьянское движение в России в годы войны	339
З а к л ю ч е н и е	365
С п и с о к л и т е р а т у р ы и в а ж н е й ш и х и с т о ч н и к о в	370

Анфимов Андрей Матвеевич
РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1914 — февраль 1917 г.)

Редактор *С. Моручков*

Младший редактор *В. Виноградов*
Оформление художника *Л. Ларского*
Художественный редактор *Д. Белоус*
Технический редактор *Н. Ногина*
Корректоры *Л. Чигина, Ю. Железнова*
и *Г. Ефимова*

Сдано в набор 12 июня 1961 г. Подписано в
печать 4 ноября 1961 г. Формат бумаги 84×108 ¹/₃₂.
Бумажных листов 6. Печатных листов 19,7. Учетно-
издательских 19,73. А 010209. Тираж 3000 экз.
Цена 1 р. 5 к.

Издательство социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Московская типография № 3 «Искра революции»
Мосгорсовнархоза

37

46

Опечатки и исправления:

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
48	3 св.	обработки	отработки
81	подпись под илл.	с карт. худ. Дрюгина Н. И.	с карт. худ. Дрючина Н. И.
82	2 сн.	104	178
109	7 сн.	повышению	завышению
145	табл., кол. 2	68,7	65,7
156	13 сн.	финансового	банковского
161	6 св.	(в дес.)	(в тыс. дес.)
172	табл., кол. 3	Стоимость заложенной земли (в тыс. руб.)	Количество заложенной земли (в тыс. дес.)
173	табл., кол. 3	Стоимость заложенной земли (в тыс. руб.)	Количество заложенной земли (в тыс. дес.)
277	9 сн.	появлялось	проявлялось
294	17—16 сн.	зерновых	кормовых
336	табл., кол. 4	итога	итога членов кооперативов
336	табл., кол. 3	545	554